

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ПРОТОИЕРЕЯ

ЮАННА
ВОСТОРГОВА

ТОМЪ 1

Нѣомвѣренъ Іоаннъ Восмороубъ

**ПРОТОИЕРЕЙ
ИОАНН ВОСТОРГОВ**

**Полное собрание сочинений
в 5-ти томах**

**Санкт-Петербург
1995 г.**

*По благословию митрополита
Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна*

**Издатели приносят искреннюю благодарность ПРОМЫШ-
ЛЕННО-СТРОИТЕЛЬНОМУ БАНКУ Санкт-Петербурга, без
материальной поддержки которого было бы невозможно изда-
ние серии "Духовное возрождение Отечества".**

Российский новомученик протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов (1864-1918) был выдающимся пастырем Православной Церкви, обладавшим исключительным талантом проповедника и миссионера, духовного писателя и провидца будущего. В годы первой революционной смуты протоиерей И. Восторгов принимал самое активное участие в монархических союзах. Будучи настоятелем Покровского Собора (храма Василия Блаженного) в Москве он сделал этот храм средоточием здоровых церковно-патриотических сил. Проповеди и поучения о. Иоанна, широко известные в дореволюционной России, охватывали многие вопросы церковной, государственной и общественной жизни. Особенно сильное воздействие имели обличительные проповеди против сектантства и учения социалистов.

В настоящий том вошли проповеди и поучительные статьи о. Иоанна периода первых лет его пастырского служения.

Прот. І. І. Восторговъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ.

Т. I-й.

ПРОПОВѢДИ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ
НА РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВ. ТЕМЫ.

1889—1900 гг.

Съ портретомъ автора.

МОСКВА.

1914.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ полному изданію своихъ литературныхъ трудовъ, уже разновремененно напечатанныхъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ, я приступаю вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ читателей. Считаю нужнымъ предпослать этому изданію нѣсколько замѣчаній.

Я не имѣю никакой возможности теперь выпустить въ печать *еще* мои слова, рѣчи,—это придется сдѣлать, если судить Богъ, въ дополнительной серіи томовъ; теперь же выпускаются въ свѣтъ, какъ уже замѣчено, только гдѣ-либо уже *напечатанныя* мои работы, преимущественно помѣщенные въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: „Церковныя Вѣдомости“, издаваемые при Св. Синодѣ, „Колоколь“, „Миссіонерское Обозрѣніе“, „Голосъ Истины“, „Московскія Церковныя Вѣдомости“, „Московскія Вѣдомости“, „Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата“, газ. „Кавказъ“, „Церковность“, „Русская Земля“, „Епархіальныя Вѣдомости“ различныхъ епархій и мног. друг.

Печатаются мои поученія, рѣчи и статьи въ *хронологическомъ* порядкѣ; я счелъ нужнымъ это сдѣлать потому, что такой порядокъ яснѣе представить читателю все разнообразіе интересовъ и настроеній минувшей четверти вѣка; кстати сказать, изданіе почти совпадаетъ съ двадцатипятилѣтіемъ моей служебной, общественной и литературной дѣятельности. Въ концѣ изданія будетъ данъ и систематическій предметный указатель моихъ произведеній, для облегченія всякаго рода справокъ.

Изъ коротенькихъ замѣтокъ о мѣстѣ и времени произнесенія моихъ рѣчей и проповѣдей читатель увидитъ, въ какихъ условіяхъ мнѣ приходилось работать: мнѣ приходилось говорить въ разныхъ городахъ Кавказа, Сибири, Китая, Кореи, Японіи, Камчатки, Дальняго Востока, въ путешествіяхъ по

Россіи, во время Миссіонерскихъ курсовъ, въ водоворотѣ общественныхъ настроеній богатаго тревожными событіями періода 1905—10 гг. и т. д. Здѣсь было не до отдѣлки литературной формы.... И посему строгихъ критиковъ моихъ произведеній я прошу принять все это во вниманіе.

Одинъ томъ (V-й) я выдѣляю для статей и сочиненій по социализму; этотъ томъ издается въ большемъ числѣ экземпляровъ и выпускается въ продажу отдѣльно. Помѣщенные въ немъ статьи будутъ полезны для среднеучебныхъ заведеній, преимущественно духовныхъ, а также для занятій на Епархіальныхъ и Окружныхъ Пастырско-Миссіонерскихъ Курсахъ, на которыхъ вопросы о социализмѣ, какъ показалъ опытъ, всегда привлекаютъ особое вниманіе слушателей. Въ томъ IV-й войдутъ статьи по вопросамъ миссіонерскимъ, педагогическимъ, публицистическимъ. Первые же три тома заключаютъ въ себѣ исключительно проповѣдническій матеріалъ.

Въ заключеніе, долженъ замѣтить, что и изъ напечатанныхъ моихъ статей многое у меня затерялось въ безконечныхъ моихъ перѣздахъ и странствованіяхъ. Если эти статьи будутъ отысканы въ различныхъ газетахъ и журналахъ и собраны, онѣ войдутъ въ дополнительные томы.

Протоіерей *Іоаннъ Восторговъ.*

1889 г.

Пастырь и пасомые.*

Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе его не нуждою, но волею и по Божѣ (1 Петр. V, 2—5).

...Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь, гдѣ бо бдѣть о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотѣще: да съ радостію сіе творить, а не воудыкающе, *нѣсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. XIII, 17).

Христось посредѣ насъ, возлюбленные мои братья!

Итакъ, по Божьей милости и по волѣ вышшаго церковнаго начальства я назначенъ къ вамъ священникомъ, пастыремъ, учителемъ и попечителемъ вашихъ душъ, назначенъ на это страшное, высокое и отвѣтственное служеніе, назначенъ васъ учить, для васъ священнодѣйствовать и,—страшно мнѣ вымолвить,—вами духовно управлять, управлять каждую вѣренную мнѣ душу къ Царству небесному, созидать каждого изъ васъ Божіимъ человѣкомъ, на всякое дѣло благое уготованнымъ (2 Тим. III, 17).

Страшно мнѣ въ эти минуты совершать первое у васъ служеніе, страшно мнѣ, молодому, совѣмъ даже юному стоять сейчасъ предъ вами въ этихъ священныхъ одеждахъ. Вотъ предъ собою вижу я людей, убѣленныхъ сѣдинами; вотъ стоятъ старики, увѣшанные знаками боевой службы,—знаками отличій отъ Царя нашего; вотъ стоятъ и тѣ, которые бывали въ плѣну у горцевъ, вынесли великую тяготу непрерывной войны; вотъ старые, опытные хозяева, отцы большихъ се-

* Рѣчь при первомъ служеніи въ приходѣ поселка Кирпильскаго, Кубанской области, 20 августа 1889 года.

мействъ, заправляющіе большими домами, со многими слугами и работниками.

Мнѣ ли, столь молодому и неопытному, духовно управлять вами?

Ахъ, страшно, страшно мнѣ, дорогіе мои, въ настоящій часъ стоять здѣсь передъ вами!

Но совершается воля Божія. И рожденіемъ, и воспитаніемъ, и призваніемъ церковной власти, и что еще скажу?—и желаніемъ моего сердца пришелъ я на эту высоту и тяготу священства и готовъ повторить предъ призывающимъ Богомъ то, что говорятъ при этомъ высшіе священноначальники: благодарю, приѣмлю, ничесоже вопреки глаголю.

Тѣмъ болѣе, поэтому, въ священный сей часъ хочется мнѣ говорить о томъ, что есть пастырь и что такое пасомые, какія у насъ права и обязанности и какія взаимныя отношенія.

О, братья! Предъ моими глазами такъ и стоятъ святыя строки Священнаго Писанія, въ моихъ ухахъ такъ и гремятъ сейчасъ призывы и заповѣди, обращенныя къ пастырямъ Христомъ—Пастыреначальникомъ и Его апостолами, продолжателями дѣла Христова на землѣ, которые насъ, недостойныхъ, содѣлали своими преемниками.

„Я пришелъ не для того, чтобы Мнѣ послужили, но чтобы послужить другимъ“ (Мѡ. XX, 28), говорилъ о Себѣ Спаситель, и тѣмъ повелѣлъ пастырямъ быть служителями своихъ пасомыхъ. „Вы, пастыри,—заповѣдуетъ св. ап. Петръ,—пасите порученное вамъ стадо Божіе, надзирая за нимъ не принужденно, но охотно и для Бога, не для гнусной корысти, не господствуя надъ этимъ—не вашимъ, а Божьимъ наслѣдіемъ и Божьимъ имуществомъ, но бывайте образцами, примѣрами для стада“. „Будь образцомъ для вѣрующихъ словомъ, жизнью, любовью, духомъ, вѣрою, чистотой“,—повелѣваетъ пастырю другой апостоль—св. Павелъ (1 Тим. IV, 12).

Молись, служи, учи, вразуми, наставь со всякимъ долготерпѣніемъ, наставь незнающаго, поддержи колеблющагося, возврати отпаднаго, увѣрь его въ истинѣ святой православной вѣры,—и все дѣлай кротко, благодушно, любовно; переноси скорби, свершай дѣло благовѣстія, прими гоненія, упреки, за-

висимость въ жизни и во всемъ житейскомъ отъ даяній прихожанъ; будь незлобивъ (2 Тим. IV, 5). Не упусти изъ виду ни единаго духовно-больного, каждаго врачуй соответствующимъ духовнымъ лѣкарствомъ. Вотъ пастырское право и вмѣстѣ долгъ.

Посмотрите же,—я одинъ, а васъ такъ много. Тяжело мнѣ и страшно, братья мои!

Тяжесть пастырства увеличивается у васъ и здѣсь особыми обстоятельствами. Среди васъ—раскольники въ большемъ числѣ, чѣмъ вы; священника въ этомъ поселкѣ доселѣ не было, и это въ продолженіе цѣлыхъ ста лѣтъ! Сколько у васъ колеблющихся! Какъ не привыкли многіе изъ васъ къ храму и пастырю! Приходъ новый, и все надо заводить вновь: храмъ, школу, всѣ порядки церковные. Знаю, многимъ это будетъ не нравиться, многіе будутъ на меня гнѣваться за пастырскія напоминанія и требованія, станутъ бранить въ глаза и за глаза. Что дѣлать священнику, когда онъ предъ вами стоитъ беззащитный? Будутъ меня оскорблять и раскольники: гдѣ найти мнѣ защиту?

Преклоняю я главу мою предъ Богомъ, чувствую тяготу служенія, у Бога прошу помощи и защиты, а послѣ Бога—у васъ, мои дорогіе пасомые и отнынѣ—дѣти духовныя!

Не плотскими оружіями мы сильны, не защиты плотскихъ оружій я у васъ прошу. Мы, пастыри, сильны благодатью Господа и вашею любовью, послушаніемъ, вашими о насъ молитвами.

И посему всѣмъ сердцемъ я умоляю васъ: помогайте мнѣ въ исполненіи святого моего дѣла! Отцы, наставляйте дѣтей своихъ; мужья, дѣйствуйте на женъ, жены,—на мужей, братья и сестры,—другъ на друга. Будемъ усердны къ вѣрѣ, къ церкви, къ молитвѣ, будемъ слушать поученія церковныя; я буду говорить вамъ о вѣрѣ, сколько силъ моихъ хватить.

Будьте покорными дѣтьми вашего духовнаго отца, священника, хотя бы и молодого и неопытнаго: вѣдь и плотскихъ родителей мы не избираемъ, а получаемъ такихъ, какихъ Богъ далъ, и все-таки слушаемъ ихъ, а меня, духовнаго вашего

отца, вы сами просили у архіерея, сами усердно приглашали придти къ вамъ.

На исповѣди, въ частныхъ бесѣдахъ будьте со мною откровенны, довѣрчивы, идите ко мнѣ въ домъ, кому нужно поговорить, кто нуждается въ духовномъ совѣтѣ, идите безъ стѣсненія, безъ боязни: я не только не буду тяготиться вашими посѣщеніями, но, напротивъ, буду вамъ глубоко благодаренъ за это. Тогда только дѣло мое у васъ пойдетъ успѣшно, если вы откроете предо мною ваши души. Вѣдь врачу плотскому вы не станете же говорить неправду, не станете скрывать отъ него болѣзнь свою, если пришли лѣчиться отъ этой болѣзни! Такъ собственный вашъ разумъ, собственное ваше благо говорить вамъ о томъ, что вы съ любовью и довѣріемъ должны обращаться къ вашимъ пастырямъ. А послушайте, что повелѣваетъ вамъ слово Божіе! Грозно говорить оно о пастыряхъ, многого требуетъ отъ нихъ, но грозно говорить оно и о пасомыхъ. „Повинуйтесь,—учить св. апостолъ,—повинуйтесь вашимъ наставникамъ и покоряйтесь, ибо они заботятся о душахъ вашихъ и за нихъ дадутъ отчетъ; пусть они съ радостью это дѣлаютъ, а не съ въздыханіемъ, ибо это для васъ не полезно“.

Яснѣе яснаго поученіе апостола. Будемъ же жить, молиться, работать вмѣстѣ, помогать другъ другу.

Если же я чѣмъ-либо буду нехорошъ, не все исполню, кого-либо обижу, чего не сдѣлаю и забуду, то, братіе мои, помните, что и я человѣкъ, слабый и грѣшный. Не священнику вѣдь мы вѣримъ, молимся, служимъ, а Богу. Заранѣе прошу васъ: простите мнѣ мои недостатки, не осудите, не теряйте ко мнѣ той любви и довѣрія, которыя я уже видѣлъ отъ васъ въ первые часы моего у васъ пребыванія. Молитесь со мною, молитесь и обо мнѣ, да не оскудѣетъ моя сила, да не охладится моя ревность. Мое благо и ваше благо—одно. Будемъ же вмѣстѣ, дружно и любовно работать Господу.

Закончу тѣмъ, чѣмъ началъ: Христосъ посредѣ насъ, возлюбленные, и Его благословеніе да будетъ въ моемъ вамъ первомъ священническомъ благословеніи.

Благословеніе Господне на васъ Того благодатію и чело-вѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

1890 г.

Пастырскіе завѣты. *

Благодать вамъ и миръ да умножатся
въ познаніи Бога и Христа Іисуса, Господа
нашего (Петр. 1, 2).

Со словомъ мира и любви не на языкѣ только, но и въ сердцѣ я въ первый разъ приходилъ къ вамъ, возлюбленные братіе, когда по волѣ Пастыреначальника Господа Іисуса паства эта вручена была моему недостойному попеченію. И вотъ прошелъ годъ, въ который я день и ночь оглашалъ васъ, не имущихъ прежде пастыря, оглашалъ, поучалъ слову Божію. Не прошло ни одной службы, не пропущено ни одного случая, чтобы не сказалъ я вамъ слово поученія, назиданія. Весь трудъ перваго священника въ новомъ приходѣ выпалъ на мою долю; не мнѣ судить, какъ и съ успѣхомъ ли я трудился, но что трудиться пришлось много,—это несомнѣнно.

Этотъ храмъ мною построенъ, освященъ и наполненъ утварью.

Церковно-приходская школа открыта мною со многими трудами, съ великою скорбью, съ большими жертвами. Общество трезвости, внѣбогослужебныя собесѣдованія, утромъ проповѣди за утреней, въ обѣднѣ, вечернія чтенія, книжный складъ, наконецъ, украшеніе сего храма,—все это прошло чрезъ мои руки. Куда бы ни обратился мой глазъ, на что бы ни посмотрѣлъ я, все здѣсь сдѣлано при мнѣ. Прости, все мое дѣло! Простите, тяжелыя думы, дни и ночи безпокойства, простите,

* Рѣчь при прощаніи съ приходомъ поселка Кирильскаго, Кубанской области, 6-го октября 1890 года.

вы, добрые люди, дѣти мои духовныя; не взыщите, если плохо училъ васъ, если мало говорилъ, если лѣнился проповѣдывать. Если благовѣствую,—нѣтъ мнѣ похвалы. ибо нужно сіе, но горе, если не благовѣствую!

Съ молитвою на устахъ и сердцѣ, со страхомъ Божиимъ и любовію я пришелъ къ вамъ, со словомъ мира и любви встрѣтилъ васъ,—съ этими же чувствами обращаюсь къ вамъ и нынѣ при прощаніи съ вами. Это слово, дѣйствительно, будетъ послѣднимъ для васъ. Ухожу. Не допытывайтесь, отчего, почему; дѣло сдѣлано, на сіе воля Начальника пастырей—Господа Иисуса. Простите! Прости, святой храмъ, мною недостойнымъ освященный, прости, алтарь славы Господней, прости, водруженный руками моими грѣшными престолъ славы Божіей! Простите, добрые люди, спасибо вамъ за привѣтъ и ласку, за любовь и участіе; не поминайте лихоюъ вашего молодого пастыря, молитесь за меня,—это вашъ долгъ, ваша обязанность. Не забуду и я васъ, никогда не забуду, и чудится моею душѣ: ужъ нигдѣ и никогда не будетъ мнѣ такъ хорошо, какъ было здѣсь, среди васъ. А когда услышите, что я отозванъ въ другой міръ, когда узнаете, что я упокоился, поминайте меня молитвою, какъ и я училъ помянуть всѣхъ живыхъ и умершихъ пастырей! Любите Господа Бога всею душою вашею, почитайте Божію Матерь, угодниковъ Божіихъ, крѣпко держитесь святой православной нашей вѣры. Наша вѣра—Христова, наша вѣра—правая, наша вѣра—спасительная. Не упивайтесь виномъ: въ немъ блудъ; не объѣдайтесь: это идолопоклонство; не будьте горды, тщеславны, не будьте льстивы, челоуѣкоугодливы; стояще у власти, не берите взятокъ, не продавайте Бога, правды. Ходите въ церковь, слушайте слово Божіе, исполняйте заповѣди Христовы, старайтесь о св. храмѣ, домѣ Божіемъ, выстройте новый, не шадите, не жалѣйте жертвъ на его украшеніе. Не клянитесь Богомъ, особенно напрасно, почитайте праздники, въ праздники не пьянствуйте, а занимайтесь дѣлами благочестія, посты соблюдайте, отца, мать почитайте, духовныхъ отцовъ не судите, молитесь за живыхъ и мертвыхъ своихъ священниковъ, Бога бойтесь, Царя чтите, старшихъ почитайте; мужья, любите своихъ женъ, не обижайте ихъ, не

обременяйте непосильною работою; жены, любите мужей, повинуйтесь имъ; мужу тяжелымъ трудомъ достается кусокъ хлѣба семьѣ, не ссорьтесь же съ мужьями, утѣшайте ихъ, согрѣвайте ласкою и любовью; дѣтей своихъ любите, учите ихъ добру, не соблазняйте ихъ дурными примѣрами, выстройте для нихъ школу, не сводите ихъ съ старовѣрами, помните, что отдадите за нихъ отчетъ Богу; другъ друга любите, живите по-братски; братья и сестры, любите другъ друга, не оскорбляйте другъ друга, не деритесь, не ссорьтесь, не распутничайте, слѣдите за молодежью, не позволяйте скверныхъ игръ, скверныхъ словъ, пѣсенъ подъ праздники, не сводите въ нечистыхъ играхъ сыновей и дочерей вашихъ вмѣстѣ съ другими дочерями и сыновьями; бросьте нечестивыя вечеринки, не обманывайте, не воруйте, будьте на расплату честны, слабыхъ людей-работниковъ, работницъ не обижайте, не обсчитывайте; другъ другу не завидуйте. Помни каждый свое послѣднее: смерть, судъ Божій, рай, адъ. Не забывай вѣры, помни Бога. Тамъ, на небѣ, Господь: все Онъ видитъ, все знаетъ, будетъ Онъ судить насъ: бойся, страшись, раскайся, плачь о грѣхахъ своихъ! Вотъ вамъ послѣднія, прощальныя наставленія. Съ высоты этого священнаго мѣста, въ этомъ св. храмѣ я неустанно училъ васъ всему этому. Вы стали лучше, богобоязненнѣе, привыкли ходить въ храмъ; меньше стало у васъ пьянства, обмановъ, многіе закоренѣлые грѣшники покаялись, многіе и старовѣры, больше ста человѣкъ, познали истину св. Церкви, присоединились къ православію. За годъ какъ много мы пережили въ церковной жизни! Помните же мои наставленія, не забывайте, исполняйте ихъ. Съ молитвой я пришелъ къ вамъ, съ молитвой и отхожу. Да сохранить васъ Господь день и ночь отъ всякаго зла и напастей, да помируетъ, спасетъ, да благословитъ воѣмъ добрымъ! Вотъ моя молитва о васъ, вотъ мои пожеланія. Первые дѣти не забываются, первые и вы мнѣ дѣти духовныя: буду и я помнить васъ, молиться о васъ.

Всѣ мы, какъ люди, не свободны отъ человѣческихъ слабостей и немощей. Всѣ мы ежедневно грѣшимъ противъ Бога, близкихъ, противъ своей совѣсти. Кто въ жизни своей бываетъ чистъ отъ скверны, кто грѣха не сотворилъ, кого не оби-

дѣль? Никто, если и одинъ день его жизни! Вотъ почему и намъ нужно проститься по-братски, по-христіански. Обращаюсь къ вамъ, братья и сестры, здѣсь, въ храмъ Божіемъ, со своимъ послѣднимъ словомъ. Прошу и молю всѣхъ съ земнымъ поклономъ простить мнѣ, если кого обидѣлъ я словомъ и дѣломъ. Простите мнѣ, братья, простите, простите! Не забудьте въ молитвахъ, помяните добрымъ словомъ. Многому, очень многому я не успѣлъ научить васъ: пусть умудритъ васъ Господь, пусть научитъ васъ новый священникъ. Если кому придется быть на мѣстѣ новаго моего служенія по евоимъ дѣламъ, или по дѣламъ церкви,—не забывайте меня.

Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе! Имя же Божіе да будетъ благословенно во вѣки! Аминь и Аминь.

Евангельскія блаженства.*

Слышанное нами сегодня евангельское чтеніе глубоко знаменательно; въ немъ изложены такія истины, которыя по справедливости считаются основными въ ученіи Спасителя, достойно называются заповѣдями евангелія. Въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи Спаситель изобразилъ путь, который ведетъ христіанина отъ земли на небо,—тотъ путь, которымъ шествовали къ Царству небесному всѣ святые, въ томъ числѣ и ублажаемый нынѣ Церковью святитель Христовъ Николай. Небезвременно посему и намъ нынѣ остановиться внимательнѣе на этихъ заповѣдяхъ евангельскихъ, заповѣдяхъ блаженства, которыя и безъ того мы слышимъ въ устахъ клира церковнаго каждую литургію.

Изреченія о блаженствахъ евангельскихъ, или, какъ принято называть, нагорная проповѣдь произнесена была Спаси-

* Поученіе въ день памяти св. Николая 6 дек. 1890 года. Пособіе: Прот. Д. Соколовъ. Веседа по свящ. исторіи Нов. Завѣта. Сказано въ церкви Ставропольской мужской гимназіи.

телемъ непосредственно вслѣдъ за избраніемъ апостоловъ. Окруженный апостолами Спаситель сошелъ въ горы; къ Нему хлынула толпа народа: одинъ желалъ послушать Его Божественное ученіе, другой—искать исцѣленія отъ обдерживающаго его недуга. Господь началъ исцѣлять больныхъ. Но, врачуя болѣзни *тѣла*, Господь видѣлъ въ *душахъ* окружавшихъ Его людей страшную болѣзнь—*неповѣжество, предрасудки*. Всѣ эти люди болѣе или менѣе вѣровали въ Него, какъ Мессію, но видѣли въ этомъ Мессіи царя земного, имѣющаго устроить на землѣ славное царство, въ которое войдутъ только потомки Авраама — евреи, исполняющіе законъ Моисеевъ. Покорить весь міръ Ему ничего не стоитъ; вѣдь Онъ—чудотворецъ, а вотъ Онъ избралъ себѣ и апостоловъ, это 12 ближайшихъ вельможъ Его, слѣдовательно, вотъ-вотъ наступаетъ славное царство Его, несущее евреямъ и богатство, и довольство, и силу, и славу.

Предстояло теперь Спасителю разрушить предрасудки евреевъ, предстояло Ему объяснить, что царство Его — дѣйствительно царство, но далеко не похожее на царство земное; что въ него, въ это царство, имѣютъ право входа не одни потомки Авраама по плоти, но всѣ тѣ, кто по своимъ душевнымъ качествамъ похожъ на Авраама; предстояло Спасителю сказать всему народу о томъ, что долженъ дѣлать и чего можетъ ожидать всякій, кто хочетъ войти въ Его царство, всякій, кто желаетъ слѣдовать за Христомъ. Самымъ своимъ названіемъ *христиане* мы показываемъ, что желаемъ слѣдовать за Христомъ, что мы стремимся быть членами Его царства. Послушаемъ же внимательно словъ Христовыхъ.

Гордые своею праведностью іудеи въ своемъ самомнѣніи считали себя стоящими ближе всѣхъ къ Богу, считали себя достойными блаженства, *богатыми* по душѣ; въ своемъ самомнѣніи они не замѣчали своихъ недостатковъ, пороковъ, которые между тѣмъ росли больше и больше. Такъ, гордость закрывала имъ врата Царства небеснаго, ибо *Богъ гордымъ противится*, какъ говоритъ Писаніе. Чтобы войти въ это Царство, человѣкъ долженъ исправить свою душу, а для самаго начала этого исправленія необходимо, чтобы человѣкъ созналъ себя *блднымъ*

добрыми дѣлами, нищимъ по душѣ, *нищимъ духомъ*, онъ долженъ быть *смирненнымъ*. Безъ нищеты духовной невозможно самое *начало* нашего исправленія. Эта нищета духовная и есть первая ступень на пути къ блаженству, первый шагъ къ Царству небесному.

Посему, говоритъ Господь: *Блаженни нищїе духомъ, яко тѣхъ есть Царство небесное.*

Гордый іудей былъ самодоволенъ: онъ и Богу молился непремѣнно съ мыслью о своей праведности, какъ видимъ мы изъ притчи о мытарѣ и фарисеѣ, онъ внутренно восхищался своею святостью, поклонялся своимъ достоинствамъ. Не таковъ человекъ нищїй духомъ, смиренный. Разъ онъ созналъ себя *нищимъ* духовно, онъ скорбитъ, онъ плачетъ о своихъ грѣхахъ, и скорбь эта, плачь, это сокрушеніе о грѣхахъ, если оно искренне, поможетъ ему навѣрное изгнать изъ своей души худое. Пребываніе грѣха заставляло его плакать, удаленіе отъ грѣха приноситъ ему чувство радости, утѣшенія.

Посему: *Блаженни плачущїе: они утѣшатся.*

Гордый, самодовольный іудей съ холоднымъ презрѣніемъ, съ нескрываемымъ отвращеніемъ смотрѣлъ на грѣшника: онъ жестокъ былъ въ судѣ надъ нимъ; вспомнимъ только Симона-фарисея и жену-грѣшницу. Не таковъ нищїй духомъ. Видя ясно свои грѣхи, скорбя о нихъ, онъ дѣлается снисходительнымъ къ грѣхамъ другихъ, онъ чуждъ презрѣнія къ кому бы то ни было; онъ дѣлается *кроткимъ*, способнымъ къ милости и любви, способнымъ войти въ Царство, въ наслѣдіе милосердаго и любящаго Бога, Который, по слову Іоанна Богослова, и Самъ *любы* есть.

Посему-то: *Блаженни кроткїи, ибо они наслѣдуютъ землю.*

Самодовольные, гордые своею праведностью іудеи уже по этому самому не искали правды для себя, потому что считали себя преисполненными правды, они только умѣли замѣчать чужія неправды, какъ фарисей у мытаря, и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе и болѣе они погрязали въ своихъ неправдахъ, тѣмъ болѣе и болѣе удалялись отъ Царства Божія. Нищїй духомъ, плачущїй о грѣхахъ своихъ — не таковъ: по однимъ этимъ своимъ качествамъ онъ ясно видитъ свои не-

правды, свои недостатки, свое *безсиліе* въ борьбѣ со зломъ и желаетъ онъ вождельнннй *правды*, и стремится къ радостному *оправданію*; онъ пламенно, сильно желаетъ, какъ желаетъ ѣсть голодный, какъ хочетъ пить жаждущій, онъ *алчетъ* и *жаждетъ* правды и по самому стремленію своему, разъ оно искренне, онъ дѣлается способнымъ получить эту правду,—а правда есть Богъ,—получить это *оправданіе себя*,—а оправданіе челоуѣка въ Богѣ. Онъ насытится правдою.

Посему: *Блаженн алчущіе и жаждущіе правды: они насытятся ея.*

Гордый іудей, считавшій себя выше всѣхъ, былъ эгоистиченъ, онъ любилъ только себя, поклонялся себѣ, онъ былъ жестокъ въ отношеніяхъ къ другимъ. Нищій духомъ, плачущій, кроткій, сознающій свои неправды не можетъ быть такимъ: прося и ожидая милости себѣ, онъ милостивъ и къ другимъ и черезъ то и самъ достоинъ помилованія,—*имже судомъ судите, судится вамъ.*

Посему: *Блаженн милостивіи, яко тѣмъ помиловани будутъ.*

У гордаго, самодовольнаго іудея сердце было лукавое; лукавое уже потому, что оно неспособно было видѣть собственныхъ недостатковъ, а если и видѣло, то лукавыми, хитрыми увѣреніями усыпляло совѣсть, принуждало ее молчать. Нищій духомъ со всѣми своими перечисленными качествами, особенно съ правдою и милостью, дѣлаетъ сердце свое *чистымъ*, чуждымъ всякаго лукавства, умышленнаго обмана. И подобно тому, какъ только чистый, здоровый глазъ способенъ видѣть свѣтъ, такъ только *чистое* сердце способно видѣть, узрѣть Бога, а это — высочайшее блаженство.

Посему поистинѣ: *Блаженн чистіи сердцемъ, ибо они узрятъ Бога.*

Какъ не можетъ быть тьмы въ свѣтѣ, такъ не можетъ быть вражды въ чистомъ сердцѣ. И нищій духомъ въ чистомъ сердцѣ своемъ не имѣетъ и тѣни вражды, мало того,—онъ не можетъ видѣть вражды и между другими, но хочетъ всюду видѣть миръ, согласіе; онъ старается вездѣ уничтожить раздоръ, примирить враждующихъ; онъ дѣлается миротворцемъ. Великій Миротворецъ есть Сынъ Божій Единородный. Онъ уничто-

жилъ великую вражду между человѣкомъ и Богомъ, Онъ примирилъ правосудіе Божіе съ Божественнымъ милосердіемъ; поэтому всякій миротворецъ достоинъ того, чтобы Богъ назвалъ и его Своимъ сыномъ; онъ уже принадлежитъ къ Царству небесному.

Поэтому: *Блаженіи миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими.*

Вотъ путь къ Царству небесному, славный царскій путь, которымъ шествовали всѣ угодившіе Богу и ублажаемый нынѣ Св. Николай,—путь, которымъ должны идти и мы, христіане,—путь перевоспитанія всей души, имѣющей конечную цѣлью Царство Мессіи. Онъ не легокъ—этотъ путь, зато велика въ концѣ его награда. Онъ начинается нищетой духа и съ необходимостью требуетъ и другихъ перечисленныхъ качествъ: не будешь нищимъ духомъ, не станешь плакать о грѣхахъ, потому что не будешь сознавать ихъ, не будешь, далѣе, кроткимъ, ищущимъ правды, милостивымъ, чистымъ сердцемъ, миротворцемъ. Эти качества составляютъ стройное цѣлое, они такъ тѣсно, логически между собою связаны, что развитіе одного влечетъ за собою развитіе и другого, потеря одного заграждаетъ путь и къ другимъ. Это лѣстница отъ земли къ небу, а указанные качества — ступени этой лѣстницы: отымите одну ступень въ началѣ, срединѣ или концѣ, — восхожденіе по лѣстницѣ станетъ невозможнымъ. Вспомянуть нужно это чаще, когда слышите блаженства евангельскія, а слышите ихъ часто.

Но люди, развившіе въ душѣ своей указанные качества, эти члены Царствія Божія, что могутъ ожидать себѣ на землѣ? Іудеи въ ложномъ понятіи своемъ о царствѣ Мессіи ожидали себѣ всевозможныхъ благъ земныхъ и преимуществъ. Но не то обѣщаетъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ. Онъ зналъ, что ученіе мира и любви, правды и милости, которое принесъ Онъ на землю, дурно будетъ встрѣчено тѣми, кто привыкъ жить среди вражды, лжи, эгоизма. Онъ зналъ, что люди себялюбивые, думающіе только о своихъ выгодахъ, возстанутъ противъ этого ученія, возненавидятъ принимающихъ и осужествляющихъ его въ жизни. И прежде — отъ крове Авеля

праведнаго до крови Захарія пророка, убитаго между алтаремъ и жертвенникомъ, рядами вѣковъ, непрерывною смѣною поколѣній гнали и ненавидѣли тѣхъ, кто стоялъ за правду, милость, любовь. Что, кромѣ гоненій и поношеній, ожидалъ Самъ Себѣ Христосъ? И Онъ умеръ на позорномъ древѣ въ безысходныхъ мукахъ,—Праведникъ за неправедники. Что, кромѣ тѣхъ же гоненій и поношеній, Онъ могъ обѣщать и Своимъ послѣдователямъ? И они часто бываютъ гонимы, презираемы; ложь всегда будетъ возставать на правду; жестокость, эгоизмъ не будетъ мириться съ проявленіями кротости, милосердія. И Господь ни въ одной Своей заповѣди блаженства не обѣщаетъ благъ земныхъ: тамъ, на небѣ, въ странѣ вѣчной правды и истины, христіанинъ найдетъ себѣ награду; тамъ, гдѣ между дѣломъ и возмездіемъ за него царитъ полное согласіе, возмущенная совѣсть найдетъ успокоеніе. Туда, въ небесное наше отечество, зоветъ насъ Христосъ, зоветъ и говорить:

Блаженни изгнани правды ради, яко тѣхъ есть Царство небесное. Блаженни будете, егда возненавидятъ вамъ человеци, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золь глаголь, на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, се бо мзда ваша многа на небесахъ.

Утѣшительныя слова, радостная вѣсть! И во всѣхъ концахъ земли, во всѣ вѣка, у всѣхъ христіанскихъ народовъ отзывались чуткимъ сердцемъ на эти благодѣтельные слова люди, хотящіе быть достойными званія христіанъ; забывая земныя бѣды, пренебрегая мученіями, презирая все богатство и славу міра, въ чаяніи благъ небесныхъ, тѣхъ благъ, ихже око не видѣ, и ухо неслыша, и на сердце человѣку не въздоша, они шли путемъ, указаннымъ Спасителемъ для достиженія Царства небеснаго. Смиреніемъ стяжали они высокая, чрезъ нищету сдѣлались богатыми. И мы тѣхъ людей, этихъ святыхъ Божіихъ, знаемъ, и мы тѣхъ святыхъ чтимъ, память ихъ празднуемъ. Добро, если бы имъ подражали! Аминь.

Боговдохновенность св. евангелія.*

Прежде, чѣмъ приступить къ рѣшенію вопроса относительно нашихъ каноническихъ евангелій, необходимо упомянуть объ одной важной истинѣ, касающейся тѣхъ же евангелій и вполне доказанной богословской наукой,—объ истинѣ подлинности нашихъ евангелій: о томъ, что они явились на свѣтъ именно въ I-мъ христіанскомъ вѣкѣ и написаны дѣйствительно тѣми св. мужами, которымъ и приписываются. Иначе, при отрицаніи этой истины, и поставленный вопросъ не имѣлъ бы ровно никакого значенія. Это понятно само собою. Но что касается подлинности нашихъ каноническихъ евангелій, то можно сказать положительно, что вообще во всей литературѣ древности мало, можетъ-быть, даже совѣмъ не найдется примѣровъ столь великой исторической достовѣрности и подлинности, какія имѣютъ наши 4 евангелія, если только мы будемъ вести изслѣдованіе объ этомъ дѣлѣ безпристрастно. Нужно быть крайне упорнымъ противъ указаній здраваго смысла, нужно напередъ отвергнуть всю древнюю исторію, чтобы рѣшиться идти противъ этого. Что же касается отрицательной евангельской критики, слѣпо отвергающей вопреки многочисленнымъ историческимъ даннымъ и научнымъ доказательствамъ подлинность евангелій по одному предубѣжденію ко всему сверхъестественному, то по поводу ея отрицаній достаточно сказать одно,—что, употребляя тѣ приемы въ доказательствахъ, которыми пользуется она, можно отвергнуть все, что угодно, изъ прошлой исторіи человѣчества. И Комментаріи Цезаря, какъ и Записки Тацита и всѣ вообще литературные памятники древности не выдержали бы такой критики; въ этомъ случаѣ отъ скептицизма, который есть скорѣе болѣзненное состояніе духа, чѣмъ плодъ правильной дѣятельности ума, нѣтъ убѣжища. Итакъ, мы принимаемъ за несомнѣнную истину, что подлинность нашихъ евангелій доказана и засвидѣтельствована исторіей.

* На актѣ Ставропольской духовной семинаріи.

Спрашивается теперь: могли ли апостолы написать эти евангелія, пользуясь естественными средствами, т.-е. *своими природными дарованіями, научными средствами*, и одни изъ нихъ, какъ Матвей и Іоаннъ,—личными наблюденіями, какъ очевидцы и непосредственные ученики Господа нашего І. Христа, а другіе, какъ Маркъ и Лука, пользуясь преданіемъ?

Обращаясь къ разсмотрѣнію и рѣшенію этого вопроса, мы должны прежде всего замѣтить, что здѣсь нужно различать два случая, сообразно съ двумя направленіями, существующими во взглядахъ на наши евангелія: 1) или сказанія евангельскія недостоувѣрны, какъ идеализація ихъ авторовъ, или 2) достоувѣрны. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, при ближайшемъ и правдивомъ изслѣдованіи, мы все-таки должны придти къ одному заключенію, что апостолы не могли написать евангелія при помощи естественныхъ средствъ.

Разсмотримъ сначала первый случай—взглядъ на евангельскія событія не какъ на реальные факты, а какъ на идеализацію апостоловъ. У защитниковъ этого взгляда мы можемъ прежде всего спросить: могли ли апостолы создать такое высокоидеальное Лицо, какъ І. Христось, Его Божественный характеръ, которому равнаго не знаетъ исторія? Личность І. Хр. составляетъ центръ всѣхъ событій евангельскихъ исторій,—потому не лишне будетъ сдѣлать съ рациональной точки зрѣнія хотя бѣглый взглядъ на Лицо І. Хр., какъ Сына Человѣческаго, чтобы увидѣть, могли ли апостолы создать изъ человѣческихъ матеріаловъ такой идеаль личности, какимъ былъ Христось Спаситель по ихъ изображенію?

Это Лицо, если принять во вниманіе всѣ Его необычайныя свойства, выше всякаго описанія и даже разумнія: предъ Нимъ разумъ человѣческій можетъ только изумляться и благоговѣть. Кто хоть разъ съ безпристрастіемъ и честными намѣреніями всматривался во всѣ черты и стороны Лица І. Хр., тотъ хотя бы и не увѣровалъ въ Него, какъ въ Бога, все-таки долженъ отдать дань удивленія Его великой Личности. Мнимый Сынъ мнимаго плотника, Онъ при ближайшемъ разсмотрѣніи является какъ Сынъ истиннаго Архитектонна—Творца и Правителя вселенной. Все насъ въ Немъ поражаетъ, и пре-

жде всего насъ удивляетъ въ І. Хр. чрезвычайная нравственная сила, производящая на души окружающихъ людей неотразимое вліяніе. Идетъ ли Іисусъ Хр. въ пустыню, и тысячи народа, презирая зной, голодъ и другія неудобства, слѣдуютъ за Нимъ, жадно ловя на-лету каждое слово Его. Говоритъ ли Онъ мытарю, погрязшему въ денежныхъ разчетахъ, привыкшему къ своему доходному ремеслу, или рыбакамъ, предавшимся своему промыслу: „идите за Мною“!—и мытарь, бросивъ свои доходы, покончивъ со своими разчетами, и рыбаки, оставивъ свой промыселъ, свои сѣти, иные покинувъ даже отца своего, безпрекословно слѣдуютъ за Божественнымъ Учителемъ. Но, можетъ-быть, они слѣдуютъ прельщенные ожидающимъ ихъ почетомъ или матеріальнымъ довольствомъ? Нѣтъ, они идутъ за Іисусомъ на бѣдную, скитальческую жизнь, на насмѣшки и гоненія вліятельныхъ фарисеевъ, на всевозможныя обиды и притѣсненія. Кто, читая дивныя повѣствованія евангелистовъ, не поражался и тѣмъ обстоятельствомъ, что женщины-блудницы, привыкшія къ наслажденіямъ порока, слышавъ слова Божественнаго ученія І. Хр., падаютъ къ ногамъ Его, омывають ихъ слезами, стираютъ волосами?.. И много еще примѣровъ подобнаго вліянія Христа на души людей приводятъ евангелисты. Даже суровыя сердца тѣхъ, кого враги Христа послали, чтобы схватить Его, и которые, очевидно, привыкли къ исполненію подобныхъ приказаній, и тѣ поражаемы были необыкновенною силою Его слова; одинъ этотъ дивный возгласъ: „Азъ есмь“... повергаетъ ихъ на землю. Таково было дѣйствіе живой Личности І. Хр. на окружающихъ людей.

Мы не можемъ, далѣе, надивиться свѣтлomu, глубокопроницательному уму І. Хр. Еще 12-тилѣтнимъ отрокомъ Онъ приводилъ въ безмолвіе, въ удивленіе, даже въ ужасъ престарѣлыхъ богослововъ іудейскаго народа. Во время служенія Своего міру Онъ быстро поражалъ, обезоруживалъ и дѣлалъ безотвѣтными самыхъ опытныхъ и бойкихъ діалектиковъ своего времени. Но особенно мудрость Спасителя была чрезвычайна въ томъ отношеніи, что она простиралась, во-1-хъ, до сердецъ-дѣвнѣя, такъ что Хр. какъ бы видѣлъ душу cadaго челоука и часто вразумительно отвѣчалъ, ко всеобщему удивленію

своихъ слушателей, на ихъ самыя сокровенныя мысли или возраженія; во-2-хъ, мудрость Хр.,—и это самое главное,—возвышалась до яснаго предвидѣнія будущаго, такъ что І. Хр. изрекалъ всевозможныя предсказанія и о Себѣ Самомъ, и о судьбѣ учениковъ Своихъ, и о судьбѣ Іерусалима, Капернаума, Вилсаиды, всей Іудеи, и о судьбѣ Своей Церкви, всего міра,—и всѣ Его предсказанія исполнялись съ удивительною точностью, многія послѣ написанія евангелій, нѣкоторыя исполняются теперь, а нѣкоторыя только ждутъ своего исполненія. И при этомъ І. Хр. говорилъ о самыхъ возвышенныхъ истинахъ, выражалъ самыя широкія мысли въ немногихъ словахъ, но такъ, что слова Его настолько ясны и просты, что понятны даже дѣтскому разумѣнію, но въ то же время такъ глубоки и многосодержательны, что вполне все исчерпать въ нихъ не можетъ ни одинъ геній.

Не менѣе поразительны и дивны и нравственныя качества І. Хр. Поистинѣ съ нравственной стороны І. Хр.—это идеаль, который пугаетъ грѣшнаго человѣка, и утѣшаетъ, поражаетъ, и умиляетъ до слезъ. Это олицетвореніе беззавѣтной любви къ людямъ,—вотъ что можно сказать для слабаго опредѣленія Его нравственнаго достоинства. Вспомнимъ только, какъ Онъ бесѣдуетъ съ бѣдной самаряночкой у колодца Іакова; вспомнимъ, какая у Него любовь, милосердіе и снисхожденіе къ тѣмъ несчастнымъ, опозореннымъ, падшимъ женщинамъ, на которыхъ современное Ему общество смотрѣло съ ледянымъ отвращеніемъ и неприязнью. Вспомнимъ, какія у Него слова любви къ Своему падшему апостолу и слезы скорби за Іерусалимъ, за Свой бѣдный, ослѣпленный народъ іудейскій. Посмотрите, вотъ Онъ предастъ Самого Себя на страданія и мученія за весь человѣческій родъ и на мѣстѣ позорной казни, на крестѣ Своемъ, въ предсмертныхъ страданіяхъ объщаетъ разбойнику рай и Самъ молится за своихъ распинателей: „Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“.

А дѣла Его? Оставляя въ сторонѣ самое свойство этихъ дѣлъ—ихъ чудесность, обратимъ вниманіе на цѣль ихъ, на ихъ, такъ-сказать, внутренній смыслъ. Смыслъ и цѣль всѣхъ Его дѣйствій—это постоянныя благодѣянія несчастнымъ мень-

шимъ братіямъ: бѣдные, плачущіе, труждающіеся, обремененные, скорбящіе, гонимые, недужные,—вотъ Его меньшая братія. А что можетъ быть выше Его самоотверженія, Его добровольной нищеты, по которой Онъ во все время Своего служенія не имѣлъ даже „гдѣ главы поклонити“ (Мѣ. VIII, 20)! Что можетъ быть выше Его смиренія, простиравшагося даже до того, что Онъ омылъ ноги Своимъ ученикамъ и уклонился отъ вѣнца царскаго, который однажды предложили Ему іудеи! Гдѣ найдемъ мы во всей исторіи человѣчества такіа черты, соединенныя въ одномъ лицѣ, какъ совершенная чистота Хр. Спасителя, Его неподдѣльное смиреніе и кротость, Его неистощимое долготерпѣніе, Его непобѣдимое мужество, Его нечеловѣческая сила воли? Уже одно соединеніе этихъ свойствъ въ Лицѣ І. Хр. въ такой цѣлостности и гармоничности указываетъ на выщечеловѣческое Его достоинство.

Всѣ слова Его, всѣ дѣла, вся жизнь Его запечатлѣна печатью такого нравственнаго совершенства, такой неподражаемой святости, что сами враги не могли найти въ Немъ даже малѣйшаго недостатка. Однимъ словомъ,—*жизнь Іисуса Христа была чудомъ въ нравственномъ отношеніи.*

Какъ же смотрѣлъ на Себя Самъ Христосъ Спаситель и какова цѣль Его явленія въ міръ, по изображенію евангелистовъ? Цѣль, къ которой стремился Іисусъ Христосъ и которую называлъ „дѣломъ“ Своимъ (Іоан. XVII, 4), была цѣль высочайшая, никогда неслыханная въ мірѣ. Были и есть люди, считавшіе цѣлью своего существованія служеніе наукѣ, искусству, стремившіеся одѣлать преобразования и открытія въ этихъ областяхъ знанія; были законодатели, стремившіеся улучшить политическое или соціальное устройство того или другого отдѣльнаго народа или *единичнаго* государства. Іисусъ Христосъ (вполнѣ сознательно называя себя Сыномъ Божиимъ, посланнымъ отъ Отца сотворить волю Его) стремился къ иной цѣли. Онъ явился къ людямъ, чтобы пересоздать, обновить въ религіозномъ отношеніи *весь* родъ человѣческій, растлѣнный грѣхомъ, просвѣтить *всѣхъ* людей свѣтомъ истиннаго Боговѣдѣнія, сообщить *всѣмъ* грѣшникамъ, какъ средство Богоугожденія, ученіе о чистѣйшей, Богоподобной нравственности, кото-

рой во всё вѣка будетъ удивляться человѣчество, образовать изъ всёхъ земнородныхъ, содѣлавъ ихъ святыми (Мф. V, 6 — 7), единое стадо, единое царство Божіе и, пострадавъ за нихъ до крестной смерти и примиривъ ихъ такимъ образомъ съ Божиимъ правосудіемъ, ввести *всѣхъ* въ вѣчныя обители Отца Своего Небеснаго... И когда же явился Онъ съ такою недосягаемо-высокою цѣлью среди народа іудейскаго? Тогда, когда сыны Израиля, а въ томъ числѣ, конечно, и неученые апостолы, писатели евангелій, потерявши истинный смыслъ своихъ Божественныхъ писаній и, въ частности, истинный смыслъ мессіанскихъ пророчествъ, ожидали себѣ въ Мессіи Израильскаго земного царя - завоевателя, долженствовавшего возвести евреевъ до недосягаемой высоты политическаго могущества и экономическаго благосостоянія, покоривши имъ всё народы земные. Какого Мессію ждали евреи,—показываютъ личности многихъ лжемесіей, появившихся впоследствии, которые мало того, что раздѣляли всё заблужденія своего народа, но и еще пользовались этими заблужденіями для своихъ цѣлей. Но не такъ поступалъ Христосъ: Онъ пошелъ прямо противъ предразсудковъ и суевѣрій народа, разрушалъ всё его плотскія, чувственныя возрѣнія на Мессію и, непризнанный, отвергнутый большинствомъ своего народа, пострадалъ въ исполненіе пророчествъ, согласно предначертанному плану Божьяго домостроительства, но не измѣнилъ Своему назначенію. Таковъ былъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Человѣческій. И могли ли апостолы, люди простые и необразованные, обыкновеннаго человѣка возвысить въ своихъ описаніяхъ евангельскихъ до такой степени человѣческаго совершенства? Но сказаннаго мало даже для самой слабой характеристики Божественной Личности Его, надъ Которой задумывались, Которой удивлялись и предъ Которой благоговѣли всё истинно-великіе гении человѣчества.

Въ евангеліяхъ возвѣщается еще, что Иисусъ Христосъ былъ не только необыкновенный Учитель всего рода человѣческаго, свѣтъ міру, истина и путь для знанія жизни человѣческой; нѣтъ, Онъ былъ Вѣроучитель и словомъ, и дѣломъ, Основатель вѣры Новаго Завѣта, а самый первый, основной и центральный пунктъ этой вѣры есть искупленіе Иисусомъ Хри-

стомъ людей отъ грѣха, проклятiя и смерти. Это самый высокій, таинственный, а потому и трудно понимаемый пунктъ въ религiи Новаго Завѣта, но, тѣмъ не менѣе, это—историческая истина, такая же достовѣрная, какъ и то, что Иисусъ Христосъ жилъ на землѣ, она доказывается самымъ фактомъ существованiя Христова.

Поучая людей Богопознанiю и Богоутожденiю, Христосъ учене Свое часто сопровождалъ предсказанiями, что Сынъ Человѣческiй за истину будетъ преданъ въ руки враговъ, будетъ униженъ, поруганъ, измученъ и убитъ на крестѣ и—въ третiй день воскреснетъ, и когда вознесенъ будетъ на крестъ, всѣхъ привлечетъ къ Себѣ. Самые приближенные ученики Его, даже тѣ, которые удостоились видѣть Его Божественную славу на Фаворѣ, и тѣ не понимали этого предсказанiя: такъ оно было необыкновенно, несогласно съ Его достоинствомъ, несбыточно, по разумѣнiю естественнаго разума! Крестная казнь считалась самою мучительною и самою позорною казнью жесточайшихъ преступниковъ, почему крестъ, какъ символъ спасенiя христіанскаго, представлялся суевѣрнымъ iудеямъ *соблазномъ*, мудрымъ грекамъ—*безумiемъ*. И какъ же могло сбыться, чтобы вознесенный на крестъ, какъ злодѣй и наряду со злодѣями, всѣхъ привлечь къ Себѣ—и iудеевъ, и язычниковъ? И, однако, все это исполнилось до послѣдней iоты слова Христова.

Спрашивается теперь: какой всемірный геній могъ домыслиться до того, что можно униженiемъ, позоромъ, страданiями, мученiями, которымъ подвергали величайшихъ злодѣевъ міра, возвыситься до Божественнаго достоинства, что крестною смертiю, искупительною смертiю можно побѣдить смерть человѣческую и на этомъ основанiи воздвигнуть всемірную Церковь Христову, которой и врата адовы не одолѣютъ? И кто же все это написалъ, кто создалъ такую высокоидеальную личность, какъ Христосъ, съ такою многосторонностью и полнотою характера, которыя далеко превосходятъ многообдуманнiй анализъ самыхъ внимательныхъ Его изслѣдователей, такъ что люди и даже цѣлыя общества оказываются способными разсмотрѣть и усвоить едва только одну изъ чисто-человѣче-

скихъ сторонъ Его: монахи видѣли въ Немъ идеаль аскетизма, философы—человѣка, познавшаго всѣ истины, для благодетельныхъ обществъ Онъ, по словамъ Винченца-де-Поля, —величайшій филантропъ, для Иоганна Мюллера, историка-скептика, Онъ—разъясненіе всей исторіи, а Наполеонъ, понявши и узнавши людей, позналъ, что Христосъ не есть человѣкъ. Кто бы могъ возвысить простаго Иисуса до Евангельскаго Христа, служившаго, служащаго и имѣющаго служить на всѣ вѣка предметомъ удивленія, недомысленнымъ идеаломъ человечества? Кто могъ выдумать, изобрѣсти, сочинить безпримѣрный, неподражаемо цѣлостный и гармоничный, въ высшемъ значеніи слова общечеловѣческій характеръ Христа, кто вложилъ Ему въ уста Его неподражаемыя бесѣды и все Его Божественное ученіе? Кто бы могъ измыслить Богочеловѣка и придать Ему столько предсказаній, исполнившихся съ поразительнѣйшею точностью? Неужели же апостолы-евреи и ихъ сотрудники, люди простые, неученые, сыны своего вѣка и своего народа, раздѣлявшіе заблужденія и воззрѣнія современнаго имъ общества, какъ и сами они объ этомъ повѣствуютъ? Но даже если бы они были и геніальными людьми, то и тогда не могли бы создать столько предсказаній, поразительно вѣрно исполнившихся и исполняющихся. Если допустить, скажемъ словами одного ученаго, что евангелисты выдумали Иисуса, тогда они явятся чудеснѣе Самого Христа. Никакіе высокопросвѣщенные геніи не могли создать такого Божественнаго идеала, какимъ изображается Иисусъ Христосъ въ евангеліи. Всякій идеаль всегда соотвѣтствуетъ человѣку, создавшему этотъ идеаль: какъ же апостолы могли создать совершеннѣйшій идеаль въ лицѣ Иисуса Христа? Такое Лицо, какъ Иисусъ Христосъ, должно было и жить такъ, какъ повѣствуется о Немъ въ евангеліи: ибо, какъ говорить Вейсъ, „самая общая мысль о такомъ человѣкѣ въ душѣ *еръшскихъ* людей уже была бы чудомъ, а жизненное изображеніе этой мысли, живое, наглядное, *фактическое* воспроизведеніе всѣхъ подробностей дѣятельности его, притомъ у писателей, первоначально необразованныхъ и независимыхъ другъ отъ друга, была бы болѣе, чѣмъ чудомъ, была бы чѣмъ-то невозмож-

нымъ". Но еще менѣе могли выдумать такой образъ *іудеи*, —образъ, который совершенно не соотвѣтствовалъ ихъ идеалу Мессіи или іудейскаго мудреца; этотъ образъ стоялъ въ самомъ глубокомъ противорѣчьи со всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ міровоззрѣніемъ іудейскаго народа. Стоитъ только всмотрѣться въ личности національныхъ лжемесіей еврейскаго народа—Іуды Гавлонита, Баркоахеба; стоитъ только всмотрѣться въ изреченія и дѣянія чисто-еврейскихъ мудрецовъ—Гиллела, Гамаліила, чтобы убѣдиться, что въ образѣ Іисуса Христа вовсе нѣтъ исключительныхъ чертъ національности,—а это необходимо было бы ожидать въ изложеніи апостоловъ-евреевъ: они, безъ сомнѣнія, *даже противъ своей воли* внесли бы въ этотъ образъ такія черты, которыя необходимо обличили бы ихъ. Большою частію, эти іудейскіе мудрецы—охотники до пустыхъ казуистическихъ споровъ, до хитросплетенныхъ парадоксовъ, ревнивые спорщики за исключительныя, національныя привилегіи іудейскаго племени, фанатическіе борцы за букву закона... Словомъ, всѣ они въ большей или меньшей степени—отображенія тѣхъ книжниковъ и фарисеевъ, о которыхъ говорится въ евангеліи и которые являются прямою противоположностью нашему Спасителю. Какимъ же образомъ іудеи, современные явленію христіанства, додумались до того, чтобы создать характеръ, который во всѣхъ отношеніяхъ уклоняется отъ ихъ національнаго типа и нисколько не соотвѣтствуетъ тѣмъ чертамъ, которыя вслѣдствіе воспитанія, обычаевъ, патриотизма казались современнымъ іудеямъ самыми прекрасными, наилучшими и наиболѣе привлекательными чертами человека? Трудность признать такой характеръ *изобрѣтеніемъ* уже составляетъ прямое доказательство *историчности*, т. е. несомнѣнной дѣйствительности характера. Невозможно допустить этого и потому, что они рассказываютъ о Христѣ такія вещи, которыя (какъ, напр., позорная смерть, подвигъ въ Геэсиманіи) въ глазахъ іудеевъ и язычниковъ могли только унижить Его. Конечно, они умолчали бы объ этомъ, если бы захотѣли нарисовать въ Іисусѣ Христѣ идеаль совершенства. При этомъ они и себя унижали, чистосердечно признаваясь, что вполнѣ раздѣляли заблужденія своихъ современниковъ. Если бы,—допу-

стимъ сверхъестественное,—и могли апостолы человѣческое лицо Иисуса Христа возвысить до Божественнаго, то неужели не обличили бы ихъ современники, не слыхавшіе и не видѣвшіе ничего подобнаго разсказанному евангелистами? А это непременно случилось бы, такъ какъ евангеліе сначала проповѣдывалось устно самими же апостолами и частью сотрудниками ихъ. Могла ли и христіанская Церковь принять евангеліскія писанія, если бы они не были согласны съ этой устной проповѣдью первыхъ очевидцевъ? Возьмемъ во вниманіе также обстоятельства и способъ проповѣди собственно апостольской.

Апостолы проповѣдывали въ то самое время, когда только-что совершились евангеліскія событія, и часто въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ событія эти происходили. Неужели не обличили бы ихъ слушатели, если бы они стали проповѣдывать что-либо небывалое? Евангелисты, далѣе, называютъ по имени города, села, семейства, даже лица въ исторіи нѣкоторыхъ событій. Повѣствованіе, напр., Іоанна нерѣдко касается и малѣйшихъ подробностей. Напомнимъ только о *правомъ ухѣ* и *имени* раба Малха въ XVIII гл., 10 ст. его евангелія, что и на Ренана не могло не произвести впечатлѣнія правдивости. Этотъ именно характеръ правдивости, непосредственности, первоначальной подлинности и *достоверности* бесспорно и имѣютъ наши евангелія. „Духъ очаровательной свѣжести,—говоритъ Эвальдъ,—ощутительное дыханіе непосредственной близости Иисуса Христа вѣетъ во всѣхъ евангеліяхъ“. „Какъ ясно,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—и какъ осязательно представляется намъ образъ Иисуса въ евангеліяхъ! Этого не могъ выдумать никто изъ людей. Самые величайшіе философы древности не могли начертать намъ *подобнаго идеала* нравственнаго совершенства, а эти простые, неученые апостолы могли изъ обыденной исторіи создать чудную картину необычайныхъ событій, какъ утверждаетъ Штраусъ и его послѣдователи. Мы, напротивъ, утверждаемъ, что образъ Иисуса Христа въ евангеліяхъ можетъ быть только копіею съ дѣйствительнаго оригинала“. Конечно, можно сказать о человѣкѣ вообще, что онъ безгрѣшенъ, но какъ скоро стануть дѣйствительно рисовать этотъ образъ въ его отдѣльныхъ чертахъ, при жизненной

обстановкѣ, тотчасъ погрѣшающій духъ человѣка выступить въ такихъ чертахъ, которыя сами обличаютъ свое происхожденіе. Такъ случилось съ Иисусомъ Христомъ Ренана, имѣвшаго предъ собою якобы и первообразъ евангелія. Но что вышло изъ его измышленнаго идеала? Мечтатель, фантазеръ, мрачный исполинъ, далеко не стоящій на высотѣ нравственнаго величія... Вотъ дѣло рукъ человѣческихъ! Даже извѣстный скептикъ Жанъ-Жакъ Руссо, несмотря на то, что былъ противникъ христіанства, какъ честный человѣкъ, долженъ былъ высказать признаніе, что евангелія носятъ на себѣ такой поразительный характеръ несомнѣнной истины, что измыслившій ихъ былъ бы гораздо удивительнѣе, чѣмъ Тотъ, Кого евангелія описываютъ.

Какъ же простые, некнижные апостолы сами собою могли написать евангелія, въ которыхъ будто бы человѣкъ обыкновенный возведенъ на недосыгаемую высоту Божественнаго величія? На этотъ вопросъ, какъ и на всѣ предыдущіе, выставленные нами вопросы, нѣтъ и не можетъ быть отвѣта у тѣхъ, которые евангельскія сказанія считаютъ недостовѣрными, не вполнѣ историчными. Они отрицаютъ достовѣрность евангельской исторіи единственно потому, что предубѣждены противъ всего сверхъестественнаго, чего такъ много въ евангеліяхъ; но если они допускаютъ возможность того, что совершенно необразованные и неученые галилеяне создали свою творческою фантазією недосыгаемо совершенный идеалъ нравственнаго совершенства для всѣхъ вѣковъ и народовъ, то они тѣмъ самымъ признаютъ возможность чудеснаго, вышечеловѣческаго. Это первое.

Мало того, что апостоламъ, да и никому изъ людей, невозможно было создать Божественный, всесовершенный характеръ Иисуса Христа,—невозможно было создать имъ и такое высокоидеальное *ученіе*, какъ догматическое, такъ и нравственное, какое раскрыто въ евангеліяхъ. Даже противники христіанства, если они захотятъ быть безпристрастными, не могутъ не сознаться, что нѣтъ религіи въ мірѣ, которая бы своей силой, глубиной и ясностью могла хоть сколько-нибудь сравниться съ христіанскою религією. Какое чистое и высокое въ ней уче-

ніе о Богѣ, Его отношеніи къ міру и человѣку: о троичности Лицъ, о вочеловѣченіи Господа, о искупленіи, возрожденіи, освященіи и спасеніи человѣка! Какъ совершенна нравственность, проповѣдуемая христіанствомъ! Подробное изложеніе догматическаго и нравственнаго ученія христіанства завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно сказать о догматическомъ ученіи вообще, что только одинъ Богъ могъ сообщить человѣку такое возвышенное ученіе, а не слабый человѣчскій разумъ, создавшій не мало самыхъ невѣроятныхъ, уродливыхъ религіозныхъ ученій. А о нравственномъ ученіи довольно сказать то, что сказалъ Кантъ: „Можно согласиться, что если бы евангеліе не научило людей всеобщимъ нравственнымъ законамъ во всей ихъ чистотѣ, то человѣкъ со своимъ разумомъ до сихъ поръ не дошелъ бы до нихъ съ такимъ совершенствомъ“. Къ сказанному прибавимъ еще и то, что въ христіанской религіи, въ ея вѣроученіи и нравоученіи человѣкъ можетъ найти для себя отвѣты на всѣ тревожныя, неотвязчивыя запросы своего ума и совѣсти.

Исторія мысли человѣческой неопровержимо доказала, что въ разумной душѣ человѣка съ грѣхопаденіемъ воцарился не абсолютный мракъ: въ ней осталось еще живое стремленіе, неутолимая жажда знать то, что необходимо для сознательной и счастливой жизни, знать тайну бытія человѣческаго. Ее постоянно тревожили жизненные вопросы: отчего? какъ? для чего? Отчего я произошелъ и какая причина моего существованія? Откуда явился и этотъ міръ, который въ дивной красотѣ и цѣлесообразности необъятно раскинулся предъ моими глазами? Что такое я въ этомъ мірѣ, какое мое назначеніе и по отношенію къ себѣ и по отношенію ко всему окружающему, и что я долженъ дѣлать для выполненія своего назначенія? Все это вопросы, за рѣшеніемъ которыхъ много и долго гонялся древній язычскій міръ, основаль для этого много фарисейскихъ школъ, но кончилъ тѣмъ, что не только не рѣшилъ удовлетворительно ни одного изъ этихъ вопросовъ, но, потерявъ вѣру въ объективную истину, усумнился даже въ собственномъ существованіи. И на всѣ эти вопросы, вопросы души и жизни, мы найдемъ мудрыя отвѣты въ евангеліи, найдемъ все су-

щественно необходимое для разумнаго, мирнаго наслажденія дарованной намъ жизнью, съ сладостной надеждой на вѣчное блаженство за гробомъ. Въ евангеліяхъ мы найдемъ для себя ясное и полное рѣшеніе вопроса о значеніи и назначеніи нашей жизни, и указаніе жизненнаго пути, и укрѣпленіе нравственныхъ силъ, и отраду въ скорбяхъ. Въ евангеліяхъ пытливый умъ человѣческій найдетъ то, на чемъ ему должно основаться, чтобы познать истину и научиться отличать ее отъ лжи, добро отъ зла и при помощи такихъ знаній устроить свою жизнь ко благу и блаженству. Таково вѣро- и правоученіе христіанское, заключенное въ евангеліи. Дѣйствительно, нѣтъ и не будетъ другого ученія, которое было бы глубокоумнѣе, святѣе, болѣе общеприложимо и соотвѣтственно истиннымъ потребностямъ души человѣческой. Понятно поэтому, почему благороднѣйшія личности всѣхъ временъ и народовъ находили въ христіанствѣ удовлетвореніе всѣхъ своихъ разумныхъ потребностей. Понятно также, что и противники христіанства отдавали ему въ этомъ отношеніи справедливость и исповѣдывали истину нравственнаго величія христіанства во всеуслышаніе (напримѣръ, Руссо). Нечего и говорить о томъ, что простые, некнижные апостолы-іудеи не могли выдумать ни такого возвышеннаго ученія вѣры, ни такого святаго ученія нравственности,—поэтому и съ этой стороны защитники мнѣнія о недостовѣрности евангельскихъ сказаній остаются безотвѣтными.

Итакъ, евангельскія сказанія не могутъ составлять идеализаціи авторовъ ихъ; это, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, совершенно невозможно. Надобно согласиться съ тѣмъ, что наши евангелія написаны на основаніи дѣйствительныхъ событій съ совершенною точностію. При этомъ на вопросъ: могли ли апостолы написать евангелія при помощи естественныхъ средствъ, мы тоже безъ колебанія можемъ отвѣтить, что не могли. Апостолы были люди простые, неученые; писали они евангелія спустя долгое время послѣ того, какъ совершились евангельскія событія, писали независимо другъ отъ друга, въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время, съ различными, даже частными цѣлями. Вдумываясь внимательно въ эти обстоятельства напи-

санія евангелій, мы наталкиваемся на многіе вопросы, которые неразрѣшимы при той мысли, что апостолы описали евангельскія событія, пользуясь лишь естественными средствами,—одни по преданію, другіе по личному наблюденію, какъ очевидцы евангельскихъ событій,—безъ особой помощи Божественной. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли апостолы исполнѣ согласно и такъ удивительно точно охарактеризовать Божественное Лицо Иисуса Христа? А между тѣмъ, это фактъ очевидный и ясный для всякаго непредубѣжденнаго читателя и изслѣдователя евангелій. Еще вопросъ: какъ могли апостолы вѣрно и безошибочно изложить высочайшее, Божественное ученіе Иисуса Христа какъ догматическое, такъ и нравственное? Въ изложеніи этого ученія у евангелистовъ нѣтъ ни одного противорѣчія, какъ должно бы случиться это и по указаннымъ обстоятельствамъ написанія евангелій и потому еще, что евангелія писаны разными лицами, изъ которыхъ каждое могло иначе, по-своему, понять евангельское ученіе. Этого не могли бы сдѣлать евангелисты безъ особой помощи Божіей.

Апостолы при помощи естественныхъ средствъ не могли такъ безошибочно и точно написать евангельскую исторію. У Іоанна, на примѣръ, который, нужно сказать, писалъ свое евангеліе позднѣе прочихъ евангелистовъ, находятся рассказы точные и послѣдовательные изо дня въ день, а при нѣкоторыхъ событіяхъ указываются даже часы дня. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. „Было около 10-го часа“, когда два ученика и самъ Іоаннъ здѣсь же пришли ко Христу (I, 39); „около 6-го часа“ Христосъ бесѣдовалъ съ самарянкою (IV, 6); „около 6-го же часа“ Пилать наканунѣ праздника сѣлъ на судейское кресло, чтобы произнести надъ Христомъ приговоръ, имѣвшій слѣдствіемъ искушеніе міра... Столь же точно, вѣрно, истинно и согласно изображены въ евангельской исторіи и нѣкоторыя другія лица и событія. Стоитъ только сравнить, какъ Лука и Іоаннъ совершенно независимо другъ отъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно согласно изображаютъ обѣихъ сестеръ Лазаря—тихую, задумчивую Марію и горячую, многозаботливую Марѳу. Стоитъ, далѣе, обратить вниманіе на тонкія, живыя и одинаковыя у всѣхъ евангелистовъ характеристики

всѣхъ личностей, встрѣчающихся въ исторіи страданій Господа. Еще болѣе: мы не можемъ надивиться тому обстоятельству, какъ могли апостолы буквально запомнить и записать слова, изреченія и особенно длинныя рѣчи и обращенія Иисуса Христа къ народу, къ ученикамъ и къ Богу,—напримѣръ, длинную и возвышенную молитву Христа Спасителя, которая носитъ названіе первосвященнической (Іоан. XVII), или нагорную Его проповѣдь (Мѡ. V—VII), или изумительныя Его пророчества о судьбѣ Іерусалима и кончинѣ міра и проч. Все это рѣшительно невозможно для людей и въ частности для евангелистовъ, изъ которыхъ двое не были и слушателями Иисуса Христа. Эти соображенія достаточно уже говорятъ въ пользу той мысли, что при помощи естественныхъ средствъ апостолы не могли написать евангелій, хотя имъ и приходилось писать только, такъ-сказать, копію съ дѣйствительности. Выказанная нами мысль еще болѣе подтверждается, если мы обратимъ вниманіе на самый литературный характеръ евангельскихъ писаній. Вникая въ этотъ характеръ, мы замѣчаемъ въ нихъ простоту и бросающуюся въ глаза искренность и простосердечіе. Нигдѣ не видно, чтобы авторы желали отличиться фразой, или красотой слова, или научностью, или строгостью порядка хронологическаго и логическаго. Мы видимъ, что апостолы не умалчиваютъ даже о собственныхъ недостаткахъ—о своей непонятливости, о своихъ взаимныхъ разногласіяхъ, о своихъ неправильныхъ понятіяхъ касательно царства Мессіи, о своемъ маловѣрїи, о своей иногда неумѣстной ревности; они говорятъ о невѣрїи Фомы, объ отреченїи и маловѣрїи Петра, о честолюбивыхъ замыслахъ, о неумѣстной ревности Іоанна, о предательствѣ Іуды и проч. Человѣку, предоставленному самому себѣ, человѣку естественному такая самоотверженная откровенность рѣшительно несвойственна и едва ли для него возможна. Евангелія при этомъ не подходятъ ни подъ какую форму словесныхъ произведеній человѣческаго ума, но сами составляютъ совершенство особой, неподражаемой формы.

Нельзя не обратить вниманія и еще на нѣкоторыя особенности евангельскихъ писаній. Къ этимъ особенностямъ нужно прежде всего отнести самый духъ евангелій, который слишкомъ

наглядно возвышается надъ маловажными, житейскими предметами, надъ выраженіемъ обыкновенныхъ чувствъ человѣческихъ, надъ суетностью и самолюбіемъ авторскимъ. Тонъ евангельской рѣчи въ высшей степени спокойный, чуждый всякой аффектаціи; въ прекрасныхъ и благородныхъ евангельскихъ рассказахъ все полно неизъяснимой прелести, дивной простоты и искренней правдивости. Видно, что писатели евангелій не имѣли въ виду снискать одобреніе читателей, или возбудить ихъ удивленіе. О самыхъ возвышенныхъ дѣйствіяхъ Иисуса Христа, о самыхъ близкихъ ихъ сердцу событіяхъ евангелисты говорятъ такъ просто и безыскусственно, какъ о явленіяхъ самыхъ обыкновенныхъ. Такъ, евангелистъ Іоаннъ коротко и спокойно выражается о страданіяхъ и смерти Господа: „Тогда убо Пилать поятъ Иисуса и би Его“ (XIX гл.) и далѣе въ ст. 18: „Идѣже пропяша Его“. О смерти Иисуса Христа Іоаннъ говоритъ совершенно спокойно: „Иисусъ рече: „совершишася“ и, преклонъ главу, предаде духъ“. Такъ же выражаются и другіе евангелисты, напр., Маркъ (XVI, 37): „И пуць гласъ велій, издше“. Апостолы, мы видимъ, не употребляли никакихъ искусственныхъ средствъ для того, чтобы болѣе яркими красками изобразить или восхвалить своего Господа и Учителя. Какое, напримѣръ, величественное, изумительное дѣло воскресенія Лазаря! А евангелистъ передаетъ объ этомъ событіи такъ, какъ будто оно было самое обыкновенное,—безъ всякихъ вычурныхъ фразъ, безъ эффектныхъ восклицаній, безъ громкихъ похвалъ: „Лазаре, гряди вонъ! И изыде умерый обзянъ рукама и ногама укроемъ“ (Іоанна XI, 43—44).

Стоить теперь только сравнить съ подлинными евангеліями—подложныя, апокрифы, и мы увидимъ разницу между исторіей и басней, между истиной и ложью. Въ апокрифахъ, кромѣ заимствованнаго изъ подлинныхъ евангелій, нѣтъ ничего похожаго на евангелія; въ нихъ встрѣчается, напримѣръ, множество чудесъ, которыя на безпристрастнаго читателя производятъ странное впечатлѣніе. Такъ, въ одномъ изъ апокрифическихъ евангелій рассказывается, что Иисусъ, будучи 5-лѣтнимъ мальчикомъ, слѣпилъ изъ глины 12 воробьевъ въ субботу. Когда Іосифъ сталъ упрекать Его въ нарушеніи субботняго покоя,

то Иисусъ ударилъ въ ладоши, и тотчасъ воробьи сдѣлались живыми и улетѣли. Довольно этого примѣра, чтобы видѣть, какъ отразился на содержаніи апокрифическихъ евангелій погрѣшающій разумъ человѣка.

Къ особенностямъ же евангельскихъ писаній, недоступнымъ для человѣческихъ силъ, нужно отнести и *слогъ* ихъ. Евангельскаго слога нельзя найти ни въ какомъ вѣкѣ, кромѣ перваго христіанскаго, и ни у какихъ писателей, кромѣ евангелистовъ. Будучи іудеями, они писали свои евангелія въ греческихъ странахъ на еврейско-греческомъ языкѣ; чтобы приспособить этотъ смѣшанный, невыработанный языкъ къ выраженію новыхъ, высокихъ идей христіанства, они, видимо, боролись съ трудностями дѣла и, однако же, въ евангеліяхъ оказалась неподражаемая сила и оригинальность языка: „такъ, какъ могли говорить и писать евангелисты,—говорить Герике,—никто другой не могъ“.

Такимъ образомъ, сказаннымъ о литературномъ характерѣ нашихъ евангелій доказывается то, что простые, некнижные апостолы-евангелисты не могли сами создать той литературной формы и того священнаго стиля евангельскаго, которые оказываются неподражаемыми.

Послѣ всего сказаннаго остается заключить, что апостолы написали евангелія не иначе, какъ при содѣйствіи Духа Святаго, на что и есть ясныя указанія въ евангеліяхъ и другихъ священныя книгахъ Новаго Завѣта. Не при помощи однихъ естественныхъ средствъ писали апостолы свои евангелія: они писали въ этихъ евангеліяхъ, *что* знали, *какъ* знали и, главнымъ образомъ, *какъ внушалъ имъ Духъ Святой*, обильное ниспосланіе Котораго обѣщалъ и даровалъ имъ ихъ Божественный Учитель.

1891 г.

Христось въ христiанинѣ.*

Время, предназначенное въ предвѣчномъ Совѣтѣ Божиѣмъ для приготовленія рода человѣческаго къ принятію Искупителя, истекало. Мiръ языческій въ конечныхъ результатахъ своей науки дошелъ уже до полнаго отрицанія самой возможности познать истину и лежалъ въ нравственныхъ развалинахъ; мiръ іудейскій искажилъ истинный смыслъ Божественнаго Откровенія ветхозавѣтнаго, застывъ въ мертвой обрядности. Человѣчество сознавало всю необходимость нравственнаго обновленія, перерожденія и, не имѣя для того опоры въ собственныхъ нравственныхъ силахъ, ждало Божественной помощи, ждало напряженно и томительно примиренія съ разгнѣваннымъ Божиимъ правосудіемъ. А между тѣмъ срокъ исполненія ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи уже близился къ концу... И вотъ, въ это исключительное, единственное въ исторіи человечества время небесный вѣстникъ Гавріиль *благовѣствуетъ* Пречистой Дѣвѣ Маріи, *благовѣствуетъ* о величайшемъ таинствѣ Божественнаго домостроительства, совершеніи всѣхъ пророчествъ и обѣтованій, осуществленіи всемірныхъ надеждъ и желаній,—о рожденіи отъ нея Спасителя мiра.

Посольство и *благовѣстіе* воистину великое, и самое рожденіе, *возвѣщаемое* имъ, есть рожденіе необыкновенное, отъ вѣка *неслыханное*: „*Се Дѣва во чревтѣ зачнетъ и родитъ Сына—Еммануила*“ (Ис. VII, 14). *Како будетъ сіе?* Какъ она зачнетъ—Безначальнаго, родить—прежде всѣхъ вѣковъ Рождаемаго? Какъ,

* Поученіе въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы 1891 года марта 25 дня.

наконецъ, Дѣва родить, когда она мужа не знаетъ? И слышится въ отвѣтъ Пречистой Дѣвѣ: „*Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осенитъ тя*“... Это—чудо неизреченное, это—тайна величайшая, въ которую и ангелы приникнути желаютъ (1 Петр. I, 12). Посему-то и прибавляетъ Архангелъ, ссылаясь на Божественное всемогущество: „*не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь*.“ И этому чуду, совершившемуся для насъ, суждено совершиться нѣкоторымъ образомъ и надъ нами; эта тайна, возвѣщенная намъ, должна повториться и въ насъ. Такъ должно: ибо тѣмъ путемъ, которымъ шелъ Начальникъ нашего спасенія Иисусъ, тѣмъ путемъ необходимо идти и намъ, спасаемымъ чрезъ Него.

Земное наше рожденіе даетъ намъ и жизнь земную; отъ плоти рождается *плоть*, а не болѣе; отъ человѣка, въ его естественномъ состояніи, происходятъ и сыны человѣческіе, а не сыны Божіи. А такъ какъ человѣкъ въ самомъ основаніи своего бытія и во всемъ составѣ своемъ поврежденъ грѣхомъ, какъ печальнымъ наслѣдіемъ отъ праотца Адама, то, по законамъ природы, и рожденный отъ человѣка рождается во грѣхѣ, зачинается въ беззаконіи. Поэтому, чтобы перестать быть сыномъ человѣческимъ, чтобы приобрести иную, небесную жизнь—въ Богѣ и сдѣлаться сыномъ Божиимъ, необходимо и рожденіе *свыше* (Іоан. III, 7)—не отъ крове, не отъ похоти плотскія, мужескія, но отъ Бога (Іоан. I, 13).

Но подобно тому, какъ рожденіе плотское предполагаетъ принятіе человѣкомъ человѣческаго естества, отображеніе въ рожденномъ образа родившаго, такъ и духовное рожденіе отъ Бога есть приобщеніе *Божественнаго естества* (2 Петр. I, 4), обновленіе и напечатлѣніе въ человѣкѣ образа Создавшаго его—Бога. Но *существенный образъ Божій* (Евр. I, 3; Колос. I, 15) и, слѣдовательно, высочайшій образецъ для всѣхъ, желающихъ родиться свыше, быть сынами Божиими, есть Иисусъ Христосъ. Поэтому и духовное наше рожденіе собственно состоитъ въ томъ, чтобы Христосъ вселился въ насъ или, по словамъ апостола, *вообразился* въ насъ (Гал. IV, 19) и изобразился во всемъ нашемъ бытіи, во всѣхъ силахъ и способностяхъ духа. Въ естественномъ рожденіи отъ Адама мы получаемъ отъ не-

го въ наслѣдіе образъ ветхаго, земного человѣка, получаемъ ту же плоть и кровь, которую онъ имѣлъ, ту же суету ума, испорченность воли, развращенность пожеланій, болѣзни и немощи тѣла. Подобно этому, въ духовномъ рожденіи отъ Бога въ насъ изображается новый, небесный человѣкъ І. Христосъ, отъ Котораго мы, хотя не въ равной съ Нимъ степени, получаемъ тотъ же *духъ* (1 Кор. VI, 17), который Онъ имѣлъ, тотъ же образъ мыслей, возвышенность чувствованій, святость пожеланій. Тайна такого перерожденія духовнаго, образъ совершенія его—непостижимы для мудрости человѣческой, но оно должно случиться со всякимъ христіаниномъ. И оно случалось со всѣми тѣми, кто внимательно слѣдилъ за своею внутреннею жизнью,—со святыми Божиими. Какъ мы живо ощущаемъ естественную нашу жизнь, такъ они живо ощущали въ себѣ, испытывали собственнымъ внутреннимъ опытомъ духовную жизнь, это *воображеніе* въ нихъ Христа. Они жили каждый въ своемъ мертвенномъ тѣлѣ, но жили уже не сами, а жилъ въ нихъ Христосъ; ихъ собственное начало дѣятельности, всегда у человѣка естественнаго грѣховное, было упразднено, а жила въ нихъ и дѣйствовала сила Христова.

„Живу не къ тому азъ“, говоритъ ап. Павелъ, опытно познавшій тайну духовнаго рожденія, *„живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ, а еже нынѣ живу во плоти, върою живу въ Сына Божія...“*

И нѣтъ ничего удивительнаго, что это рожденіе и жизнь духовная невидимы, непостижимы, если то же самое съ полною справедливостью должно сказать и про наше естественное рожденіе, естественную жизнь въ ихъ основаніи. Присутствіе и той и другой жизни, и жизни естественной—плотской, и жизни свыше—духовной, становится яснымъ только по проявленіямъ.

Братіе-христіане! Воспомявая нынѣ великое событіе Благовѣщенія Богоматери, Св. Церковь отъ лица всѣхъ насъ радостно взываетъ: *„Днесь спасенія нашего главизна!“*

Спасенія... Но спасеніе не есть нѣчто помимо воли нашей усвояемое намъ Богомъ; для полученія его требуются отъ насъ усилія воли, выполненіе многихъ условій. Богъ не спасетъ насъ безъ насъ... И первое, и самое главное условіе нашего

спасенія есть духовное рожденіе, рожденіе свыше. Намъ объявлено, что „*еще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія*“; слѣдовательно, если мы не исполнимъ этого требованія, то въ нынѣшній день напрасно будемъ взывать, что днесь спасенія нашего главизна. Да, нужно родиться духовно. Мы знаемъ, что духовная наша жизнь въ ея основаніи невидима для насъ, непостижима и узнается только по внѣшнимъ проявленіямъ. Итакъ, чтобы узнать, возрождены ли мы, чтобы увѣриться, обитаетъ ли въ насъ внутренно Христось, посмотримъ на наши дѣла, на нашу внѣшнюю жизнь, въ которой для имѣющихъ очи видѣти достаточно ясно отражается жизнь внутренняя. Христось, Которому должно *вообразиться* въ духовно-возрожденныхъ, принесъ на землю совершеннѣйшій нравственный законъ, котораго Самъ былъ первымъ исполнителемъ; Онъ грѣха не сотворилъ *ни единого*; Онъ праведенъ есть; Онъ побѣдилъ міръ; Онъ не искалъ славы своея, но славы Пославшаго Его: и истинно-возрожденный, сообразуясь Христу, исполняетъ Его нравственный законъ; рожденный отъ Бога грѣха не творить (1 Іоан. III, 9), творить же правду, побѣждаетъ міръ весь со всѣми его прелестями, со всѣми его ужасами, и все дѣлаетъ единственно для славы Божіей. И если мы идемъ этимъ славнымъ царскимъ путемъ, если во всей своей дѣятельности, во всѣхъ поступкахъ, чувствованіяхъ и пожеланіяхъ мы бываемъ подражателями Христа и, по выраженію апостола, ходимъ такъ, какъ *Христось ходилъ есть* (1 Іоан. II, 6),—то, значить, мы возрождены духовно, мы—истинныя чада Новаго Завѣта, сыны Божіи по благодати. Тогда, и только тогда, духовно возрожденные, мы въ правѣ и въ нынѣшній свѣтлый и радостный день устами Церкви съ особеннымъ восторгомъ воскликнуть: днесь *и нашего* спасенія главизна! Аминь.

Жажда духа.*

Аще кто жаждеть, да грядеть ко Мнѣ и да пїеть.

Прошли вѣка съ тѣхъ поръ, какъ возглашены были эти великія слова, и исторія вполнѣ подтвердила всю ихъ непреложность и истинность.

Прошли вѣка, измѣнились условія жизни, двинулись впередъ и науки и искусства, государства падали и возникали, одни народы смѣняли другіе—и на всемъ протяженіи исторіи тѣ, кто истинно жаждали, или кто сильно жаждали жаждою духовною, внимая Божественному зову: „аще кто жаждеть, да грядеть ко Мнѣ и да пїеть“, приходили ко Христу и пили изъ источника Его.

Христіанство преобразовало міръ. Апостолы, эти некнижные ученики Христа, уловили въ послушаніе Его царей и царства. Иначе быть не могло. Христіанство—единственная религія всеобщая, вѣчная, не зависящая отъ условій пространства и времени, равно дѣйственная въ Европѣ, Азїи и Америкѣ, нынѣ, какъ и тысячи лѣтъ назадъ, вліяющая благотѣтельно на людей всѣхъ возрастовъ и положеній. И это оттого, что оно удовлетворяетъ въ высшей степени всѣмъ духовнымъ потребностямъ человѣка: душа наша, по выраженію одного церковнаго учителя, по природѣ христіанка. Оттого-то христіанство побѣдило міръ, преобразовало человѣчество. Оно уменьшило ужасы войны, уничтожило рабство; оно во всѣ отношенія людей вложило святое начало любви и тѣмъ упорядочило жизнь государствъ; оно создало общественную благотворительность, которая принесла уже столько прекрасныхъ плодовъ, отерла столько слезъ; христіанство осватило супружескій союзъ, осватило семью, возвысило женщину; оно же, какъ истинный другъ науки и просвѣщенія, обогатило и облагодѣ-

* Въ день коронаціи 15 мая 1891 г. и въ праздникъ Преполовенія.

тѣльствовало ими міръ, создало цивилизацію, ибо тѣ народы только и цивилизованы, которые исповѣдуютъ эту Божественную религію.

Но не на это я хотѣлъ обратить ваше вниманіе, остановившись на словахъ Спасителя, слышанныхъ нами въ прочитанномъ нынѣ Евангеліи: „аще кто жаждетъ, да грядетъ ко Миѣ и да пьетъ“. Чтобы познать всю благодѣтельность этого Божественнаго зова, не нужно спрашивать, что сдѣлала Христова вѣра для семейства, государства, вообще для человѣчества: объ этомъ свидѣлствуетъ изъ вѣка въ вѣкъ исторія. А многіе, можетъ-быть, и не могутъ понять этого. Мы спросимъ объ этомъ только душу нашу, которую Христось, искупивши, обновилъ, соединилъ съ Собою и Божествомъ навсегда.

Безъ Христа мы жили бы въ постоянныхъ мученіяхъ и въ здѣшней жизни и загробной, но единственно чрезъ Него мы будемъ жить блаженно во вѣки. Безъ Христа чѣмъ бы мы были, подавленные тяжестью собственныхъ грѣховъ, живущіе на землѣ, проклятой въ дѣлахъ рукъ человѣческихъ, уязвляемые терніями, которыя растить она по повелѣнію Творца своего. Грѣхъ есть причина и источникъ зла. И пока мы носимъ этотъ источникъ въ сердцѣ своемъ, до тѣхъ поръ мы должны подвергаться неизбѣжнымъ послѣдствіямъ зла въ этомъ мірѣ—скорбямъ и несчастіямъ. „Бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыняхъ, бѣды въ рѣкахъ и морѣ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи“, говоритъ апостоль Павелъ, исчисляя испытанныя имъ бѣдствія. Сколько бы ни старались улучшить земную жизнь человѣка, сколько бы ни обставлялъ человѣкъ себя удобствами, ни улучшалъ общественныхъ отношенія, сколько бы ни холилъ свое тѣло,—онъ не избѣгнетъ скорби и страданія, ибо причина ихъ часто не отъ него зависитъ. Болѣзни и немощи тѣла, обиды и несправедливости ближнихъ, да одна страшная и неотвязная мысль неизбѣжной смерти способна отравить все, что измыслить человѣкъ для своего земного благополучія. И нѣтъ конца бѣдамъ и скорбямъ человѣческимъ, потому что нѣтъ конца грѣхамъ нашимъ. Къ кому же обратиться намъ со своими печалями, у кого искать утѣшенія въ несчастяхъ и стра-

даніяхъ, если душа жаждетъ отрады и упокоенія отъ тревогъ и волненій?

Ты жаждешь? А Спаситель взываетъ „Аще кто жаждетъ, да грядетъ ко Миѣ и да пьетъ.“ Ты ищешь упокоенія? Послушай: „Придите ко Миѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы.“

Итакъ, страждетъ ли духъ твой отъ множества собственныхъ беззаконій, подавлено ли сердце сознаніемъ виновности предъ Богомъ и людьми и нѣтъ тебѣ покоя отъ неподкупнаго стража—совѣсти: приди къ Іисусу Христу въ основанную Имъ Церковь и, самъ воѣмъ простивъ, получишь разрѣшеніе отъ грѣховъ чрезъ смиреннаго служителя Христа и Его Церкви.

Грозитъ ли гнѣвъ Божій съ неба, и Господь, прогнѣванный грѣхами нашими, попуститъ гладъ, губительство, трусь, потопъ, огонь, мечъ, нашествіе иноплеменниковъ и междуособную брань: приди ко Христу, приди и умиловительной жертвой Тѣла и Крови Его воспользуйся. Со слезами и поканіемъ, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ пусть вознесется пламенная молитва множества народа при подлежащей на алтарѣ умиловительной и ходатайственной жертвѣ Сына Божія. И Господь спасетъ люди Свои и благословитъ достояніе Свое.

А если злоба человѣческая, клевета и напасть, вражда и зложелательство обидятъ, оскорбятъ тебя,—о, противъ этого заповѣдано намъ Христомъ поистинѣ Божественное средство: молитва за враговъ и ненавидящихъ насъ. Ты сомнѣваешься, можетъ-быть, въ дѣйственности этого средства? Нѣтъ, приди во храмъ и здѣсь предъ лицомъ распятаго Спасителя, молящагося за своихъ распинателей, помолись и ты за враговъ съ миромъ и всепрощеніемъ, и Духъ Божій пошлетъ *миръ духови твоему*, сердце наполнитъ утѣшеніемъ небеснымъ, котораго никто не можетъ отнять у тебя.

А если скорбь у тебя, бѣда, печаль, несчастье, болѣзнь,—спѣши подъ матерній кровъ Св. Церкви. Ей Христосъ, твой Спаситель, далъ право и власть творить моленія за людей и Самъ обѣщалъ исполненіе ея моленій. Она не только въ лицѣ своихъ служителей помолится за тебя, но подвигнетъ на молитву

съ собою весь соборъ святыхъ Божіихъ и Саму Царицу Небесную, Пречистую и Пресвятую Матерь Господа Иисуса.

Утомится ли духъ твой заботами и попеченіями житейскими и будетъ, какъ горлица, искать себѣ покоя, и возжаждетъ душа твоя къ Богу крѣпкому и живому, какъ жаждетъ елень источниковъ водныхъ,—услыши и внемли Божественному зову: „Аще кто жаждетъ“... Приди къ Церкви: она облегчитъ тяжесть души твоей, богоносными ученіями наставитъ тебя, какъ жить въ мірѣ, возвѣститъ тебѣ святой и царскій путь спасенія. Вступи на него и обрещешь покой души своей.

А когда изможденное изнурительными трудами и болѣзнями самое тѣло твое будетъ уже недвижимо на смертномъ одрѣ, духъ готовъ будетъ разлучиться съ нимъ и предстать въ другой міръ предъ лице Божіе, и ты, объятый смертными страхами, возжаждешь послѣднихъ утѣшеній вѣры,—приди ко Христу: и Его служитель словомъ утѣшеній и обѣтованій евангельскихъ облегчитъ тебя, таинственнымъ покаяніемъ очиститъ, молитвою окрылитъ твою душу и поможетъ ей благонадежно совершить горній полетъ отъ земли къ небу. Въ Пречистыхъ Тайнахъ придетъ къ тебѣ и Самъ Христосъ, Богъ и Спаситель и тогда, соединившись со Христомъ, ты скажешь дерзновенно съ пророками: „Аще и пойду посреди сѣни смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси“ (Ис. XXII, 4).

Потомъ и вздохъ твой послѣдній излетитъ, и погребутъ тебя, и тѣло твое предается тлѣнію, и пройдутъ надъ могилой вѣка, но до конца временъ, доколѣ не грянуть трубы вѣстниковъ скоро грядущаго вѣчнаго міра, пока не сверкнетъ молнія пришествія Сына Человѣческаго,—Св. Церковь въ тайнѣ святѣйшей и умиловительной Евхаристіи со всеѣмъ соборомъ вѣрующихъ будетъ умолять Владыку и Господа, да будетъ Онъ милостивъ къ созданію Своему...

Аще кто жаждетъ сего, да грядетъ ко Христу и да пьетъ!
Аминь.

Уроки стараго и новаго года.*

Еще одинъ годъ ушелъ въ вѣчность, прошелъ—и не возвратитъ его ничѣмъ, никакими силами не возвратитъ къ бытію и одной его минуты. И всѣ мы, старые и малые, и много прожившіе и только вступившіе въ жизнь, однимъ шагомъ ближе стали къ тому неминуемому концу, о которомъ нужно такъ часто думать, и такъ не хочется думать, который называемъ смертию.

Невеселыя мысли на веселый день.... И нельзя сказать, чтобы эти мысли какъ бы насильственно не заставляли насъ сосредоточиться на нихъ вниманіемъ, и особенно теперь, въ настоящій день Новаго года. Ибо многознаменателенъ и поучителенъ настоящій праздничный день.

Богомудрый Царепророкъ Давидъ даже и въ безмолвной смѣнѣ дней и въ нѣмой послѣдовательности ночей услышалъ нѣкій глаголъ и нѣкую торжественную проповѣдь, объявляемую міру на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

„День дню передаетъ рѣчь, и ночь ночи возвращаетъ знаніе. Нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчія, на которыхъ не слышался бы голосъ ихъ“. Тѣмъ болѣе есть проповѣдь въ смѣнѣ одного года другимъ. Что далъ намъ годъ старый, чѣмъ ознаменовался, что особенное внесъ въ нашу жизнь? Старый годъ далъ намъ голодъ... Божіимъ попущеніемъ, по выраженію пророка, „отворилось небо надъ главою нашею мѣдянымъ и земля подъ ногами нашими обратилась въ желѣзную; послалъ на насъ

* Поученіе на Новый (1892-й) годъ въ Ставроп. кафедр. соборѣ по случаю года въ 30 губерніяхъ Россіи.

Господь ярость и гнѣвъ и скорбь"... Цѣлые милліоны нашихъ собратій остались безъ куска хлѣба; во многихъ мѣстахъ нашей родины земля, проклятая въ дѣлахъ рукъ человѣка, не возвратила земледѣльцу буквально ничего изъ посѣяннаго. Новый годъ застаётъ насъ въ годину тяжелаго народнаго бѣдствія. Надрывается сердце всякаго русскаго, надрывается сердце всякаго человѣка при мысли только о томъ, что приходится испытывать теперь многомилліонному населенію несчастныхъ, лишенному часто буквально куска насущнаго хлѣба. Много объ этомъ и говорилось, и писалось. Несчастье дѣйствительно велико, бѣдствіе ужасно. И оно касается не однихъ только тѣхъ, кто дѣйствительно голодаетъ, оно близко касается и насъ, сытыхъ и довольныхъ.... Нѣкогда Спасителю сказали, что Пилатъ смѣшалъ кровь галилеянъ съ ихъ жертвами,—и Божественный Учитель даже и въ этомъ бѣдствіи, постигшемъ только нѣсколько человѣкъ, указалъ нѣчто общее, относящееся ко всему народу: „думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ? Нѣтъ, говорю вамъ: но если не покаетесь, всѣ также погибнете“. То же примѣнить должно и къ намъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Признаемъ въ этомъ бѣдствіи грозное знаменіе Божьяго наказанія. Вотъ наблюдатели надъ русскою жизнью послѣднихъ лѣтъ, правильнѣе—послѣднихъ десятилѣтій, всѣ единодушно говорятъ, что у насъ стала падать религія, а это, извѣстно,—вмѣстѣ и могила нравственности; говорятъ, что наша наука забыла Бога, наша жизнь Его прогнѣвала; что наше ученье, искусства, всѣ способности наши были направлены къ полученію однихъ матеріальныхъ благъ. И вотъ „открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ“; „скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка, творящую злое“ (Римл. I, 18; II, 9).

Господь показалъ намъ, какъ ненадежны тѣ блага, за которыми мы, какъ дѣти за красивыми игрушками, гонялись, въ которыхъ полагали и цѣль и лучшее украшеніе нашей жизни. Можемъ воочію убѣдиться, какъ легко безъ помощи Божіей очутиться въ безвыходномъ положеніи, безъ куска хлѣба, хотя всѣ усилія наши во всѣ предшествовавшіе годы жизни, всѣ средства науки,—чуть не все въ нашей жизни,

повидимому, всецѣло направлено было къ тому, чтобы приобрести побольше этого хлѣба. Подобно одному приточному богачу, мы ставили идеаломъ и частной и общественной жизни только одно: разорить житницы свои и большія создать, собрать туда вся жита своя и благая своя; въ своемъ служеніи культу мамоны, въ своемъ поклоненіи предъ экономическимъ благосостояніемъ народа мы, подобно этому безумцу, смѣшивая даже душу съ чревомъ, восклицали: душе, почивай, яждь, пій, веселися. „Зачѣмъ намъ религія, къ чему все духовное? Намъ нужно то, что существенно, что только и необходимо, словомъ, едино на потребу: хлѣбъ и питательная пища, а въ этомъ, моль, мы обойдемся и безъ помощи небесъ“. Такъ говорили, да и донинѣ говорятъ нѣкоторые... безумцы. И вотъ одинъ только годъ гнѣва Божія, одну только весну и лѣто, только нѣсколько мѣсяцевъ мѣдянаго неба и желѣзной земли, только немного времени гнѣва и ярости—и что же видимъ? Что защитить насъ и спасеть отъ гнѣва Божія? Пусть теперь наука повелитъ облакамъ небеснымъ пролить дождь на землю, пусть изощренное искусство исцѣлитъ неблагоприятный воздухъ, пусть вся мудрость и сила человѣческія, соединившись вмѣстѣ, произведутъ вновь изобиліе плодовъ земныхъ, которыхъ Богъ лишилъ, пусть заставятъ землю послушаться голоса ихъ, хотя бы во имя ея (земли) собственныхъ законовъ, которые человѣческая мудрость, какъ хвалится она, въ такомъ совершенствѣ изучила! Увы, мудрость человѣческая не разъ заявляла во всеуслышаніе міра, что въ открытыхъ ею мастерскихъ руками ученыхъ ея служителей ни въ какой ученой лабораторіи она не можетъ произвести искусственно даже сотою части житнянаго зерна.... А что если Богъ не престанетъ въ гнѣвѣ, что если и новый годъ несетъ то же, что далъ уже старый? Вѣдь мы-то сами сдѣлаемся ли лучшими въ новомъ году?...

Но довольно о семъ. Услышимъ же, что вѣщаетъ старый годъ новому? Чему учить насъ? Что дѣлать намъ въ виду указанныхъ явныхъ знаменій гнѣва Божія? Поучимся у года стараго, и не у одного, а у цѣлой совокупности старыхъ годовъ. Тѣ же наблюдатели надъ жизнью русскаго народа, которые указываютъ намъ темныя стороны современности, говорятъ;

что русскій человѣкъ всегда былъ крѣпокъ и несокрушимъ твердою вѣрою въ Бога, надеждою на Его безконечную благость. Молитва вѣры склоняла не разъ Божью милость къ русскому народу, и онъ перенесъ всѣ ниспосылаемыя ему тяжелыя испытанія, часто тягчайшія настоящихъ, отъ татарскаго ига до послѣдняго нашествія 20-ти языковъ, перенесъ—и не погибъ. И теперь, дѣлая все зависящее отъ насъ, чтобы по мѣрѣ силъ облегчать общегосударственное горе, вспомнимъ о Богѣ, Котораго, можетъ-быть, мы не разъ забывали въ суетѣ суетъ жизни, и на Его милость и помощь возложимъ больше всего упованіе. Господь Иисусъ вчера и сегодня той же и во вѣки, говоритъ апостолъ; подобно человѣку, Онъ не бываетъ нынѣ милостивымъ болѣе, а завтра менѣе.

И если Онъ исцѣлялъ во время земной Своей жизни больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, чудесно насыщалъ голодныхъ, то и нынѣ Онъ, оставшись неизмѣннымъ, можетъ сдѣлать то же. Угодна Ему и нынѣ молитва вѣры, окрыленная спасительною надеждою, споспѣшествуемая любовью и дѣлами любви. Преклонить Его на милость наша безпредѣльная преданность, горячая мольба, совершенное упованіе. Лишь бы мы, люди Его, достояніе Его, были достойны милости. Лишь бы мы, умѣя различать и рассуждать лицо неба и земли, могли и умѣли познавать знаменія временъ и уроки въ нихъ Промысла (Мѡ. XVI, 3). И прежде всего о томъ свидѣтельствуютъ намъ эти знаменія временъ, что мы должны побольше горняя мудрствовать, а не земная, искать прежде всего Царствія Божія и правды Его, вѣря, что все остальное приложится намъ. Интересы религіозныя, духовныя, заботы о поднятіи въ насъ уровня нравственнаго развитія, мысли о небѣ и вѣчномъ спасеніи должны имѣть больше мѣста въ нашей жизни. А затѣмъ и о томъ свидѣтельствуютъ эти знаменія временъ, что Господь, наказавъ насъ, далъ намъ и возможность исправиться, заставивъ насъ задуматься надъ своимъ нравственнымъ состояніемъ и увидѣть его несовершенство, внушая намъ желаніе исправиться и идти путемъ добродѣтели, дастъ намъ и возможность осуществить свое желаніе и показать его на дѣлѣ. Голодъ есть наказаніе Божіе, но вмѣстѣ и способъ испытать

насъ сытыхъ и довольныхъ, тронемся ли мы видомъ чужого страданія, двинемся ли на помощь. Не любимъ словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною. Если кто скажетъ, что Бога любить, а ближняго своего не любить, тотъ, по свидѣтельству апостола,—лжецъ. Правда, помощь оказывается, въ помощи участвовали и участвуемъ и мы, но и опасность еще не миновала, бѣда не прошла, испытаніе Вожіе не кончилось. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ съ высоты Царскаго престола данъ былъ примѣръ великодушія и готовности помочь страждущимъ братьямъ, въ бѣдѣ сущимъ, всѣ сословія народа нашего выказали готовность подражать высокому примѣру, со всѣхъ мѣстъ нашей родины потекли рѣкою пожертвованія, и здѣсь и нашъ край, и нашъ городъ, и мы не отставали отъ другихъ. Но есть опасность, какъ бы это не было минутнымъ порывомъ, временнымъ увлеченіемъ; есть опасность, какъ бы это не свелось къ формальному исполненію предписанія долга, виѣшнимъ образомъ понятаго. Нравственно добрая дѣятельность должна войти въ наши нравы и привычки, милосердіе должно являться не какъ слѣдствіе минутнаго порыва, а какъ результатъ цѣлаго *направленія* нашей жизни и дѣятельности. Нужно, чтобы не благотворить и не милосердовать для насъ было невозможностью. Не на иное что, а именно на это указываетъ Спаситель, когда учитъ, что въ дѣлахъ милосердія лѣвая рука не должна знать, что дѣлаетъ правая. Въ средствахъ воспитанія такого направленія, въ средствахъ и возможности примѣненія добрыхъ послѣдствій его на дѣлѣ недостатка не будетъ, а въ настоящее время, при страшномъ народномъ бѣдствіи, особенно, а въ нашемъ городѣ тѣмъ болѣе, когда существуютъ такія благія, истинно христіанскія учрежденія, какъ бесплатная и дешевая столовая, пріютъ для дѣтей, убѣжище для бездомныхъ, для безпомощныхъ стариковъ и т. д. Добрые люди основали ихъ, добрые люди и доселѣ поддерживаютъ ихъ своими средствами, властью и вліяніемъ, поддержимъ ихъ и мы, насколько и чѣмъ можемъ. Учрежденія эти въ настоящемъ году не ограничиваютъ своей благотворительной дѣятельности только мѣстными бѣдняками; всякій, пришедшій изъ мѣстъ, постигнутыхъ бѣдствіемъ неурожая, находитъ здѣсь себѣ пріютъ и необходимое пропитаніе.

Помощь Братству, содержащему эти учреждения, является такимъ образомъ не только дѣломъ христіански благотворительнымъ, но и патріотическимъ.

Безъ всякаго прекословія, въ старомъ заключается сѣмя новаго; безъ всякаго сомнѣнія, новое должно жить уроками стараго, если желаетъ твердаго основанія и добраго плода своей дѣятельности и если не руководится философіей, свойственной безсловеснымъ: „станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ.“

Пусть же въ настоящій день, день Новаго года, будутъ намъ особенно памятны уроки стараго.

Безсмертіе.*

Вчера мы слышали въ одной изъ паремій за вечернимъ богослуженіемъ: Нѣкогда богомудрый Исаія видѣлъ Господа на престолѣ высококомъ и превознесенномъ, окруженнаго Ангелами славы; видѣлъ и ужаснулся. Нынѣ Симеонъ праведный видѣлъ Того же Господа, подъ убогими пеленами на своихъ объятіяхъ лежащаго, видѣлъ и, въ ожиданіи предлежащаго Ему подвига смерти,—возрадовался. Различны чувствованія обоихъ праведниковъ, но даютъ они согласный и единомудушный урокъ. И тому и другому надлежало умереть; но Исаія, жившій за 700 лѣтъ до Христа, хотя и зрѣлъ пророческимъ окомъ спасеніе людей, но зрѣлъ его еще въ отдаленныхъ вѣкахъ, и самому ему, какъ и всѣмъ ветхозавѣтнымъ людямъ, носившимъ печальное наслѣдіе грѣха и проклятія Адамова, предлежало сойти во адъ. Симеонъ жилъ на зарѣ Новаго Завѣта; ему суждено было увидѣть спасеніе человечества своими очами; онъ зналъ, что загробная будущность ему не страшна, онъ не боялся смерти, ибо вотъ родился Тотъ, Кто сказалъ: „О, смерть! Я твоя смерть;

* Поученіе въ день Срътенія Господня.

о, адъ! Я твой разрушитель". Такъ, истина безсмертія нашего духа не есть нѣчто отвлеченное, бесплодное: Симеонъ доказываетъ это. Безсмертіе наше есть истина жизненная, захватывающая всѣ стороны существованія и дѣятельности человѣка.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что полезно, хорошо и даже необходимо приобрѣтать знанія и стремиться къ нравственному усовершенствованію, но все это понятно и цѣлесообразно только при вѣрѣ въ безсмертіе, когда мы знаемъ, что порывы нашего духа найдутъ свое развитіе въ другой жизни, что тамъ мы достигнемъ истиннаго вѣдѣнія, полного знанія, удовлетворительнаго рѣшенія тѣхъ тревожныхъ запросовъ нашего сердца, которые здѣсь, на землѣ, остаются безотвѣтными, когда мы увѣрены, что пламенное стремленіе наше къ совершенству тамъ, на небѣ, найдетъ себѣ, наконецъ, полное удовлетвореніе. А безъ этой мысли, безъ мысли о безсмертіи, къ чему крушиться духомъ? Къ чему цѣлую жизнь учиться, стремиться къ знанію, если мы видимъ, что никто изъ самыхъ ученыхъ, изъ самыхъ разумныхъ людей предъ концомъ своей жизни не могъ сказать, что онъ обладаетъ знаніемъ, что ему все ясно, все понятно? Положимъ, человѣку присуще стремленіе къ совершенству: но вѣдь идеаль совершенства недосыгаемъ уже по тому одному, что онъ—идеаль. Къ чему же въ такомъ случаѣ стремленіе къ совершенству? Зачѣмъ же гоняться за тѣнью, убивать жизнь на бесплодныхъ исканіяхъ призрака? Если за смертью—конецъ всему, если нѣтъ безсмертія, то не лучше ли, не послѣдовательнѣе ли предаться плотоутожденію, подчиниться самымъ первымъ своимъ наклонностямъ, побуждающимъ насъ прежде всего къ удовлетворенію своихъ естественныхъ физическихъ потребностей?

Не правда ли, что хорошо любить ближняго, хорошо быть другомъ людей? Это голосъ разума, это голосъ вѣры. Но безъ мысли о безсмертіи, къ чему все это? Для чего это я долженъ жертвовать своимъ благомъ, удѣлять часть своего благосостоянія, заботиться о своемъ ближнемъ? Жизнь проживу съ лишеніями, а потомъ помру, и прекратится совершенно мое существованіе... Не лучше ли хоть эту-то жизнь провести съ удовольствіемъ, достигнуть возможнаго счастья: пей, ѣшь, веселись,

завтра умрешь. И счастье-то выходить скотское, животное; тогда не прогибайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, любящихъ ясти и пити. Не то при вѣрѣ въ безсмертіе: мы знаемъ,—любовь не умираетъ, мы перенесемъ ее въ жизнь загробную, мы знаемъ, что любовь—условіе совершенства, что любовь отворить намъ двери заключеннаго рая, приведетъ насъ въ общеніе съ Богомъ, Который есть сама *Любовь*, значить, доставить намъ счастье...

Но еще хорошо, если при отсутствіи вѣры въ безсмертіе можно, хотя и путемъ низведенія себя до степени животнаго, устроить себѣ на землѣ, допустимъ, счастье, если будутъ средства удовлетворить свои потребности. Но для многихъ ли это возможно? А если нужда, а если лишенія, страданія, голодь, холодъ, а если болѣзнь, огорченія,—эти печальные спутники нашей горькой жизни? Тогда что? Что же другое, кромѣ самоубійства? Вѣрующему же въ безсмертіе и среди этого мрака страданія блещетъ лучъ надежды на будущую жизнь; эта надежда окрыляетъ, бодритъ его, поддерживаетъ на пути къ достиженію небснаго отечества.

А придетъ время умереть, и здѣсь нѣтъ у вѣрующаго ни ужаса, ни отчаянія. Ужаснулся Исаія при мысли объ отходѣ своемъ изъ жизни, но онъ вѣрилъ все-таки въ пришествіе, хотя и не близкое, Христа, Побѣдителя ада. У невѣрующаго же въ безсмертіе, какъ бы онъ ни кончилъ жизнь, что будетъ въ душѣ при мысли о близкой смерти? И вообще-то мысль о неизбѣжности смерти отравитъ ему и то счастье, которымъ онъ пользовался, уподобившись скотамъ несмысленнымъ; скоты хоть не сознаютъ того, что умрутъ, онъ же никакими усиліями воли не вытѣснитъ изъ сознанія этой гнетущей мысли, а въ виду близкой смерти глухое отчаяніе, безсильная злоба, злоба безвыходная создадутъ ему уже здѣсь, на землѣ, адъ, который онъ унаслѣдуетъ и послѣ смерти.

А человекъ, истинно вѣрующій въ безсмертіе, умретъ спокойно, предвкушая блаженство рая. Неоткуда явиться ни злобѣ, ни отчаянію.

Смертный сынъ земли знаетъ, что онъ сдѣлается вѣчнымъ гражданиномъ неба, что конецъ земной жизни будетъ первымъ

шагомъ жизни загробной, въ которую безстрашно онъ можетъ вступить, такъ какъ, руководствуясь въ земной своей жизни мыслью о безсмертіи, помня свое высокое назначеніе, онъ сообразно съ этимъ располагалъ и устраивалъ свое земное поприще, эту предуготовительную ступень къ загробному существованію.

Тогда, въ смертный свой часъ, когда бы часъ этотъ ни послѣдовалъ, онъ со спокойнымъ сердцемъ обратится къ Творцу своему, къ Которому стремилась душа его, какъ жаждащій олень къ источникамъ воднымъ; обратится съ тѣми высокими, превосходными словами Симеона Богопріимца, которыя вотъ уже почти два тысячелѣтія своею мыслью о безсмертіи утѣшаютъ и восхищаютъ чудною отрадою скорбное сердце всякаго христианина: „Нынѣ отпускаеша раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“... Аминь.

У гроба добраго отрока.*

Человѣкъ, яко трава; дни его, яко цвѣтъ селъный: тако отвѣтеть; яко духъ пройдетъ въ немъ и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего.

Много разъ слышали мы это въ церкви при богослуженіи, не одинъ разъ говорили и настоятельно напоминали про эти уроки, преподаваемые вамъ и въ классахъ, и здѣсь, во храмѣ, съ высоты сего священнаго мѣста. И вотъ вамъ наглядный примѣръ: человѣкъ, какъ трава, его дни, какъ цвѣтокъ полевой; придетъ къ нему смерть, какъ неожиданный въ полѣ вѣтеръ, сокроетъ его могила, и потомъ не узнать и мѣста его! Да, не одна старость съ неизбѣжными болѣзнями и страданіями, не одни войны, морь, голодь, не потопъ одинъ, огонь

* При погребеніи ученика III класса гимназіи Бориса Чаленко.

молніи, или другія какія-либо незначительныя обстоятельства несутъ смерть и могилу: нѣтъ, и среди другой обстановки, въ молодые годы, въ чертогахъ, среди тихой, беззаботной жизни, и правильной и разумной, и при видимой крѣпости силъ тѣлесныхъ и при другихъ благопріятныхъ условіяхъ можетъ раздаться голосъ: „Женихъ грядетъ. Выходите на встрѣчу! (Мѡ. XXV, 6). И блаженны рабы тѣ, которыхъ найдетъ Господь готовыми; блаженны дѣвы тѣ, разумныя, предусмотрительныя, которыя ожидали Его пришествія!

Вотъ и этотъ почившій отрокъ: жить бы ему да жить, а между тѣмъ ничто не удержало его и не избавило отъ смерти: ни молодой возрастъ, ни видимая живость, подвижность—признакъ здоровья, ни любовь и попеченія, которыми онъ былъ окруженъ въ семьѣ, ни усилія человѣческаго искусства. Пришелъ часъ печальный и гость неожиданный: и до послѣднихъ минутъ жизни даже родители не вѣрили въ возможность и необходимость рокового исхода.

Но блаженно шествіе его въ горнее отечество! И смерть его не одинъ только урокъ даетъ намъ, не одно напоминаніе о близости смерти, о возможности для каждаго изъ насъ неожиданно переселиться въ другой міръ. Смерть его учитъ насъ и какъ нужно готовиться къ смерти, какъ достойно жить и какъ по-христіански умереть.

Почившій былъ хорошій ученикъ, но еще болѣе онъ былъ хорошій христіанинъ. Это былъ религіозный, вѣрующій мальчикъ. Оттого-то и до болѣзни, и во время болѣзни своей онъ расположилъ себя такъ, что смерть является для него нынѣ радостью о Христѣ, несетъ съ собою счастливую увѣренность въ блаженствѣ вѣчномъ, а не страхъ предъ грядущимъ судомъ. Какъ человѣкъ, въ мірѣ живущій и плоть носящій, онъ не былъ, разумѣется, совершенно чуждъ грѣха; но онъ внимательно слѣдилъ за собою, за своимъ нравственнымъ состояніемъ, вспоминалъ старательно все, что дѣлало душу и сердце его нечистыми предъ Богомъ: за то и исповѣдывался онъ такъ, какъ рѣдко приходится видѣть духовному отцу. Совѣты, которые давались ему для усовершенствованія нравственнаго, онъ выполнялъ не какъ совѣты, а какъ непреложныя приказанія. Конецъ вѣн-

чаетъ дѣло: послѣдніе дни жизни показываютъ, какова была эта жизнь. Такъ при закатѣ солнца можно хвалить день, по созрѣлымъ плодамъ можно судить о достоинствѣ дерева. Да, послѣдніе дни жизни этого усопшаго отрока назидательны и поучительны. Дни его болѣзни были непрерывной молитвой къ Богу. Онъ, по слову апостола, желалъ со Христомъ быть, и душа его стремилась къ Богу, какъ лань стремится къ источникамъ воднымъ. Онъ умеръ съ вѣрою и надеждою, умеръ примиренный со своею совѣстью, напутствованный покаяніемъ и принятіемъ Таинъ Христовыхъ. Тяжело родителямъ хоронить сына, тяжело и намъ всѣмъ стоять у этого гроба, надъ этимъ безвременно покидающимъ міръ отрокомъ. Но мы, зная его добрую кончину, увѣрены, что онъ счастливъ, онъ будетъ тамъ, гдѣ дай Богъ быть каждому изъ насъ. Помолимся же усердно объ упокоеніи души его, а уроки, вынесенные нами изъ краткаго знакомства съ его жизнью и смертію, запомнимъ и постараемся осуществить въ своей жизни. Аминь.

1893 г.

Усердіе труда.*

Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, неблагонадеженъ для царствія Божія (Лук. IX, 62).

Эти слова сказаны Господомъ Иисусомъ Христомъ чело-
вѣку, изъявлявшему желаніе быть послѣдователемъ Его, но
въ то же время жалѣвшему о своихъ житейскихъ дѣлахъ и
привязанностяхъ, съ которыми теперь надлежало разстаться.
Эти слова Господа приложимы и ко всякому дѣлу. Особенно при-
мѣнны они къ вамъ, юноши и дѣти, въ вашемъ настоящемъ
положеніи, и къ тому дѣлу, на начало котораго мы собрались
испросить благословеніе Божіе въ этомъ святомъ храмѣ. Вотъ
и васъ привели сюда, и не къ кому иному, какъ къ Господу,
ибо мудрость, которую вы здѣсь ищете, истина Христова,
исходитъ отъ Него, Источника и Подателя мудрости, и воз-
вращается къ Нему же. Всякое доброе наставленіе, нравствен-
ное поученіе и всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ
сходитъ свыше и отъ Него же, Отца Свѣтовъ, въ Коемъ тьмы
нѣсть ни единыя: изъ Того и Тѣмъ и къ Тому всяческая! При-
вели васъ сюда и поставили предъ лицомъ Бога живаго,
чтобы вы, просвѣтивъ богодарованный умъ познаніями, согрѣвъ
сердце любовью къ Богу и ближнему и обучивъ волю слѣдо-
вать Закону Божію, благому и совершенному, вышли изъ этого
святилища науки, и свѣтомъ своей жизни свѣтили тѣмъ мно-
гимъ, которые, обладая такими же, какъ ваши, а можетъ-быть
и большими дарованіями и достоинствами, не имѣютъ счастли-

* Рѣчь на молебнѣ предъ началомъ ученія 20 августа 1893 года.

ваго вашего удѣла, не могутъ получать того образованія, которое дается вамъ, какъ даръ, безъ всякой заслуги съ вашей стороны, по волѣ и милости Бога, по любви и заботливости о васъ родителей. Вы имѣете быть солью земли, свѣтомъ міру. Поймите же, какъ велико ваше призваніе, какъ важно приготовляющее къ сему призванію дѣло, къ которому мы теперь приступаемъ. И не угодобляйтесь тому лживому рабу, который закопалъ врученный ему талантъ въ землю, не сдѣлавъ изъ него никакого употребленія,—не сгубите данныхъ вамъ отъ Бога способностей, не потеряйте великаго дара—возможности учиться—праздною, лѣнностью, шалостями. Учитесь, трудитесь: въ этомъ долгъ нашъ, въ этомъ вмѣстѣ и высокое наслажденіе. Взявшись за плугъ, не озирайтесь назадъ: время дорого, время пахоты и сѣва, весною упущенное, потомъ ничѣмъ не возвратите, ничѣмъ не купите. А вашу возрастъ, время, вами переживаемое, можно дѣйствительно сравнить въ этомъ отношеніи съ весною для пахаря: пройдетъ ваше отрочество и юность, пройдетъ быстро и незамѣтно, и при всемъ желаніи тогда не вспашешь, не посѣешь. Съ грустью будете послѣ вспоминать объ этомъ времени, будете жалѣть о томъ, что оно праздно растрачено, но и только: потеряннаго не найдете, упущеннаго не возвратите. А это оттого, что работа, предстоящая вамъ, совсѣмъ не такая, какъ всякая другая работа. Худо построены домъ,—его можно перестроить; дурно выполненъ заказъ,—его можно передѣлать, а то, что вырабатывается изъ человѣка въ періодъ его воспитанія и обученія, передѣлывать очень трудно, часто невозможно. Здѣсь приобретаются познанія съ удобствами и легкостью, а послѣ ихъ нужно добывать съ большими трудами и усиліями; здѣсь вкореняются привычки, борьба съ которыми потомъ не всякому подъ силу, здѣсь складываются такія черты характера, которыя потомъ измѣнить чрезвычайно трудно: и добродѣтели, и пороки, здѣсь приобретенные, остаются часто на всю жизнь. Кто здѣсь возлюбилъ лѣнность и праздность, кто не умѣлъ уживаться съ товарищами, не приобрѣлъ навыка повиноваться старшимъ, а привыкъ къ грубости, дерзости, неповиновенію, высокомерному пересуживанію своихъ учителей и воспитателей, тотъ

чаще всего такимъ остается и въ жизни, а жизнь, дѣти, не то, что школа, всегда покрывающая ваши недостатки любовію, исправляющая ихъ духомъ кротости и милости: жизнь часто караетъ жестоко, взыскиваетъ сурово и безпощадно.

Еще разъ гласомъ любви взываемъ къ вамъ: учитесь, трудитесь; сознавайте важность лежащихъ на васъ обязанностей, высоту вашего призванія. Серьезно относитесь къ своему дѣлу. Воспитаніе юношества привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ: имъ съ болью сердца заняты ваши родители, о немъ заботятся государство и общество, и на вашихъ глазахъ въ учебныхъ заведеніяхъ предпринимается рядъ мѣръ, направленныхъ къ вашему облегченію. Чтобы дѣло обученія вашего и воспитанія шло усгѣшнѣе, поставлено было цѣлесообразнѣе, начальство учебное и высшее, и ваше непосредственное—ваши учителя и воспитатели,—всѣ несутъ тяжелый трудъ для вашего преуспѣянія умственного и нравственного. Вы ли одни среди этихъ заботъ и хлопотъ будете равнодушны къ этому святому дѣлу, которое ближе всего касается васъ самихъ?! Да не будетъ! Призовемъ же Божіе благословеніе на наши труды и примемся за нихъ съ любовью, со всѣмъ усердіемъ и вниманіемъ, примемся бодро и рѣшительно, не боясь, а радуясь труду; тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе; возложивъ руку на рало, не будемъ озираться назадъ, и тогда Господь, не отринувшій нѣкогда дѣтей, приносимыхъ къ Нему, и благословившій ихъ, не отвергнетъ и наши молитвы, благословитъ наши труды и даруетъ всѣмъ намъ увидѣть счастливый конецъ и добрые плоды того дѣла, начало которому сейчасъ мы полагаемъ въ Его святомъ храмѣ, въ надеждѣ на Его помощь, въ честь и славу Отца и Сына и Духа Святаго. Аминь.

Хорошій ученикъ.*

Цѣлуеть вы Лука, врачъ возлюбленный
(Кол. IV, 4).

Въ настоящій день, посвященный Церковью памяти святого апостола и евангелиста Луки, мы воспоминаемъ годовщину основанія нашей гимназiи, 56 лѣтъ назадъ въ этотъ самый день открытой въ личномъ присутствiи въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая I-го. Такъ персть Божiй указалъ намъ на св. Луку, какъ на небснаго покровителя нашего учебнаго заведенiя. Къ нему, къ его жизни и дѣятельности, и обратимся за назиданiемъ въ сегодняшнiй торжественный праздникъ. За свѣдѣнiями о жизни и дѣятельности апостола естественнѣе всего обратиться къ его священнымъ творенiямъ—къ Евангелiю и къ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. Но напрасно искали бы мы здѣсь какого-либо указанiя св. Луки на себя и на свою жизнь. Апостоль былъ скромень и смиренъ сердцемъ; даже въ такихъ случаяхъ, когда, повидимому, по ходу повѣствованiя невозможно обойти молчанiемъ своего присутствiя и участiя въ событiи, и тогда св. Лука умѣетъ скрыть свое имя. Но и то, что мы знаемъ о св. Лукѣ изъ мимолетныхъ и краткихъ замѣчанiй о немъ его учителя—св. апостола Павла, и изъ немногихъ преданiй о немъ, оставшихся въ творенiяхъ древнихъ отцовъ и учителей Церкви, дѣлаеть жизнь его и дѣятельность глубоконазидательными. Да, не безъ причины 56 лѣтъ тому назадъ отдали насъ съ вами небесному покровительству св. Луки. Онъ въ особенности близокъ къ вамъ, учащiеся юноши и дѣти; и его жизнь и нравственныя качества имѣють полное приложенiе къ вашему теперешнему состоянiю. Онъ, подобно вамъ, былъ человекомъ науки ¹⁾: апостоль Павелъ называетъ его врачомъ ²⁾,

* Слово въ день празднованiя годовщины открытiя Ставропольской мужской гимназiи 18 октября 1893 г.

¹⁾ Крыловъ: *Жизнь 12 апостоловъ*. Ч. II, 24.

²⁾ Кол. IV, 14.

преданіе церковное указываетъ на него, какъ на человѣка, получившаго основательное образованіе въ ученomъ центрѣ своего времени—городѣ Антиохіи ¹⁾, какъ на знатока іудейскаго закона, греческой философіи, какъ на языковѣда и, наконецъ, художника ²⁾. Все это можно замѣтить и изъ его писаній, которыя изобличаютъ въ немъ высокое знаніе языка и умѣніе писать съ соблюденіемъ принятыхъ между образованными людьми того времени литературныхъ приемовъ.

Но не изъ одной науки почерпается истинная мудрость, и не одна наука можетъ сдѣлать человѣка человѣкомъ: безъ религіознаго образованія она свѣтитъ, но не грѣетъ, безъ нравственнаго развитія она дѣлаетъ человѣка одностороннимъ и приноситъ вмѣсто пользы вредъ. Такъ, когда растеніе открыто дѣйствию солнца, а почва, на которой оно растетъ, лишена необходимой влаги, то и солнце, обыкновенно благотворное и необходимое для растенія, на этотъ разъ изсушаетъ и убиваетъ его. Подобнымъ образомъ и душа наша, развивъ силы ума, но пренебрегши развитіемъ сердца, дѣлается сухою, черствою, себялюбивою. Не изъ одной науки языческой почерпнулъ истинную мудрость и св. Лука. Онъ слушалъ Господа Іисуса Христа, и сѣмя ученія Его пало на добрую почву. Онъ не былъ избранъ въ число 12 апостоловъ, но посылаемъ былъ Господомъ въ числѣ 70 ³⁾ другихъ учениковъ Его. Напрасно мы искали бы въ Евангеліи смиреннаго Луки свидѣтельства о себѣ, указанія на его чувства къ Господу Іисусу Христу, но его любвеобильное сердце, его глубокая привязанность къ Господу видна изъ тѣхъ словъ, которыя принадлежатъ ему въ повѣствованіи о явленіи Воскресшаго Господа двумъ апостоламъ на пути въ Эммаусъ въ первый день по воскресеніи Христовомъ. Древность единогласно признаетъ однимъ изъ этихъ путниковъ самого евангелиста Луку ⁴⁾, хотя самъ онъ, наименовавъ другого путника—Клеопу, о себѣ умалчиваетъ

¹⁾ Воголѣповъ въ своемъ руковод. къ объясн. Четвероюевангелія ссылается на стр. 37 на Евсевія и Геронима.

²⁾ Свидѣтельство Никифора Каллиста.

³⁾ Херговерскій: *Исагогика*. Стр. 47.

⁴⁾ Ивановъ: *Руковод. къ объясн. Евангелія*, стр. 473. Подробности у Воголѣпова, стр. 386.

съ обычною скромностью. Путникамъ является Христось, но не узнается ими; Онъ спрашиваетъ ихъ о предметѣ ихъ бесѣды и о причинѣ того горя, что написано у нихъ на лицахъ. Видно, велика была скорбь апостола, когда онъ заплаканными глазами, растерзаннымъ сердцемъ не узналъ своего, только что умершаго Учителя¹⁾. И какое глубокое горе слышится въ его отвѣтѣ вопрошающему: „Неужели ты одинъ изъ пришедшихъ въ Иерусалимъ не знаешь о происшедшемъ въ немъ въ эти дни?... Что было съ Иисусомъ Назаряниномъ, Который былъ Пророкъ, сильный въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣми людьми... Какъ предали Его первосвященники и начальники наши на осужденіе смерти и распяли Его. А мы надѣялись было, что Онъ есть Тотъ, Который долженъ избавить Израиля²⁾“... На любовь ученика и Господь отвѣчаетъ любовью, и утѣшаетъ его чудеснымъ даромъ вѣдѣнія писаній и радостью неизглаголанною, когда Онъ познался ему въ преломленіи хлѣба³⁾.

Но скоро св. Лука, вслѣдствіе гоненій на христіанъ въ Иерусалимѣ, отправляется въ родной свой городъ—въ Антиохію, и несетъ ему въ благодарность за воспитаніе самое великое въ мірѣ сокровище—вѣру Христову. Исполненный Духа Святаго, могъ и онъ вмѣстѣ съ другими апостолами выступить на самостоятельный путь благовѣстія Христова. Но нѣжное, любвеобильное сердце его указало ему путь жизни другой, менѣе славный, смиренный и безвѣстный, но безконечно высокій и цѣнный въ очахъ Божіихъ: онъ дѣлается ученикомъ и спутникомъ св. апостола Павла⁴⁾,—и какой это былъ ученикъ! Онъ раздѣлялъ съ апостоломъ языковъ его тяжелыя путешествія, его опасности, его страшное кораблекрушеніе; онъ посѣщалъ его въ тюремныхъ заключеніяхъ, сначала въ Кесаріи, потомъ въ Римѣ. Въ то время, когда свирѣпый Неронъ воздвигъ гоненіе на христіанъ, когда на этихъ безвинныхъ страдальцевъ возведено было обвиненіе въ поджогѣ Рима, когда христіанъ зашивали въ шкуры звѣрей и отдавали на

1) См. слово Никанора, архіепа. Одесскаго: *Эммаускіе путники*.

2) Лк. XXIV, 13—21.

3) Лк. XXIV, 35.

4) Филим. 24; Кол. V, 13, 14; 2 Тим. IV, 10.

растерзаніе, а другихъ обертывали горючими веществами и, зажигая, устраивали изъ нихъ живые факелы въ увеселительныхъ садахъ Рима,—въ то время, когда началась эта страшная жизнь, которая должна была окрестить кровью новорожденную Церковь Христову, когда язычество упивалось этою кровью сыновъ Божіихъ,—въ это время великій Павелъ томился въ римской тюрьмѣ ¹⁾. Христіанъ искали, чтобы на нихъ обратить месть народа за поджогъ Рима; во главѣ обвинителей стоялъ самъ императоръ, котораго молва народная обвиняла въ поджогъ города; одинъ сочувственный взглядъ на Павла, разговоръ съ нимъ, посѣщеніе его темницы способны были выдать христіанскія убѣжденія и подвергнуть страшной участи быть замученнымъ. Въ это время всѣ оставили престарѣлаго и больного узника—апостола, сердце котораго жаждало утѣшенія и общенія съ близкими, но не оставилъ его Лука ²⁾, его преданный Лука, врачъ возлюбленный ³⁾, которому выпало теперь на долю врачевать и душевныя тревоги великаго апостола. Вотъ что пишетъ св. Павелъ Тимоѳею, другому своему ближайшему и возлюбленному ученику: „Я уже приношусь въ жертву, и время моего отшествія близко... Приди ко мнѣ скоро. Всѣ оставили меня... Одинъ Лука со мною⁴⁾“. Такъ во всѣхъ злослуженіяхъ и горькихъ невзгодахъ великаго Павла неизмѣнною отрадою, постояннымъ утѣшеніемъ, постоянною земною радостію было для него благородное сотоварищество, вѣрная преданность, неизмѣнная любовь ученика—св. Луки. Онъ же, Лука, сдѣлался жизнеописателемъ Павла, ни однимъ словомъ не обмолвившись о себѣ; онъ, наконецъ, по свидѣтельству древняго преданія, и смертью своею запечатлѣлъ въ Римѣ преданность и любовь къ своему учителю ⁵⁾. Онъ усвоилъ себѣ его ученіе въ совершенствѣ, онъ мыслить его мыслями, говорилъ его словами, такъ что его Евангеліе долгое время безразлично называли то именемъ его, то именемъ Павла ⁶⁾.

¹⁾ 64—65 гг. (Горскій, Фарраръ).

²⁾ Дѣян. XXVII, 27; XXVIII, 16; Филим. 23; 2 Тим. IV, 10.

³⁾ Кол. IV, 14.

⁴⁾ 2 Тим. IV, 6, 9—10.

⁵⁾ Ивановъ—выше цитов. сочин., стр. 43.

⁶⁾ Герике: *Введеніе въ новозав. кн.*, стр. 140. Ссылки на Иринея, Тертуліана, Мураторіевъ канонъ и Оригена, Евсевія, Иеронима.

Скажите теперь, не образец ли это ученика, которымъ могутъ радоваться всѣ учителя всѣхъ временъ и подражать которому могутъ наилучшіе ученики всякихъ школъ? Примите же себѣ, дорогіе питомцы, св. Луку за образецъ въ своихъ отношеніяхъ къ вашимъ наставникамъ и воспитателямъ и вообще къ тому учебному заведенію, въ которомъ вы обучаетесь. И прежде всего научитесь, съ одной стороны, смиренію и скромности въ сужденіи о себѣ, о своихъ познаніяхъ, успѣхахъ и способностяхъ, съ другой — почтенію и уваженію къ воспитывающей васъ школѣ. Знайте, что какъ сытый не думаетъ о пищѣ, такъ гордый не думаетъ о своемъ усовершенствованіи, а въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія тотъ, кто не идетъ впередъ, неизбѣжно идетъ назадъ. Вы поступили сюда учиться, а не учить: довѣрьтесь же вашимъ руководителямъ, отдайте имъ свое сердце, подчиняйтесь требованіямъ школы, а не обсуждайте ихъ высокомерно. Нѣтъ ничего легче, какъ осуждать и порицать, но какъ часто въ этомъ сказывается самое глубокое невѣжество и непониманіе! Помните, что учебно-воспитательный строй школы не вчера явился, онъ опытомъ оправданъ и всецѣло задуманъ и рассчитанъ въ цѣляхъ вашей пользы; помните, что блажени нищій духомъ, т. е. смиренные, что только алчущіе и жаждущіе истины насытятся ею ¹⁾. При такомъ отношеніи къ школѣ всѣ мы будемъ составлять какъ бы одну большую семью, дружную, сплоченную, крѣпкую и оттого успѣшную въ дѣлахъ. Тогда, само собою, вы будете беречь честь школы, не станете ронять ее въ глазахъ другихъ ни словами, ни дѣйствіями. Любовь къ школѣ останется у васъ на всю жизнь и, повѣрьте, принесетъ вамъ и теперь и въ будущемъ много пользы и утѣшенія. Тѣ, которые въ годы ученія не относились къ воспитывающему ихъ учебному заведенію съ любовью и почтеніемъ, сами не знаютъ, какого драгоценнаго дара они лишаются. Всякая школа, какъ учрежденіе живое, имѣетъ свой обликъ, свои преданія, свое особое, какъ бы таинственное, благотворное воздѣйствіе на учащихся: но тайна эта открывается любви и преданности и сокрыта отъ

¹⁾ Мѡ. V, 3, 6.

равнодушія и холодности, и вотъ причина того, что часто люди „отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ“, у насъ учились, но духа заведенія себѣ не усвоили.

Любовь къ учебному заведенію поможетъ вамъ въ настоящемъ усвоить съ успѣхомъ то, что оно предлагаетъ вамъ, а въ будущемъ — остаться вѣрными тѣмъ завѣтамъ, которые оно внушало вамъ въ годы дѣтства и ученія. Не мнѣ бы, младшему по возрасту и менѣе опытному изъ семьи вашихъ учителей и воспитателей, опредѣлять духъ и завѣты нашей школы, но они достаточно извѣстны и не составляютъ тайны: тайна— въ усвоеніи ихъ и приобрѣтеніи, и тайна эта, повторяю, открыта любви и преданности. Религіозность и трудолюбіе— вотъ что завѣщаетъ наша школа своимъ питомцамъ, вотъ что считаетъ она необходимымъ условіемъ успѣшности дѣль вашихъ въ настоящемъ и залогомъ счастья и спокойствія и успѣховъ въ будущемъ. Сохраните эти завѣты, умрите съ ними. Какъ тяжело, до слезъ тяжело иногда видѣть, что юноша уходитъ отъ насъ полнымъ силъ и подаетъ самыя лучшія надежды, а чрезъ нѣсколько времени встрѣчается намъ уже знакомымъ съ порокомъ, равнодушнымъ къ святой нашей вѣрѣ, почти неспособнымъ къ труду! Это вѣрный признакъ, что юноша не имѣлъ любви и преданности къ школѣ нашей въ годы ученія. Иначе онъ не растерялъ бы такъ скоро лучшихъ даровъ своихъ, не былъ бы такъ слабъ при встрѣчѣ съ соблазнами и испытаніями. Въ любви великая созидаящая и спасающая сила!

Да будетъ же у васъ предъ очами живой образъ святого апостола и евангелиста Луки. Онъ своею кротостью, послушаніемъ, любовью и преданностью стяжалъ себѣ любовь своего перваго Учителя—Самого Господа Спасителя, и чрезъ это постигъ Его святое ученіе, которое и оставилъ намъ въ своемъ евангеліи; онъ былъ возлюбленнымъ ученикомъ и другого своего учителя—святого Павла, и чрезъ любовь къ нему вошелъ въ духъ великаго апостола. Подобно ему, пусть и у васъ все бываетъ любовію. Тогда и вы, чрезъ любовь и преданность школѣ и ея дѣятелямъ, усвоите успѣшно все, что они могутъ дать вамъ наилучшаго! Аминь.

1894 г.

Значеніе семьи. *

Привѣтствую васъ, возлюбленная чета, съ наступившими торжественными и свѣтлѣйшими минутами вашей жизни. Сказавши другъ другу прекрасное слово любви, вы приблизились къ алтарю Господню, чтобы радостно повторить это слово предъ Церковью, въ лицѣ ея служителя, чтобы произнести предъ Богомъ всевидящимъ священные супружескіе обѣты взаимной преданности и единенія до смерти, чтобы благоговѣнно испросить въ храмѣ Божіемъ благодатнаго освященія своему союзу. Да будутъ благословенны ваши добрыя намѣренія, да утвердятся у васъ глаголанное слово, какъ сказано въ только-что произнесенной церковной молитвѣ.

Вы переживаете теперь минуты чрезвычайной важности. Въ виду этого, а также исполняя желаніе своего сердца и заповѣдь Церкви, я считаю долгомъ, какъ совершитель надъ вами таинства Господня, сказать вамъ нѣсколько словъ въ назидаиіе. Я знаю, конечно, что вы, какъ люди хорошо учившіеся и благовоспитанные, и безъ меня довольно понимаете, что нужно православнымъ чадамъ Церкви знать о сущности и нравственномъ значеніи совершаемаго надъ вами таинства. Но нашъ долгъ не только знать свои обязанности, но и чаще ихъ себѣ напоминать. Св. ап. Павелъ часто указывалъ христіанамъ своего времени на ихъ высокое достоинство и отсюда дѣлалъ выводъ: *ходите достойно званія.*

* Рѣчь при вѣнчаніи преподавателя Н. Е. К. и Н. Г. К. въ гимназической церкви 23 января 1894 г.

Въ моментъ, когда вы при благословеніяхъ Церкви готовитесь начать новую семью, ставлю и я на ваше размышленіе вопросъ: что такое семья въ Церкви Божіей и въ обществахъ человѣческихъ? Прислушайтесь къ возвышеннымъ и умили-тельнымъ о васъ молитвамъ Церкви и къ чтенію слова Божія при вашемъ вѣнчаніи, и вы ясно увидите, что есть бракъ въ Церкви Божіей. Онъ есть союзъ двухъ разумныхъ существъ во образъ таинственнаго союза Христа съ Церковью, т.-е. долженъ быть такъ же крѣпокъ и неразрывенъ, такъ же чистъ, духовенъ и святъ; оттого бракъ есть средство къ взаимному нравственному возвышенію супруговъ, и вы дѣйствительно услышите въ молитвахъ таинства, что залогъ и основаніе вашего семейнаго счастья есть христіанское благочестіе, а образцами и примѣрами вашей супружеской жизни должны быть библейскіе патриархи и новозавѣтные угольники Божіи (см. молитвы 1 и 2 вѣнчанія). Св. Церковь, далѣе, въ молитвахъ испрашиваетъ вамъ благословеннаго рожденія чадъ, къ которымъ естественно переносится теперь въ цѣломудренномъ смятеніи ваша мечта. И вотъ вамъ еще значеніе брака въ порядкѣ церковномъ: рожденіе и воспитаніе новыхъ членовъ Церкви Божіей на землѣ, приготовленіе ихъ для блаженной вѣчности на небѣ,—вотъ какой ожидаетъ васъ великій подвигъ предъ людьми и великая заслуга предъ Богомъ. Но на дѣтей—воля Божія. Будутъ ли они или нѣтъ, бракъ всегда есть,—всегда онъ есть торжество цѣломудрія, сдерживающее страсти, осуществленіе, начало и воспитаніе любви, училище заботливости, терпѣнія, цѣломудрія, самопожертвованія.

Здѣсь именно, въ семейной жизни, полагается самое прочное начало служенія благу другого, здѣсь подавляется эгоизмъ,—и отъ любви семейной человѣкъ всегда восходилъ къ любви къ роду и къ цѣлому человѣчеству. Въ семьѣ развиты эти прекрасныя свойства удается только личностямъ исключительнымъ, для которыхъ семья—все человѣчество; но это, по слову Спасителя, дано далеко не всѣмъ: „могій вмѣстити да вмѣститъ“.

Сказаннымъ опредѣляется значеніе семьи и въ обществахъ человѣческихъ. Ибо вѣрно слово, что благочестіе на все по-

лезно, для жизни будущей и настоящей. Семья есть основа общества; из нея произошел родъ, затѣмъ государство. Итакъ, если корень крѣпокъ и здоровъ, здорово будетъ и дерево, и наоборотъ. И опытъ дѣйствительно говоритъ, что тамъ, гдѣ падала семья, падала вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь общественная и государственная. И если теперь замѣчается шатаніе жизни, распущенность нравовъ, преобладаніе грубыхъ животныхъ инстинктовъ человѣческаго эгоизма, то все это зависитъ отъ того, что распатано семейное начало, что высокоумно и презрительно стали относиться къ святынѣ домашняго очага, что стали умалять значеніе супружескихъ обязанностей для общества, что на бракъ пріучились смотрѣть, какъ на обыкновенную житейскую и финансовую сдѣлку, что изъ трусливаго преувеличенія брачныхъ тяжестей, а еще болѣе ради простора и беззаконнаго приволья чувственной страсти очень многіе, совѣмъ немогущіе сего вмѣстить, стали вовсе удаляться брака. Вотъ почему радостно привѣтствуетъ Церковь всякую новую чету, видя въ каждомъ нарождающемся семействѣ противодѣйствіе распространяющемуся злу распущенности и жалкаго себялюбія.

Искренно и отъ души желаю я и вамъ съ настоящихъ же священнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ минутъ вашей жизни на все послѣдующее время вдохновиться святымъ идеаломъ христіанскаго супружества, усвоить себѣ взглядъ на него, какъ на высокое и святѣйшее таинство. Только на такомъ супружествѣ можетъ корениться истинная семья, отъ которой ждуть обновленія лучшіе люди, и на которой зиждется благо общественное; всякое другое супружество будетъ простое, унижающее разумное существо—человѣка, сожитіе (самца и самки), образа для котораго должно искать не въ союзѣ Христа съ Церковью, а безконечно ниже—въ царствѣ животномъ. Семья ваша, начатая благословеніемъ Церкви, пусть укрѣпляетъ и углубляетъ нравственный союзъ свой съ нею; вся жизнь ваша должна опредѣлиться и сложиться подъ благотворнымъ вліяніемъ св. Церкви, ея ученія и священныхъ заповѣдей. Пусть при первомъ взглядѣ на вашу семью ясно станетъ для всѣхъ, что семья эта—христіанская и благочестивая. Да поможетъ вамъ

Богъ, да радуются вамъ добрые люди и да смѣняются вѣнцы ваши брачныя на нетлѣнные и неувядающіе въ невечернемъ царствѣ вѣчной славы и вѣчнаго блаженства! Аминь.

Миръ душевный. *

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко по глаголу Твоему съ миромъ.

Чья душа не пожелала бы имѣть у себя то сокровище, которое приобрѣлъ блаженный старецъ Симеонъ? Кто не пожелалъ бы себѣ этого мира, съ которымъ провелъ Симеонъ свою долгую жизнь и теперь безтрепетно встрѣчаетъ и самую смерть? *Миръ* душевный, миръ совѣсти, миръ съ Богомъ и людьми, миръ съ цѣлымъ міромъ: вотъ къ чему стремятся всѣ люди, вотъ чего жаждетъ утомленное сердце; находимъ ли этотъ миръ, правильныя ли средства употребляемъ для приобрѣтенія его,—это другой вопросъ, но что всѣ считаютъ его благомъ,—это несомнѣнно. Самая война имѣетъ послѣднюю цѣлью миръ. Такъ смотреть на миръ, какъ на высочайшее благо, и христіанство. Божественный Основатель его для того и сошелъ на землю, чтобы принести на нее миръ; прощаясь съ учениками, Онъ говорилъ имъ: „миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ“.

Такъ смотреть на миръ и св. Церковь, продолжательница дѣла Христова на землѣ. Прислушайтесь къ ея богослуженію: начинается оно всегда призывомъ къ миру: миромъ Господу помолимся; о свѣшнемъ мирѣ; миръ всѣмъ; станемъ святое возношеніе въ мирѣ приносить; наконецъ, съ миромъ и изыдемъ изъ храма Божія.

Такое-то сокровище имѣлъ у себя Богопріимецъ Симеонъ. Поучимся у него, какъ приобрѣсти и намъ себѣ миръ: путь

* Слово въ день Срѣтенія Господня 2 февраля 1894 г.

къ этому вождельнному счастью никому изъ насъ не загражденъ, особенно съ пришествіемъ Примириителя. Такъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ давалось только избраннѣйшему изъ избранныхъ, то въ Новомъ Завѣтѣ дается каждому сыну Церкви Христовой.

Но возвратимся съ Симеоу: чѣмъ приобрѣлъ онъ себѣ миръ душевный? Мало о немъ сказано въ Евангеліи, но что сказано, то даетъ намъ вполне вразумительный отвѣтъ на поставленный вопросъ: „И бѣ,—говоритъ св. евангелистъ,—человѣкъ во Іерусалимѣ; ему же имя Симеонъ; и человѣкъ сей праведенъ и благочестивъ, чая утѣхи израилевы, и Духъ бѣ Святъ въ немъ“. Вотъ разгадка счастья Симеона. Приобрѣти его праведность, его благочестіе,—ты привлечешь къ себѣ и Духа Святаго, а вмѣстѣ съ Нимъ и миръ души. Такой миръ, котораго нарушить ничто не можетъ.

Что такое праведность? Это такая черта въ жизни человѣка, по которой онъ свято хранить права другихъ и вѣрно исполняетъ возложенныя на него закономъ обязанности по отношенію къ ближнимъ. Праведнымъ называется тотъ, кто отдаетъ каждому свое, кто исполняетъ свой долгъ. Но были и есть многіе, которые обладали такими свойствами и на нихъ полагали всю свою надежду, чтобы сохранить миръ съ собою и ближними, и, однако, миръ этотъ далекъ былъ отъ нихъ. Это потому, что они смотрѣли на праведность съ точки зрѣнія пользы: полезно быть праведнымъ, ибо и другіе исполнять свой долгъ по отношенію къ тебѣ, и вотъ путемъ взаимной праведности долженъ получаться миръ и общее счастье. Увы, никогда не получали мира и счастья тѣ, кто любитъ добро потому только, что оно полезно; на праведность рѣдко отвѣчали праведностью, и любитель пользы вмѣсто мира чувствовалъ одно озлобленіе. Не на томъ должно основывать добродѣтель: не на пользѣ, а на *благочестіи*. Вѣруй въ Бога; благоговѣй предъ Нимъ; люби Его всѣмъ сердцемъ и душой и любовно исполняй Его волю, а любовное исполненіе есть наслажденіе и даетъ душѣ миръ и отраду. Воля же Божія требуетъ праведности, но при любовномъ исполненіи ея ты ищешь уже не пользы; оттого, если на твое добро тебѣ и отвѣчаютъ зломъ,

то мира души тебя не лишаютъ, потому что добро творилъ ты съ другими цѣлями: ты творилъ его изъ-за добра, изъ-за благочестія, изъ любви къ Богу, и добро твое всегда останется добромъ, и цѣль его достигнута даже и въ томъ случаѣ, когда на него отвѣчаютъ зломъ. Только та праведность, которая истекаетъ изъ благочестія и коренится на немъ, имѣетъ нравственную цѣну и можетъ быть названа прочною... Она тогда привлечетъ къ тебѣ Духа Святаго. А Духъ Святой оскудѣвающее восполнитъ, немощное уврачуеетъ и дастъ душѣ такой миръ, котораго не нарушать никакія земныя бѣды и напасти. Таковы были мученики христіанскіе, которые шли на костры въ радости и веселіи духа; таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый Іоаннъ Златоустый, который послѣ жизни скорбной, умирая въ изгнаніи, окруженный врагами, предавая духъ свой, воскликнулъ: „Слава Богу за все!“ Въ Ветхомъ Завѣтѣ рѣдки были Симеоны, въ Новомъ же Завѣтѣ, послѣ обильнаго ниспослания на вѣрующихъ благодати Святаго Духа, такихъ счастливыхъ было много; это счастье не отнято и отъ насъ.

Будемъ праведны, будемъ благочестивы: тогда возгласы Церкви: „Причастіе Святаго Духа со всѣми вами, миръ всѣмъ“ не будутъ для насъ пустыми звуками, тогда и мы будемъ имѣть счастье со-временемъ безтрепетно идти въ путь отцовъ нашихъ отъ этой земной жизни и дерзновенно сказать: „Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“. Аминь.

Подражаніе святымъ. *

„Какъ звѣзды съ неба освѣщаютъ землю и свѣтомъ своимъ указываютъ дорогу путникамъ, такъ святые своею жизнью освѣщаютъ нашу жизнь и показываютъ намъ дорогу къ небу.

* Слово въ день великомученика Пантелеимона въ ст. Крымской 27 іюля 1894 года.

Взирая на звѣзды эти, позаимствуемся отъ свѣта ихъ“. Такъ разсуждаетъ одинъ изъ св. отцовъ Церкви о томъ значеніи, какое имѣютъ для насъ святые. Празднуя сегодня память св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, постараемся и мы изъ его жизни извлечь для себя полезныя уроки и наставленія.

Св. Пантелеимонъ жилъ за 1500 лѣтъ до нашего времени. Въ то время и цари и большая часть народа были по вѣрѣ язычники, христіанъ было очень немного. Страшное то было время для христіанъ. Язычество какъ бы чуяло свою близкую гибель и всѣ усилія употребляло, чтобы сохранить свою жизнь и задушить вѣру Христову. Христіанъ жгли, топили, распинали, казнили, зашивали въ звѣриныя шкуры и отдавали на сѣденіе собакамъ, бросали на растерзаніе звѣрямъ, обматывали паклей, напитанной смолой, и живыми зажигали. Въ такое-то время жилъ Пантелеимонъ. Отецъ его былъ язычникъ, мать—христіанка. Съ дѣтства благочестивая мать учила сына вѣрѣ во Христа, съ нимъ молилась, съ нимъ посѣщала богослуженіе. Но когда Пантелеимонъ былъ еще отрокомъ, мать его умерла и сталъ его воспитывать отецъ, водилъ его по языческимъ храмамъ, приносилъ жертвы идоламъ. И сталъ Пантелеимонъ отвыкать отъ вѣры своей матери и сдѣлался язычникомъ. Видѣлъ онъ гоненіе христіанъ. При немъ случилось такое страшное событіе: христіане въ день св. Пасхи молились въ храмѣ; въ это время, по приказанію царя, на нихъ напали воины, разрушили храмъ и избили 20.000 человекъ. „Если бы у меня было тысяча языковъ и желѣзныя уста,—пишетъ одинъ очевидецъ этого гоненія,—то и тогда я бы не могъ пересказать всѣхъ ужасовъ и мученій, которые претерпѣвали вѣрующіе. Желѣзо притуплялось, кровь лужами стояла на землѣ, заливала и тушила костры. Руки палачей отъ усталости опускались и не могли продолжать своей убійственной работы“. Конечно, не легко было тогда быть христіаниномъ. Но Пантелеимонъ все-таки увѣровалъ во Христа. При видѣ гоненій на христіанъ, онъ вспомнилъ мать. Наставленія матери не умерли, слова ея и молитвы не были забыты. Это вамъ урокъ, христіанскія матери. Учите дѣтей своихъ отъ младыхъ лѣтъ, учите ихъ вѣрѣ и благочестію,

молитесь и посѣщайте съ ними церковь Божію. Придетъ время,
 выростетъ твой сынъ, можетъ случиться, что закрадется въ
 сердце юноши грѣхъ, и станетъ жить онъ такъ, какъ-будто
 ни Бога, ни смерти, ни суда, ни ада не будетъ. Но если съ
 дѣтства его учила мать добру, онъ не погибнетъ окончательно.
 Видѣли вы, какъ кроется и тлѣетъ огонь подъ пепломъ; какъ-
 будто его и нѣтъ, но дохнетъ вѣтеръ, и шлама ярко взовьется
 къ небу. Видѣли вы, какъ сокрыто зерно подъ землей; его не
 видно *и какъ-будто оно погибло*. Но упадетъ на него дождь,
 польетъ его водою, и зерно дастъ ростокъ и взойдетъ оно къ
 солнцу свѣтлому, къ Богу-Господу. Такъ и наставленія матери
 въ сердцѣ грѣшника. Какъ-будто и незамѣтно ихъ у грѣш-
 ника; но дохнетъ на него дуновеніемъ благодати Божіей, при-
 детъ горе житейское, польетъ его сердце слезами, какъ дож-
 демъ: и вспомнить грѣшникъ свое далекое дѣтство, припо-
 мнить мать родимую, ея наставленія, ея молитвы, и обратится
 къ Богу, и раскается въ грѣхахъ и сдѣлается добрымъ сыномъ
 Церкви Божіей. Такъ случилось и съ Пантелеимономъ. Не могъ
 онъ не видѣть, что христіанъ мучать невинно, и вотъ, когда
 онъ разъ поговорилъ съ однимъ священникомъ—Ермолаемъ,
 то, вспомнивъ наставленія матери, скоро же уразумѣлъ ложь
 язычества и истину христіанства. Въ это время онъ былъ уже
 совершенно взрослымъ. Ранѣе онъ много учился и былъ
 извѣстенъ, какъ самый лучший врачъ. Когда онъ сдѣлался
 христіаниномъ, то обратилъ ко Христу и своего отца, ро-
 далъ свое имущество и сталъ всѣхъ больныхъ лѣчить безъ
 всякой платы, всѣмъ служилъ, чѣмъ могъ. Онъ ходилъ по до-
 мамъ бѣдняковъ, посѣщаль заключенныхъ въ тюрьмѣ. Лѣчилъ
 онъ и лѣкарствами и молитвою съ именемъ Іисуса Христа.
 И далъ ему Богъ даръ чудесъ. То было время такое, когда
 нужны были чудеса. Теперь ихъ нѣтъ, такъ какъ и безъ чудесъ
 возможно и легко быть вѣрующимъ, а въ то время, при страш-
 ныхъ гоненіяхъ *и мукахъ* христіанъ, вѣра Христова безъ осо-
 бой помощи Божіей могла погибнуть. Многимъ больнымъ и
 немощнымъ помогъ Пантелеимонъ силою своей науки, еще
 больше помогъ чудесами. Былъ онъ очень ученъ, но ученіе не
 отвратило, а, напротивъ, приблизило его къ Богу, и каждое дѣло,

каждое врачеваніе больного совершалъ онъ съ именемъ Божіимъ на устахъ, съ молитвою въ сердцѣ. Пришло, наконецъ, время и пострадать Пантелеимону, потому что его жизнь и труды не могли укрыться отъ наблюденій языческаго царя-гонителя. И предсталъ молодой ученый предъ грознымъ властителемъ безстрашный и безтрепетный. „Ты кто, какой вѣры и какимъ колдовствомъ исцѣляешь больныхъ?“ спросилъ его царь. „Я—христіанинъ,—отвѣтилъ Пантелеимонъ,—и не колдовствомъ, а молитвою, силою Божіею и именемъ Христа исцѣляю болѣзни.“ „Христосъ—не Богъ!—сказалъ царь,—поклонись нашимъ богамъ и получишь отъ меня всѣ блага, ты будешь моимъ придворнымъ врачомъ; а не поклонишься—погибнешь лютою смертію“. „Я молодъ и силенъ,—отвѣтилъ святой,—и стыдно мнѣ убояться мученій, когда ихъ переносятъ безтрепетно старцы.“ Тогда святого повѣсили на деревѣ и стали строгать его тѣло желѣзными когтями, а ребра палить зажженными свѣчами. Пантелеимонъ переносилъ все молча и терпѣливо. Тогда растопили въ котлѣ олово и бросили туда его, но олово чудесно застыло, и святой остался живъ. Тогда навязали ему на шею камень и бросили въ море, но святой благополучно вышелъ на берегъ. Послѣ этого его бросили къ дикимъ звѣрямъ, но звѣри подходили къ нему и ласкались, какъ домашніе. Приказано было приготовить колесо съ желѣзными остріями и терзать тѣло Пантелеимона, но онъ остался твердъ въ своей вѣрѣ. Наконецъ, когда Господь достаточно показалъ мучителямъ силу Свою и этимъ какъ бы и ихъ самихъ призывалъ ко Христу, тогда пришло время умереть Пантелеимону. Ему отрубили голову, а тѣло его взяли его ученики и похоронили съ честію. И теперь его мощи хранятся въ русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ на горѣ Аѳонской, часть мощей есть и у насъ въ Россіи—въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ св. Симона Канонитскаго, у насъ, на Кавказѣ, около г. Сухума.

Такъ жилъ и страдалъ св. великомученикъ Пантелеимонъ. Судите теперь сами, правы ли тѣ, которые говорятъ, будто бы святымъ легче жилось и легче можно было спастись, чѣмъ намъ? Кого изъ насъ такъ гонять, кого мучать? При св. Пантелеимонѣ имя христіанина было позорнымъ, назвать кого-либо христіаниномъ было все равно, что назвать преступникомъ.

Теперь же совсѣмъ не то. Если кого мы хотимъ похвалить въ высшей степени, то называемъ его истиннымъ христіаниномъ. Примѣръ св. Пантелеимона учить насъ, что нужно любить вѣру Христову до того, что не жалѣть за нее жизни, а любовь наша къ вѣрѣ Христовой должна выразиться не иначе, какъ исполненіемъ Христовыхъ заповѣдей. „Не любимъ словомъ, и не языкомъ,—говоритъ св. апостоль,—но дѣломъ и истиной.“ „Если кто любитъ Меня,—говоритъ и Самъ Спаситель,—тотъ заповѣди Мои сохранить“.

Чему еще учить насъ св. Пантелеимонъ? Онъ былъ ученымъ: значить, можно быть ученымъ и въ то же время вѣрять въ Бога и быть Ему угоднымъ; значить, ученье не удаляетъ человѣка отъ Бога, не дѣлаетъ его худшимъ; невѣрами бывають только недоучки. Значить, нечего бояться науки, какъ нѣкоторые дѣлають, особенно изъ простыхъ людей; напротивъ, нужно всячески стараться и о себѣ самомъ и о своихъ дѣтяхъ, чтобы какъ можно лучше познать волю Божию и ученіе Іисуса Христа. Св. Пантелеимонъ былъ *врачъ*. Какъ же говорить нѣкоторые, что обращаться къ врачамъ—грѣхъ? Особенно это часто слышалось во время послѣдней холеры. И само слово Божіе говоритъ: „не презирай врача, но принимай его съ честію, потому что Богъ создалъ его“. Только и врачамъ, и намъ не слѣдуетъ возлагать всѣ надежды на одну науку, а по примѣру св. Пантелеимона нужно надѣяться на милость Божию. Молитва, воздержаніе, богомысліе, посѣщеніе церкви, служеніе молебновъ и особенно совершеніе великой Жертвы—Христова Тѣла и Крови, а также елеосвященіе, т.-е. соборованіе,—вотъ что должно сопровождать наше лѣченіе у врачей. Обращаться должно и къ молитвенной помощи св. угодниковъ, особенно такихъ, которые во время своей земной жизни были врачами и цѣлителями людскихъ болѣзней. Вотъ и теперь, братіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи опять появилась страшная болѣзнь холера. Будемъ же молиться Богу о спасеніи, помолимся сейчасъ св. Пантелеимону: онъ при жизни недуги исцѣляль, прокаженныхъ очищаль, больныхъ избавляль отъ смерти. Пусть и теперь, предстоя престолу Божию, просить онъ намъ милостей Господа, пусть поможетъ

и нашимъ врачамъ избавить насъ отъ болѣзней, пусть испросятъ намъ избавленіе отъ смерти.

Сейчасъ, во время молебнаго пѣнія, будемъ молиться св. Пантелеимону, но постараемся подражать и его дѣламъ въ своей жизни: будемъ такими же добрыми христіанами, милостивыми, сострадательными, кроткими, смиренными, будемъ любить нашу св. вѣру и исполнять Христовы заповѣди.

Св. великомучениче и цѣлебниче Пантелеимоне, моли Бога о насъ! Аминь.

Великое призваніе Русскаго народа.*

Въ нынѣшній день святая Церковь прославляетъ и убажаетъ Пресвятую Матерь Божию, вспоминая явленіе чудотворной иконы Ея въ городѣ Казани. Всякій праздникъ въ честь Богоматери несетъ сердцу отрадную увѣренность въ томъ, что на небѣ есть сильная Ходатаица за родъ христіанскій; всякое воспоминаніе явленія иконы Богородицы указываетъ намъ, что изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, среди различныхъ православныхъ народовъ, въ различныхъ мѣстахъ проявляется чудотворная помощь нашей Небесной Заступницы. Въ числѣ другихъ странъ наша Русь православная имѣла счастье получить особенно много знаковъ небеснаго благоволенія Пресвятой Богородицы: въ Кіевѣ, Владимірѣ, Москвѣ, Черниговѣ, у насъ здѣсь, въ Моздокѣ, и самое послѣднее время въ Козельщинѣ имѣются чудотворныя иконы Богоматери, какъ явное доказательство того, что благословеніе Божіе видимо почиваетъ на русскомъ народѣ.

Но особенно много говоритъ сердцу русскаго человѣка настоящій праздникъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери. Оттого-то праздникъ этотъ сталъ праздникомъ не мѣстнымъ

* Въ праздникъ Казанской иконы Богоматери въ ст. Крымской 8 іюля 1894 г.

въ одномъ городѣ Казани, какъ можно бы ожидать, а праздникомъ всей православной Россіи.

Наша родина, Русь православная, вы знаете, была на первыхъ порахъ мала, слаба и незначительна. Славянское племя было весьма малочисленно и русскіе, поселившись на небольшомъ пространствѣ земли, окружены были со всѣхъ сторонъ дикою природою, непроходимыми лѣсами и болотами, многочисленными и сильными враждебными народами. Кто бы могъ подумать, что чрезъ нѣсколько столѣтій изъ маленькаго славянскаго русскаго племени возрастетъ огромное царство? Но Господь судилъ русскому народу великую и славную будущность. Въ Божественномъ Писаніи, братіе, сказано: Богъ сотворилъ отъ одной крови—отъ Адама и Евы—весь родъ человѣческой жить по всему лицу земному, но для каждаго народа Господь благоволилъ указать мѣсто поселенія, время дѣйствованія и ту или другую задачу, направленную ко благу міра. И вотъ въ десницѣ Вседержавнаго Промысла Божія наше русское царство испытало дивную судьбу: оно именно уподобилось тому евангельскому зерну горчичному, которое на видъ меньше всѣхъ сѣмянъ, но посѣянное—вырастаетъ въ огромное дерево, и люди пользуются его тѣнью, и птицы небесныя находятъ пріютъ въ его благодатной листьѣ. Русь—теперь это огромное дерево; много народовъ нашли пріютъ подъ высокой рукой русскаго Бѣлаго Царя, многія племена подъ мудрымъ отеческимъ управленіемъ нашего Благочестиваго Государя живутъ въ мирѣ и благоденствіи. Какъ это случилось? Слава и могущество русскаго народа начались съ тѣхъ поръ, когда наши предки во дни св. князя Владиміра приняли православную христіанскую вѣру.

Съ этихъ поръ русскому народу указана была особенная задача, дано особенное назначеніе: просвѣщать свѣтомъ Христовой вѣры всѣ окружающіе народы, а народовъ этихъ было великое множество. Кто знаетъ прошедшія судьбы нашей родины, тому извѣстно, что тѣ мѣста, которыя мы теперь считаемъ русскими,—эти мѣста заселены были народами языческими, не-русскими. И Донъ, и Волга, и Уралъ, и далекая Сибирь, и Бѣлое море, и нашъ Кавказъ,—всѣ эти страны раньше

не принадлежали нашему царству. Но пришелъ туда русскій православный воинъ, за вѣру, царя и отечество не щадилъ онъ живота своего, полилъ кровью и потомъ непріятельскую землю, завоевалъ ее; потомъ пришли сюда русскій крестьянинъ и русскій священникъ; одинъ принесъ топоръ и заступъ, другой—крестъ и Евангеліе. Они основали села, выстроили церкви и монастыри, раздѣляли пустынные мѣста—и чудо совершилось: финны, пермяки, карелы, лопари, вогулы,—такіе народы, именъ которыхъ вы, братіе, и не слышали,—всѣ эти народы сдѣлались крещеными и православными, породнились съ русскими, а теперь спроси его, кто онъ, то и самъ онъ скажетъ, что онъ русскій, и ты не отличишь его отъ русскаго. Вотъ что сдѣлали русскіе: они людямъ, сидящимъ во тьмѣ, возвѣстили свѣтъ Христова ученія; они людей дикихъ, невѣжественныхъ, не отличавшихся отъ звѣрей, сдѣлали подобными себѣ, научили ихъ знать Бога истиннаго, научили ихъ уму-разуму. И мы говоримъ громко, и мы вѣримъ твердо, что все это сдѣлали русскіе люди по особой волѣ Божіей, по особому благословенію небесному. Доказательство этого—въ явленіи чудотворной Казанской иконы Божіей Матери. Вы знаете, что басурмане - татары много зла сдѣлали русской землѣ. Болѣе 200 лѣтъ они владѣли русскими; затѣмъ они имѣли особыя царства, здѣсь, на Кавказѣ, и на рѣкѣ Волгѣ—въ Астрахани и Казани. Они стѣсняли отовсюду русскій народъ, грабя и нападая на насъ, забирали много плѣнныхъ; мало этого: татары сѣли какъ-разъ на пути къ Кавказу, къ Сибири, за Волгу,—словомъ, не пускали русскихъ никуда, не давали намъ распространить вѣру истинную и могущество русскаго народа. 350 лѣтъ тому назадъ русскій царь Иванъ Васильевичъ, съ благословенія духовныхъ пастырей, пошелъ на грозное царство Казанское и разрушилъ его: велика была тогда радость русскаго народа; освобождены были тысячи плѣнниковъ; укропченъ былъ грозный и исконный врагъ. Но было ли это дѣло богоугодное? Кто могъ знать это? Тогда Самъ Господь открылъ волю Свою: скоро по взятіи города Казани въ кучѣ мусора обрѣтена была икона Божіей Матери, которая являлась трижды маленькой дѣвочкѣ во снѣ и приказывала ей указать духовнымъ пастырямъ

мѣсто иконы. Послѣ обрѣтенія этого образа начались отъ него чудеса и знаменія великія. Эти чудеса такъ подѣйствовали на татарь, что они во множествѣ крестились, и самъ царь Казанскій со всею семьей сдѣлался христіаниномъ православнымъ. Такъ, видимъ, почивало на нашихъ благочестивыхъ предкахъ Божіе благословеніе и милость Богоматери. И стала Казань русскимъ городомъ, и стала Волга русской рѣкой, а затѣмъ и другія страны отдались русскому народу,—и вездѣ возсіялъ крестъ Христовъ, и вездѣ воздается хвала Богу истинному. И до нынѣшняго дня не кончилось дѣло русскаго народа, назначенное ему Богомъ. И теперь еще есть много племень, не вѣдущихъ Бога, и много странъ, гдѣ нужно утвердить православную вѣру. И до нынѣшняго дня съ нами Богъ и Пречистая Богородица. Что было 40 лѣтъ назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь вапа станица, красуется этотъ святой храмъ и благочестивый народъ стоитъ предъ алтаремъ христіанскаго Бога мира и любви? Что здѣсь было? Здѣсь былъ аулъ, жили враждебные татары и вмѣсто креста Христова и православнаго храма стояла мечеть лжепророка. Прошло немного лѣтъ—и весь край этотъ сталъ чисто-русскимъ. Не явное ли здѣсь дѣло милости Божіей, не явное ли свидѣтельство, что съ нами Богъ?

Вотъ на какія мысли навелъ насъ нынѣшній праздникъ. Но не уйдемъ отсюда безъ урока и назиданія. То правда, что намъ, русскимъ, Богомъ назначено просвѣщать другіе народы свѣтомъ Христовой вѣры, но всё ли дѣйствительно просвѣщены? Просвѣщеніе совершается не однимъ словомъ, но и дѣломъ. Докажи магометанину, что твоя вѣра лучше, докажи не словами, а дѣлами, чтобы ясно было, что христіане и добрѣе, и честнѣе, и трудолюбивѣе магометанъ,—тогда ясно будетъ, на чьей сторонѣ правда. Наши благочестивые предки такъ именно и поступали. Любили они Христа, исполняли Его святое ученіе, Его Божественныя заповѣди, любили Церковь Христову, повиновались ея пастырямъ—и Богъ былъ съ ними, и Пресвятая Богородица была ихъ Заступницей. Пресвятая Богородица не можетъ помогать врагамъ Ея Сына, а всякій, кто не исполняетъ ученія Спасителя, тотъ—Его врагъ. Будемъ же

и мы благочестивы, будемъ любить Церковь, будемъ чтить Спасителя,—и Пресвятая Матерь Божія будетъ съ нами. Святая Русь сильна своею вѣрою: и пока мы, русскіе, будемъ православны, до тѣхъ поръ ничто для насъ не будетъ страшно: наше господство въ покоренныхъ странахъ есть благодѣяніе для покоренныхъ, потому что имъ живется лучше, чѣмъ жилось до прихода русскихъ. Вездѣ мы насадили православную вѣру, и пусть насъ ненавидятъ враги и завистники: если Богъ съ нами, то кто противъ насъ? Вѣрой Христовой сильна и незыблема наша держава. Много у нея враговъ, но они исчезнутъ, какъ воскъ отъ огня, какъ туманъ и иней отъ свѣта и тепла солнца. Будемъ благочестивы,—и святая Русь будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока не грянетъ страшная труба небесныхъ вѣстниковъ скоро грядущаго вѣчнаго мира, пока не блеснетъ молнія пришествія Сына Человѣческаго. Будетъ новое небо и новая земля, куда не войдетъ ничто нечистое и скверное, но праведники и вѣрующіе будутъ приняты Христомъ и покрыты будутъ молитвеннымъ покровомъ Богородицы. Пресвятая Богородице, спаси насъ! Аминь.

Чудеса вѣры православной.*

Празднуемъ сегодня память св. равноапостольнаго русскаго князя Владиміра; вспоминаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то дѣло, которое совершилъ онъ и за которое прославленъ у Бога и у людей, т.-е. крещеніе Россіи въ православно-христіанскую вѣру.

Св. Владиміръ былъ сначала язычникомъ, какъ и всѣ наши предки. Его жизнь въ язычествѣ не отличалась ничѣмъ хорошимъ: жилъ онъ въ свое удовольствіе, любилъ только себя, имѣлъ много женъ, воевалъ, пировалъ, мало заботился о своемъ царствѣ. Онъ былъ такимъ, какими были всѣ язычники;

* Въ день св. Владиміра въ ст. Крымской 15 іюля 1894 года.

инымъ онъ быть не могъ, такъ какъ не зналъ Бога истиннаго, не вѣдалъ закона евангельскаго, мало понималъ, что хорошо, что худо, и некому было научить его. Такая жизнь мало отличается отъ звѣриной, потому что ѣсть, пить, спать и имѣть заботу о сохраненіи своей жизни и о собственныхъ удовольствіяхъ свойственно и скотамъ неразумнымъ. Человѣкъ со свѣтлымъ умомъ и съ доброю душою не могъ оставаться спокойно въ язычествѣ. Душа человѣка такъ создана, что ищетъ вѣры въ Бога Истиннаго; сердце человѣка стремится къ добру, желаетъ святости, а языческая вѣра не могла дать такого успокоенія. Такъ прожилъ Владиміръ пору юности и мужества, пережилъ все, чѣмъ хочетъ наполнить человѣкъ жизнь, чтобы быть счастливымъ: ѣлъ, пилъ, веселился, а счастья не нашелъ, потому что не въ этомъ разумное счастье, а въ Богѣ. И стало приходиться Владиміру на умъ, что смерть скоро придетъ, близокъ часъ разлуки съ землею, а что ждетъ его дальше? Не можетъ душа человѣка успокоиться на томъ, что все кончится съ земною жизнью, и вѣрится помимо воли, что будетъ послѣ смерти тѣла жизнь вѣчная духа. Что обѣщала эта жизнь язычнику - Владиміру? Заслужилъ ли онъ счастье въ будущей жизни, когда онъ не зналъ даже, чѣмъ заслужить его? Въ такомъ-то расположеніи мысли Милосердый Богъ призвалъ его къ чудному свѣту Христовой вѣры. Къ Владиміру явился изъ православной Греціи священникъ-монахъ и отвѣтилъ на тайныя его думы: показалъ, что ждетъ его въ будущей жизни. Онъ развернулъ предъ нимъ картину страшнаго суда, гдѣ изображены были направо ликующіе праведники, а налѣво плачущіе грѣшники. „Хорошо тѣмъ, кто по правую сторону“,—сказалъ простодушно Владиміръ. „Вѣруй во Христа, — отвѣтилъ священникъ, — и ты будешь съ ними“. И сталъ говорить ему священникъ о Богѣ Единомъ и Истинномъ, о Христѣ Спасителѣ, о законѣ Евангельскомъ, сталъ говорить ему, что всѣ люди равны по духу предъ Богомъ, всѣхъ Богъ любитъ, всѣмъ хочетъ спасенія, всѣхъ зоветъ въ Свое пренебесное Царствіе, но войдутъ въ него не всѣ, а только тѣ, кто здѣсь, на землѣ, исполнялъ законъ Божій, былъ полезенъ своимъ ближнимъ, кто свой долгъ выполнялъ и если онъ князь или простолудинъ,

богатый или бѣдный и даже послѣдній рабъ во дворѣ князя,— все равно, князь, крестьянинъ, отецъ, мать, сынъ, дочь и проч., лишь бы каждый исполнилъ свою должность по совѣсти, и они не остаются у Бога безъ награды.

Смутилась и затрепетала душа язычника-князя Владиміра. Что сдѣлалъ онъ, чтобы получить награду отъ Бога? Онъ былъ княземъ, много добра могъ бы сдѣлать народу, много пользы принести, много слезъ людскихъ отереть. А онъ только ѣлъ, пилъ со своими женами, пиروвалъ съ дружиною, жилъ въ свое удовольствіе. Съ тѣхъ поръ не зналъ покоя князь Владиміръ и задумалъ самъ перемѣнить вѣру и народъ свой вывести изъ тьмы язычества на путь вѣчнаго душевнаго спасенія. Долго рассказывать о томъ, какъ Владиміръ посылалъ пословъ узнавать разныя вѣры, какъ онъ самъ принималъ пословъ отъ различныхъ народовъ, которые хотѣли имѣть могущественнаго князя своимъ единовѣрцемъ. Довольно сказать, что князю Владиміру болѣе всего понравилась вѣра христіанская, православная,—та, которую исповѣдывала въ то время Греція, и которую теперь содержимъ мы съ вами. Крестился князь Владиміръ, крестилась его семья, крестилось его войско—дружина, крестился русскій народъ.

Это случилось болѣе 900 лѣтъ тому назадъ. Какъ не бывало прежняго князя—язычника Владиміра! Не слышны пиры, не видно разгула, нѣтъ дикаго распутства, не забыты нужды народа. Съ утра до вечера ласковый князь Владиміръ судить свой народъ, защищаетъ правыхъ, помогаетъ вдовамъ, избавляетъ отъ притѣсненія сиротъ. Ходитъ онъ по тюрьмамъ, милуетъ преступниковъ кающихся; каждый день цѣлыми возами разсылаетъ съ княжескаго двора милостыню. Всегда онъ въ совѣтѣ съ духовными пастырями, строитъ церкви, заводитъ училища, путешествуетъ по всему лицу земли русской. Такъ и остался онъ въ народной памяти подъ именемъ Владиміра, ласковаго князя—Красное Солнышко. Вотъ какую перемѣну произвела въ князѣ Владимірѣ св. вѣра Христова. Онъ самъ сказалъ о себѣ: „былъ я, какъ звѣрь, жилъ я совершенно по-скотски, а теперь позналъ я Бога истиннаго“.

Что случилось съ однимъ человѣкомъ, то случилось и съ

народомъ. Русскій народъ, когда былъ въ язычествѣ, отличался дикостью, злобою, распутствомъ, обжорствомъ и пьянствомъ. А теперь это—народъ, который удивляетъ всѣхъ своимъ благочестіемъ.

Иностранцы, посѣщающіе Россію, изумляются тому, сколько у насъ храмовъ Божіихъ, какъ благочестивъ и набоженъ нашъ народъ, какъ онъ покорно переноситъ несчастья, какъ онъ преданъ св. Церкви и благочестивымъ царямъ своимъ. *Русскій народъ называется народомъ-богоносцемъ.* И правду сказать, если бы не православная вѣра, если бы не набожность русскаго народа, давно бы погибъ онъ отъ множества враговъ. Въ пору нестроений и неурядицъ, въ пору нашествія татаръ, поляковъ, ливонцевъ, шведовъ, французовъ,—всегда русскій народъ, сознавая себя единымъ, никогда не раздроблялся и этимъ единеніемъ служила православная вѣра. Она же воспитала въ немъ всѣ добрыя качества души. Она же воспитала много великихъ мужей, которые въ годину народнаго горя не падали живота своего и во имя Христа, во имя православія жертвовали собою для спасенія родины.

Братіе! Христіане православные! Хранить намъ должно свою вѣру, какъ неоцѣненное сокровище, беречь намъ нужно свое православіе, какъ вѣрный и единый залогъ спасенія! Сознавая величіе русскаго народа, данное намъ св. вѣрою, не будемъ закрывать глаза и на свои недостатки. 900 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Русь наша сдѣлалась святою Русью, а народъ русскій сталъ крещенымъ, христіанскимъ, но у насъ еще осталось кое-что отъ язычества. Что это?—спросите вы. Отъ язычества осталось пьянство, обжорство, распутство и это отвратительное сквернословіе, или, какъ говорятъ у насъ, скверноматерное слово, которымъ такъ часто оскверняетъ свой языкъ русскій человекъ. Нужно употреблять намъ всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ этихъ послѣднихъ остатковъ язычества.

А затѣмъ, такъ какъ вѣрой Христовой мы спасаемся, и такъ какъ царство наше до сихъ поръ стоитъ только православіемъ, то нужно содержать святую вѣру въ томъ видѣ, въ какомъ мы приняли ее отъ временъ св. кн. Владиміра. Небесный Домовладыка засѣялъ плодovitую ниву нашей родимой земли

пшеницею чистаго православія, но діаволь, всегдашній врагъ всего добраго, посѣялъ плевелы на нивѣ и взопли отъ этого посѣва: раскольники, хлысты, баптисты, штундисты и другіе сектанты, о которыхъ со скорбью теперь часто приходится слышать. Не было ихъ при св. кн. Владимірѣ, и не должно быть теперь. Св. православная вѣра идетъ отъ Христа Спасителя и Его апостоловъ, а сектанты появились на нашихъ глазахъ. Поэтому не могутъ быть они истинными христіанами, такъ какъ ученіе ихъ сообщилъ не Богъ, а человекъ. Господь Іисусъ Христосъ, отправляясь на крестную смерть, молилъ Небеснаго Отца, чтобы всѣ Его послѣдователи-христіане были едино: способствуютъ ли сектанты этому единенію вѣрующихъ,—сами судите; не только не способствуютъ, а, напротивъ, разъединяютъ христіанъ, отвлекая ихъ отъ православной Церкви. Значить, они—враги Божіи. Мы же, ученики Христовы, отъ лѣтъ св. князя Владиміра принявшіе православіе, будемъ крѣпко любить и хранить свою св. вѣру, будемъ послушны св. Церкви. Не смущайтесь тѣмъ, что находятся враги Церкви—сектанты. Самъ Господь Іисусъ Христосъ имѣлъ вѣдь враговъ и Самъ Онъ предсказалъ, что будутъ ереси и лжепророки. Но Господь Іисусъ Христосъ—единъ, едина истина, едина Церковь: кто въ Церкви, тотъ спасенъ будетъ, а кто внѣ Церкви,—осужденъ будетъ.

Но придетъ время, здѣсь ли, на землѣ, или тамъ, на небѣ,—не все ли равно,—когда вѣрующіе въ Господа Іисуса Христа всѣ будутъ въ союзѣ и единеніи. Ибо Самъ Онъ сказалъ: „и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ привести и гласъ Мой услышать: и будетъ едино стадо и единъ Пастыръ“.

Молитвами св. князя Владиміра да пребудемъ и мы въ этомъ св. избранномъ стадѣ, подъ пастырствомъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Причина болѣзней.*

Въ евангельскомъ чтеніи нынѣшняго воскреснаго дня св. Церковь предложила нашему вниманію повѣствованіе объ исцѣленіи Спасителемъ нашимъ одного разслабленнаго. Господь, по обычаю Своему, проповѣдывалъ. Народу собралось такъ много, что подойти близко, особенно принести больного, не владѣющаго ногами, не было никакой возможности. Но горячая вѣра, пламенное усердіе, сердечное желаніе всегда превозмогутъ препятствія. Несшіе больного раскрыли крышу того дома, въ которомъ былъ Спаситель, и сквозь разобранный потолокъ спустили разслабленнаго къ ногамъ Спасителя. Господь не отвергъ вѣры и усердія. „Чадо, сказалъ Онъ разслабленному, отпускаются тебѣ грѣхи твои“. А когда присутствовавшіе здѣсь враги Иисуса Христа стали упрекать Его за то, что Онъ простилъ грѣхи и тѣмъ взялъ на себя дѣло, которое прилично только Богу, то Спаситель доказалъ имъ, что Онъ-то и есть истинный Богъ и что прощеніе грѣховъ равносильно исцѣленію отъ болѣзни. Потомъ Онъ сказалъ разслабленному: „Возьми твою постель и иди въ домъ твой“. И больной, не владѣвшій прежде ногами, пошелъ, прославляя Бога, и весь народъ славилъ Иисуса, какъ Господа-Чудотворца.

Въ этомъ священномъ повѣствованіи обратите, братіе, ваше вниманіе на то, какими словами Спаситель исцѣлилъ больного. Не сказалъ Онъ ему сразу: возьми твою постель, не сказалъ ему прямо объ исцѣленіи отъ болѣзни, а объявилъ ему о прощеніи грѣховъ: „чадо, отпускаются тебѣ грѣхи твои“. Нѣтъ сомнѣнія, Господь хотѣлъ этими словами вразумить разслабленнаго, а св. евангеліе, повѣствующее объ этомъ, и св. Церковь, предлагающая намъ сегодня разсказъ объ этомъ событіи, хотятъ вразумить насъ съ вами. Чему же поучаютъ эти слова? Объ этомъ сегодня и будемъ бесѣдовать.

* Слово въ недѣлю 6-ю по Пятидесятницѣ 17 іюля 1894 года; сказано въ церкви станицы Крымской, Куб. обл.

Извѣстно, братіе, что на свѣтѣ ничего не бываетъ безъ причины. И болѣзни, которымъ подвергаются люди, не появляются такъ, ни съ того, ни съ сего, а имѣютъ также свою причину. Чтобы устранить, на примѣръ, пожаръ, надобно устранить причину пожара и затушить огонь. Чтобы прервать болѣзнь, надобно устранить причину болѣзни. Врачи и знатоки лѣченія такъ и дѣлаютъ: они главное усиліе направляютъ на то, чтобы уничтожить причину, корень болѣзни. Это вполне понятно. Но вотъ странное явленіе! Сколько ни стараются наши врачи, сколько ни употребляютъ они лѣкарствъ, а болѣзни все-таки свирѣпствуютъ въ родѣ человѣческомъ. Въ наше время искусство лѣчить особенно стоитъ высоко, и много есть врачей дѣйствительно знающихъ, такихъ, что дѣйствительно могутъ принести пользу больному. Чего только ни придумалъ, чего ни изобрѣлъ умъ человѣческій! Больницы теперѣ и въ городахъ, и въ селахъ, аптеки наполнены лѣкарствами. Что же, меньше болѣютъ люди, чѣмъ прежде? Едва ли. Напротивъ, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми усиліями людей, съ каждымъ годомъ стали появляться такія болѣзни, о которыхъ прежде люди и не слыхали. Отчего все это? Очевидно, оттого, что не уничтожается главная, коренная причина всѣхъ болѣзней. Обыкновенно причину болѣзней полагаютъ во вліяніи дурной погоды, нехорошей пищи, плохой одежды, неудобнаго жилища и стараются дѣйствовать на эти причины. А между тѣмъ, люди продолжаютъ болѣть, и никто, при соблюденіи всѣхъ предписаній врачебной науки, не остается жить на землѣ вѣчно; всѣ умираютъ. Положимъ, у бѣднаго человѣка пища недостаточная, грубая, отъ которой легко заболѣть; у него и жилище, и одежда такъ плохи, что едва защищаютъ отъ дѣйствія дурной погоды; онъ и трудится слишкомъ много, и бѣдняку, дѣйствительно, не трудно заболѣть. Но почему же богатые-то люди, у которыхъ и жильё удобное, и пища вкусная и питательная, и трудъ не изнурительный, а часто совсѣмъ никакого труда нѣтъ,—почему они, при всѣхъ жизненныхъ удобствахъ, подвергаются болѣзнямъ и, вѣдь, правду сказать, болѣютъ чаще и сильнѣе, чѣмъ бѣдные люди? Отчего многіе святыя люди, которые жили въ пустыняхъ и пещерахъ, скуд-

но питались, плохо, а то и совѣмъ не одѣвались, имѣли самое неудобное жильё, проводили весь вѣкъ въ трудахъ и въ гоненіяхъ, отчего они часто жили по 100 и болѣе лѣтъ и мало болѣли? Ясно опять, что дурная погода, пища, одежда, хотя дѣйствительно и служатъ причиной болѣзней, но причиной не главной, не коренной, второстепенной. Какая же причина главная? Эту главную причину указалъ Самъ Спаситель при исцѣленіи расслабленнаго: „отпускаются тебѣ грѣхи“, сказалъ Онъ больному, и этимъ ясно показалъ, что главною причиною болѣзней служатъ грѣхи, что избавиться отъ грѣховъ, значить, уничтожить болѣзнь, вырвать ее съ корнемъ; это и показалъ Господь на примѣрѣ расслабленнаго.

И если бы спросили, что нужно больше всего помнить христіанину, чего опасаться, то отвѣтъ одинъ: помни, что грѣхъ погубить твою душу и твое тѣло, и поэтому бѣгай грѣха, борись со зломъ; въ этомъ задача жизни, въ этомъ единственное средство спасенія. Было время, люди въ раю не заботились о пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, были они безгрѣшны,— не знали тогда и болѣзней. Но только-что сдѣланъ былъ первый грѣхъ, понадобилась пища, одежда, явились и болѣзни, и всѣ несчастія людей идутъ съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлали первый грѣхъ. Все же первые потомки Адама и Евы жили очень долго, по 900 и болѣе лѣтъ, и мало болѣли. Но чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше грѣшили они, тѣмъ больше и сильнѣе проявлялись среди нихъ болѣзни, тѣмъ больше и больше сокращалась человѣческая жизнь. Могутъ спросить: отчего же дѣти безгрѣшныя и люди Божіи, святые также болѣютъ и умираютъ? Оттого, что нѣтъ на землѣ совершенной святости, оттого, что со времени грѣха Адама всѣ мы въ беззаконіи зачинаемся и въ грѣхахъ рождаемся. И ребенокъ невинный, какъ онъ ни малъ, уже въ дѣтствѣ, еще ничего не понимая, обнаруживаетъ уже злобу, упрямство, метительность, неповиновеніе; и святые Божіи люди имѣли грѣхи юности. Спросяте и еще: отчего же часто явные грѣшники—пьяницы, обидчики, блудодѣи пользуются здоровьемъ? Другъ мой! Не смущайся и не обманывайся этимъ. Богъ, по милости Своей, долго щадитъ грѣшника, долго даетъ ему сред-

ство и возможность покаяться: но когда мѣра долготерпѣнія переполнится, не видѣлъ ли ты, какъ пьяница умиралъ безъ покаянія на улицѣ, какъ воръ былъ убитъ на мѣстѣ преступленія, а часто оставленъ безъ погребенія, какъ блудодѣй неожиданно свалился, какъ зависть и ненависть сгоняютъ краску съ лица, лишаютъ сна и покоя? Смерть грѣшниковъ люта,—говорить слово Божіе. Вотъ что дѣлаетъ грѣхъ. Онъ все отравляетъ, къ чему бы ни прикоснулся. Думалось Евѣ, что чрезъ грѣхъ будетъ она подобной Богу, согрѣшила—и лишилась навѣки счастья. Думалось блудному сыну въ притчѣ евангельской, что, отдѣлившись отъ добраго отца и начавъ жить блудно, получить онъ счастье,—а кончилъ тѣмъ, что питался пищею свиней и то не вволю. А теперь съ нами что дѣлаетъ тотъ же грѣхъ? Естественно человѣку и необходимо ѣсть; придетъ грѣхъ—и ѣду обращаетъ въ обжорство; естественно человѣку питье, иногда для подкрѣпленія силъ и питье вина; придетъ грѣхъ—и естественное дѣло обращаетъ въ пьянство; естественно, видя доброе у сосѣда, и себѣ стремиться къ тому же; придетъ грѣхъ—и это невинное соревнованіе обращаетъ въ грубую зависть, въ низкую ненависть. Такъ все, къ чему прикоснется грѣхъ, все онъ оскверняетъ, все загрязняетъ, загрязняетъ даже, повидимому, доброе дѣло. Иной богачъ строить церкви, дѣлаетъ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, открываетъ училища: кажется, совсѣмъ хорошее дѣло, а на дѣлѣ—пришелъ грѣхъ и заставилъ этого благотворителя искать чести и славы за свои благодѣянія, требовать наградъ и орденовъ. И стало доброе дѣло худымъ, и вмѣсто пользы душевной принесло вредъ. Что же, приносить ли грѣхъ въ этихъ случаяхъ удовольствіе? Но кто же не знаетъ, какъ тяжело дѣлается обжорѣ послѣ ѣды, какъ скверно на душѣ у пьяницы послѣ отрезвленія, какъ тяжело на сердцѣ у завистника, у скупца и честолюбца? А муки совѣсти у грѣшниковъ? Не хотѣлъ ли тысячу разъ богачъ, разбогатѣвшій нечестно, воровствомъ и обманомъ, кровью и потомъ другихъ, не хотѣлъ ли онъ лишиться всего, что онъ имѣетъ, лишь бы возвратить себѣ покой духа? А смерть, а судъ, адъ и вѣчныя мученія,—это не отравляетъ ли жизнь грѣшнику? Такъ, братіе,

грѣхъ только издали заманчивъ, только общаетъ удовольствія, а на самомъ дѣлѣ лишаетъ насъ навѣки счастья. Это красивая змѣя, къ которой если подойдешь близко, то будешь смертельно укушенъ. Только добрая, благочестивая жизнь даетъ человѣку счастье.

Будемъ же, братіе, стараться избѣгать грѣха, какъ главной и коренной причины нашихъ болѣзней, всѣхъ нашихъ золъ, бѣдъ и несчастій. Мы спимъ, и вокругъ насъ темная ночь грѣховная. Внимайте же слову апостола: „бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь“, или какъ нынѣ читали: „будьте тщаниемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе“. Часъ уже намъ отъ сна возстать: ночь уже преиде, а день приближися. Отложимъ дѣла темныя и облечемся во оружіе свѣта. Аминь.

Храмъ—жилище Господа.*

Древнее церковное преданіе повѣствуетъ, что послѣ Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа на небо предъ смертью Богородицы св. апостоль евангелистъ Лука, обладавшій искусствомъ живописи, изобразилъ икону Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Св. Богородица, увидѣвши эту икону, дала обѣщаніе пребывать съ нею Своею милостью до конца вѣка. Эта-то икона, написанная св. Лукой, или, по крайней мѣрѣ, точный и очень древній снимокъ съ нея, и есть та икона, которой сегодня празднуемъ мы, т.-е. Смоленская икона Божіей Матери. Драгоценный этотъ образъ хранился въ Греціи и переданъ намъ въ Россію въ благословеніе св. кн. Владиміру, когда онъ крестился и крестилъ русскую землю. вмѣстѣ съ тѣмъ эта икона послужила благословеніемъ отъ православной Греціи ко всей православной Россіи. И дѣйствительно, скоро сказала

* Въ день Смоленской иконы Божіей Матери 28 іюля 1894 г.; сказано въ церкви станицы Крымской, Куб. обл.

надъ Россіей помощь Богородицы. Послѣ князя Владиміра за грѣхи наши наше отечество было завоевано татарами. Св. икона Богоматери въ это время находилась въ городѣ Смоленскѣ у тамошняго князя. Народъ выстроилъ этой иконѣ богатый храмъ и усердно чтилъ ее. Татары осадили городъ Смоленскъ внезапно; въ городѣ не было ни одного воина. Народъ былъ въ ужасѣ, съ часу на часъ ожидалъ вторженія свирѣпыхъ враговъ, остановить которыхъ не было рѣшительно никакой возможности. Но Пресв. Богородица защитила Свой храмъ. Она явилась одному благочестивому гражданину г. Смоленска—Меркурію и открыла ему, что Она упросила Своего Сына оставить Ей Ея домъ, т.-е. храмъ. Послѣ этого Она повелѣла Меркурію одѣться въ свѣтлыя одежды и идти въ станъ непріятеля. Онъ пошелъ. Враги ночью увидѣли безстрашнаго воина и съ нимъ какую-то свѣтлую женщину. Страхъ напалъ на нихъ, и они бѣжали. Городъ былъ спасенъ, сохраненъ былъ храмъ Богородицы, оставлена и сохраняется до нашего времени Ея честная икона.

Вотъ, братіе, какъ любить Пресвятая Богородица храмы христіанскіе. Какъ же нужно любить ихъ намъ съ вами! Храмъ Божій—это селеніе Господа на землѣ. Храмъ Божій—это самое святое, самое высокое мѣсто на землѣ. Какъ отрадно чувствуетъ себя здѣсь душа христіанина, когда приходитъ сюда съ искренней молитвой! Здѣсь живетъ постоянная радость, здѣсь утѣшается всякая печаль. Св. царь и пророкъ Давидъ ничего такъ не хотѣлъ, какъ быть въ храмѣ Божіемъ какъ можно чаще. „Коль возлюбленна селенія Твои Господи Силь, —воскликаетъ онъ,—желала бы скончаться душа моя во дворѣ Господнемъ. Одинъ день въ домѣ Божіемъ для меня лучше, чѣмъ тысячи дней среди грѣшниковъ. Я радуюсь, когда мнѣ скажутъ: пойдемъ въ домъ Господень“. Такъ любилъ св. пророкъ храмъ Божій. Наши благочестивые предки также любили св. храмъ. Пойдите по всей русской землѣ, посмотрите: ни одинъ народъ не настроилъ столько храмовъ, какъ русскій народъ. Ни одинъ народъ не изукрасилъ такъ своихъ храмовъ, ни одинъ народъ не жертвуетъ столько на нужды храмовъ, какъ русскій народъ. Братіе-христіане православные! Любите и вы вашъ св. храмъ. Здѣсь вѣдь все, что нужно для христіанина. Здѣсь вы послѣ

рожденія крестились, здѣсь же и по смерти вашей будутъ напутствовать васъ послѣдней молитвой. Здѣсь слышите ученіе Христово, писанія апостоловъ; здѣсь раздается проповѣдь Богомъ поставленныхъ пастырей и учителей. Здѣсь же совершается и богослуженіе, наше высокое, трогательное и прекрасное богослуженіе православное, которое не знаютъ какъ восхвалить даже иновѣрцы и иностранцы. Только нужно быть внимательнымъ въ храмѣ. Входите въ него благоговѣнно, стойте со вниманіемъ, слушайте, что поютъ, что читаютъ, что проповѣдуютъ. И какихъ благъ только не испрашивается здѣсь! Молимся о живыхъ, молимся объ умершихъ, просимъ прощенія грѣховъ, покаянія при смерти, христіанской кончины, царства небеснаго. Кто привыкъ къ церкви, тому бывать въ ней составляетъ величайшую сладость, тому быть въ храмѣ—то же, что быть на небѣ. Такъ и поется въ пѣснѣ церковной: „Въ храмѣ стояще славы, на небеси стояти мнимъ“. Вотъ и сегодня, хотя уже подъ-рядъ нѣсколько дней совершается богослуженіе, вы собрались сюда помолиться. Хорошо вы сдѣлали! Да будетъ за это надъ вами Божіе благословеніе и покровъ Божіей Матери! Любите храмъ Божій. Но смотрите: храмъ для васъ тогда будетъ полезенъ, если вы будете стоять въ немъ такъ, какъ слѣдуетъ. Слепной не видитъ, хотя свѣтитъ солнце, мертвый не двинется, хотя его принесутъ въ теплую комнату: такъ и холодный, невнимательный, разсѣянный посѣтитель храма не почувствуетъ въ сердцѣ своемъ сладостной благодати Божіей, не получитъ отъ храма пользы душевной. Напротивъ, онъ только согрѣшитъ тяжко предъ Богомъ, если и въ храмѣ не оставитъ того, чѣмъ занять былъ на улицѣ.

Будемъ ходить въ храмъ и будемъ стоять здѣсь съ духомъ горящимъ и горѣ имѣя сердца. Аминь.

Храмъ.*

Дѣва *днесь* предстоить въ церкви и съ ликами святыхъ за ны невидимо молится Богу.

Въ чудную область благочестивой древности переносить насъ воспоминаемое нынѣ событіе. Видится благолѣпный Влахернскій храмъ Богородицы во всей красѣ ночного богослуженія, видится торжественный соборъ священнослужителей во главѣ со св. патриархомъ Тарасіемъ, видится многочисленный народъ, горячо молящійся объ избавленіи отъ враговъ, и съ нимъ благочестивый царь Левъ Мудрый. Видится и слышится наше возвышенное православное богослуженіе; идетъ продолжительное, буквально *всенощное* моленіе, но бодры духомъ богомольцы, усердна молитва, и эта молитва окрылила духъ, открыла очи вѣры, отверзла и самое небо... Къ концу уже всенощнаго бдѣнія, въ 4 часу утра, преп. Андрей съ ученикомъ своимъ Елифаніемъ видятъ на воздухѣ Пресвятую Богородицу съ ликами св. ангеловъ, пророковъ и апостоловъ, молящуюся за родъ христіанскій предъ Сыномъ Бя и Богомъ.

Перенеситесь отсюда мыслью къ вашему настоящему положенію. И вы теперь въ храмѣ; то же видится и слышится богослуженіе, но простертъ ли и нынѣ надъ молитвенниками покровъ Богоматери, въ общеніи ли пребываютъ съ нами лики святыхъ? Вѣруемъ твердо и исповѣдуемъ открыто, что это такъ. Христосъ Иисусъ вчера и *днесь* Той же и во вѣки, говоритъ апостоль, и Церковь Его пребудеть вѣчно, и слово Его мимо не идетъ: „идѣже два или три собрани во имя Мое, тамъ и Я посередъ ихъ“. Истина эта особенно близка къ сердцу нынѣ; нынѣ же особенно ясно проповѣдуется и св. Церковью: Дѣва *днесь*, поется въ богослуженіи нынѣшняго дня, т.-е. Дѣва и сегодня предстоить въ церкви и съ ликами святыхъ за ны невидимо молится Богу. Мы не видимъ этого тѣлесными очами,

* Поученіе въ праздникъ Покрова Богоматери.

но несумнительно вѣруемъ. Были и во Влахернскомъ храмѣ многіе богомольцы, но не удостоились чуднаго видѣнія: былъ здѣсь царь, за свои познанія прозванный мудрымъ, былъ патріархъ, причтенный Церковью къ лику святыхъ, но увидѣлъ Богородицу только убогій слуга вельможи, нашъ единоплеменникъ славянинъ Андрей Юродивый. Такого видѣнія достигаютъ только избранные.

Но если Дѣва и нынѣ, и сейчасъ, и всегда предстоитъ съ нами въ храмѣ, то какую же святыню, какое же сокровище неоцѣнимое, какое мѣсто высокое представляетъ храмъ! Знали это въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда Любовь Божественная еще не такъ открыта была людямъ. Съ какимъ восторгомъ, съ какой пламенной любовью желалъ водвориться во храмъ св. царь-пророкъ Давидъ! Окруженный бѣдствіями, ожидающій каждую минуту, что вотъ возстанетъ на него брань, ополчится непримиримый врагъ, оклеветанный врагами, преслѣдуемый злобными гонителями (Пс. 26, 2, 3, 10, 12), огорченный потерю всего милаго сердцу и измѣной близкихъ и друзей—о чемъ молитъ онъ Господа, чего желаетъ прежде всего душа его? „Едино просилъ отъ Господа, то възвущу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати ми храмъ святой Его!“

Въ Новомъ Завѣтѣ Богъ открылъ Себя людямъ, насколько они могутъ вмѣстить Его; поэтому и храмъ новозавѣтный есть новое и дѣйственное открытіе Божества. Тѣмъ болѣе онъ долженъ привлекать къ себѣ вѣрующихъ. Здѣсь Богъ, Утѣшитель скорбящихъ, здѣсь общеніе святыхъ, отшедшихъ и не забывающихъ братію, странствующую по землѣ; здѣсь вѣяніе неба, здѣсь дыханіе страны вѣчной. Нужно ли тебѣ вразумленіе, тяготятъ ли сомнѣнія, міръ ли наводитъ на тебя мракъ свой: молись здѣсь предъ Свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, молитва озаритъ твою мысль, разсѣетъ образы лукаваго міра. Здѣсь же, въ храмѣ Милосердія, для совѣсти твоей дается елей милости и врачеваніе вѣры въ таинствѣ покаянія, здѣсь же ты, вѣчно жаждущій общенія съ Высочайшимъ, самымъ дѣломъ соединишься съ Нимъ во св. причащеніи.

А ты стоишь здѣсь съ разсѣянными мыслями и съ блу-

ждающими взорами; а ты входишь сюда, какъ въ обыкновенный домъ, вызывая грозное обличеніе апостола: „Или домовъ не имате? Или о церкви Божіей нерадите?“ Неблагодарный! Церковь вѣдь о тебѣ молится, о твоихъ близкихъ живыхъ и умершихъ, о твоёмъ спасеніи, о твоёмъ счастьи,—а ты, рабъ лѣнивый и злой, самъ не хочешь внять ея голосу! Церковь окружила тебя здѣсь образами, возбуждающими въ душѣ все возвышенное и святое, она одѣла свое богослуженіе въ благолѣпную ризу пѣсней и молитвъ, въ красоту обрядовъ и священнодѣйствій,—а ты стоишь холодный и невнимательный, священныхъ пѣсней не слушаешь, обрядовъ не выполняешь?! „Друже, како вшедь еси сѣмо, не имый одѣянїя брачна?“ Вотъ какой голосъ можешь ты услышать, и затѣмъ: „изгнаніе вонъ, вверженіе во тьму кромѣшную“. А вѣдь стоитъ только вдуматься въ то, что ты видишь и слышишь здѣсь,—и само собою такъ и потянетъ тебя долу, въ поклонѣ до праха земного, и невольно осѣнишь себя образомъ креста! Позвольте теперь сдѣлать вамъ, юные наши богомольцы, пастырское вразумленіе и... укоръ: вы, дѣти, сказать правду, мало креститесь, мало кланяетесь, слѣдовательно, и мало молитесь. Даже въ храмъ входя, не всѣ изъ васъ перекрестятся и поклонятся. Если храму вы не оказываете уваженія,—что другое на свѣтѣ вы станете уважать?

Братіе и дѣти! Въ храмѣ стояще славы, *на небеси стояти мнѣмъ*. Вотъ какъ Церковь опредѣляетъ наши отношенія къ храму. Будемъ же, подобно Давиду, стремиться сюда духомъ, будемъ входить сюда и стоять здѣсь какъ бы предъ лицомъ Всевидящаго Бога, въ общеніи Богоматери, св. ангеловъ и св. челоуѣковъ. Горѣ имѣемъ сердца! Аминь.

Почитаніе Богоматери. *

Нынѣшній праздникъ установленъ св. Церковью Россійской въ благодарность Пресв. Богородицѣ за избавленіе Ея

* Поученіе въ день празднованія въ честь Казанской иконы Божіей Матери, 22 октября 1893 года, въ Ставроп. Каедральномъ Соборѣ.

царственнаго града Москвы и всего нашего отечества отъ нашествія враговъ и окончательной гибели въ тяжкую годину горя народнаго, извѣстную въ исторіи подъ именемъ „смутнаго времени“. Это было въ началѣ XVII вѣка. Наступившее послѣ пресѣченія царственнаго рода Рюриковичей междоцарствіе, неизбѣжное въ такихъ случаяхъ разстройство гражданскаго порядка, происки враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ,—все это довело Россію до такого плачевнаго положенія, что не было почти никакой надежды на спасеніе. Къ довершенію государственнаго бѣдствія, самое сердце Россіи—Москва находилась въ рукахъ враговъ. Въ это тяжелое время нашлись среди русскихъ людей достойные граждане, которые употребили всѣ усилія, чтобы спасти отечество отъ гибели. Съ береговъ Волги потянулись къ Москвѣ ратники ополченія, готовые положить душу свою за благо родины. Но не на свою—человѣческую—силу, не на ратное искусство уповали воины: всю свою надежду возлагали они на помощь небесную, на силу молитвъ, на заступничество предъ Богомъ Пресвятой Богородицы, икона Которой—и именно чудотворная икона Казанская—сопутствовала ополченію. И надежда не посрамила: когда войско стояло подъ стѣнами Московскаго кремля, ставшаго теперь изъ твердыни города защитою для враговъ его, преподобный Сергій, молитвенникъ за землю русскую, явился во снѣ томившемуся въ плѣну у враговъ святителю Арсенію и объявилъ, что Господь, по молитвамъ Богородицы, въ слѣдующій же день низложитъ враговъ. Предсказаніе сбылось: дѣйствительно, на другой день, 22 октября 1613 года, къ неопи-санной радости русскихъ людей, кремль были взять, врагъ изгнанъ, Россія была спасена. Благодарные предки наши установили ежегодно праздновать этотъ незабвенный день, посвятивъ его въ честь Пресвятой Богородицы.

Вотъ исторія нынѣшняго праздника. Не трудно вывести отсюда для себя урокъ и назиданіе. Будемъ прежде всего помнить, что Пресвятая Богородица есть наша „Заступница Усердная“, какъ величаетъ Ее св. Церковь. Иначе и быть не можетъ: какою Она была въ земной своей жизни—милосердой, любвеобильной, такою осталась, конечно, и по смерти. И слово

Божіе говорить, что любовь не имѣетъ конца, николиже отпадаетъ; прекратятся откровенія и пророчества, уничтожится даръ языковъ, и самый міръ кончится, а любовь переживетъ вѣка и самое время. Та, Которая послужила величайшей тайнѣ спасенія людей чрезъ любовь Божію, Та, Которая подвинулась на ходатайство за бѣдныхъ хозяевъ брачнаго пира въ Канѣ Галилейской, когда у нихъ было такое сравнительно малое горе—недостача вина,—неужели Она, Сама испытывавшая въ земной своей жизни величайшія скорби, оставитъ людей въ скорбяхъ и нуждахъ безъ помощи и покровительства? И Божественный Сынъ Ея, такъ любившій Ее на землѣ и на крестѣ въ предсмертныхъ мукахъ заботившійся объ устроеніи Ея земного благополучія, неужели не будетъ внимать моленію Матери тамъ, на небѣ? Нѣтъ, по ученію непогрѣшимой учительницы нашей—Церкви, много можетъ моленіе матернее по благосердію Владыки! Недавно еще праздновали мы день блаженнаго Успенія Богородицы и тогда вспоминали, какъ Она, явившись сонму апостоловъ Христовыхъ, Сама изрекла утѣшительное для всѣхъ людей и всѣхъ временъ обѣтованіе, что не оставитъ міра и по успеніи своемъ. Недавно мы торжествовали и другой праздникъ—Покрова Божіей Матери, и тогда видѣли и самое исполненіе Ея обѣтованія. А нынѣшнее празднество не убѣждаетъ ли насъ въ томъ, что не только отдѣльныхъ лица, но и цѣлыя царства пользуются милостями и заступленіемъ Богоматери? Въ этомъ отношеніи особенно счастливо наше отечество, Русь православная. Нынѣшній праздникъ—вѣдь всероссійскій праздникъ, потому что вся Россія въ тяжелую годину своей жизни признала Ее, Богородицу, своею спасительницею. А посмотрите по лицу всей земли русской: сколько есть чудотворныхъ иконъ Ея,—знаменій ея милости, всероссійскою Церковью чтимыхъ, сколько есть иконъ мѣстно чтимыхъ въ каждой отдѣльной области, почти въ каждомъ отдѣльномъ городѣ! И то обстоятельство, что въ рѣдкомъ, рѣдкомъ домѣ на Руси не найдется иконы Богоматери, не свидѣтельствуетъ ли о томъ, что русскій православный человѣкъ опытомъ позналъ, изъ безчисленныхъ благодѣяній Богоматери позналъ, какую великую Заступницу рода христіанскаго имѣетъ

онъ въ Пречистой Дѣвѣ? Оттого-то, когда русское воинство ополчалось на врага и шло на смертный бой за вѣру православную, за Царя и отечество, оно всегда имѣло при себѣ въ залогъ побѣды Пречистый ликъ Царицы Небесной. Оттого-то, когда въ какой-либо области наступало общественное бѣдствіе, вродѣ повальной болѣзни, какъ было недавно и у насъ, въ нашемъ городѣ, вездѣ, по собственному начинанію православнаго населенія, поднимались иконы Богородицы, обносились вокругъ городовъ и сель; народъ успокаивался, и самая болѣзнь прекращала или ослабляла свое губительное дѣйствіе.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ ли съ очевидностью, что мы должны чтить Пресвятую Дѣву, обращаться къ Ней со своими мольбами и нуждами? Нашъ городъ посвященіемъ главнаго храма своего въ честь Богоматери какъ бы порученъ Ея особенному небесному покровительству. Когда 100 лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ, гдѣ теперь мирно живетъ нашъ городъ, бывшемъ въ то время передовымъ боевымъ пунктомъ противъ враговъ Россіи и христіанства, населены были русскіе православные люди, съ цѣлью преграждать путь хищникамъ и не давать имъ возможности нападать на русскія пограничныя селенія, то новые поселенцы принесли съ собою неоцѣненную святыню, много разъ спасавшую русское воинство отъ враговъ,—образъ Казанской Божіей Матери. Ей ввѣряли они свою жизнь, на Нее одну надѣялись, Ея защитѣ и покровительству довѣряли они безопасность своихъ жилищъ, сохранность семействъ, цѣлость своего достоянія, когда, вызываемые обязанностями службы и долгомъ воинскаго званія, уходили на борьбу со врагомъ. Ея же пресвятому имени посвященъ и сей св. храмъ, построенный уже въ то время, когда незначительное воинское поселеніе разрослось уже до величины города, и, несомнѣнно, создателями храма руководила та же благочестивая мысль,—мысль о покровѣ Богоматери надъ нашимъ городомъ. Такимъ образомъ, для насъ, ставропольцевъ, нынѣшній праздникъ имѣетъ особое значеніе. Предками нашими, цѣлымъ рядомъ поколѣній, ранѣе насъ здѣсь жившихъ, мы отданы подъ особое покровительство Божіей Матери. Мы—дѣти Ея, удѣль Ея. Будемъ помнить это, будемъ обращаться къ Ней съ на-

шими молитвами. Но не забудемъ и того, что не одно внѣшнее поклоненіе честной Ея иконѣ, — возженіе свѣчей, пѣніе предъ ней молебновъ въ домахъ и храмахъ, обнесеніе ея вокругъ города по улицамъ и площадямъ, — не одна словесная молитва къ ней, Заступницѣ рода христіанскаго, не одно посвященіе имени Ея главнаго храма въ городѣ служить условіемъ для полученія Ея милости и благоволенія. „Сыне, даждь Ми твое сердце“, — требуетъ Господь. Матерь Господа Иисуса Христа не можетъ покровительствовать врагамъ Сына Ея; слѣдовательно, для полученія Ея благоволенія прежде всего нужна вѣра въ Спасителя нашего, любовь къ Нему. Матери Господа нашего Иисуса Христа не могутъ быть близки тѣ, кто не исполняетъ Божественныхъ заповѣдей Сына Ея; слѣдовательно, нужна жизнь по вѣрѣ, любовь къ Богу дѣятельная, которая, какъ извѣстно, выражается главнымъ образомъ въ любви къ ближнему — къ человѣку, созданію Божію. Посему и произнесенъ грозный приговоръ апостоломъ: „если кто скажетъ, что Бога любить, а ближняго своего ненавидитъ, тотъ лжетъ“. Пресвятая Дѣва Марія не можетъ считать близкимъ Себѣ по духу и того, кто не выражаетъ своей любви и почитанія къ Ней поdraжаніемъ Ея боголюбивымъ добродѣтелямъ: Ея вѣрѣ въ Бога, надеждѣ и любви къ Нему, Ея необыкновенному терпѣнію, смиренію, кротости, милосердію, трудолюбію, любви къ молитвѣ, къ чтенію и слушанію слова Божія. Вотъ въ чемъ выражается истинное Ея почитаніе, вотъ надъ кѣмъ милостиво простертъ Ея покровъ, или, по выраженію пѣсни церковной, „источаетъ намъ неоскудныя милости Пречистая Богородица, предваряетъ на помощь и избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и золь *благонравныя и богобоящіяся рабы своя*“ (конд. праздн.). Итакъ, чти икону Богородицы, поклоняйся, лобызай ее, торжествуй свѣтло дни праздниковъ ея: это Ей угодно, это душе-спасительно, заповѣдано св. Церковью, завѣщано нашими благочестивыми и боголюбивыми предками, но въ то же время угождай Ей и жизнью своею, которую располагай по заповѣдямъ Ея Сына, почитай Ее исправленіемъ души и сердца, а въ случаѣ паденія, возможнаго для человѣка, искреннимъ поканіемъ предъ Богомъ и чистосердечнымъ намѣреніемъ испра-

виться. А безъ этого, безъ богобоязненности, безъ преуспѣянiя въ добродѣтеляхъ, не можетъ быть и рѣчи о духовной къ Ней близости; тщетны будутъ наши мольбы, напрасны надежды и самое празднество сегодняшнее наше, самое посвященiе этого святаго храма въ честь Богородицы будетъ только укоромъ для насъ, будетъ свидѣтельствовать только о томъ, какъ далеки наши дѣла, наша жизнь, наше нравственное состоянiе отъ званiя христіанскаго. Не услышимъ ли мы тогда грозныхъ словъ Господа, обращенныхъ нѣкогда къ народу еврейскому чрезъ пророка: „праздниковъ вашихъ и жертвъ вашихъ не увидитъ душа моя“? И не сбудется ли тогда надъ нами слово нашего Спасителя: „не всякъ, глаголяй Ми: Господи, Господи, увидеть въ царствіе небесное“?

Памятованiемъ указанныхъ уроковъ и почтимъ нынѣшнее празднество въ честь Богоматери.

Привѣтъ прощальный.*

Послѣднiй разъ я молился сегодня съ вами, братья и дѣти, въ этомъ св. храмѣ, въ той семейной обстановкѣ, въ которой мы сходились сюда каждый праздникъ болѣе четырехъ лѣтъ сряду. Четыре года—время само по себѣ небольшое. Но эти годы и въ вашей и въ моей жизни падаютъ на то время, которое остается навсегда памятнымъ: для васъ это было время беззаботнаго дѣтства, свѣтлаго отрочества, расцвѣтающей юности; для меня это были первые годы мужества, почти первые шаги общественной дѣятельности,—время, вѣроятно, самой напряженной дѣятельности. Въ эти памятные для меня и для васъ годы вступили мы съ вами въ общенiе вѣры и молитвы, къ которому присоединилось общенiе науки,—и все это должно было возрасти въ прекрасное общенiе любви. Не знаю, какъ вы,—хотя и могу судить по тѣмъ слезамъ, съ

* Слово при прощанiи съ учениками Ставропольской мужской гимназiи 6 ноября 1894 года.

которыми вы слушаете меня,—но я сроднился съ вами, милыя дѣти, сроднился съ этимъ храмомъ и братіями его. Вотъ почему въ настоящія минуты сердце мое полно скорби, слезы застилають мнѣ очи, вся душа моя трепещеть во мнѣ. Вотъ почему, прощаясь съ вами, я не знаю, что сказать вамъ, какой вамъ оставить прощальный завѣтъ: такъ переполнено все существо мое, такъ подавленъ я множествомъ мыслей и чувствъ. Но голосъ любви и долга заставляетъ меня остановиться на чемъ-либо одномъ, и я увѣренъ, что сказанное при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ западетъ вамъ глубоко въ душу. Я помню, какимъ вниманіемъ подарили вы мое первое здѣсь учительное слово. Къ нему невольно переношусь я мыслью. Четыре года назадъ, въ воскресный день, когда Церковью положено читать евангельское повѣствованіе объ исцѣленіи Гадаринскаго бѣсноватаго, я въ первый разъ говорилъ вамъ съ этого святаго мѣста. Теперь послѣднимъ наставленіемъ пусть будетъ то, которое было первымъ. Тогда я обратилъ вниманіе ваше на то, какъ гадаряне, испуганные потерю своихъ свиней, просили Учителя и Божественнаго Чудотворца уйти изъ предѣловъ ихъ; такъ свиньи были поставлены ими выше великаго и спасительнаго ученія. Вотъ вамъ вѣковѣчный образъ того, къ чему приводитъ увлеченіе міромъ и тѣмъ, что въ мірѣ. Не говоря ни слова, Иисусъ немедленно удалился отъ благодарныхъ и злыхъ и погразшихъ въ свои расчеты и страсти. Такъ, выбора нѣтъ: или оставайся со свиньями, въ состояніи скотоподобія, или будь со Христомъ, слушай Его ученіе, имъ живи, ему слѣдуй. Нѣтъ общенія у свѣта и тьмы. Развивайте же въ себѣ отъ юныхъ лѣтъ стремленія ко всему доброму и прекрасному, вѣрою и добродѣтелью восходите ко Христу, чтобы не очутиться въ состояніи гадарянъ. Пользуйтесь драгоценнымъ временемъ дѣтства и юности, когда любви ко Христу не заглушаютъ еще заботы о пропитаніи, которое дается вамъ по дару трудами другихъ. Памятуйте слова апостола, которыя вы не разъ здѣсь слышали: духа не угашайте, вышнихъ ищите; горняя мудрствуйте, а не земная; елика суть истина, елика честна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика добродѣтельна, только то, что добродѣтель и достойно похвалы,—сіе

помышляйте. Будьте тѣнцемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе. Помните, что вѣра Христова есть единственная отрада жизни: не замѣнить ее ничто на свѣтѣ; помните, что Церковь Христова есть единственный путеводный свѣточъ жизни: для кого онъ погаснетъ, тотъ останется во тьмѣ и неудержимо повлечется къ гибели. Кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ; кто не имѣетъ вѣры, кто не стремится духомъ къ Богу, кто жизнь свою не располагаетъ по завѣту Христову, кто всѣ интересы, и заботы, и помыслы свои держать вдали отъ Бога и Его закона,—тотъ не человѣкъ, тотъ называется человѣкомъ только по недоразумѣнію, его мѣсто—въ числѣ скотовъ гадаринскихъ. И не только тотъ, кто творитъ зло, но и тотъ, кто, невреда существенно никому, однако, не дѣлаетъ и добра, хотя имѣетъ къ тому всѣ средства, и тотъ погибшій. Таковъ богачъ, о которомъ вы слышали сегодня въ евангеліи. Кто не творитъ добра, тотъ уже сторонникъ зла, кто остановился на пути нравственнаго восхожденія, тотъ неизбѣжно пошелъ назадъ. Вѣрно слово Господа: кто не со Мною, тотъ противъ Меня, и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ. Итакъ, горѣ имѣя сердца, непрестанно стремитесь къ почести вышняго званія во Христѣ Иисусѣ, имѣя предъ собою одинъ идеаль, одну задачу: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ. Вотъ вамъ послѣднее наставленіе.

А теперь простите. Въ эту минуту я помню только то доброе, свѣтлое и чистое, что я видѣлъ здѣсь за 4 года службы. Незабвенъ буди этотъ святой храмъ и въ немъ таинственный престоль благодати, которому я предстоюль недостойный. Незабвенны будьте тѣ святыя минуты, когда вашихъ душъ касался ангель молитвы, и я видѣлъ васъ здѣсь поверженными предъ алтаремъ въ сердечномъ умиленіи. Буду вспоминать, какъ вы говѣли, какъ многіе со слезами исповѣдывались, какими умиленными подходили вы ко святой чашѣ. Памятны будутъ мнѣ тѣ минуты вниманія, которымъ вы отвѣчали на мое проповѣдное слово, когда я самъ чувствовалъ, что оно дошло до сердца. Отрадою наполнялось все существо мое, когда, посѣщая пансіонъ, иногда въ поздній послѣполуночный часъ,

я видѣлъ предъ иконою, въ сумракѣ лампы, склоненныхъ въ молитвѣ дѣтей. Отъ всей души призывалъ я тогда на васъ благословеніе Неба...

Да, я видѣлъ дѣтскія молитвенныя слезы—и вижу теперь ваши слезы разлуки; я слышалъ дѣтскіе молитвенные вздохи—и слышу теперь вздохи при мысли о разставаніи.

Довольно! Живы христіанскія души, сильна вѣра, есть любовь, возрастетъ на этой нивѣ благочестіе! Выше счастья для меня нѣтъ, какъ сознавать это...

Теперь я отхожу на новую ниву. Но неужели мы теперь будемъ другъ другу чужими? Нѣтъ, не могутъ быть чужими тѣ, которые соединились въ общеніи молитвы къ Богу мира и любви. Въ этомъ мирѣ и любви нуждается уходящій. Мира и любви я прошу у васъ. То правда, что на служеніи здѣсь я положилъ и приложилъ всю энергію молодости, всю горячность вѣрующаго и ревнующаго сердца... Но въ этомъ самомъ кроется источникъ и моихъ недостатковъ, источникъ страстности, которая должна быть чужда великому и вѣчному дѣлу, къ которому я былъ приставленъ какъ рядовой работникъ. Простите же отходящему отъ васъ пастырю, если я кого обидѣлъ чѣмъ-либо, если кому чего не воздалъ по лѣности и косности, особенно же если кого соблазнилъ небрежностью, дурнымъ дѣломъ или легкомысленнымъ словомъ. Простите и помолитесь обо мнѣ грѣшномъ.

Богъ же мира, возведый отъ мертвыхъ Пастыря овцамъ Великаго кровію завѣта вѣчнаго Господа нашего Иисуса Христа да совершить вы во всякомъ дѣлѣ блазѣ! Миръ вамъ и Божіе благословеніе! Аминь.

Благодарный привѣтъ.*

Уходящему на новую ниву пастырю вы даете мнѣ образъ Пастыреначальника. Поклонившись Ему, яко Господу, земно

* Отвѣтная рѣчь на привѣтствіе ктиторъ храма и сослуживцевъ Ставропольской гимназіи послѣ поднесенія образа Спасителя.

кланяюсь и вамъ, добрые люди, благодарю за привѣтъ, за любовь и ласку. Вижу въ этомъ пожеланіе мнѣ успѣха на новой нивѣ, которая и вамъ не чужая, какъ служащая тому же дѣлу, ведомая къ той же цѣли, не чужая потому, что нѣкогда сойдется полоскою съ этою оставляемой нивой, когда, по слову Господа, весь міръ будетъ однимъ воздѣланнымъ полемъ: а село, сказано, есть міръ; когда раздастся гласъ трубы вѣстника скоро грядущаго вѣчнаго мира и блеснетъ молнія пришествія Сына Человѣческаго. Буду хранить этотъ св. образъ съ благоговѣніемъ, какъ залогъ неумирающаго общенія со всѣми вами, какъ память о людяхъ, которыхъ я любилъ и которые по своей добротѣ дарили меня любовью.

Спасибо, спасибо вамъ сердечное. Господь Щедродавецъ, общавшій не оставить безъ награды и чаши холодной воды, поданной ученику Его, да водасть вамъ милостью и благословеніемъ!

Къ новой юной паствѣ.*

„Слушай васъ, Мене слушаетъ, и отменяется васъ, Мене отменяется“.

Эти слова, которыми начинается нынѣшнее евангельское чтеніе, сказаны были Господомъ Иисусомъ Христомъ къ Его апостоламъ при отправленіи ихъ на проповѣдь. Дѣло Христова, дѣло спасенія людей не должно было прекратиться съ отшествіемъ Спасителя на небо; продолженіе его, какъ видите, было вручено св. апостоламъ. Это же дѣло не должно было окончиться со смертію и апостоловъ, ибо то, чему они служили и что созидали, т.-е. Церковь Христова, по мысли и обѣтованію ея Основателя, должна была пребывать вѣчно: „созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“. Дѣло спасенія

* Рѣчь при первомъ служеніи въ церкви Елисаветпольской классической гимназіи 14 ноября 1894 года.

человѣчества по смерти апостоловъ передано было ихъ преемникамъ, пастырямъ и учителямъ Церкви, совершается оно теперь и будетъ совершаться до скончанія вѣка. И къ нимъ, къ преемникамъ апостоловъ, во всей полнотѣ относится Божественное слово: „слушай васъ, Мене слушаетъ, и отменяйся васъ, Мене отменяется“.

Меньшій въ братіи моей, предстою предъ вами и я,—страшно выговорить,—и я въ числѣ преемниковъ апостоловъ. Страшно выговорить: потому что это, съ одной стороны, указываетъ на высоту служенія, къ которому я призванъ, съ другой стороны, невольно наводитъ на мысль объ отвѣтственности, напоминаетъ изреченіе Господа: „кому много дано, съ того много и взыщется“. А въ данномъ случаѣ, по отношенію къ себѣ, могу сказать одно, что бремя великое ввѣрено ладѣ малой: кто я, чтобы мнѣ принять на себя жребій и служеніе апостоловъ? Не имѣю я ни ихъ силъ, ни духовныхъ дарованій, ни ихъ пламенной ревности, ни ихъ чистоты и непорочности. Болѣе того: я во всемъ уступаю прежнему вашему пастырю, ранѣе меня занимавшему это священное мѣсто проповѣди. Такимъ образомъ, при первомъ знакомствѣ съ вами, какъ бы рекомендуя себя вамъ, могу сказать о себѣ только словами апостола: „нечѣмъ мнѣ похвалиться, только немощами моими“. Не могу я вамъ дать никакихъ особыхъ обѣщаній, не могу внушить никакихъ особыхъ надеждъ. Вотъ почему моя первая просьба къ вамъ, братіе и дѣти,—это просьба о любви и снисхожденіи къ моимъ недостаткамъ, къ моему неумѣнію. Какъ бы они ни были велики, все же я буду возвѣщать истину ту самую, которую принесъ на землю Спаситель, проповѣдали міру св. апостолы. Истина же не умаляется, не измѣняется, не теряетъ своей цѣны и не перестаетъ быть истиной, хотя будетъ возвѣщаться и неискуснымъ проповѣдникомъ. Кто истину любитъ только изъ-за формы, въ которую она облечена, тотъ плохой ея послѣдователь и плохой цѣнитель. Она выше формы. Такъ дорогой камень отличается и цѣнится любителемъ независимо отъ того, въ какой онъ оправѣ.

Прошу же васъ, братіе, принимайте и мое неискусное слово, проповѣдуемое во имя Христа и согласно съ Его ученіемъ,

принимайте, какъ сказано: „слушайъ васъ, Мене слушаетъ“; умоляю васъ, не перенесите моихъ недостатковъ на то дѣло, которому я служу, на истину, которую я буду возвѣщать вамъ; мои же немощи покройте любовью, которой еще и еще прошу у васъ. Мы съ вами уже теперь не чужіе, потому что вступили сегодня въ общеніе вѣры и молитвы; присоединимъ сюда общеніе науки, и пусть все это возрастетъ въ прекрасное общеніе любви. Такъ было на прежнемъ мѣстѣ моего служенія.

Сейчасъ мы будемъ молиться о здравіи Государя Императора, нынѣ вступающаго въ бракъ со Своею Высоконареченною Невѣстою, о здравіи Матери Его, Государыни Императрицы Маріи Ѣеодоровны, нынѣ празднующей день Своего рожденія. Такимъ образомъ, воспоминанія нынѣшняго дня указываютъ намъ еще одно связующее насъ во-едино начало: въ принадлежности и служеніи общему единому отечеству, въ любви и преданности единому Царю и Его царствующему Дому. Какъ собратья въ Церкви, какъ сограждане въ государствѣ, какъ соработники въ служеніи одному дѣлу просвѣщенія, возлюбимъ другъ друга, и тогда въ этой взаимной любви и единомысліи мы успѣшнѣе всего благоустроимъ свое спасеніе вѣчное и самую жизнь земную. Какъ вашъ пастырь и молитвенникъ, въ это первое мое священнослуженіе отъ всей души молю вамъ милостей Щедродателя Бога, у Котораго Одноя всякое даваніе благо, и всякъ даръ совершенъ. Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію, человѣколюбіемъ и щедротами всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

1895 г.

Христіанство жизненное.*

За-много до нашего времени, болѣе чѣмъ за 900 лѣтъ, въ русской землѣ царствовалъ князь Владиміръ, нынѣ воспоминаемый Церковью, какъ святой просвѣтитель русскихъ людей, названный равноапостольнымъ. Князь Владиміръ долго не вѣровалъ во единого истиннаго Бога, во Христа Спасителя, а признавалъ и почиталъ боговъ многихъ. Такая религія, признающая многихъ боговъ, называется язычествомъ. Въ то время, какъ вѣра Христова сообщена людямъ Богомъ небеснымъ, язычество выдуманно самими людьми, а такъ какъ человѣкъ можетъ ошибаться, человѣкъ стремится только къ тому, что ему нравится, что ему выгодно, то и языческая религія была ошибочна и всецѣло служила только тѣлу: язычники много веселились, при служеніи богамъ допускались у нихъ и пьянство, и обжорство, язычество допускало распутство и многоженство, не только не запрещало, но совѣтовало дикія кровавыя расправы, мстительность и жестокость. Хорошимъ и достойнымъ похвалы, по мнѣнію язычниковъ, былъ тотъ, кто никому не дастся въ обиду, кто, напротивъ, всѣмъ другимъ покажетъ свою силу, кто умѣлъ весело, хорошо, всласть пожить, повеселиться. Вы видите, что заботы о душѣ, заботы о вѣчномъ спасеніи, заботы о чужомъ горѣ, о другихъ людяхъ у язычниковъ не было. Въ язычествѣ хорошо жилось только знатымъ, сильнымъ и богатымъ, а такихъ всегда немного. Наконецъ, въ язычествѣ не было и мысли о томъ,— а что же будетъ послѣ смерти? Будетъ ли то же веселье, не

* Поученіе въ день св. князя Владиміра; сказано казакамъ въ церкви станицы Крымской, Кубанской области.

будетъ ли, напротивъ, горя и мученія, и чѣмъ заслужить нужно вѣчное спасеніе, чѣмъ умилостивить Бога, избавиться мукъ вѣчныхъ? Многіе язычники задавались этими вопросами, но кто можетъ ихъ рѣшить, кто на нихъ можетъ отвѣтить? Одинъ Господь можетъ разъяснить это и, дѣйствительно, разъясняетъ во св. евангеліи, въ ученіи Христовомъ, но этого-то ученія язычники и не знали.

Князь Владиміръ обладалъ свѣтлымъ умомъ. Какъ язычникъ, жилъ и онъ разгульно, любилъ пьяные пиры и дикія забавы, имѣлъ множество женъ, часто со своей дружиной нападалъ на сосѣдей, убивалъ сотни и тысячи людей, вводилъ въ плѣнъ отцовъ и матерей, избивалъ беззащитныхъ младенцевъ. Но ничто не удовлетворяло души князя, не находилъ онъ въ этомъ разгулѣ счастья, а время шло, приближало его къ смерти и все чаще и чаще задумывался князь надъ своею жизнью, надъ своею бѣдною душой, надъ своимъ будущимъ послѣ смерти. Не разъ, конечно, съ тоскою и печалью онъ спрашивалъ своихъ боговъ, призывалъ идольскихъ жрецовъ, но боги не давали отвѣта потому, что были ложны и нѣмы, а идольскіе жрецы удивлялись, что князь богатый и сильный можетъ быть печальнымъ, и совѣтовали князю заглушить тоску опять въ винѣ, въ пляскахъ, въ пирахъ и боевыхъ набѣгахъ. Тогда князь сталъ искать отвѣта въ другихъ религіяхъ, но ни одна его не успокаивала, ни одна ему не понравилась. Разъ явился къ нему священникъ-монахъ православный и познакомилъ князя съ истинной вѣрой, а послѣ бесѣды показалъ ему картину страшнаго суда, гдѣ по правую сторону изображены были ликующіе праведники, радостно идущіе къ вѣчному блаженству, по лѣвую сторону—плачущіе грѣшники, идущіе въ муку вѣчную. Князь сказалъ съ грустью: „хорошо тѣмъ, кто по правую сторону“; священникъ отвѣтилъ: „вѣруй и крестись и ты будешь съ ними“. Съ тѣхъ поръ князь сталъ готовиться къ крещенію. Господь поразилъ его слѣпотою и исцѣлилъ послѣ крещенія, чтобы сильнѣе увѣрить въ истинѣ Христовой. И дѣйствительно. Владиміръ отдался вѣрѣ Христовой всецѣло. Слово Божіе, которое онъ теперь узналъ, ясно говорило ему, что князья должны быть

отцами для своихъ подданныхъ, и онъ, узнавъ счастье вѣры истинной, пожелалъ дать это счастье и своему царству. Такъ онъ крестилъ нашихъ предковъ, крестилъ русскую землю и, такимъ образомъ, сдѣлалъ то, что дѣлали нѣкогда апостолы, за что и названъ просвѣтителемъ Россіи, равноапостольнымъ. Св. Церковь прославляетъ его многими пѣснями. Она сравниваетъ его съ апостоломъ Павломъ и всѣхъ призываетъ величать его равноапостольнымъ. По словамъ церковной пѣсни, Господь отнялъ у него въ купели крещенія слѣпоту тѣлесную, вмѣстѣ и духовную.

Совершенно измѣнился князь Владиміръ послѣ крещенія: изъ буйнаго и гнѣвнаго сталъ кроткимъ и тихимъ, изъ жестокаго и кровожаднаго обратился въ милостиваго и смиреннаго. Кончились пиры, прекратилось пьянство и распутство, пересталъ онъ жить для себя и сталъ заботиться о другихъ— о своихъ близкихъ, о своихъ подданныхъ, сталъ щедрымъ на милостыню нищимъ, на жертвы храмамъ, сталъ богомольнымъ и трудолюбивымъ. Онъ самъ говорилъ о себѣ: „былъ я прежде какъ скоть, жилъ я хуже всякаго звѣря, пока не узналъ Бога истиннаго“. Такъ повліяла вѣра Христова на Владиміра.

Князь просвѣтилъ вѣрой Христовой и землю русскую, наше отечество этою вѣрою росло и крѣпло; ею и строилась наша земля, соединилась въ едино изъ множества отдѣльныхъ княжествъ, побѣждала враговъ и сдѣлалась теперь могущественнымъ въ мірѣ государствомъ. И теперь русскій человѣкъ, когда говорить съ любовью о своемъ отечествѣ, называетъ его святою православною Русью, и теперь, когда мы хотимъ похвалить кого, то выше похвалы не находимъ какъ сказать: „онъ истинный православный христіанинъ“.

Такъ погибло на Руси язычество и воцарилась вѣра Христова, вѣра православная.

Мы видѣли, каковъ былъ князь Владиміръ язычникомъ и какимъ сталъ послѣ принятія христіанства. Теперь съ тѣхъ поръ прошло 900 лѣтъ. Русь стала православно-христіанскою. Пало и уничтожилось язычество и сіяетъ христіанство. Что же, нѣтъ ли въ насъ до сихъ поръ чего-либо языческаго, совершенные ли мы христіане?

Къ сожалѣнію, если разсмотрѣть наши дѣла, наши мысли, наши желанія и чувства, то едва ли мы по чистой совѣсти можемъ назвать себя вполне послѣдователями Христовыми.

Язычникъ живетъ для тѣла, христіанинъ долженъ жить для духа; язычникъ живетъ для земли и временной жизни, христіанинъ живетъ для неба и вѣчной жизни. Намъ сказано: духъ есть, иже животворитъ, плоть же не пользуетъ ничтоже; намъ заповѣдано: вышнихъ ищите, горняя мудрствуйте, а не земная; намъ каждую обѣдню твердятъ: всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе, горѣ имѣемъ сердца, т.-е. къ Богу; намъ апостолъ говоритъ: во всемъ, братіе моя, только то, что истинно, что честно, что пречисто, что достойно похвалы и что можетъ быть названо добродѣтелью—о семъ помышляйте.

А мы? Мало ли у насъ сквернословія, мало ли обжорства, пьянства, распутства, мало ли гордости, скупости, жадности, мало ли обмана для пріобрѣтенія денегъ и другихъ земныхъ сокровищъ? И неужели все это мы готовимъ для неба? Неужели все это свойственно христіанину? И выходитъ поэтому, что по имени мы христіане, а на дѣлѣ у насъ много еще языческаго. Дальше: язычникъ живетъ для себя, и только для себя. Христіанинъ, напротивъ, помнить и о Богѣ и о своихъ ближнихъ. Намъ сказано: возлюби ближняго, какъ самого себя, не своихъ только выгодъ ищите, но и о близкихъ помышляйте. О родныхъ апостоломъ заповѣдано: кто о близкихъ, особенно же о родныхъ, не заботится, тотъ вѣры отвергся и хуже язычника, и даже о врагахъ намъ повелѣно: любите враговъ своихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, если голоденъ врагъ твой—накорми его, если жаждетъ—напой его. А о старшихъ, о начальникахъ, о пастыряхъ духовныхъ намъ что заповѣдано? Заповѣдано повиноваться имъ, слушать ихъ ученіе, заповѣдано не довѣрять собственному разуму, а вѣровать такъ, какъ учить Церковь Христова устами своихъ служителей. А о всѣхъ вообще сказано: воздадите всѣмъ должная...

А мы? Мало ли у насъ ссоръ, вражды, зависти, ненависти, мало ли осужденія, упорства, неповиновенія? Куда же намъ любить враговъ, когда мы дома съ близкими жить не умѣемъ,—мужъ съ женой, дѣти съ родителями, пасомые съ пастырями.

И опять мы приходимъ къ печальному выводу, что мы по жизни язычники и только по имени христіане.

Братіе возлюбленные! Что пользы отъ дерева, когда на немъ нѣтъ ни плодовъ, ни даже листьевъ? Какое удобство отъ рѣки, когда въ ней нѣтъ ни капли воды? Точно также, что пользы отъ того, что мы крещены и называемся христіанами, а дѣлъ и мыслей, чувствъ христіанскихъ не имѣемъ? Одинъ изъ св. отцовъ говорить: если въ источникѣ нѣтъ воды, то не должно и называть его источникомъ; такъ, если у христіанина нѣтъ добрыхъ дѣлъ, то напрасно и звать его христіаниномъ. Спаситель сказалъ, что всякое дерево, не приносящее плода, посѣкаютъ и бросаютъ въ огонь. Побоимся этого грознаго опредѣленія. Постараемся быть христіанами не по имени только, но и самымъ дѣломъ. Братіе, говорить апостолъ, вы были нѣкогда тьмою въ язычествѣ, нынѣ же свѣтъ о Господѣ—въ христіанствѣ; ходите же, какъ дѣти свѣта, а не тьмы, какъ служители добра, а не зла, какъ дѣти Бога, а не діавола. Нынѣ же отложите все прежнее языческое: гордость, гнѣвъ, злобу, блудъ, чревоугодіе, срамословіе отъ устъ вашихъ. Наши предки были язычниками и въ язычествѣ имѣли много пороковъ, но они не знали закона Божія и въ этомъ могли имѣть оправданіе; мы же знаемъ, что добро, что зло, и если не творимъ добро, то потому только, что не хотимъ. Но, поступаая такъ, мы собираемъ себѣ гнѣвъ на день гнѣва, по слову апостола; ибо непреложно грозное прещеніе Спасителя: „рабъ, не знавшій воли господина и не сотворившій, будетъ бить мало, а рабъ, знавшій волю господина и не сотворившій, будетъ бить много“. Аминь.

Трудъ учителя.*

Поминая молитвой усопшаго брата нашего, осмѣливаюсь посвятить памяти его нѣсколько сильныхъ словъ, осмѣли-

* Памяти усопшаго 25 октября 1895 г. сослуживца Венедикта Іосифовича Борковского. Слово предъ панихидой объ усопшемъ въ кругу однихъ сослуживцевъ.

ваюсь быть выразителемъ чувствъ, несомнѣнно, волнующихъ cadaго изъ членовъ собравшейся здѣсь нашей учительской семьи.

Въ лицѣ усопшаго поминаемъ мы, братья-сослуживцы, жизнь, преждевременно угасшую вслѣдствіе общаго всѣмъ намъ тяжкаго труда обученія и воспитанія подрастающаго поколѣнія. Тѣмъ болѣе близка намъ память объ усопшемъ, тѣмъ болѣе усердна должна быть молитва наша о немъ, что жизнь его есть въ нѣкоторой степени жизнь наша, и судьба его—кто знаетъ—можетъ быть, есть судьба наша... Я не зналъ близко покойнаго, заставъ его въ такомъ положеніи, когда роковая болѣзнь уже наложила на него крѣпкую руку и какъ бы совершенно отдѣлила его отъ міра живыхъ. При такомъ положеніи нельзя было судить объ его нравственномъ обликѣ. Обыкновенно черты этого облика вдругъ просвѣтляются и вырисовываются ярко въ предсмертныя минуты, въ послѣднемъ исповѣданіи предъ духовникомъ. Такъ было съ другимъ покойнымъ сотоварищемъ нашимъ, котораго мы недавно лишились, но по отношенію къ поминаемому нынѣ и этого способа познать его не было дано мнѣ. Однако, несомнѣнна высказанная мною мысль, что здоровье свое покойный потерялъ на учительскомъ трудѣ, который отразился на немъ мучительной горловой чахоткой и свелъ его въ раннюю могилу. Будь онъ на другомъ поприщѣ службы, его отъ природы крѣпкое здоровье, конечно, надолго сохранило бы его для многочисленной, нынѣ сиротвующей семьи и значительно отдалило бы отъ него смертный исходъ... Вотъ она надорванная жизнь учителя, вотъ горькая участь работника въ области мысли и думъ глубокихъ для блага возрастающаго поколѣнія, жизнь труженика, не имѣвшаго времени оглянуться на здоровье свое и на судьбу своей семьи! Такъ можетъ думать каждый изъ насъ...

Но да не смущается, братіе, сердце наше о себѣ и о смертномъ шествіи поминаемаго сослуживца. Жизнь человѣческая цѣнна не съ количественной стороны, а съ качественной. Слово Божіе, въ которомъ человѣкъ всегда въ тяжелыя минуты искалъ и ищетъ разрѣшенія вопросовъ жизни и смерти, говоритъ намъ, *что можно прожить мало, но исполнить лета*

долга (Прем. Солом. IV, 13), что *спдиною для людей служитъ мудрость, которая не въ числъ лтъ полагается* (Прем. Солом. IV, 8). Что же болѣе подходитъ къ этому мѣрилу жизни чело-вѣческой, какъ не высокое званіе учителя?

Учитель,—говоритъ одинъ проповѣдникъ (протоіерей Полотебновъ),—обогащая умы и сердца безцѣннымъ сокровищемъ знаній и чувствъ высокихъ, которыхъ не вѣдаютъ *сыны тѣка сего*, воистину есть, по слову евангелія, *сынъ сѣта* (Іоан. XII, 36). Поэтому, несомнѣнно, руководители мыслей и чувствъ подрастающаго поколѣнія и въ немногіе годы своей быстро угасающей жизни живутъ истинною и свѣтлою жизнью разумно-нравственнаго существа, живутъ полнѣе и, въ качественномъ отношеніи, какъ бы *дольше* хлопотливыхъ и низменныхъ *сыновъ тѣка сего* (Лук. XVI, 6). Не могу не привести здѣсь замѣчательныхъ словъ знаменитаго вселѣнскаго учителя Іоанна Златоустаго,—словъ, которыя такъ возбуждаютъ энергію насъ, учащихъ, и такъ утѣшаютъ въ нашей воистину трудовой жизни высокою оцѣнкою нашихъ трудовъ. Вотъ эти слова: „Если я хранить буду что-либо въ душѣ, не сообщая другимъ, то у меня духовное богатство сократится, а если я сдѣлаю многихъ участниками и общниками всего, что знаю самъ, то духовное богатство у меня увеличится... Какъ хлѣбъ, если онъ остается въ житницахъ, портится, а если сѣется на нивахъ, то умножается и снова обновляется; такъ и слово духовное: если будетъ посѣяно въ души слушающихъ, какъ бы на плодоносную ниву, то сдѣлается многократно большимъ сокровищемъ и для принимающихъ и для владѣющихъ имъ... Такъ источникъ, если изъ него постоянно черпаютъ воду, болѣе и болѣе очищается и дѣлается обильнѣйшимъ, а если бываетъ закрытъ, то изсыкаетъ“. (Бесѣд. 10 прот. аном.) Эти слова о высокомъ значеніи тружениковъ науки и школы пусть ободрятъ насъ, пусть разсѣютъ тяжелыя думы, пусть вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ залогомъ и основаніемъ свѣтлыхъ упованій нашихъ объ усопшемъ братѣ. „Блаженъ мужъ,—говоритъ библейскій мудрецъ,—блаженъ мужъ, иже обрѣте мудрость и повѣдая въ уши послушающихъ; въ рущѣ Божіи благое шествіе мужа сего“ (Сир. XXV, 12, 10)... Сѣющій въ плоть, по слову апостола, отъ

плоти пожнеть тлѣніе... Но не таково сѣяніе учителя, не таково было и сѣяніе почившаго. Зато сѣющій въ духъ, по тому же слову апостола, отъ духа пожнеть жизнь вѣчную (Гал. VI, 8). За это сѣяніе въ духъ, за тяжесть учительскаго подвига, за трудовую жизнь, за преждевременную смерть да проститъ Милосердый Владыка живыхъ и умершихъ почившему брату нашему грѣхи вольные и невольные и да упокоитъ его въ блаженствѣ обѣщанной вѣчной жизни!

„Знаемъ, что когда земной нашъ домъ, сія жилищина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный“ (2 Кор, V, 1). Аминь.

1896 г.

„Хорошій человекъ“.*

Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи.

Такія слова влагааетъ святая Церковь въ уста умершаго, съ такою просьбою она обращается къ намъ отъ его имени. Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи мои!....

Не заставляй насъ плакать по себѣ, возлюбленный братъ нашъ Михаилъ Александровичъ! Не напоминай объ этомъ скорбномъ и единственномъ правѣ, которое дано въ удѣлъ немощи человѣческой: скорбѣть и тужить при видѣ смерти! Не проси о себѣ слезъ..... И безъ твоего напоминанія всѣ, стоявшіе около тебя близко, всѣ, не только *знаемые* тобою, но и не *знаемые*, а только *знающіе* о тебѣ по рассказамъ другихъ, безъ сомнѣнія, поболѣятъ и поскорбятъ о разлукѣ съ тобою. Вотъ и теперь при гробѣ твоемъ не видимъ мы сродниковъ, къ которымъ, между прочимъ, обращается приведенная церковная пѣснь; не видимъ тѣхъ, кто со смертью близкаго человѣка теряетъ отца или кормильца и вообще лицо, съ существованіемъ котораго неразрывно связаны насущные житейскіе интересы. Ты былъ одинокъ,—а посмотри, какое вокругъ тебя множество! Что же внушило скорбь этому молитвенному собранію, которое отнеслось къ тебѣ съ такою теплою любовью, съ такимъ искреннимъ сожалѣніемъ, какія можно встрѣчать только въ

* Рѣчь при погребеніи инспектора народныхъ училищъ Елисаветпольской губерніи, приватъ-доцента Новороссійскаго университета Михаила Александровича Шульгина, 8-го января 1896 года († 6 января 1896 г.).

сродникахъ? Кого потеряли въ тебѣ эти братіе и друзи твои, всѣ знаемые тобою и не знаемы. Общій голосъ указалъ, кого всѣ потеряли въ тебѣ: лишились не отца и кормителя, о которомъ плачутъ близкіе по плоти, и не того, съ чѣмъ существованіемъ связаны какія-либо житейскія выгоды и интересы, а потеряли въ тебѣ всѣ—*хорошаго человетка*. Это, повторяю, общій голосъ о тебѣ. Твой начальникъ при первомъ извѣстіи о твоей послѣдней смертельной болѣзни со скорбнымъ предчувствіемъ близкаго исхода твоего изъ земли живыхъ такъ именно выразился о тебѣ: „*хорошій человеткъ!*“ Твои сослуживцы и подчиненные, при первомъ взглядѣ на мертвенное тѣло твое, устами одного сказали о тебѣ: „*лишились мы хорошаго человетка!*“ Твои знакомые и при жизни твоей и послѣ смерти также говорили о тебѣ: „*хорошій человеткъ!*“ И я, смиренный служитель Церкви, свидѣтель твоей предсмертной бесѣды съ Господомъ, которую ты велъ съ Нимъ черезъ мое недостоинство, могу засвидѣтельствовать здѣсь о тебѣ: *хорошій ты человеткъ*.

Въ чемъ же, братіе мои, собравшіеся здѣсь во имя скорби и молитвы, въ чемъ тайна той всеобщей любви, которую внушала къ себѣ покойный и которая такъ наглядно и трогательно выразилась вокругъ его гроба? Не ошибусь, и думаю, что буду выразителемъ общаго мнѣнія, если скажу, что тайна эта заключается въ чистомъ и возвышенномъ идеализмѣ нынѣ покойнаго Михаила Александровича. Да, это былъ дѣйствительно глубокой идеалистъ, беззаветно, до полнаго самозабвенія отдавшійся идеаламъ въ наукѣ и искусствѣ, и въ жизни, и въ дѣлѣ воспитанія юношества, и во всякомъ дѣлѣ, за которое брался. Наукѣ отдать онъ всю жизнь, для науки ѣздилъ въ чужіе края, оставилъ удобства жизни и выгоды службы, наукѣ отдать онъ свое здоровье; ею онъ жилъ, ее любилъ всѣми силами души, потому и говорилъ о ней со всякимъ чуть-ли не при первой съ нимъ встрѣчѣ. Свидѣтели этого—всѣ здѣсь присутствующіе; нѣмыми свидѣтелями этого служатъ и многочисленные научные труды покойнаго, частью оконченные, а больше не оконченные... Увы, онъ умеръ не въ ослабленіи мысли и дѣятельности, не уставшій отъ труда и подвига своего, не изжившій своего ума и энергіи, а въ полномъ напряженіи

работы надъ своимъ любимымъ дѣломъ; умеръ, какъ Моисей, не вошедши въ землю обѣтованную, не докончивъ своего дѣла, не увидѣвши той высокой каѳедры, о которой мечталъ и къ которой такъ много готовился ¹⁾. И въ этомъ отношеніи повторилась съ нимъ исторія многихъ идеалистовъ.... Но что изъ того? Отъ этого, конечно, пострадала его любимая наука, но самая личность его рисуется во всемъ обаяніи свѣтлой и чистой любви къ наукѣ, во всей привлекательной прелести идеализма.

Идеалистомъ быть покойный и въ дѣлѣ обученія и воспитанія юношества; преданный ему всецѣло, не тяготился онъ никакими трудами, не отвращался отъ той элементарной, слишкомъ простой науки начальной школы, которая при его широкихъ познаніяхъ могла быть скучною, а при слабомъ здоровьи — тяжкою и утомительною. Эта черта яснѣе всего свидѣтельствуетъ о дѣйствительной цѣнности научныхъ познаній покойнаго и объ искренности его любви къ наукѣ, въ какой бы формѣ она ни являлась: только незрѣлость и мнимая ученость могутъ съ высокообріемъ относиться къ элементарной наукѣ и считать занятія ея для себя унижительными. Въ своей преданности начальной наукѣ, при широкихъ научныхъ познаніяхъ, онъ напоминаетъ многихъ великихъ людей нашего вѣка, съ успѣхомъ дѣйствовавшихъ въ области высшей науки и литературы въ то же время до самоабвенія предававшихся начальной школѣ ²⁾. Идеалистомъ онъ былъ и въ отношеніяхъ своихъ ко всемъ окружающимъ: вѣрилъ въ добро, вѣрилъ въ людей, глубоко и сердечно къ нимъ привязывался, отзывался на ихъ скорби и радости и словомъ и дѣломъ. Не говоримъ объ его частной жизни: въ этомъ отношеніи его называли ребенкомъ; здѣсь онъ проявилъ такую нестяжательность, такое неумѣнье устроиться практически, такое неумѣнье воспользоваться всеми предоставленными законными выгодами и преимуществами,

¹⁾ Покойный былъ приватъ-доцентомъ Новороссійскаго университета и умеръ, доканчивая уже свою магистерскую диссертацию по одному изъ вопросовъ естественной исторіи.

²⁾ Таковы навѣстные профессора университетовъ: Капеллиъ, Овсянниковъ, Рачинскій; таковъ и знаменитый писатель гр. Л. Н. Толстой, лучшія годы своей жизни отдавшій непосредственнымъ занятіямъ въ начальной школѣ.

къ какому способны только люди, живущіе одними идеалами и ничего другого, кромѣ нихъ, не знающіе.

Что теперь сказать объ его отношеніи къ высшему идеалу — религиозно-нравственному? Могла ли эта чистая душа быть чуждою этого идеала? Могло ли пройти мимо его сердце, возлюбившее добро такъ сильно? Нѣтъ, и нѣтъ! Душа—по природѣ христіанка, и чѣмъ она выше и чище, чѣмъ болѣе свободна отъ суеты, чѣмъ болѣе живетъ и проникается интересами духовными, тѣмъ она ближе ко Христу. Конечно: нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ! (Ср. Іова XIV, 4—5; I Іоанна I, 8). И особенно въ такія времена, какъ наше, кромѣ личныхъ грѣховъ, сколько приходится людямъ извѣстныхъ положеній принимать въ себя, такъс казать, общихъ грѣховъ эпохи, среды, воспитанія, нравственныхъ недуговъ и отъ прежнихъ поколѣній, и отъ живой современности, и отъ нарождающихся вновь вѣяній и направленій. И были, несомнѣнно, грѣхи мысли, грѣхи слова.... Но, Боже нашъ, *кто чистъ предъ Тобою? Ибо нѣсть человека, иже поживетъ и не согрѣшитъ...* Въ указанной области покойный, какъ человѣкъ искренній и прямой, чуждался всего искусственного, лицемернаго, испорченнаго, иногда, можетъ-быть, и увлекался въ нѣкоторыя крайности.... Но вѣдомо Господу, и вѣдомо отцу духовному, какимъ яркимъ пламенемъ вспыхнула вѣра предъ смертью въ этомъ теперь уже не бьющемся сердцѣ. Съ какимъ умиленіемъ совершилъ онъ предсмертную молитву и исповѣдалъ грѣхи свои, съ какимъ чувствомъ приступилъ онъ къ чашѣ Господней,—и долго послѣ этого чувствовалъ онъ необыкновенный подъемъ духовныхъ силъ, говорилъ, что люди —ему братья, что небеса ему отверзлись.... И чуть ли не въ тотъ моментъ, когда въ водахъ крещенскихъ погружень былъ крестъ нашего Искупителя въ воспоминаніе дѣйствительно отверзшихся нѣкогда небесъ надъ Сыномъ Божіимъ и Сыномъ Человѣческимъ,—его чистая душа воспарила къ небу и вѣчности ¹⁾. *Блаженіи мертви, умирающіи о Господѣ: ей, глаголетъ Духъ,—почиютъ отъ вѣлъ своихъ!* (Апок. XIV, 13.)

¹⁾ Покойный, дѣйствительно, умеръ во время раздавагоса залпа при погруженіи св. креста въ праздникъ Крещенія Господня.

Но намъ, еще не почившимъ отъ дѣлъ, покойный оставилъ въ своей жизни назидательные уроки, и особенно вамъ, учащiеся юноши и дѣти, которые собрались сюда въ такомъ необычномъ множествѣ. Къ вамъ я могу обратиться со словами св. апостола: *поминайте наставниковъ вашихъ... и взирая на кончину жизни ихъ, подражайте еврѣ ихъ* (Евр, XIII, 7). Подражайте вѣрѣ этого усопшаго: его вѣрѣ живой и дѣятельной,—вѣрѣ въ Бога, вѣрѣ въ добро, въ науку, въ людей, вѣрѣ во все прекрасное. Чистый и возвышенный идеализмъ покойнаго особенно сроденъ и привлекателенъ для молодости: будьте же въ жизни такими добрыми, любящими и чистыми, простыми, честными и трудовыми людьми, какимъ былъ покойный вашъ Михаилъ Александровичъ.

А намъ, всѣмъ собравшимся, что сказать въ заключение слова и въ утѣшенiе? И послѣ краткаго изображенiя духовнаго облика почившаго, если я спрошу васъ, братiе: имѣемъ ли мы въ жизни и дѣлахъ его залогъ выспихъ и свѣтлыхъ надеждъ и отрадныхъ чаянiй загробнаго блаженства для почившаго, то увѣренъ, что отвѣтъ будетъ только одинъ—утвердительный. Блаженъ же путь твой, возлюбленный братъ нашъ и мой сынъ духовный! Иди въ благодатномъ мирѣ и покоѣ туда, куда призвалъ тебя твой Господь! Искаль ты здѣсь правды и добра: нынѣ вступаешь въ общенiе съ Безусловною Правдою и съ Добромъ Безконечнымъ. Въ странѣ незаходимаго солнца, въ обители невечерѣющаго свѣта найдешь ты и продолженiе и осуществленiе тѣхъ идеаловъ, которые здѣсь, въ земной жизни юдоли, возлюбила душа твоя и которые нынѣ сливаются съ вѣчностью! А мы не забудемъ твоего обаятельнаго образа и съ любовью помянемъ тебя выспимъ проявленiемъ любви—молитвой о тебѣ. Лучезарнымъ свѣтомъ твоихъ идеаловъ правды и добра и тихимъ свѣтомъ любви твоей и нашей да будетъ нынѣ освѣщенъ и легокъ для тебя путь къ небу и вѣчности, къ твоему и нашему Господу! Любовь, говорить апостоль, никогда не умираетъ (I Кор. XIII, 8). Аминь.

Памяти Царя-Миротворца.*

Когда два года назадъ, по волѣ Божіей, въ мирѣ почилъ отъ царственныхъ трудовъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ III, нынѣ поминаемый,—Его Первенецъ-Сынъ, принимая царскую власть, такъ говорилъ о смерти отца въ Своемъ первомъ манифестѣ къ подданнымъ: „Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность... И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго въ себѣ непоколебимую правду и миръ“...

Въ эти протекшіе два года мы могли убѣдиться, какъ до конца исполнилась увѣренность нашего молодого Государя. Миръ явился свидѣтелемъ невиданнаго зрѣлища: умеръ Государь обширнаго царства, Имъ возвеличеннаго и благоустроеннаго, но такого царства, къ которому многіе питали и питаютъ чувство зависти,—а между тѣмъ не было на землѣ образованнаго народа, который не выразилъ бы искренней и трогательной скорби о почившемъ. О Немъ и доселѣ говорятъ и пишутъ, обращаются къ Его жизни и дѣятельности, разсматриваютъ черты Его нравственнаго образа,—и все больше и больше проникаются къ Нему чувствами благоговѣйной почтительности и справедливаго удивленія. „Какъ въ картинѣ великаго художника, чѣмъ болѣе всматриваешься въ нее, тѣмъ болѣе открываешь въ ней новыя стороны красоты и чарующей прелести: такъ въ дивно-прекрасномъ образѣ нашего незабвеннаго Государя много лѣтъ и много умовъ и сердець будутъ открывать все новыя и новыя поученія“. Вотъ почему и мы гово-

* Рѣчь, сказанная предъ панихидой 20 октября 1896 года въ церкви Елисаветпольской гимназіи.

рили о Немъ здѣсь съ вами вчера ¹⁾, говорили не разъ съ этого священнаго мѣста и прежде во дни поминовенія покойнаго Государя: и все же Его образъ стоитъ предъ нами въ неуядаемой красѣ и открываетъ попрежнему неизсякаемый источникъ назиданія.

Въ чемъ же, братіе и дѣти, въ чемъ разгадка этой всеобщей любви и почтенія къ покойному Царю? Указываютъ на Его государственныя заслуги: на возвелченіе внѣшней силы Россіи и притомъ безъ войны и кровопролитія, путемъ мудрой, но прямодушной и правдивой политики; указываютъ на необыкновенный ростъ внутренняго благоустройства Россіи послѣ страшныхъ событій цареубійства, когда царство наше стояло, какъ будто бы, на краю гибели и наканунѣ разложенія. Все это такъ, и эти незабвенныя для Россіи заслуги покойнаго Царя блестяще обнаружались и подтвердились въ эти два года нашей славы, нашей силы, нашихъ успѣховъ на Востокъ и Западъ, въ эти два года, когда Русь широко пользовалась плодами трудовъ и мудрой дальновидности усопшаго Царя. Но если бы въ этомъ одномъ заключалась причина необыкновенной славы Александра III, то намъ непонятны были бы чувства всеобщаго и благоговѣйнаго почтенія къ Нему даже со стороны враговъ Россіи. Почившій Государь былъ великъ въ другомъ отношеніи: Онъ представляется всѣмъ, какъ человѣкъ рѣдкой нравственной чистоты, Царь-Праведникъ, что въ нашъ вѣкъ, такъ неудержимо преданный себялюбію и чувственности, да къ тому же на высотѣ престола, является для многихъ какимъ-то чудомъ. И это чудо совершилось у насъ на Руси.

Но здѣсь-то, при частнѣйшемъ разсмотрѣніи нравственнаго образа почившаго Царя, каждый въ мѣру восприимлемости и личныхъ наклонностей находитъ и отмѣчаетъ въ немъ различныя и разнородныя стороны: указываютъ на Его прямоту, и указываютъ на Его мягкость; указываютъ на Его бе-

¹⁾ 19 октября на обычной въ гимназін еженедѣльной (по субботамъ) религіозно-нравственной бесѣдѣ ученикамъ рассказано было о жизни, дѣятельности и кончинѣ Государя Императора Александра III.

режливость и—щедрость; на Его миролюбие и готовность самоотверженно защищать отечество; на Его любовь и строгую справедливость; на доброту и твердость воли; на Его снисходительность и строгое требованіе отъ каждаго исполненія долга, на Его добродушіе и серьезность и т. д. Очевидно, была какая-то основная нравственная почва, на которой твердо стоялъ покойный Государь, и эта почва сообщила Ему удивительное чувство мѣры и уравновѣшенность духа, вслѣдствіе чего Онъ, находясь по своему званію въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ къ Себѣ и ближнимъ, ни въ чемъ не переходилъ границъ въ худую сторону и выросъ предъ лицомъ міра въ высоко-нравственный и удивительно-цѣльный образъ Царя-Праведника.

Намъ отрадно въ настоящія минуты предъ молитвою о почившемъ Царѣ, намъ отрадно указать, что этою основою всѣхъ дѣяній и нравственной высоты почившаго была Его глубокая религіозность, что не осталось непримѣтнымъ и для взора иностранцевъ, изъ которыхъ одинъ, близко знавшій Государя, такъ говорилъ о Немъ: „религіозность—это основной фондъ души Императора“ ¹⁾. Да, Онъ былъ христіанинъ, и истинный, искренній христіанинъ, и въ этомъ одномъ словѣ разгадка величаваго и обаятельнаго образа незабвеннаго нашего Царя-Миротворца, Царя-Праведника.

Какъ христіанинъ, въ чувствѣ вѣры и преданности Промыслу, не палъ Онъ духомъ въ годину царевубійства, посреди всеобщаго шатанія умовъ, смятенія сердець, посреди ужаса народнаго; какъ христіанинъ, вѣрилъ Онъ въ Свое призваніе Царя-Самодержца, вѣрилъ въ Россію, въ ея силы и назначеніе, въ Свое, Богомъ врученное Ему дѣло; какъ христіанинъ, покорно взялъ Онъ на Себя бремя царственнаго долга и понесъ его безропотно и твердо до могилы, и трудился до изнеможенія, отказывая Себѣ въ необходимомъ отдыхѣ и днемъ и ночью. Здѣсь же, въ Его христіанскихъ чувствахъ, объясненіе того, что Его прямота, правдивость и искренность не

¹⁾ Смѣть въ книгѣ: „Правда о Россіи“. Выдержки въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1894 г., № 305.

переходили въ рѣзкость, грубость и жестокость; Его бережливость не была скупостью, что доказалъ Онъ щедрыми пособиями народу во время голода и холеры; Его миролюбіе не было постыдною трусливою уступчивостью; кротость и смиреніе Его не переходили въ боязливую приниженность, въ любви Его не было слабавости, безразличной къ добру и злу, и въ снисходительности не было попустительства на зло; съ другой стороны, твердость и настойчивость Его не были неразумнымъ и себялюбивымъ упорствомъ, строгость не была жестокостью, требовательность не была проявленіемъ личнаго каприза, въ патріотизмъ Его не было фанатической ненависти къ другимъ народамъ, и въ самой религіозности не было ханжества,—и такъ во всемъ. И болѣзнь Свою, и смерть пріялъ Онъ, какъ христіанинъ: съ умиленіемъ и слезами читали мы, что Онъ, уже сломленный тяжелымъ недугомъ, прикованный къ одру болѣзни, среди мучительныхъ безсонныхъ ночей, среди тягостныхъ дней не оставлялъ царственныхъ трудовъ,—и Россія, одна Россія составляла предметъ его предсмертныхъ заботъ и мыслей; послѣ трудовъ Онъ молился, послѣ молитвы снова трудился, и никто не слышалъ отъ Него ни жалобы, ни ропота.

Какъ удивительна, какъ величава, прекрасна и торжественна Его кончина! Пришелъ послѣдній день жизни, изможденное трудомъ и болѣзвью тѣло уже оказалось неспособно къ труду, неспособно быть орудіемъ свѣтлаго духа... „Сегодня умру“, говоритъ Государь Своей Супругѣ: „будь покойна, Я же совершенно спокоенъ“. Еще нѣсколько часовъ,—и, дѣйствительно, жизнь погасла въ тѣлѣ, и вѣрующая душа среди молитвъ въ надеждѣ жизни вѣчной почилъ въ Богѣ. Такъ умираютъ только люди, крѣпкіе своею чистою совѣстью и горячею вѣрой въ Бога и въ безсмертіе души. Такъ умираютъ только христіане. Не потому ли и любовь къ почившему Царю, и при жизни Его и по смерти, всё выражали не иначе, какъ молитвою: молились въ Россіи и виѣ ея, молились христіане безъ различія исповѣданій, молились евреи, мусульмане... Всѣ чувствовали, что иной образъ чествованія Царя какъ-то не соотвѣтствуетъ Его нравственнымъ свойствамъ.

О достойномъ христіанинѣ, о преданномъ сынѣ Церкви отъраднo молиться тому, кто самъ имѣетъ трогательное упованіе на жизнь безконечную, трогательную вѣру въ общеніе живыхъ и умершихъ. Къ такой молитвѣ призываемся сейчасъ мы съ вами, братіе и дѣти.

Вѣримъ, что Ты, нашъ многолюбимый Царь, живешь съ нами духомъ; вѣримъ, что сбудется надъ Тобою все обѣщанное христіанамъ: Ты былъ кротокъ,—а сказано: блаженны кроткіе; Ты милостивъ былъ,—а такимъ обѣщано, что они помилованы будутъ; общій голось всего свѣта нарекъ Тебя Миротворцемъ,—а сказано: блаженны миротворцы, ибо они сынами Божьими назовутся. Да будетъ же благословенъ твой покой, боголюбивая душа! У престола призвавшаго Тебя Бога вмѣстѣ съ прежде почившими святыми властителями земли русской стань и Ты въ дерзновеніи молитвы за Русь, за насъ, за Твоего Царственнаго Сына!

Братіе и дѣти! Да будетъ въ сердцахъ нашихъ вѣчная память усопшему Царю и въ молитвахъ за Него и въ подражаніи Его высокімъ достоинствамъ человека-христіанина, оставившаго намъ примѣръ глубокой вѣры, благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни. Аминь.

1897 г.

Посѣщеніе храма.*

Въ прочитанномъ сегодня евангеліи мы слышали о чудесномъ насыщеніи Іисусомъ Христомъ 5000 человекъ пятью хлѣбами и двумя рыбами. Какъ человекъ, Спаситель нашъ нуждался во время земной жизни въ отдыхѣ, и вотъ, послѣ долгихъ и тяжкихъ трудовъ проповѣди народу, Онъ съ учениками садится въ лодку и по озеру Генисаретскому отплываетъ на противоположный берегъ, въ пустынное мѣсто; здѣсь Онъ хотѣлъ отдохнуть отъ трудовъ, здѣсь хотѣлъ Онъ всецѣло отдаться молитвѣ къ Отцу Своему небесному. Но великое множество народа всею сердцемъ желало слышать Его ученіе; и вотъ, когда Іисусъ Христосъ съ учениками плывъ по озеру, народъ изъ городовъ и селеній бѣжалъ по берегу гнѣшкомъ, такъ что, когда Спаситель сошелъ съ лодки, то увидѣлъ предъ Собою множество слушателей. Сжалился надъ ними Милосердый Господь и, несмотря на Свою усталость, сталъ учить, и училъ до вечера, и цѣлый день до вечера народъ провелъ въ пустынномъ мѣстѣ, вдали отъ городовъ и селеній, забывъ о пищѣ и о всѣхъ житейскихъ нуждахъ.

Тогда-то, при видѣ голоднаго народа, Господь Іисусъ Христосъ взялъ 5 хлѣбовъ и двѣ рыбы—единственная пища, какая здѣсь нашлась, воззрѣлъ на небо съ молитвой, благословилъ и велѣлъ раздавать людямъ, и ядоша вси и насытшася, т.-е. всѣ ѣли и были сыты.

* Сказано въ недѣлю 8-ю по Пятидесятницѣ въ станицѣ Ново-Александровской, Куб. обл.

Видимъ и нынѣ предъ собою народъ, и сами сейчасъ всё вмѣстѣ составляемъ народъ—и народъ христіанскій. Видимъ и нынѣ Христа Спасителя, проповѣдующаго Свое Божественное ученіе, ибо имѣемъ и слышимъ Его обѣщаніе: „Я съ вами до скончанія вѣка“. Гдѣ же, спросите, видимъ? Видимъ въ томъ мѣстѣ, о которомъ Самъ Господь сказалъ: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я съ ними“, т.-е. видимъ Его въ св. храмѣ. Да, здѣсь, въ храмѣ, Самъ Христосъ невидимо присутствуетъ: здѣсь Ему молимся, Его имя призываемъ; здѣсь для нашихъ тѣлесныхъ очей Онъ написанъ на св. иконахъ, изображается въ службѣ священникомъ; здѣсь въ чтеніи евангелія и апостольскихъ посланій слышимъ ученіе Іисуса Христа; здѣсь въ церковныхъ пѣсняхъ и молитвахъ научаемся, какъ въ Него вѣровать, какъ Ему молиться, какъ Ему угождать, какъ по заповѣдямъ Его жить; здѣсь, наконецъ, пастыри и учителя—Богомъ поставленные священники—поучаютъ всёхъ, кто хочетъ учиться, поучаютъ всёхъ языкомъ по возможности понятнымъ, поучаютъ насъ, рассказываютъ о жизни Іисуса Христа, объ Его дѣтствѣ, объ Его ученіи, преподаютъ намъ святыя таинства, Его именемъ прощаютъ грѣхи, а въ таинствѣ причащенія и соединяютъ насъ со Христомъ такъ наглядно, такъ живо, такъ тѣсно, что даютъ намъ и въ насъ самое Тѣло Христово и самую Кровь Его.

Поистинѣ, здѣсь Христосъ къ намъ близокъ, здѣсь Христосъ съ нами. И вѣрующая душа, пришедшая сюда съ благоговѣніемъ, съ молитвой, съ усердіемъ, живо почувствуетъ Христа здѣсь, въ храмѣ, увидитъ Его невидимаго, найдетъ Его незримаго, ощутитъ Его въ глубинѣ своего духа, увидитъ, услышитъ Его въ храмѣ любящимъ сердцемъ. Вотъ пронеслось дыханіе молитвы, вотъ вздохъ сокрушенія сердечнаго вырвался изъ груди богомольцевъ, вотъ святая слеза умиленія блеснула въ очахъ: то Христосъ съ нами, то слышите Его тихое шествіе, внятенъ тихій шелестъ Его Божественныхъ ризъ, то Его голосъ слышится: „Миръ вамъ! Се Я здѣсь съ вами“!

Да, поистинѣ здѣсь, въ храмѣ, Христосъ. Что же, храмъ нашъ—мѣсто тайное, сокрытое? Его нужно искать съ усиленіемъ, за него платить нужно? Нѣтъ, по завѣту Милосердаго Спаси-

теля, Церковь Христова радуется народу, идущему въ храмъ Божій; открытъ для всѣхъ путь въ Божій домъ, всё въ немъ стоять равно отъ мала до велика, знатному и бѣдному, богатому и убогому—здѣсь, въ храмѣ, одно мѣсто. И зовутъ въ домъ Божій громко и долго, долго и громко сзываетъ благовѣсть церковный, ясно и убѣдительно призываютъ пастыри Церкви: идите, братіе, въ храмъ Божій, оставьте житейскія заботы, шесть дней дѣлай и сотвори въ нихъ всё дѣла твои, а день седьмой посвяти Богу на молитву. Идите въ храмъ: здѣсь Самъ Христосъ Спаситель. И Онъ Самъ зоветъ: „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся“... „Гдѣ двое или трое... тамъ Я съ ними“.

О, если бы и нынѣ нашъ народъ былъ похожъ на тотъ народъ времени Спасителя,—на тотъ, который, оставивъ дома и домашнія заботы, бѣжалъ ко Христу и куда же? Не въ обширный и прекрасный храмъ, а въ дикую и безпріютную жаркую пустыню; не на 2—3 часа церковной службы, какъ теперь, а на цѣлый день, до вечера, и въ зноѣ, голодѣ, среди неудобствъ всякаго рода искалъ и находилъ Іисуса! Не забудьте при этомъ, что народъ галилейскій жилъ въ большой бѣдности, въ такой бѣдности, по сравненію съ которой вы, братіе, можете назваться богачами. Значитъ, убогому народу галилейскому тѣмъ меньше было возможности пожертвовать трудовымъ днемъ для слушанія слова Божія, потому что одинъ голодный день вель за собою и завтрашній такой же голодный. Такъ что же значитъ, что нынѣ среди васъ замѣчается такая холодность къ храму Божію? Что значитъ, что среди многихъ тысячъ населенія станицы храмъ Божій пустъ,—пустъ въ будни, пустъ и въ праздники? Не говорите: теперь рабочее время, теперь некогда. Не лгите предъ Богомъ! Еще не было случая, чтобы кто-либо сталъ бѣднымъ оттого, что слишкомъ часто посѣщалъ храмъ Божій; напротивъ, многіе не посѣщающіе храмъ разорялись отъ своей грѣховной и дурной жизни... Господь даетъ намъ 6 дней работать, а если и 7-й мы отдаемъ той же работѣ, то мы его крадемъ у Бога; Господь даетъ намъ 6 дней для заботы о тѣлѣ, а если и 7-й мы дѣлаемъ то же, то мы его крадемъ у души. Но вѣдь тѣло—временно,

душа—вѣчна. А вѣдь не о хлѣбѣ одномъ живъ будетъ чело-
вѣкъ, но о всякомъ словѣ Божиѣмъ; и Спаситель намъ гово-
ритъ: „Старайтесь не о пищѣ тѣлесной, а о пищѣ пребываю-
щей въ жизнь вѣчную“,—а эта пища преподается намъ въ
храмахъ Божіихъ.

Братіе! Тысячу лѣтъ наша Россія была бѣдна, но не за-
бывала Бога, не оставляла Христовой Церкви; по лицу нашей
родной земли, какъ свѣчи предъ Богомъ, горять и сіяютъ
почти 50.000 храмовъ Божіихъ. Въ храмѣ русскій человекъ
находитъ отраду и утѣшеніе, въ храмѣ молился и учился—и
Господь былъ съ нимъ, избавлялъ его отъ враговъ, и царство
наше стало велико и могуче, и царство наше земное слива-
лось съ царствомъ Божиимъ, небеснымъ, съ Церковью Христо-
вой, въ которой просіяло изъ русскихъ людей столько величай-
шихъ угодниковъ. И вотъ нынѣ видимъ, что мы, повидимо-
му, богатѣемъ; чѣмъ? плотью, земнымъ богатствомъ, но бѣд-
нѣемъ духомъ, забывая Бога и душевное спасеніе.

Смотрите же, какъ бы не сбылось надъ нами грозное
слово: отыметса у васъ царство и дастся народу, творящему
плоды его.

Будемъ крѣпко держаться вѣры, будемъ крѣпко держаться
храма! Пусть звонъ церковный, сзывающій въ храмъ на мо-
литву, будетъ воистину отраднымъ благовѣстомъ для души
нашей, желаннымъ призывомъ въ домъ нашего Отца не-
беснаго.

Въ старыя времена гоненій на христіанъ одну женщину
спросили: ты куда идешь? На общественную молитву, отвѣтила
женщина. Но развѣ ты не знаешь,—вѣдь царь распорядился
сегодня окружить мѣсто молитвы солдатами и всѣхъ моля-
щихся перерѣзать. Вернись домой!

Женщина постояла, подумала, подумала и—пошла-таки
на богослуженіе. Тамъ ее дѣйствительно убили. Такъ любили
древніе христіане богослуженіе общественное. Насъ здѣсь не
рѣжутъ, насъ не убиваютъ: пусть же никто и ничто не отвле-
каетъ насъ отъ церкви, ибо, отвлекаясь и удаляясь отъ церк-
ви, мы уходимъ и удаляемся отъ Христа Спасителя и отъ Его
вѣчнаго и блаженнаго царства: безъ Христа—жизнь пуста. А

земное довольство при нашемъ усердіи къ вѣрѣ и благочестію и само придетъ, по слову Божию:

„Ищите прежде всего царствія Божія и правды его, а все прочее приложится вамъ“. Аминь.

Трудъ земледѣльца.*

Даже донныѣ мы терпимъ голодь и жажду, нуждаемся въ одеждѣ, терпимъ побои и скитаемся и трудимся, работая своими руками (1 Кор. IV, 11).

Эти слова взяты изъ сегодняшняго апостольскаго чтенія. Кто же такъ о себѣ говорить? Кто этотъ несчастный, у котораго нѣтъ одежды, нѣтъ достаточной пищи, кто это скитается и трудится, работая своими руками? Это пишетъ о себѣ св. апостоль Павелъ. Сынъ знатныхъ родителей, съ дѣтства пользовался онъ правами римскаго гражданина, которыя были гораздо выше теперешнихъ правъ дворянина. Въ домѣ родителя ап. Павелъ получилъ основательное образованіе въ своемъ родномъ городѣ, а затѣмъ для довершенія образованія отправился въ Іерусалимъ. Здѣсь онъ достигъ высокой учености и ему, еще молодому человѣку, готовилось, безъ сомнѣнія, важное мѣсто и знатная должность; въ это время онъ принялъ христіанство, призванный къ тому явленіемъ Самого І. Христа. Отдавшись всѣмъ сердцемъ ученію Иисуса Христа, апостоль Павелъ сталъ ревностнымъ проповѣдникомъ евангелія, и, можно сказать, онъ потрудился больше всѣхъ апостоловъ. Онъ обошелъ весь тогдашній міръ, исходилъ пѣшкомъ тысячи верстъ, и вотъ, въ это-то время онъ терпѣлъ и голодь, и жажду, и побои, и скитался, и не имѣлъ гдѣ главу преклонить, а для пропитанія своего онъ трудился, работалъ своими руками,

* Поученіе въ нед. 10-ю; сказано въ стан. Ново-Александровской, Кубанской обл. 10 авг. 1897 г.

т.-е. занимался ремесломъ, черною работою: онъ изъ шерсти приготавливалъ и продавалъ палатки, которыя очень нужны въ тамошнихъ странахъ. На эти-то слова апостола Павла я прошу васъ, братія, обратить ваше вниманіе. Мы трудимся, говорить онъ,—мы трудимся, дѣлая своими руками. Вамъ эти слова близки, очень близки; вамъ эти слова дороги должны быть и милы, вы вѣдь тоже трудитесь, дѣлая своими руками, вы заняты такъ-называемой черною работою пахоты и косьбы и различныхъ ремесленныхъ занятій. Вамъ поэтому эти слова апостола должны быть и утѣшительными, и назидательными. Тяжелъ, невеселъ часто трудъ вашъ; невысокое мѣсто въ обществѣ каждый изъ васъ занимаетъ; горекъ бываетъ вашъ потъ, утомительна работа.

И вотъ нерѣдко слышатся среди васъ жалобы: горькая наша доля! Какъ намъ и быть-то хорошими людьми! Часто слышится злая зависть: добро, хорошо тѣмъ, кто занятъ чистой работою! Добро священнику, добро учителю, добро офицеру, чиновнику! Имъ хорошо, а намъ и бѣдно, и тѣсно, и горько, и нудно, и трудно. Братіе мои, утѣшьте слова апостола: „мы труждаемся, дѣлая своими руками“. Апостолъ Павелъ не стыдился заниматься ремесломъ, дѣлая палатки; Самъ Иисусъ Христосъ былъ плотникомъ; Его первые ученики были бѣдные рыболовы. А потомъ стали они тѣмъ, чѣмъ нынѣ бываютъ священники, т.-е. служителями и проповѣдниками евангелія. Думаете ли, что ихъ трудъ въ апостольствѣ былъ легокъ, что ихъ жизнь была покойна, что имъ жилось очень сладко? Нѣтъ, братіе, нѣтъ. Каждый трудъ тяжелъ, если его исполнять добросовѣстно, и каждый трудъ святъ и великъ, и почетенъ. Почетенъ и святъ и вашъ трудъ пахаря, земледѣльца, работника и ремесленника. Почетный, говорю, и святой, и важный, и цѣнный вашъ трудъ въ глазахъ каждаго разумнаго человѣка.

Жизнь человѣческая—что хорошій домъ. Фундаментъ вѣдь въ землѣ, въ грязи, въ сырости, онъ не высокъ, онъ не красивъ на видъ, а кто же разумный скажетъ, что безъ него можно обойтись? Кто унижитъ его потому только, что онъ въ грязи и сырости? Выньте фундаментъ,—весь домъ

рухнетъ. То же въ жизни людей—вашъ черный трудъ. Онъ почетный, онъ святой, если совершается честно и добросовѣстно, онъ и важный, и цѣнный, хотя на видъ не славный, не знатный. Что заповѣдалъ Богъ первому человѣку—Адаму, когда ввелъ его въ рай? Онъ велѣлъ ему воздѣлывать землю. И дѣйствительно, въ этой работѣ человѣкъ учится добру, учится всему хорошему. Земледѣлецъ пріучается во всемъ полагаться на Бога, ожидать Его помощи, просить у Него дождя и ведра, земледѣлецъ пріучается къ терпѣнію, выжиданію, къ смиренію и покорности волѣ Господа. Долго и томительно ждетъ онъ, пока взойдетъ зерно, пока вырастетъ; благодарить за урожай, смиренно переносить невзгоды: засуху, неурожай. Земледѣлецъ пріучается къ взаимной во всемъ поддержкѣ и помощи, къ постоянному и упорному труду, а такіе вѣдь люди—свѣтъ міру, Богу угодны, людямъ пріятны; ими-то и свѣтъ держится. Какъ же грустно видѣть, что многіе, и очень многіе, изъ людей, вамъ подобныхъ, желаютъ поскорѣе отдѣлаться отъ этого почетнаго труда, особенно тѣ, кто немного поучился въ школѣ! Кончилъ школу мальчикъ, научился писать, читать, и уже опротивѣли ему и родимый домъ, и родные труды, и плугъ, и работа. Идетъ онъ въ сидѣльцы, въ писцы, въ лавки, въ города, на посылки, бьется, оторвавшись отъ дома, какъ рыба, ушедшая изъ воды, и какъ часто погибаетъ! А всему виною его убѣжденіе, что онъ—ученый человѣкъ, что ему стыдно заниматься чернорабочимъ трудомъ. Такому полезно поучиться у ап. Павла, который долго и много учился, быть ученымъ человѣкомъ и, однако, не стыдился работать своими руками.

Братіе мои! Почетенъ и святъ вашъ трудъ. Братіе мои! Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто. Тамъ, въ небесныхъ селеніяхъ, куда мы всѣ придемъ на страшный судъ, тамъ Господь не будетъ спрашивать насъ, кто какое мѣсто занималъ, какой чинъ имѣлъ, какое жалованье получалъ. Тамъ спросятъ насъ только о томъ, вѣрилъ ли ты въ Бога и жилъ ли по Божьей волѣ, былъ ли честенъ, былъ ли трудолюбивъ, трезвъ, помогалъ ли ближнимъ, исполнялъ ли евангельскій законъ, почиталъ ли старшихъ, не обижалъ ли малыхъ и сла-

быхъ. А такимъ можно быть вездѣ, для этого не нужно идти въ далекіе края, не нужно идти въ уединенныя пустыни.

Спасался въ пустынѣ великій подвижникъ преподобный Макарій; цѣлые дни проводилъ онъ въ молитвѣ, постился, молился, и было ему откровеніе отъ Бога чрезъ ангела: Макарій, ты много потрудился, а все же не достигъ совершенствъ трехъ женщинъ. Иди къ нимъ, поучись. Ангелъ повелъ великаго подвижника, и думалось ему дорогой, что эти три женщины, вѣроятно, еще больше его подвизались въ постѣ и молитвѣ въ уединенной пустынѣ. Но вотъ ангелъ привелъ его въ большое село и указалъ на трехъ простыхъ женщинъ и сказалъ: поучись у нихъ, онѣ выше тебя. Удивился Макарій и сталъ просить этихъ женщинъ: кто вы такія, чѣмъ занимаетесь? Разкажите мнѣ, чѣмъ вы Богу угодили, что особеннаго сдѣлали? Женщины отвѣчали: мы—жены трехъ братьевъ, невѣстки, живемъ воѣ вмѣстѣ ладно и дружно; родители наши стары, мы имъ помогаемъ; свекоръ и свекровь нерѣдко строги—мы ихъ почитаемъ, имъ угождаемъ; мужья подчасъ строги—мы ихъ любимъ; у каждой изъ насъ есть дѣти, все хозяйство лежитъ на насъ; дѣла у насъ такъ много, и мы работаемъ цѣлый день, не покладая рукъ, только и помолимся, что утромъ да вечеромъ, да за обѣдомъ, да въ праздникъ въ церковь ходимъ. Только всего мы и дѣлаемъ, а особеннаго—ничего. Куда ужъ намъ быть угодными Богу!

Удивился Макарій и возблагодарилъ Бога, что и въ мірѣ, среди суеты и земныхъ заботъ, можно Богу угодить, да еще лучше, чѣмъ въ пустынѣ. И если бы вы, братіе, знали жизнь святыхъ, то увидѣли бы, что среди святыхъ есть плотники, угольщики, каменщики, земледѣльцы, какъ равно есть и ученые монахи, подвижники, врачи, священники.

Да будетъ же вашъ трудъ и святъ, и высокъ, и честенъ. Да будетъ Божіе благословеніе на всякую работу вашу, и да не будетъ у васъ ни жалобъ, ни ропота, а побольше вѣры въ Бога и побольше, побольше желанія жить не для веселія, жить не для разгула, жить не для себя только, жить не такъ, какъ хочется, а какъ долгъ, законъ и совѣсть говорятъ; живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Аминь.

1898 г.

Величіе челоуѣка.*

Свѣтлый нынѣшній праздникъ въ честь Св. Духа, сошедшаго на учениковъ Христовыхъ и вѣчно почивающаго во св. Церкви, составляетъ достойное и радостное заключеніе цѣлаго ряда великихъ торжествъ церковныхъ въ честь и славу воскресшаго изъ мертвыхъ и вознесшагося отъ земли на небо Христа Господа.

Это благословенный плодъ страданій, смерти и воскресенія воплотившагося для спасенія рода челоуѣческаго Сына Божія. Это вѣнецъ дѣла искупленія челоуѣчества и соединенія его съ Божествомъ. Итакъ, челоуѣческая наша природа, *созданная Богомъ*, искупленная и въ искупленіи *возсозданная* Сыномъ и, наконецъ, освященная *зидительнымъ* и животворящимъ Духомъ, какъ бы вновь получаетъ бытіе—лучшее и совершеннѣйшее—и вмѣстѣ съ тѣмъ возводится на всю доступную для нея высоту чести и славы. И сколько бы мы ни придумывали другихъ основаній, чтобы на нихъ утвердить мысль о челоуѣческомъ достоинствѣ, мы никогда не въ состояніи будемъ поставить ее *выше того положенія*, въ которое *природа наша* приведена въ христіанствѣ: здѣсь она воспринята Сыномъ Божиимъ въ единство лица (ѹпостаси) Богочелоуѣка, *вознесена* съ Нимъ въ Его *пречистой плоти* ¹⁾ на небо и *спосажена* (Ефес. II, 6) одесную Отца и, наконецъ, *приобщена Духу Святому* (Евр. VI, 4). Величіе поистинѣ неизмѣримое!

* Слово въ праздникъ Св. Духа и въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны 25 мая 1898 г. Сказано въ Военн. соборѣ г. Тифлиса.

¹⁾ Величаніе праздн. Вознесенія.

Мысль о высокомъ достоинствѣ человѣка есть основная мысль Откровенія, основная мысль нашей святой вѣры. Уже первая страница Библии дѣлаетъ ее ясною и непререкаемою разсказомъ о сотвореніи человѣка *по образу и подобію Бога* (Быт. I, 26—27) и о дарованіи ему власти надъ природою и надъ всѣмъ живущимъ. (Быт. II, 19—20, ср. I, 28). Въ этой мысли—объясненіе горести и глубины паденія человѣка; въ ней—объясненіе первоевангелія о Спасителѣ; въ ней—объясненіе всей дальнѣйшей исторіи человѣчества. Проникнутый убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣка, взывалъ царепророкъ Давидъ въ псалмѣ: *Господи, Господь нашъ, какъ чудно имя Твое по всей землѣ! Когда взираю я на небеса, дѣла рукъ Твоихъ, на луну и звезды, которыя Ты поставилъ,— то что такое человекъ, что Ты помнишь его, и сынъ человеческій, что Ты посѣщаешь его! Немногимъ Ты умалилъ его предъ ангелами, славою и честию вѣнчалъ его, и поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ, все положилъ подъ ноги его* (Пс. VIII, 2, 4—7). Проникнутый тою же мыслью, и премудрый Соломонъ говоритъ: *великая вещь человекъ* (Прем. XX, 30). Если же въ Ветхомъ Завѣтѣ подавленный грѣхомъ, чувствующій отверженіе отъ Бога, только ожидающій искупленія человекъ такъ ясно сознавалъ свое высокое достоинство въ ряду твореній, то что же сказать о Завѣтѣ Новомъ, который нынѣ запечатлѣнъ печатію Духа Святаго,— что сказать о Завѣтѣ Новомъ, гдѣ грѣхъ уже снятъ, гдѣ *насъ ради человекъ и нашего ради спасенія* сошелъ на землю и воплотился Самъ Богъ, гдѣ человѣчество содѣлалось сыномъ Бога (Іоанн. I, 12, ср. Римл. VIII, 14; Гал. III, 26; Евр. XII, 7 и др.) и въ лицѣ Искупителя само какъ бы *обожилось*, такъ что апостоль, обращаясь къ христіанамъ, прямо говоритъ имъ, что они—*причастники званія небеснаго* (Евр. III, 1; ср. Колос. 1, 12) и даже—*причастники Божественнаго естества* (2 Петр. I, 4).

Наконецъ, въ полнотѣ даровъ Св. Духа дается завершеніе и вѣнецъ человѣческому достоинству; отнынѣ жизнь человѣчества процвѣла и украсилась особенною силою, вышею и благодатною, и воистину началась для него благоухающая духовная весна, что зазеленѣла отъ могучей внутренней, живи-

тельной силы христіанства и украсилась цвѣтами вѣры и любви, подобно этой, всюду видимой нынѣ, весенней зеленой травѣ, зеленымъ деревьямъ и весеннимъ благоухающимъ цвѣтамъ.

Безъ сомнѣнія, мысль о достоинствѣ и величіи человѣка очень распространена и развита среди людей. Она льститъ человѣческому самолюбію, она пріятна нашему сознанию... Но бѣда, когда человѣкъ разсматриваетъ ее только съ точки зрѣнія правъ, а не со стороны налагаемыхъ ею обязанностей; бѣда, когда это самое величіе совершенно неправильно или односторонне понимается. И прежде всего,—бываетъ величіе только кажущееся, мнимое, а не дѣйствительное и вовсе не достойное своего имени,—это величіе только внѣшнее. Будетъ ли оно состоять въ большомъ богатствѣ и сокровищахъ, или въ знатности рода и происхожденія; будетъ ли оно въ славѣ и почетѣ, въ высокомъ мѣстѣ, въ высокомъ положеніи въ обществѣ: оно является ничего не стоящимъ съ высшей и нравственной точки зрѣнія, если не опирается на другое величіе, на величіе внутреннее, которое драгоцѣнно само по себѣ, какъ драгоцѣненъ чистый и прекрасный алмазь, независимо отъ той или другой оправы.

Въ чемъ полагаемъ мы это величіе внутреннее? Мы такъ привыкли слышать на этотъ вопросъ затверженный отвѣтъ: конечно, *въ человѣческомъ разумѣ*... И дѣйствительно, бываютъ умы талантливые и гениальные, одаренные необыкновенною силою и остротою мысли, обладающіе *самыми богатыми и разнообразными способностями*,—умы, которые пролагаютъ новые пути въ наукѣ, дѣлаютъ въ ней открытія, распространяютъ ее предѣлы. Смотря на рѣдкаго счастливца, обладателя такихъ достоинствъ, мы говоримъ въ восхищеніи: великій мыслитель, великій ученый, великій умъ, *великій человѣкъ!* Новое время, какъ принято называть его въ научной исторіи, начавшееся съ успѣховъ человѣческаго разума, выразившихся въ цѣломъ рядѣ открытій и изобрѣтеній (XVI—XIX вв.), отличается характерною чертою благоговѣйнаго, чуть не богоподобнаго поклоненія этому величію ума человѣческаго. Часто дарованія ума ставятся единственнымъ мѣриломъ достоинства человѣка, и

ради этих дарованій все прочее ему прощается, и названіе: „умный человѣкъ“, по общепринятому смыслу и какому-то тайному общему соглашенію, считается лучшею и незамѣнимою похвалою. И, безъ сомнѣнія, никогда еще это величіе ума не достигало такой высокой степени, какой достигло оно теперь. Чего этотъ умъ не измѣрилъ и не изслѣдовалъ? Чего не исчислилъ, не узналъ, чего не придумалъ, чего онъ не покорилъ? При его помощи и изобрѣтательности человѣкъ невредимо опускается на дно морское, поднимается на воздухъ, сокращаетъ огромныя пространства, повелѣваетъ стихіями и силою мысли *даетъ направленіе* громаднымъ и мировымъ силамъ, заставляя ихъ служить своей пользѣ. Это уже сдѣлано, а какіе успѣхи ума ожидаютъ насъ въ будущемъ—этого мы и представить не можемъ, какъ наши предки 200 лѣтъ назадъ не могли представить себѣ пріобрѣтеній науки настоящаго времени. Итакъ, можемъ ли мы отрицать это умственное величіе человѣка? Нѣтъ, мы охотно признаемъ его и готовы преклониться предъ нимъ: въ этихъ обширныхъ, изумительныхъ познаніяхъ, въ этой необычайной мощи и власти ума человѣческаго мы видимъ отраженіе высочайшаго Ума, всезнающаго, безконечно-премудраго и надъ всѣмъ владычествующаго.

Но, отдавая должное человѣческому разуму, не станемъ приписывать ему сверхдолжнаго. Не въ немъ одномъ исключительно, и даже главнымъ образомъ не въ немъ истинное величіе и достоинство человѣка. Нужно ли говорить, что при всѣхъ успѣхахъ ума чувство *бессилія* является постояннымъ спутникомъ его дѣятельности, что съ каждымъ завоеваніемъ въ области познаннаго и познаваемаго шире и шире открывается область непознаннаго и навсегда непостижимаго—и „человѣкъ съ своими знаніями стоитъ предъ неизмѣримымъ величіемъ міра, какъ жалкій нищій съ своею жалкою котомкою“. Таковъ голосъ современныхъ и лучшихъ мудрецовъ ¹⁾. Наука собрала подавляющую массу фактовъ и наблюдений, но что тамъ за всѣмъ тѣмъ, что видимо, что выше чувствъ и опыта, что

¹⁾ Гельмгольцъ, Пастеръ, Тиндаль, Вирховъ, Друммондъ. См. Дюбуа-Раймонъ „Рѣчь о предѣлахъ естествознанія въ Берл. Корол. Обществѣ“. Перев. Милославскаго.

лежитъ въ самой основѣ явленій міра,—это осталось для нея книгою, семью печатями запечатлѣнною, и разгадать тайну сущаго, *объяснить* тайну міра, человѣка и Бога никто не въ силахъ... И замѣчательно, въ нашъ именно вѣкъ необычайныхъ успѣховъ ума все громче и громче, чаще и чаще въ разныхъ концахъ образованной Европы, со стороны людей самыхъ различныхъ направленій и притомъ общепризнанныхъ, въ качествѣ представителей и даже великановъ мысли и науки, раздаются скорбные возгласы о крушеніи науки, которая, говорятъ, не исполнила своихъ обѣщаній, обманула возлагавшіяся на нее надежды, не дала человѣку счастья и покоя ¹⁾. Въ наше именно время можно встрѣтить явленіе, когда человѣкъ, насыщенный всею мудростью вѣка, не знаетъ, куда ему приклониться, и готовъ въ отчаяніи повторять знаменитое изреченіе: „главо, главо! разуму упившись, куда ся приклониши!“

Это потому, что въ погонѣ за одними пріобрѣтеніями ума, въ одностороннемъ и рабскомъ поклоненіи ему, какъ идолу, забывалось и забывается другое величіе человѣка—величіе нравственное. Оно не такъ блестяще, не такъ ярко, не такъ бьетъ въ глаза, какъ величіе ума. Но безъ него умъ свѣтитъ, да не грѣетъ, дѣлаетъ человѣка одностороннимъ, а нерѣдко приноситъ и прямой вредъ. Такъ, когда растеніе открыто дѣйствію лучей солнца, а почва, на которой оно растетъ, лишена необходимой влаги, то и солнце, обыкновенно необходимое и благотворное для растенія, на этотъ разъ изсушаетъ и убиваетъ его. Подобнымъ же образомъ и душа наша, развивъ силы ума, но оставивъ въ пренебреженіи нравственное развитіе и жизнь сердца, дѣлается сухою, жесткою, себялюбивою, въ тягость себѣ, да не на радость и другимъ. Когда мы проживемъ столько, что будетъ намъ что и кого вспомнить, то, повѣрьте, изъ прошлаго будутъ вспоминаться не люди великихъ умственныхъ дарованій, не люди огромныхъ знаній; нѣтъ, съ отрадою и теплымъ чувствомъ любви и благодарности память удержитъ и вызоветъ изъ прожитого образы тѣхъ,

¹⁾ Брунетьеръ, Л. Толстой; отзывы Э. Золя и Ж. Симонъ—см. „Москов. Вѣдом.“ 1893 г. №№ 310—330.

что много вѣрили и много любили, тѣхъ, что отличались преданностью дѣлу, вѣрностью долгу, любовью, нѣжностью и заботливостью, терпѣніемъ, кротостью, великодушіемъ, безкорыстіемъ, самоотверженіемъ, самопожертвованіемъ,—это образы нашихъ милыхъ отцовъ и добрыхъ матерей, нѣжно любящихъ братьевъ и сестеръ, заботливыхъ родныхъ, сердечныхъ, преданныхъ и безкорыстныхъ друзей... Это величіе нравственное неизмѣримо и по широтѣ вліянія. Для будущихъ поколѣній оно становится образцомъ для подражанія. Нельзя подражать таланту или уму, но подражать добрымъ свойствамъ вѣрующаго и искренняго христіанина для всѣхъ возможно ¹⁾. Такимъ образомъ, и для нравственнаго величія человѣка, какъ и для умственнаго, открыто безграничное поле дѣятельности и постояннаго, непрерывнаго развитія, но оно выше его тѣмъ, что не есть удѣлъ только нѣкоторыхъ избранныхъ счастливыхъ, одаренныхъ особыми талантами и способностями, а равно доступно для всѣхъ людей, сосредоточиваясь въ нравственной способности человѣка и въ его свободной волѣ. Къ этому величію, которое по всей справедливости можно назвать общечеловѣческимъ, призваны во Христѣ Иисусѣ всѣ мы, безъ всякаго различія и безъ исключенія. Для этого величія вознесшійся Господь Иисусъ открылъ намъ входъ на небо, куда Самъ восшелъ первый Предтечею человѣчества; для этого же величія, въ помощь нашей естественной немощи, какъ печальному наслѣдію грѣха, дарованы намъ благодатныя силы Святаго Духа,—эти *Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. I, 3), а плоды духа—это, по слову апостола: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. V, 22); ими человѣкъ, наконецъ, *устраивается въ жилище Божіе Духомъ* (Ефес. II, 22).

Прибавлять ли къ сказанному нравственное наставленіе? Но оно всякому очевидно. Если до такой степени, до такого величія возвысилась наша природа и такую возвышенную имѣетъ задачу жизни, то ясно,—мы должны уважать свою

¹⁾ Слова св. Теофилакта Болгарскаго: „Изъ тѣхъ, которые все основываютъ на умозаключеніяхъ и наслѣдованіяхъ, никто не спасъ насъ; но вывели насъ изъ заблужденія рыбаки“. Слов. Гильдебранда, стр. 2004.

природу и вести себя сообразно съ ея достоинствомъ, украшаясь благословенными плодами Духа Святаго, указанными св. апостоломъ. Если такъ велико наше званіе, то само собою понятенъ урокъ апостольскій: *умоляю васъ поступать достойно званія, въ которое вы призваны* (Ефес. IV, 1).

Прибавлять ли примѣненіе сказаннаго и къ Высокой Виновицѣ нынѣшняго церковно-гражданскаго торжества, къ Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, день рожденія Которой мы нынѣ празднуемъ? Но довольно бросить бѣглый взглядъ на дѣла Ея царственнаго милосердія—на учрежденіе домовъ трудолюбія, на постоянную отзывчивость ко всякимъ добрымъ начинаніямъ благотворительности, чтобы видѣть, что въ Своемъ лицѣ Она совмѣщаетъ царственное внѣшнее и внутреннее христіанское величіе. Тѣмъ усерднѣе да будетъ молитва о Ней со стороны сыновъ святой Церкви и нашего великаго отечества. Аминь.

Усердіе труда.*

Въ настоящія минуты, предъ началомъ трудовъ учебнаго года, хочется мнѣ напомнить вамъ, дѣти, замѣчательный и глубоко поучительный случай, рассказанный въ св. евангеліи. Однажды, когда Иисусъ Христосъ былъ въ пути, подошелъ къ Нему нѣкто и изъявилъ желаніе послѣдовать за Нимъ и быть въ числѣ постоянныхъ учениковъ Его. „Я пойду за Тобою, Господи“,—сказалъ онъ,—„но прежде позволь мнѣ проститься съ домашними моими“. Повидимому, просьба была и невинна, и естественна. Но званіе ученика Христова, его занятіе, его будущее призваніе и служеніе требовали полнаго и всецѣлаго отрѣшенія отъ всего земнаго—житейскаго. И Иисусъ отвѣтилъ вопрошающему полными глубокаго смысла, вѣчно

* Предъ началомъ ученія; сказано въ церкви 1-й Тифлисской женской Великой Княгини Ольги Теодоровны гимназіи.

памятными словами: „Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія“ (Лук. IX, 62).

Эти слова Христовы можно назвать закономъ для всякаго дѣла, основнымъ и руководящимъ началомъ жизни и дѣятельности для всякаго работника. Кто хочетъ истинно служить дѣлу, кто хочетъ видѣть успѣхъ своей работы, тотъ долженъ отдаться ей всецѣло и безраздѣльно, долженъ быть чуждъ всякаго колебанія и раздвоенія. Да, никто, возложившій руку на плугъ и озирающійся назадъ и по сторонамъ, не благонадеженъ для царствія Божія.

Эти же слова Христовы примѣнимы и къ вамъ, учащіяся дѣти, въ вашемъ настоящемъ положеніи, и къ тому дѣлу ученія и воспитанія, на начало котораго мы собрались сюда испросить и призвать Божіе благословеніе.

Вотъ и вы пришли сюда не къ кому иному, а ко Христу Господу, какъ Его ученики и послѣдователи. Оттого и молимся мы словами церковной молитвы: „Какъ посреди учениковъ Твоихъ пришелъ Ты, Спаситель, миръ подавая имъ, прииди къ намъ и спаси насъ“ ¹⁾. Пришли вы ко Христу, потому что мудрость, которой вы здѣсь ищете, истинная мудрость, исходитъ отъ Него, Источника и Подателя мудрости (Іак. I, 5; Прем. VII, 15; Дан. II, 20; Колос. II, 3); потому что истинное просвѣщеніе, котораго вы жаждете, какъ и всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный, сходитъ свыше (Іак. I, 17), отъ Бога, вѣчнаго Свѣта, Свѣта, въ коемъ тьмы нѣсть ни единія (Іоан. I, 5). Иначе, свѣтъ, иже въ васъ, будетъ тьмою (Лук. XI, 35; Мате. VI, 23); иначе всѣ усилія ваши будутъ бесплодны. Изъ Того, и Тѣмъ, и къ Тому всяческая! (Римл. XI, 36.) Какъ ученики Христовы, должны вы здѣсь возрасти въ полного и совершеннаго человѣка, во всестороннемъ развитіи и гармоніи душевныхъ силъ, и какъ ученики Христовы, просвѣтивъ свой богодарованный разумъ нужными познаніями, согрѣвъ сердце любовью къ Богу и ближнимъ и ко всему доброму и прекрасному, обучивъ волю на самомъ дѣлѣ слѣ-

¹⁾ Тропарь молебствія предъ началомъ ученія.

довать этому добруму и прекрасному, — вы должны потомъ выйти изъ этого святилища науки и свѣтомъ своего образованія, свѣтомъ своей жизни (Мате. V, 16) свѣтить многимъ и многимъ... Это тѣ многіе, которые, обладая такими же, какъ ваши, а можетъ-быть, и большими дарованіями и достоинствами, не имѣютъ счастливаго вашего удѣла, не могутъ получить того образованія, что дается вамъ здѣсь, какъ даръ, безъ всякой заслуги съ вашей стороны, единственно по волѣ и милости Бога, по любви и заботливости о васъ родителей. Поистиннѣ, должны вы быть свѣтомъ міра, солью земли (Мате. V, 14).

Поймите же, дѣти, въ настоящія торжественныя минуты, поймите и сознайте, какъ велико ваше призваніе и какъ важно приготовляющее къ этому призванію дѣло ученія, къ которому мы сейчасъ приступаемъ. Не будьте подобны тому лѣнивому и лукавому рабу, который закопалъ врученный ему талантъ въ землю и не сдѣлалъ изъ него никакого употребленія. Не сгубите и вы данныхъ вамъ отъ Бога способностей праздностью и шалостями, не потеряйте великаго дара—возможности учиться. Взявшись за плугъ, не озирайтесь по сторонамъ: время дорого; время пахоты и посѣва, весною упущенное, потомъ ничѣмъ не возвратите, никакою цѣною не купите.

А вашъ возрастъ, время, вами переживаемое, дѣйствительно, относительно ученія можно сравнить съ весною для пахаря: пройдетъ ваше отрочество, промелькнетъ прекрасная юность, минетъ быстро и непримѣтно эта весна вашей жизни,— и тогда при всемъ желаніи ужъ не вспашешь, не посѣешь, дурно сдѣланнаго легко не исправишь. Теперь въ школѣ будете пріобрѣтать познанія съ удобствомъ и легкостью, а послѣ ихъ нужно добывать съ большими трудами и усиліями; теперь у васъ вкореняются привычки, борьба съ которыми потомъ рѣдко кому подь силу; теперь у васъ складываются черты характера, которыя потомъ измѣнить чрезвычайно трудно. мудро и мѣтко слово одного изъ святыхъ русскихъ церковныхъ учителей: ¹⁾ „Отрокъ подобенъ доскѣ въ рукахъ художника: что на ней нарисуютъ — доброе или худое, святое или

¹⁾ Св. Димитрія Ростовскаго.

грѣшное, ангела или демона,—то и останется“. Итакъ, кто теперь возлюбитъ праздность, кто съ дѣтства не приобрѣтетъ умѣнья трудиться, сдерживать себя, повиноваться долгу, пока еще малому и нетрудному,—долгу ученика, кто не приобрѣтетъ въ школѣ уваженія къ старшимъ и къ людямъ, тотъ чаще всего такимъ остается и въ жизни... Но помните, дѣти, что жизнь не то, что школа, которая всегда покрываетъ ваши недостатки любовью и снисходительностью, исправляетъ ихъ духомъ кротости и милости: жизнь часто караетъ жестоко, взыскиваетъ сурово и безпощадно...

Учитесь же, дѣти, и трудитесь: въ этомъ вашъ долгъ, въ этомъ вмѣстѣ, по высочайшему нравственному закону, пусть будетъ для васъ и высокое наслажденіе! Ваше воспитаніе привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ: имъ съ болью сердца, съ жертвами и лишеніями заняты ваши родители, о немъ заботятся государство и общество, и на вашихъ глазахъ въ учебныхъ заведеніяхъ начальство учебное и высшее, и ваше непосредственное, ваши учителя и воспитатели,—всѣ несутъ тяжелый трудъ, принимая рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы дѣло вашего ученія и воспитанія для васъ было по возможности легко, чтобы шло оно успѣшно, поставлено было правильно и цѣлесообразно. Вы ли одни среди всѣхъ этихъ заботъ и напряженныхъ стараній будете равнодушны къ тому святому дѣлу, которое ближе всего и прежде всего касается васъ самихъ? Дайте намъ радость увѣренности, что этого не будетъ.

Призовемъ же Божіе всеильное благословеніе на наши труды и примемъ за нихъ и любовно, и охотно, и съ усердіемъ; примемъ бодро и рѣшительно, не боясь, а радуясь труду, по слову апостола, *тщаниемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе* (Римл. XII, 11; возложивъ руку на рабочій плугъ на нивѣ образованія, не станемъ озираться назадъ! И тогда Господь приметъ насъ въ число учениковъ Своихъ; Онъ, не отринувшій нѣкогда дѣтей, приведенныхъ къ Нему, и благословившій ихъ (Марк. X, 16), не отвергнетъ нашихъ молитвъ, благословитъ наши труды и дастъ всѣмъ намъ увидѣть счастливый конецъ и добрые плоды того дѣла, начало

которому мы сейчас полагаемъ въ Его святомъ храмѣ, окрыляясь молитвою, въ надеждѣ на Его помощь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Поминай Господа Иисуса.*

Св. апостолъ Павелъ незадолго до своей смерти изъ римской темницы, какъ послѣднее завѣщаніе, писалъ своему возлюбленному ученику и сотруднику Тимошею: *поминай Господа Иисуса* (2 Тим. II, 8). И св. Церковь, вѣрная наставленію апостольскому, во всѣ минувшіе вѣка неизмѣнно заботилась о томъ, чтобы вездѣ и во всемъ и какъ можно чаще напоминать вѣрующимъ о лицѣ и дѣлѣ Спасителя нашего. Для того избрала она особыя времена, учредила особыя богослуженія, составила множество молитвъ и гѣснопѣній, установила особые священные обряды, чтобы проповѣдь о Христѣ распятомъ была и въ словѣ, и въ дѣлѣ, дѣйствуя и на умъ, и на сердце, и на внѣшнія чувства христіанина. Прислушайтесь къ православному богослуженію,—и васъ поразитъ обиліе молитвъ, въ которыхъ воспоминаются крестъ и страданія нашего Спасителя; обратите вниманіе на наши священные обряды,—и вы вездѣ увидите знаменіе креста; посмотрите сейчасъ въ храмъ вокругъ себя и предъ собою,—и вездѣ и на иконахъ, и на священныхъ одеждахъ, и на священной утвари, почти на каждомъ предметѣ церковнаго употребленія вы увидите изображеніе креста, какъ напоминаніе о Распятомъ на немъ, какъ наглядное осуществленіе апостольской заповѣди: *поминай Господа Иисуса*.

Такой смыслъ имѣетъ и выносъ св. креста изъ алтаря съ престола на средину храма въ нынѣшній праздникъ для всеобщаго предъ нимъ поклоненія.

* Въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня; въ церкви 1 Тифл. гимназіа.

Вотъ онъ предъ нами и сейчасъ, этотъ св. крестъ, и на немъ изображенъ Иисусъ, нашъ Искупитель, истерзанный, окровавленный, замученный до смерти, послѣ невыразимыхъ страданій духа и тѣла.

И если доигъ служителя Воплощеннаго Бога-Слова призываетъ меня къ слову въ настоящія минуты, то не станемъ искать другого предмета для собесѣдованія, не будемъ отрываться мыслью отъ нашего дорогого Учителя. По завѣщанію апостола, будемъ и мы *помянуть Господа Иисуса*, будемъ помышлять объ Его страданіяхъ: въ этомъ такой глубокой источникъ нравственнаго наученія, нравственнаго подъема и обновленія, что человѣчество уже 19 вѣковъ черпаетъ и до конца вѣковъ будетъ черпать изъ него силы и для вѣры, и для жизни. И это понятно: потому что „Крестъ“, по словамъ церковныхъ пѣсней, „Крестъ—премудрости книга“; потому что въ Крестѣ, такъ-сказать, образно заключено все христіанство... Ибо зачѣмъ Иисусъ восшелъ на крестъ?

Восшелъ Онъ на крестъ по нескazanной любви Своей къ намъ, чтобы загладить предъ Божественнымъ правосудіемъ наши безчисленные грѣхи, чтобы вынести на Себѣ Одномъ тѣ страданія, которыя по закону правды надлежало претерпѣть каждому изъ насъ и всѣмъ людямъ вмѣстѣ. И опыты исторіи, и голосъ минувшихъ поколѣній, и Слово Божіе, въ согласіи съ нашимъ собственнымъ внутреннимъ сознаніемъ, свидѣлствуютъ ясно, что грѣхъ тяготѣлъ надъ человѣкомъ, удалилъ его отъ Бога, отравилъ его жизнь, принесъ тысячи несчастій и нестроеній, лишилъ мира и спокойствія и сдѣлалъ неспособнымъ исполнить и осуществить присущій ему нравственный законъ собственными силами. Этотъ грѣхъ, печальное наследіе падшаго прародителя его потомкамъ, былъ умноженъ безъ конца безчисленными произвольными грѣхами людей. За пять тысячъ лѣтъ до Христа много усилій предпринималось людьми, чтобы избавиться отъ грѣха, чтобы улучшить жизнь, подняться нравственно, чтобы достигнуть на землѣ счастья, т. е. вернуть себѣ собственными силами потерянный рай, память о которомъ, какъ свидѣлствуютъ исторія и народныя сказанія, никогда не умирала въ человѣчествѣ. Но до конца исполни-

лось непреложное слово Писанія: *нѣсть радоватися нечестивому...* (Ср. Римл. II, 9.) Вопль безотраднaго отчаянiя раздается по всему мiру предъ пришествiемъ Христа на землю: человѣчество извѣрилось въ свои силы, отчаялось въ средствахъ спасенiя и устами своихъ выдающихся мудрецовъ заявило: „Лучшее счастье—никогда не родиться, лучший исходъ изъ жизни—это самоубiйство“ (Плиний, Сенека).

Жизнь людей представляла тотъ видѣнный нѣкогда прокомъ таинственный свитокъ, на которомъ вписано было только: рыданiе, жалость и горе... (Иезек. II, 10). Мiръ былъ объятъ процессомъ совершеннаго нравственнаго разложенiя, за которымъ стояла гибель конечная. Религiознѣйшiй историкъ древняго Рима, почти современникъ Христа, озираясь съ тоскою на окружающую жизнь, не видитъ и луча надежды на лучшее будущее и съ горечью, отъ которой сжимается всякое сердце, заявляетъ: „Боги хотятъ не счастья нашего, а гибели“ (слова Тацита).

Такъ въ отчаянiи говоритъ человѣкъ, но не то содѣлалъ Богъ. Милосердiе Божiе желало спасенiя людей, но правосудiе требовало наказанiя за грѣхъ. Мы вѣдь и сами, по требованiю присущаго намъ нравственнаго закона, этого гласа Божiя и отображенiя святости Творца, нашего Первообраза, и отъ всего сердца жалѣемъ преступника, подлежащаго наказанiю, и въ то же время смущаемся, если видимъ преступленiе и порокъ торжествующими и безнаказанными. Но правда человѣческая измѣняетъ себѣ, а правда Божiя непреложна; человѣкъ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ то въ ущербъ милости, то въ ущербъ справедливости, а премудрость Творца нашла средство примирить и соединить то и другое. По образному выраженiю Писанiя, здѣсь *милость и истина Господа встрѣтились, правда и миръ облобызались* (Ис. LXXXIV, II). Сынъ Божiй, содѣлавшись сыномъ человѣческимъ, принялъ на Себя тяжкую вину всего человѣческаго рода, и претерпѣвъ за нихъ ужасныя страсти, смерть и гробъ, эту чрезвычайною, изумительною жертвою далъ полное удовлетворенiе Божiю правосудiю, а милость Творца приняла, какъ искупленiе, эти муки Сына Божiя и вмѣнила ихъ всему человѣчеству. Совершилось таинство

Божественнаго всемогущества, которое въ состояніи было сочетать безконечно разстояція между собою естества Божеское и человѣческое въ единство лица Богочеловѣка, но все въначало и надъ всѣмъ торжествовало таинство Божественной любви и безконечной благодати: такъ возлюбилъ Богъ міръ, что Сына Своего Единороднаго отдалъ, чтобы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. III, 16).

И вотъ, — смотрите на этотъ крестъ! — вотъ предъ нами Искупитель нашъ на крестѣ, на самой вершинѣ Своего подвига. Правда, путь, приведшій Его на Голгоѳу, начался съ Вилеѳемскихъ яслей, съ момента воплощенія, и вся жизнь Его была — крестъ, была единымъ, всецѣлымъ подвигомъ искупленія. Но что было въ послѣднюю ночь, что выстрадано въ послѣдній день, то поистинѣ приводитъ въ изумленіе и ужасъ. Не было казни, карающей человѣческой грѣхъ и порокъ, которой бы Онъ, Безгрѣшный и Святой, не понесъ на Себѣ. Грѣхъ производить прежде всего страданія внутреннія. И Искупитель нашъ претерпѣлъ это страшное мученіе совѣсти, когда вдругъ на чистую и безгрѣшную душу Его пали всѣмъ своимъ страшнымъ бременемъ всѣ грѣхи всѣхъ людей, точно Самъ Онъ въ нихъ былъ виновенъ. Кто войдетъ въ духъ Богочеловѣка? Кто измѣритъ и постигнетъ глубину и тяжесть Его душевныхъ мукъ, необычайныхъ, невыразимыхъ, единственныхъ мукъ Искупителя, когда, преклонивъ колѣна, въ страшномъ одиночествѣ Геесиманіи, въ сумракѣ ночи, оставленный учениками, Онъ молился Богу и Отцу Своему?!

Не страхъ грядущей скоро смерти, не мучительность предстоящей казни: иное таинственное бремя подавляло душу Страдальца, — бремя грѣховъ всего человѣческаго рода отъ начала до кончины міра, бремя грѣховъ во всемъ ихъ отталкивающимъ безобразіи, во всемъ нравственномъ ужасѣ для Безгрѣшнаго, какъ страшная тягота, какъ всѣ муки ада, терзаютъ Его совѣсть. Вотъ почему, когда Онъ испивалъ эту чашу Геесиманскую, *была прискорбна душа Его до смерти* (Матѣ. XXVI, 38), и небесное спокойствіе, что царило прежде во всемъ существѣ Іисуса, вдругъ покинуло Его. Вотъ почему среди ужасовъ томленія душевнаго искалъ Онъ, но не находилъ ободряю-

шаго общества близкихъ людей — учениковъ... Одинъ предъ лицомъ разгнѣваннаго неба и грѣшной земли падаетъ Онъ, подобно величайшему грѣшнику, падаетъ на Лицо Свое (Матѣ. XXVI, 39), какъ бы не смѣя взглянуть на небо, и скорбять, и плачетъ, и тоскуетъ мятущимся духомъ, — и падаютъ капли пота Его, какъ капли крови... (Лук. XXII, 44.)

Отъ этихъ мукъ и ужасовъ Геесимани, послѣ предательскаго поцѣлуя приближеннаго ученика, переходитъ Онъ къ заушеніямъ и оплеваніямъ, къ терновому вѣнцу и бичеванію, къ оскорбленіямъ, которыя градомъ сыплются на Невиннаго, къ беззаконному и безстыдному суду и, наконецъ, къ этой медленной и позорной и несказанно мучительной смерти на крестѣ. И когда висѣлъ Онъ, прибитый гвоздями, истерзанный и окровавленный, среди насмѣшекъ и глумленій, весь — язва и страданіе, весь — воплощеніе наказаннаго грѣха, Онъ долженъ былъ почувствовать силу закона, что грѣхъ удаляетъ отъ Бога. И Онъ, дѣйствительно, почувствовалъ это несказанное по мучительности отдаленіе Божества, — Онъ, Который, какъ Сынъ Человѣческій, жилъ въ Богѣ, въ Его непрестанномъ и живомъ общеніи. Это было уже самое существо мукъ. Тогда-то на крестѣ, въ часъ тяжчайшихъ мукъ, среди страшныхъ, уже предсмертныхъ бореній со страданіями тѣла и духа, нашъ Искупитель и Первосвященникъ воззвалъ: *Боже Мой, Боже Мой! Почто... почто Ты Меня оставилъ!* (Матѣ. XXVII, 46.)

И Отецъ тотъ вопль услышалъ. И почувствовалъ Страдалецъ, что исполнена до конца Божія правда, а Божественною благостью принята Его умиловительная жертва. И вотъ, когда мракъ смерти застилалъ уже Ему налившіяся кровью очи, когда холодъ могилы охватывалъ Его истерзанное тѣло, — тогда со креста послышалось величайшее слово, когда-либо сказанное на землѣ, — слово, давшее новую жизнь міру и человѣчеству: „*Совершилось!*“ Грѣхи наши очищены, вина снята... Всѣ истины, необходимыя для вѣры и жизни, преподаны въ словѣ и дѣломъ осуществлены и представлены въ жизни Богочеловѣка. Богъ, Его Отецъ, сталъ и нашимъ Отцомъ; среди людей устроено царство Бога, среди земли — царство неба, и какъ носительница царства Божія на вѣки вѣчные основана святая

Церковь, въ которой обѣщанный Духъ Святой невидимо восполняетъ человѣческую немощь вѣрующаго вышею помощью. Воистину все совершилось! И тогда Богочеловѣкъ съ словами: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой“ (Лук. XXIII, 46), „преклонь главу, предаде духъ“ (Иоанн. XIX, 30).

Братіе и дѣти! У Креста Христова прими каждый не нашъ, а апостольскій урокъ:

Поминай Господа Исуса! Аминь.

Христіанское равенство.*

Въ порядкѣ воскресныхъ литургійныхъ евангельскихъ чтеній сегодня св. Церковь предложила вашему вниманію притчу Спасителя о талантахъ. По содержанію этой притчи, глубоко поучительной и жизненной, и будемъ мы бесѣдовать въ теченіе ближайшихъ нашихъ молитвенныхъ собраній ¹⁾. Начало притчи чрезвычайно просто, а между тѣмъ оно наводитъ насъ на глубочайшіе вопросы жизни. Рече Господь притчу сію: Царствіе небесное подобно человѣку, который, отправляясь въ чужую страну, призвалъ рабовъ своихъ и поручилъ имъ свое имѣніе. И одному далъ онъ пять талантовъ, другому—два, иному—одинъ, каждому по силѣ его, и тотчасъ отправился (Матѣ. XXV, 14—15).

Прежде всего, въ приведенныхъ сейчасъ мною словахъ притчи, въ самомъ началѣ ея, мы встрѣчаемся съ самымъ жизненнымъ вопросомъ, который всегда, можно сказать, приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе, а именно: откуда происходитъ, что означаетъ и къ чему обязываетъ неравное распредѣленіе всего вообще у людей, всѣхъ дарованій, внутрен-

* Въ недѣлю 16-ю по Пятидесятницѣ.

¹⁾ При составленіи этихъ поученій авторъ пользовался слѣдующими пособиями: 1) Э. Навиль: „Христосъ“. 2) Н. Корсунскій: „Пятнадцать рѣчей изъ учебной практики“. 3) Берске: „Бесѣды“, т. II. 4) Скворцовъ: „Изъ области практической философіи“, ст. 3. Всѣ поученія на притчу о талантахъ сказаны въ церкви 1 Тифл. гимназіи.

нихъ и внѣшнихъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, которыя въ притчѣ образно называются талантами? Извѣстно, что древній, до-христіанскій міръ смотрѣлъ на это чрезвычайно грубо: тамъ личность человѣка не цѣнилась сама по себѣ, а зависѣла отъ внѣшняго положенія; кто силенъ, кто знатенъ, кто богатъ, кто на жизненномъ пирѣ захватилъ такъ или иначе видное мѣсто,—тотъ только и человѣкъ. Остальные—рабы, подчиненные, бѣдняки—это какъ бы жалкіе полулюди... Величайшіе философы древности не признавали за рабами и чужеземцами человѣческаго достоинства, считали ихъ чѣмъ-то вродѣ низшей породы существъ, ихъ тяжелое положеніе признавали и правильнымъ, и не подлежащимъ никакому улучшенію ¹⁾. Люди обездоленные часто были игрушкою въ рукахъ знатныхъ и господъ, и самая жизнь ихъ зависѣла отъ каприза владыкъ и цѣнилась очень низко. Знаменитый Катонъ велѣлъ перебить нѣкоторыхъ своихъ рабовъ за то только, что они были дряхлы. Траянъ, одинъ изъ лучшихъ римскихъ императоровъ, отдалъ десять тысячъ рабовъ для потѣхи зрителей въ амфитеатръ, гдѣ они, сражаясь, убивали другъ друга, и эта рѣзня продолжалась болѣе ста дней ²⁾. Время-отъ-времени, какъ грозное предзнаменованіе, со стороны этихъ обездоленныхъ предпринимались попытки улучшить свое положеніе путемъ возмущеній и кровопролитій. Тогда господствующіе классы справлялись съ возникающими общественными осложненіями мѣрами варварскихъ насилій и жестокостей и посредствомъ угнетеній и притѣсненій добивались того, чтобы по возможности подавить въ противникахъ всякое сознаніе человѣческой личности.

Извѣстно, что послѣ возмущенія рабовъ въ Римѣ они распинались на крестахъ цѣлыми тысячами. И если бы разрѣшеніе указаннаго вопроса отдать на произволь однихъ естественныхъ, чисто-человѣческихъ соображеній, то онъ всегда оставался бы вѣчнымъ поводомъ къ самымъ серьезнымъ и опаснымъ столкновеніямъ между людьми и сопровождался бы въ жизни все болѣе и болѣе ужасающими послѣдствіями.

¹⁾ Такъ смотрѣли даже Платонъ и Аристотель.

²⁾ Фарраръ: „Первые дни христіанства“

Правъ былъ бы тотъ, кто всѣхъ сильнѣе; жизнь человѣчества обратилась бы въ войну всѣхъ противъ всѣхъ, въ царство животныхъ, а не разумныхъ существъ.

Разрѣшеніе вопроса дано Спасителемъ, и дано не путемъ внѣшнихъ мѣръ, не путемъ государственнаго законодательства или реформъ общественной жизни, а указано въ точкѣ зрѣнія нравственно-религіозной. И прежде всего,—въ разсматриваемой притчѣ ясно указано, что Господь, а не иной кто, раздаетъ неодинаковые таланты. Но, замѣтите, въ притчѣ не сказано, что господинъ меньше любитъ тѣхъ рабовъ, которымъ даетъ меньше; не сказано, что онъ руководствуется однимъ капризомъ, а, напротивъ, каждому даетъ онъ *по силѣ его*; не сказано, что эта неравномѣрность продолжится за предѣлы времени, назначеннаго на испытаніе, т.-е. за предѣлы настоящей жизни. На эти обстоятельства нужно обратить вниманіе, и тогда сглаживается все жестокое, все недоумѣнное въ неравномѣрномъ распредѣленіи талантовъ. Христіанство, въ противоположность языческому строю древняго міра, объявило и признало цѣнность отдѣльной личности, безъ отношенія къ внѣшнему, занимаемому ею въ жизни положенію. Поэтому, дѣйствительно, христіанство объявило всѣхъ людей равными, но это равенство есть равенство высшее, духовное, религіозно-нравственное. Въ царствѣ Бога нѣтъ эллина и іудея, нѣтъ раба и свободнаго, нѣтъ мужскаго пола и женскаго (Гал. III, 28; Кол. III, 11); всѣ — дѣти одного Отца небеснаго, всѣ равно искуплены кровію Христа, всѣ призваны къ одному спасенію. Такимъ образомъ, все человѣчество образуетъ одну семью, всѣ люди становятся братьями: рабы перестаютъ быть существами низшей породы; женщина, угнетенная въ древнемъ мірѣ, становится членомъ религіознаго общества—Церкви, въ полнотѣ человѣческихъ правъ; іудеи перестаютъ быть избраннѣмъ народомъ и должны покончить съ національнымъ самомнѣніемъ и національною исключительностью, и гордый мудростью грекъ долженъ признать презрѣннаго прежде варвара своимъ братомъ. Но все это есть равенство предъ Богомъ, не уничтожающее, по волѣ того же Бога, неравномѣрности въ данныхъ талантахъ. То вѣрно, что человѣчество стало единою семьей

Отца Небеснаго: но вѣдь именно въ семьѣ замѣчается естественность различія возрастовъ, положеній и обязанностей. Но при этомъ различіи въ правильной семейной жизни какъ трогательно и прекрасно сами собою слагаются всѣ необходимыя взаимныя отношенія! Въ семьѣ—отецъ и мать, братья и сестры, дѣти различныхъ возрастовъ, старецъ и ребенокъ,—во всемъ, оказывается, здѣсь неравенство, а между тѣмъ отношенія складываются правильно и ведутъ къ соединенію, къ миру, любви и согласію, ко взаимному спокойствію и счастью, а не къ раздѣленію, не ко взаимной враждѣ и ненависти. Такъ, по плану Творца, при неравенствѣ данныхъ талантовъ должно быть и въ великой семьѣ человѣчества. Неравенство талантовъ есть среда и условіе для проявленія самопожертвованія, великодушія, безкорыстной работы, возвышенной любви, кротости, милосердія—со стороны богато одаренныхъ; здѣсь же вмѣстѣ съ тѣмъ и среда для проявленія терпѣнія, смиренія, покорности, преданности долгу, трудолюбія—со стороны другихъ, менѣе одаренныхъ. А такъ какъ жизнь людей представляетъ безконечное разнообразіе положеній, и каждый богато одаренный по сравненію съ другимъ, высшимъ, можетъ быть названъ менѣе одареннымъ, и обратно,—то какая здѣсь вслѣдствіе этого получается живая и многосторонняя школа добродѣтелей!

Въ общемъ же, въ такой только средѣ и при условіяхъ разности въ талантахъ возможно выполненіе этого золотого правила христіанства: другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ (Гал. VI, 2). Въ такой только средѣ можетъ расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ и дать богатѣйшіе плоды то новое сѣмя жизни, которое принесъ Христосъ на землю, которому имя—*любовь*. Такъ неравенство, по словамъ одного проповѣдника (Версье), служить общественными узами между людьми, заставляетъ ихъ опираться другъ на друга, даетъ средство и возможность безконечнаго развитія начала любви, а слѣдовательно, нравственнаго совершенствованія, а слѣдовательно, истиннаго, разумнаго и высокаго счастья. Посмотрите вокругъ себя: не то же ли видите и въ природѣ? Наблюдайте: полнѣйшаго равенства нѣтъ нигдѣ, потому что полнѣйшее равенство было бы безобразіемъ. „Вы можете собрать тысячи ли-

ствѣвъ съ одного дерева, сравнить ихъ между собою: и вы не найдете изъ нихъ двухъ, которые были бы совершенно тождественны и которые имѣли бы хоть одинаковыя развѣтвленія главныхъ нервовъ“ (Берсье). Неравенство даетъ возможность безконечнаго числа ступеней развитія, а гдѣ развитіе, тамъ и совершенствованіе, тамъ и жизнь; если бы остановилось это развитіе, если бы было все равнымъ, то это было бы равносильно всеобщему застою и смерти. Такъ въ области внѣшней природы, такъ въ области и человѣческаго духа. И чѣмъ выше вы поднимаетесь въ безконечномъ царствѣ природы, тѣмъ болѣе усиливается разнообразіе, обуславливая собою красоту и гармонію этого дивнаго міра. Какая разница между звѣздами и планетами, и какая въ то же время чудная гармонія и неслезанная красота неба! На землѣ завершается это разнообразіе въ вѣнцѣ творенія—въ человѣкѣ, для его же блага и счастья, но продолжается и потомъ въ царствѣ безплотныхъ духовъ, въ самомъ мірѣ ангельскомъ.

Братья и дѣти! Всѣ мы, здѣсь предстоящіе, также имѣемъ различные таланты, различные возрасты, общественныя положенія, жизненныя блага, различные права, различные обязанности. Это таланты, врученные намъ отъ Бога, *каждому по силѣ его*. Будемъ же работать на свои таланты, будемъ исполнять каждый свой долгъ, малъ ли онъ или великъ, въ терпѣніи, въ трудѣ и настойчивости, во взаимной любви и помощи, безъ ропота и озлобленія на судьбу, безъ зависти къ тѣмъ, кому, какъ намъ кажется, дано больше, чѣмъ намъ, талантовъ. Не великъ и не блестящъ и вашъ долгъ, учащіяся дѣти, и въ этомъ невеликомъ какое разнообразіе способностей и дарованій, условій благопріятныхъ и неблагопріятныхъ! Но кто не научится исполнять теперь малаго долга, кто не подниметъ этого бремени малаго, тому какъ потомъ вручить великое? Кто не сумѣетъ теперь работать на два таланта и пустить ихъ въ оборотъ, какъ управится съ пятью?

Блаженъ же человѣкъ, который принялъ яремъ свой отъ юности своея! (Пл. Іерем. III, 27.) Ей, услышитъ онъ отъ Божественнаго Раздаятеля талантовъ похвалу, которая, по изображенію притчи, по окончаніи времени испытанія, т.-е. земной

жизни, совершенно уравнила имѣющихъ и пять, и три, и два таланта (Матѣ. XXV, 21). Похвала эта гласитъ: „Добрый рабъ, благій и вѣрный! Въ маломъ ты былъ вѣренъ: надъ многимъ тебя поставлю. Види въ радость Господа твоего“. Аминь.

Т р у д ъ.*

По намѣченному нами плану, въ нынѣшнее воскресенье будемъ продолжать бесѣду и размышленіе по содержанію притчи Спасителя о талантахъ. Продолжимъ словами евангелія приточный рассказъ съ момента раздаванія талантовъ и отшествия господина. „Получившій пять талантовъ пошелъ, употребилъ ихъ въ дѣло и приобрѣлъ другіе пять талантовъ. Точно такъ же и получившій два таланта приобрѣлъ другіе два“ (Матѣ. XXV, 16, 17).

Итакъ, послѣ ухода господина мы видимъ рабовъ его *за работой*. Смотрите же, поучаясь, какая высокая похвала труду и человѣческой дѣятельности заключается въ этой притчѣ.

Люди молодые! Вамъ, вступающимъ въ жизнь, вамъ, носителямъ надеждъ ближайшаго будущаго, вамъ особенно должно быть близко и памятно это ученіе евангелія о трудѣ человѣческомъ. Осмотритесь вокругъ себя, прислушайтесь, какъ благозвучно, безъ перерыва звучитъ весь гимнъ творенія. „Солнце неуставно изо дня въ день ходитъ по небу; не замедляетъ пускать ростки маленькое сѣмячко; рѣки текутъ безостановочно, бьютъ ручьи, благословеніе дождятъ облака“... „Посмотри, какъ плещутъ волны морскія: ударилась одна о берегъ, вотъ уже катится, искрясь и пѣнясь, другая, поднимается за нею третья, напрасно ждать будешь, чтобы у ногъ твоихъ спокойно улеглась послѣдняя“¹⁾),—это образъ труда людскаго. А надъ всѣмъ этимъ—хочешь найти труду вѣчный первообразъ

* Въ надѣлю 17-ю по Пятидесятницѣ.

¹⁾ Н. Корсунскій—высшецтов. сочи.

и высшее освященіе? Вслушайся въ слова Христа: „Отець Мой доселѣ дѣлаеть, и Я дѣлаю“ (Іоанн. V, 17). Хочешь ли посо-вѣтоваться по этому вопросу со Священнымъ Писаніемъ, съ этимъ рудникомъ вѣчныхъ истинъ? Оно тебѣ скажетъ словами мудрецовъ боговдохновенныхъ: „отъ юности твоей нагибай, нагибай твою выю“ (Сир, VII, 25), „склони твои плечи подѣ работу“ (Вар. II, 21). Устами великаго Моисея оно даетъ заповѣдь: „всѣ твои шесть дней работай и дѣлай въ нихъ всякія дѣла твои“ (Исх. XX, 9), и устами премудраго Соломона выразительно наставляеть: „въ утро твоей жизни сѣмя твое сѣй, но и въ вечеръ жизни не давай отдыха рукѣ твоей“ (Екл. II, 8); „человѣкъ такъ же рожденъ для работы, какъ птицы для летанія“, замѣчаетъ Іовъ (гл. XXVII—XXVIII). Сравните съ этимъ ученіе языческой мудрости, которая считала достойнымъ вниманія только трудъ философствованія, да управленія тысячами рабовъ и множествомъ варваровъ, а всякую другую работу клеймила позоромъ. Такъ именно смотрѣли Платонъ и Аристотель, эти кумиры древности; съ ними соглашался Цицеронъ, учитель многихъ, который вмѣстѣ съ другимъ римскимъ поѣтомъ могъ бы повторить эти жесткія слова: „ненавижу я этотъ престонародный сбродъ и къ себѣ не подпускаю его близко“ (Норат., од. 3, 1, 1).

Плотничество Іисуса, рыбацкія занятія апостоловъ, ремесло дѣланія палатокъ у Св. Павла (Дѣян. XVIII, 3), простые труды домашняго хозяйства у Пресвятой Дѣвы—все это говорить намъ о совершенно иномъ духѣ ученія христіанства. И когда плотникъ Іисусъ вышелъ потомъ на дѣло учительства,—кто могъ сравняться въ трудѣ съ Нимъ, Который всю жизнь до послѣдняго вздоха посвятилъ ученію и благодѣванію? Неутомимо дѣятелемъ былъ Онъ въ Своемъ исключительномъ и святомъ призваніи, проповѣдуя истину, расточая благодѣянія и чудеса, отыскивая погибшія души, измученныя и смятенныя сердца. Изъ евангелія знаемъ, что ученики не разъ просили Его дать себѣ покой. Но часто бывало, что догоралъ вечеръ, потухала заря и спускалась ночь на землю, люди оканчивали свои земныя дѣла и упокаивались отъ трудовъ своихъ, а для Него не было покоя. Приносятся къ Нему больные, стучатся въ двери

Его сердца несчастные, души, жаждущія свѣта и правды, и жизни, просятъ Его ученія, сердца сокрушенныя ищутъ у Него мира, отрады и покоя. А когда оканчивалъ Онъ эти дневныя дѣла любви, тогда удалялся Онъ въ уединеніе пустыни и здѣсь въ безмолвіи молитвы праздновалъ свой покой—„Свою тихую священную субботу“. Здѣсь размышлялъ Онъ надъ разрѣшеніемъ Своей великой задачи, здѣсь въ эти тихіе часы готовилъ Онъ работу нарождающагося дня, который, загораясь утренней зарею, опять приносилъ Ему трудъ, и трудъ, не смягченный, не вознагражденный признаніемъ, часто вмѣсто любви и благодарности вызывавшій злобу, зависть и преслѣдованія. При концѣ Своихъ дней, какъ Сынъ Человѣческій, могъ Онъ съ полнымъ правомъ сказать: „Отче! дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить, Я совершилъ“ (Іоанн. XVII, 4). Отъ Учителя переходите къ ученикамъ. Кто можетъ сравняться въ трудахъ съ апостолами? Пѣшкомъ, въ нищетѣ, среди гоненій и преслѣдованій обойти весь міръ, тонуть въ моряхъ, страдать въ пустыняхъ, подвергаться позору бичеваній, побіенію камнями, умирать на крестахъ и въ темницахъ, и все изъ-за дѣла благовѣстія, не переставать учить и учить: это ли не трудъ, не подвигъ жизни? ¹⁾

Но вѣдь и мы съ вами—ученики Того же Учителя, и намъ небесный Домохозяинъ вручилъ каждому талантъ *по силѣ его*, а вмѣстѣ съ талантомъ требуетъ и труда. Онъ не терпитъ праздныхъ: каждому даетъ Онъ особое порученіе, и нѣтъ въ Его царствѣ никого, кто былъ бы свободенъ отъ дѣла. „Даетъ Всевышній порученіе и въ раннее утро жизни дитяти и отроку, призывается къ дѣятельности юноша, въ жаркій полдень жизни Господь приглашаетъ на работу и мужа, и въ вечеръ жизни зоветъ къ ней старца“ ²⁾. Но что видимъ? Въ другой евангельской притчѣ о работникахъ въ виноградникѣ видимъ: сколько разъ въ различные часы дня ни выходилъ Домохозяинъ, т.-е. на какой бы возрастъ человѣческой жизни ни обращалъ Онъ вниманіе, каждый разъ находилъ нѣсколько ра-

¹⁾ Чит.: Римл. VIII, 35; 1 Кор. XV, 50; 2 Кор. VI, 4; XI, 26; XII, 10.

²⁾ Н. Корсунскій—выпещатов. сочин

ботниковъ праздными (Матѣ. XX, 3, 6). И сколько этихъ праздныхъ! (Ср. 1 Тим. V, 13; Тит. I, 12.) Тысячи юдей не приносятъ жизнью своей и грошевой пользы человѣчеству, а между тѣмъ вездѣ при жатвѣ многой недостаетъ дѣлателей, а между тѣмъ человѣчество отъ глубокихъ ранъ тѣла и духа истекаетъ кровью, а между тѣмъ во тѣмъ сѣдяще просятъ свѣта, голодные ищутъ хлѣба, несчастные нуждаются въ поддержкѣ... Но что я говорю о такихъ дѣлахъ: каждое, самое малое, самое простое, обыкновенное и не мудрое дѣло нуждается въ честныхъ и разумныхъ работникахъ. Здѣсь ли не найдется каждому работы? Не найдется только тому, кто не хочетъ дѣла и бѣжить отъ него. Не великаго, не блестящаго, не картиннаго и не громкаго искать нужно дѣла, а братъ то, какое лежитъ около, въ какое поставилъ Богъ, давши одному пять талантовъ, т.-е. дѣло видное и большое, другому два таланта—дѣло малое. И если многое, друзья, пріятно въ этой жизни, то всего пріятнѣе именно прелесть дѣла, прелесть *созиданія*, которое, безъ сомнѣнія, представляетъ собою существенную часть въ насъ образа и подобія Бога, вѣчно дѣлающаго и вѣчно созидающаго (Іоанн. V, 17)... И если что, братіе мои, если что помнится изъ прошлаго, то не дни веселья и бездѣлья, а дни и мѣсяцы, и годы разумнаго и любимаго труда, благословенной работы. И если есть какія преимущества людей въ этой вселенной, то величайшее изъ этихъ преимуществъ есть способность удваивать таланты, полученные отъ Бога, по примѣру евангельскихъ рабовъ разбираемой притчи,—то, что называется потребностью и способностью разумно-нравственнаго прогресса, недоступнаго животному міру. Да, только человѣкъ увеличиваетъ и умножаетъ то, что онъ получилъ отъ Бога, только онъ съ однимъ талантомъ приобретаетъ два и съ пятью—десять. Никто не можетъ указать ему и гадательнаго предѣла развитія, опредѣлить границы его дѣятельности; онъ созданъ для усовершенствованія, для высшаго и безпредѣльнаго призванія, которое ему назначаетъ евангеліе этими великими и безсмертными словами: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѣ. V, 48).

Приложите же въ трудѣ и трудѣ всѣ ваши способности и всѣ ваши силы—таланты, Богомъ данные, вы, которые слу-

шаете сейчас меня, вы, молодые люди, которые находитесь въ порѣ широкихъ надеждъ, обширныхъ плановъ, имѣя предъ собою открытымъ весь жизненный путь! Неужели вы хотѣли бы очутиться среди бесполезныхъ созданій, среди злыхъ и лукавыхъ рабовъ, закопавшихъ таланты въ землю, среди тѣхъ, которые ничего не прибавили къ сокровищу вѣры и любви, къ подвигамъ труда безкорыстнаго и благотворнаго въ семьѣ, въ школѣ, въ общественной жизни, среди меньшихъ братьевъ? Откройте ваши сердца всецѣло духу евангелія, и вы полюбите трудъ и работу—пока въ вашемъ ученіи. Помните, что, по слову нашей народной мудрости, „безъ труда нѣтъ добра“ и еще: „у кого праздная молодость, у того же и безпутная старость“... Помните, что жизнь не есть мертвый счетъ извѣстнаго количества дней; не то, что называется, „день и ночь—сутки прочь“; жизнь—не механически спаянная цѣпь извѣстнаго количества дѣйствій и событій: жизнь есть подвигъ дѣла и труда, жизнь—приумноженіе даннаго таланта, жизнь есть правое употребленіе всѣхъ силъ. И если жизнь челоувѣчества имѣетъ конечною цѣлью обратиться въ царство Божіе, то, по слову евангелія, и „царство Божіе силою берется, и употребляющіе усилія получаютъ его“ (Матѣ. XI, 12).

Но, братья мои, есть трудъ и „трудъ“... Можно въ немъ быть царемъ, и можно сдѣлаться рабомъ; можетъ онъ быть благословеніемъ, и можетъ стать проклятіемъ. Объ этомъ—до слѣдующей бесѣды. Аминь.

Трудъ христіанскій.*

Если вы вслушались въ предложенное сегодня нашему вниманію апостольское чтеніе въ началѣ литургіи и въ концѣ ея ¹⁾, если вошли въ связь изложенныхъ тамъ мыслей, то

* Въ недѣлю 18 ю по Пятидесятницѣ.

¹⁾ Апост. чтен. литургіи—2 Кор. IX, 6—11; вмѣсто причасти. ст. читалось Кор. гл. XIII.

вамъ самъ собою станеть понятнымъ отвѣтъ на тотъ вопросъ, на которомъ мы остановились въ прошлую воскресную нашу бесѣду. Мы говорили тогда о трудѣ по образу рабовъ евангельской притчи о талантахъ и закончили рѣчь указаніемъ на то, что трудъ—труду рознь, что трудъ можетъ быть благословеніемъ и можетъ стать проклятіемъ, можетъ возвышать человѣка, осмысливать его жизнь и дѣятельность, сдѣлать его царемъ, и можетъ обратить его въ раба.

И вотъ вамъ отвѣтъ на возможные недоумѣнные вопросы и руководство въ словахъ апостола: „сѣющій скудно, скудно и пожнетъ, а сѣющій щедро, щедро и пожнетъ. Каждый удѣляй по расположенію сердца не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ, ибо доброхотно дающаго любитъ Богъ“ (2 Кор. IX). Съ этимъ поставьте въ связь другое, слышанное вами сегодня, наставленіе апостола: „если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю,—я мѣдь звенящая.... Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны (слѣдовательно, обладаю всѣми познаніями), а любви не имѣю, — я ничто“. И далѣе въ апостольскихъ словахъ вы слышали вдохновенную похвалу любви, все превосходящей, все созидающей, и конецъ слова: „любовь никогда не перестанетъ“ (1 Кор. XIII)...

Итакъ, свобода и одушевленіе любви—вотъ что даетъ нашему труду высшій смыслъ, вотъ что обращаетъ его изъ безразличной съ нравственной точки зрѣнія необходимости въ высокую добродѣтель и, такимъ образомъ, явленію естественному придаетъ возвышенное значеніе—нравственное. Вотъ почему и простой трудъ ремесленника, тяжелый, для иныхъ кажущійся бессмысленнымъ, механической трудъ всякаго другого работника можетъ доставить удовольствіе, можетъ быть нравственнымъ, высокимъ, почетнымъ, воспитывающимъ духъ, если совершается изъ послушанія Богу, во имя любви къ Нему и человѣчеству. Не знаетъ ропота истинный отецъ-христіанинъ посреди изнурительныхъ трудовъ, самыхъ простыхъ, что называется, черныхъ, если онъ работаетъ изъ любви къ семьѣ, ради ея блага и счастья. Представленія о покоѣ домашнихъ, о дѣтской улыбкѣ, что ожидаетъ его дома, о дѣтской радости, которую вмѣстѣ съ заработкомъ принесетъ онъ въ свою семью,

дѣлаютъ его терпѣливымъ и усерднымъ, бодрымъ и сильнымъ, какъ бы не знающимъ устали.

Знаетъ ли эту усталъ и многолюбящая мать, ухаживающая за малыши дѣтьми, въ мелочныхъ трудахъ семейной жизни, въ стряпнѣ и уборкѣ,—въ этихъ занятіяхъ, такъ часто низко цѣнимыхъ и незаслуженно порицаемыхъ? Знаетъ ли усталъ мать, просиживающая ночи у постели больного ребенка до полного изнуренія силъ, совершая труды, предполагаемые уходомъ за больнымъ, тоже съ внѣшней стороны не блестящія? Любовь даетъ всякому труду ея высшій смыслъ, любовь дѣлаетъ подвиги ея материнства легкими; ничѣмъ вы иногда такъ ее не оскорбите и не опечалите, какъ предложеніемъ передать свой тяжкій трудъ, свои обязанности въ другія, наемныя руки... Здѣсь уместно слово народной нашей мудрости: „охота, пуще неволи“. И наоборотъ: трудъ, по существу возвышенный и идейный,—трудъ молитвы и богослуженія, трудъ воспитанія дѣтей, трудъ школьнаго учительства или ученія,—можетъ казаться и, дѣйствительно, для иныхъ кажется и тягостнымъ, и страдальческимъ, насильственнымъ, рабскимъ, чуть не проклятымъ, если совершается безъ любви и одушевленія. Припомните, что рассказываетъ Библия о первыхъ людяхъ въ раю: „взялъ Господь Богъ человѣка, котораго создалъ, и ввелъ его въ рай сладости водатыливать его и хранить“... (Быт. II, 15.) Значитъ, сладость заботливаго труда давала высокое удовольствіе человѣку, печать Божьяго благословенія, печать чистой и безгрѣшной радости лежала на трудѣ его. Но когда онъ согрѣшилъ, когда любовь къ Богу уступила въ немъ гордости и себялюбію,—иная печать легла на трудъ его,—печать Божьяго осужденія на трудъ подневольный и принудительный на землѣ, переставшей быть послушною человѣку.

Итакъ, хотите ли вы, мои юные слушатели, хотите ли, чтобы и вашъ настоящій трудъ, трудъ ученія и воспитанія, возвышалъ васъ, развивалъ нравственно и былъ бы разумнымъ и достойнымъ человѣка? Хотите ли, чтобы вашъ трудъ доставлялъ вамъ высокія духовныя наслажденія? Пусть онъ будетъ охотнымъ, свободнымъ и любовнымъ. Пусть внѣшнія распоряженія и требованія школы, внѣшняя дисциплина и строй ея

совпадаютъ съ вашими внутренними расположеніями, возрѣніями и желаніями,—тогда самъ собою трудъ вашъ будетъ охотнымъ; пусть ученіе будетъ основано на любви къ истинѣ, на уваженіи къ умственному и нравственному достоинству человѣка, какъ образа Божія, на сознаніи возвышенности и благодѣтельности научныхъ занятій для жизни родины и человѣчества, а не на личныхъ себялюбивыхъ соображеніяхъ,—и тогда трудъ вашъ будетъ одушевленнымъ и любовнымъ. Не рисуйте себѣ предстоящей жизни сплошнымъ веселымъ праздникомъ и нескончаемымъ рядомъ удовольствій, доступъ къ которымъ открываютъ права, приобретаемыя ученіемъ. Вырастайте въ сознаніи обязанностей, а не правъ: права сами собою явятся. Если же приучитесь теперь смотрѣть на ученіе, какъ на тяжелое, но необходимое, едва терпимое ярмо, которое при первой возможности сбросится вонъ, тотчасъ же послѣ того, какъ предъ вами откроется поприще свободной жизни, то вы и въ будущемъ не найдете себѣ осмысленнаго и радующаго труда. Но смотрите: бываетъ, что долго, долго человѣкъ отдается какому-нибудь труду внѣшне, бездушно, изъ-за общественнаго положенія, изъ-за житейскихъ правъ и матеріальныхъ средствъ, не внося въ работу ни духа, ни сердца. Но придетъ когда-либо время, душа какъ бы проснется, опостылѣетъ ей этотъ трудъ безсмысленный, животный и принижающій, захочется дѣла живого, любимаго, захочетъ душа уйти въ такое дѣло вся безраздѣльно, безъ остатка,—и на запросъ этого насущнаго хлѣба она получитъ камень, потому что жизнь прошла, силы растрачены, умѣнья не нажито, мужества начать жить по-новому не хватаетъ. Такъ и получаютъ такъ-называемые „лишніе люди“, съ такъ-называемой „убылью души“, или съ пустымъ мѣстомъ взамѣнъ души и сердца,—явленіе, отмѣченное во всѣхъ литературахъ, а въ нашей русской, кажется, особенно... Но начало этому явленію полагается еще въ годы молодости, когда не создають себѣ разумной работы, любимой и свободной, и слѣдовательно, не даютъ смысла самому своему существованію. Справедливо замѣчаетъ одинъ ученый педагогъ-христіанинъ: „кто при работѣ нисколько не увлекается самымъ дѣломъ, тотъ не сдѣлаетъ ничего путнаго, да и самое

дѣло не удовлетворить его стремленія къ дѣятельности, не заполнить душевной пустоты "... И наоборотъ, „трудъ свободный, излюбленный, задушевный есть единственно доступное человѣку на землѣ и единственно достойное его счастье. Наслажденія и страданія — цвѣты и тернія жизни, но не самая жизнь, жизнь же есть процессъ дѣятельности свободной и прогрессивной, вытекающей изъ самой души, — дѣло, выполнение котораго значить для насъ болѣе самой жизни; жизнь есть дѣло, безъ котораго она теряетъ свою цѣну, такъ что въ этомъ отношеніи опытъ личный и научный блистательно подтверждаетъ глубокія евангельскія слова: что ища сберечь жизнь, мы губимъ ее, а тратя жизнь для дѣла, мы находимъ самую жизнь“¹⁾.

Къ такимъ выводамъ приходитъ добрый и свѣтлый разумъ. Не то же ли говорить намъ и евангеліе? И оно требуетъ, чтобы человѣкъ, возложивъ руку на плугъ труда, не озирался назадъ и по сторонамъ (Лук. IX, 62); и оно заповѣдуетъ: „царство Божіе силою берется, и употребляющіе усилія получать его“ (Матѣ. XI, 12); евангеліе указываетъ и самый чистый, и сильный, и возвышенный источникъ воодушевленія въ трудѣ жизни—источникъ религіозно-нравственный. Мы разумѣемъ здѣсь заповѣдь Бога, примѣръ Иисуса Христа и святыхъ Его, весь заповѣданный евангеліемъ строй нашей жизни, какъ непрерывной обязанности развиваться нравственно чрезъ посредство дѣятельной любви къ ближнему, слѣдовательно, чрезъ постоянный трудъ и трудъ. Только при такихъ условіяхъ—при религіозно-нравственной основѣ труда—намъ обѣщаны и Божественное благословеніе и успѣхъ дѣла. Таковъ именно смыслъ и сегодня читаннаго за литургіей евангелія. Безъ Христа сѣти рыбаковъ оставались пусты. „Наставникъ“, говорятъ они, „всю ночь мы трудились, и ничего не поймали“... Но пришелъ Спаситель, въ сладость проповѣдалъ имъ Слово Божіе, благословилъ дѣло ихъ: и мрежи рыбаковъ исполнились ловитвы (Лук. V, 1—2). Аминь.

¹⁾ Антрополог. Утинскаго, II, 342 и 372.

Лукавство лѣности.*

Отъ рабовъ трудящихся и ихъ добраго примѣра, въ порядкѣ содержанія притчи о талантахъ, переходимъ теперь къ рабу, который въ евангеліи названъ лѣнивымъ, лукавымъ и негоднымъ. Вотъ что говорится о немъ въ притчѣ: Получившій одинъ талантъ пошелъ и закопалъ его въ землю и скрылъ серебро господина своего... Когда же возвратился господинъ, рабъ этотъ сказалъ ему: „Господинъ, я зналъ тебя, что ты человѣкъ жестокій, жнешь, гдѣ не сѣялъ, и собираешь, гдѣ не разсыпалъ. И убоявшись, пошелъ и скрылъ талантъ твой въ землѣ: вотъ тебѣ твое!“ (Мѡ. XXV, 18, 24—25.)

Разсмотримъ этотъ мрачный образъ лѣниваго раба: не найдемъ ли въ немъ свойствъ, вѣчно живущихъ въ человѣчествѣ, не найдемъ ли ихъ и въ нашихъ воззрѣніяхъ, въ жизни и дѣятельности? Прежде всего остановлю ваше вниманіе на одной подробноти. Не кажется ли вамъ нѣсколько страннымъ и, повидимому, несвойственнымъ всему духу евангелія то обстоятельство, что въ притчѣ худшимъ, неблагодарнымъ и лѣнивымъ представленъ именно тотъ, кто получилъ меньше всѣхъ? Иисусъ Христосъ вѣдь такъ любилъ всѣхъ бѣдныхъ и обездоленныхъ и, наоборотъ, такъ часто и грозно обличалъ богатыхъ и сильныхъ (Лук. VI, 21—24): здѣсь же Онъ какъ бы говоритъ въ несвойственномъ Ему духѣ похвалы многоимушиму. Не слѣдовало ли ожидать, что Спаситель выставитъ невѣрнымъ, лѣнивымъ и безсовѣстно расточающимъ полученное богатство того именно раба, который получилъ пять талантовъ, данную же ему безграничную похвалу отнесетъ къ представителю бѣдныхъ, которому, какъ награду за трудъ и вѣрность, передастъ таланты многоимушаго? Словомъ, не лучше ли было бы совершенно измѣнить притчу? Отчего же Спаситель поступилъ иначе? Оттого, что Онъ говорилъ правду всѣмъ одина-

* Въ недѣлю 19-ю по Пятидесятницѣ.

ково; оттого, что духъ возмущенія и озлобленной зависти, свойственной малоимущимъ, такъ же противенъ Богу, какъ и духъ презрѣннiя и гордости у многоимущихъ. Предъ нами въ притчѣ одинъ изъ такихъ именно малоимущихъ... Но обратите вниманiе: вѣдь онъ все же получилъ, и получилъ въ сущности не мало, потому что талантъ — это и по современному счету, тѣмъ болѣе по тогдашнему, сумма серебра довольно большая. Но рабъ смотритъ не на то, сколько ему дано, а сколько получили другiе: озлобленная зависть слѣпить ему очи, и онъ ведетъ себя съ такою вызывающею грубостью и возмутительною дерзостью, какъ-будто бы онъ не получилъ совсѣмъ ничего, какъ-будто бы у него взяли ему принадлежащее. Иначе нельзя понять, почему господинъ кажется ему несправедливымъ и жестокимъ, жнущимъ, гдѣ не сѣялъ (Матѣ. XXV, 25)... А вѣдь посѣвъ былъ, и посѣвъ, какъ мы видѣли, не малый.

Не узнаемъ ли здѣсь себя мы, имѣющiе одинъ талантъ? Когда предъ нами лежитъ жизнь, требующая нашего труда и подвига, когда несовершенства и бѣдствiя ближнихъ, ихъ нужды и лишенiя взываютъ къ намъ о помощи, когда требуется отъ насъ вообще какая-либо забота и трудъ, какая-либо жертва самоотреченiя: не сваливаемъ ли мы отвѣтственность на другихъ, у кого, по нашему мнѣнiю, пять талантовъ, а сами не остаемся ли въ сторонѣ—въ лѣности, себялюбii и равнодушии, прикрываясь тѣмъ ложно-смирненнымъ мнѣнiемъ о себѣ, о своихъ силахъ и дарованiяхъ, подъ которымъ лукаво кроется горькая зависть и тайное озлобленiе противъ получившихъ больше? Не узнаемъ ли здѣсь себя мы, которымъ вѣчно кажется, что поприще жизни, отведенное намъ, слишкомъ мало, что мѣсто другихъ имущихъ, влiятельныхъ, сильныхъ, стоящихъ у власти, по праву принадлежитъ намъ, и что мы, безъ сомнѣнiя, совершили бы на этомъ мѣстѣ гораздо больше полезнаго и добраго? Но какъ часто люди, осуждающiе тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ, навѣрное, меньше всего были бы способны замѣнить ихъ! Одинъ изъ выдающихся проповѣдниковъ христіанскихъ, много лѣтъ внимательно наблюдавшiй жизнь и людей, ссылаясь на свой опытъ, увѣряетъ насъ, что

весьма и весьма часто завистливый бѣднякъ, если разбогачится, то дѣлается самымъ мелочнымъ, черствымъ и гордымъ богачемъ; что честолюбцы, тяготящіяся подчиненіемъ, достигнувъ завѣтнаго возвышенія, становятся самыми взыскательными, безсердечными и несправедливыми носителями власти,—и тѣ, которые падаютъ предъ искушеніями своего посредственнаго положенія, окончательно ослѣпляются положеніемъ высшимъ (Берсье). „Единому Богу извѣстны“, продолжаетъ тотъ же писатель, „наши тайныя и гордыя мечты о себѣ, наша зависть къ другимъ, обладающимъ большимъ. Если бы всѣ наши стремленія могли заговорить, какія бы печальныя и неожиданныя признанія мы бы услышали, но если бы всѣмъ этимъ стремленіямъ дано было осуществиться, то какое ужасное зрѣлище мы бы увидѣли! Знаете ли вы въ исторіи что-нибудь болѣе печальное, чѣмъ управленіе человѣка, неспособнаго распорядиться властью? Что гибельнѣе положенія какого-либо легкомысленнаго мота, который вдругъ сдѣлался обладателемъ большого богатства?“ „Нѣтъ ничего несчастнѣе, какъ полученіе чего-либо свыше силъ“... И наоборотъ, сколько великаго въ мірѣ создано терпѣливыми усиліями людей, невѣдомыхъ повидимому, не блестящихъ, повидимому, получившихъ только одинъ талантъ! „Вѣдь простые воины одерживали побѣды“... Много ли талантовъ имѣла та евангельская вдова, которая удостоилась величайшей похвалы Иисуса? Сколькими талантами, съ внѣшней стороны, обладали апостолы, о жизни которыхъ вы сейчасъ слышали изъ читаннаго отдѣла Слова Божія—про темницы, бѣнія, скитанія, опасности, раны, поруганія ¹⁾... Сколько видимыхъ талантовъ было у св. Павла, когда писалъ онъ смѣлыя и вѣчно знаменательныя слова: „Намъ, послѣднимъ посланникамъ, Богъ судилъ быть какъ бы приговоренными къ смерти, потому что мы сдѣлались позорищемъ для міра, для ангеловъ и человѣковъ. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христѣ; мы немощны, вы же крѣпки; вы въ славѣ, а мы въ безчестіи; даже донинѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая

¹⁾ Въмѣсто пѣнія причастнаго стиха читались VI, XI, XII гл. изъ 2 Кор.

своими руками... Мы, какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый донинѣ" (1 Кор. IV, 9—13). Но „насъ огорчаютъ, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многихъ обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ" (2 Кор. VI, 10). А сколько было талантовъ у первыхъ христіанъ, когда, лишенные всего, чѣмъ люди гордятся и наслаждаются,—всего, что люди приобрѣтаютъ какъ великое и цѣнное, они „смотрѣли на пышное величіе древняго міра съ твердымъ убѣжденіемъ, что весь этотъ блескъ земного величія померкнетъ предъ крестомъ ихъ Учителя" (Берсье). И сколько ихъ, этихъ христіанъ невѣдомыхъ, незнаемыхъ, которые кровью, трудами, твердыми правилами жизни христіанской, непоколебимымъ стояніемъ въ вѣрѣ и молитвѣ, въ правдѣ, любви и честности, исполненіемъ долга въ семьѣ, обществѣ, въ войскѣ, въ судахъ способствовали возвеличенію христіанства, привлекали къ нему уваженіе со стороны невѣрныхъ, содѣйствовали блестящей эпохѣ Церкви, ея силѣ, ея вліянію, ея побѣдѣ надъ темнымъ царствомъ грѣха и невѣдѣнія языческаго—и все это среди тысячи препятствій, изъ которыхъ гоненія и преслѣдованія, это крещеніе кровью новорожденной Церкви Христовой, было препятствіемъ меньшимъ. Гдѣ ихъ имена? Гдѣ они, безвѣстные грузеники, невѣдомые проповѣдники, которые въ первые два вѣка христіанства буквально исполнили завѣтъ своего Учителя и Господа идти во *весь* міръ и проповѣдывать евангеліе всей твари? (Марк. XVI, 15.) Гдѣ эти труженники, которые послѣ какихъ-либо двухъ-трехъ смѣнившихся поколѣній послѣ Христа уже могли сказать язычникамъ эти выразительныя слова: „мы существуемъ, такъ-сказать, только со вчерашняго дня, а между тѣмъ наполняемъ собою все: ваши города, острова, замки, пригороды, совѣты, лагеря... дворъ, секетъ и форумъ, вамъ оставляемъ одни капища!"¹⁾ Отъ всѣхъ этихъ безвѣстныхъ дѣятелей осталось величественное зданіе Церкви, великіе, неисчислимыя плоды вѣры, неизмѣримыя благодѣянія христіанства, но рядовые работники эти каждый въ своемъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, считали себя людьми

¹⁾ Аполлог. Тертуліана.

немногихъ талантовъ, а съ нашей обычной, мірской точки зрѣнія внѣшняго блеска и вовсе ихъ не имѣли.

Будемъ же и мы, рядовые и какъ бы чернорабочіе въ великомъ дѣлѣ службы и труда Богу и человѣчеству, каждый съ однимъ талантомъ приумножать его и работать безъ зависти къ тѣмъ, что получили больше, въ той христіанской увѣренности, что Богъ, Раздаятель талантовъ, укажетъ намъ такое именно мѣсто въ жизни, хотя и невидное, на которомъ мы можемъ оказаться наиболѣе полезными. Пусть мы, рядовые работники, получившіе каждый одинъ талантъ, носимъ только камень, глину и песокъ: изъ нашихъ совокупныхъ усилій въ рукахъ великаго Зодчаго міра слагается стройное, гармоническое и величественное зданіе человѣчества, та „скинія Бога съ человѣками“ (Апокал. XXI гл.), гдѣ Онъ является ихъ Отцомъ, а они—Его дѣтьми, то царство Божіе, царство правды, мира, и любви, и радости, что должно основаться въ насъ и среди насъ и заполнить всю землю. Путь къ этому одинъ: взять данный талантъ, каковъ бы онъ ни былъ, и, не зарывая въ землю, приумножать его разумнымъ и благословеннымъ трудомъ долга, трудомъ отъ утра и до вечера жизни, когда Господинъ потребуетъ отчета и скажетъ утомленному работнику: „Добрый рабъ, благой и вѣрный! Въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю: войди въ радость Господа твоего!“ (Матѣ. XXV, 21.) Но ожидая и желая этого приговора всѣмъ сердцемъ, не забудемъ, что приготовлены и иные устрашающіе приговоры: „много званыхъ, а мало избранныхъ“ (Лук. XIV, 24), и еще: „будутъ первые послѣдними, а послѣдніе первыми“ (Матѣ. XIX, 30), а надъ всѣмъ этимъ: „кому много дано, съ того много и взыщется“ (Лук. XII, 48). Аминь.

Отрицательная нравственность.*

Сегодня опять я обращаю вниманіе ваше на раба, зарывшаго талантъ въ землю и осужденнаго въ евангеліи. Не спрашивается ли у васъ самъ собою, невольно, вопросъ: что дурнаго сдѣлалъ этотъ рабъ и за что осужденъ? Растратилъ ли онъ талантъ свой?—Нѣтъ. Обратилъ ли его въ средство и орудія зла?—Тоже нѣтъ. Утаилъ ли, присвоилъ ли себѣ?—Напротивъ, онъ возвратилъ его въ цѣлости господину. За что же осужденъ? Правда, онъ не удвоилъ таланта, подобно своимъ сотоварищамъ, но, по справедливости, въ такомъ случаѣ его нужно было только лишить награды,—за что же еще и наказаніе?

И многіе ли среди насъ съ вами могутъ по чистой совѣсти похвалиться тѣмъ, что не растратили, не потеряли совсѣмъ своего таланта, не употребили душевныхъ и тѣлесныхъ даровъ во зло, не обратили ихъ въ средство личнаго наслажденія? Многіе ли изъ насъ могутъ сказать съ полнымъ правомъ: „Господи! Какіе дары Ты мнѣ далъ, такіе я возвращаю Тебѣ все по счету: ни одного утеряннаго“? И если такъ, то опять настойчиво требуетъ разрѣшенія не только недоумѣнный, но уже страшный для насъ вопросъ: за что же, за что осужденъ и наказанъ евангельскій рабъ? Здѣсь мы подходимъ къ одному изъ главныхъ и существенныхъ основаній христіанской нравственности, къ ея коренному различію отъ всякой другой, такъ-называемой естественной: въ христіанскомъ ученіи ясно и настойчиво проводится одна мысль, что для нравственнаго человѣка мало не совершить грѣха, но нужно служить и добродѣтели; мало не убить, не украсть, не обидѣть, но нужно любить, благотворить, помочь, утѣшить, защитить; мало не дѣлать зла, но нужно дѣлать и добро, для него жить, для него усиленно работать, подвизаться,—однимъ словомъ, мало

* Въ недѣлю 20-ю по Пятидесятницѣ.

нравственности отрицательной, безличной, бездѣятельной, а требуется нравственность положительная, одушевленная, исполненная силъ и дѣятельности. Рабъ, получившій одинъ талантъ, не растратилъ, не присвоилъ его, но этого было мало для исполненія долга: нужно было трудомъ и усилями его умножить, обратить по крайней мѣрѣ въ два. Но онъ не трудился,—оттого онъ рабъ *лѣнивый*; онъ не умножилъ таланта и ложно ссылаясь на жестокость господина,—оттого *лукавый*; онъ грубо и дерзко возвратилъ талантъ, безъ тѣни сознанія что поступилъ не право,—оттого онъ *злой*; онъ ничего не сдѣлалъ, и оттого онъ—рабъ *неключимый*, негодный. Его жизнь, и дѣятельность въ лучшемъ случаѣ и по самой снисходительной оцѣнкѣ была жизнью безвреднаго животнаго, но не разумнаго существа. „Царство Божіе силою берется“ (Матѣ. XI, 12); „кому много дано, съ того много и взыщется“ (Лук. XII, 48)... Поэтому отъ человѣка съ тѣми или другими талантами и средствами мало требовать, чтобы онъ только не сдѣлалъ дурного; отъ него справедливо требуютъ и положительнаго добра, и притомъ, въ нравственной оцѣнкѣ его дѣятельности, смотреть на то, что онъ могъ сдѣлать, и что дѣйствительно сдѣлалъ.

Сколько, однако, людей живутъ и довольствуются этою отрицательною нравственностью лукаваго раба! Какъ часто и мы, желая похвалить другихъ, и тѣмъ выдавая себя, ничего не можемъ привести иного для похвалы, кромѣ указаній на то, что они *не* убили, *не* украли, *не* обидѣли! Сколько и изъ насъ на вопросъ, обращенный къ себѣ самимъ: „каковы мы въ нравственномъ отношеніи?“—могутъ указать только на тѣ же мнимыя отрицательныя добродѣтели... Не ясно ли, что мы еще не вышли изъ нравственности естественной и не доросли до новаго Божественнаго Завѣта, до правоученія евангелія, гдѣ мало этихъ постоянныхъ нашихъ „не“, гдѣ призываются и ублажаются люди положительныхъ, а не отрицательныхъ добродѣтелей: смиренные и кроткіе, алчущіе и жаждущіе правды, милостивые, чистые сердцемъ и миротворцы (Матѣ. гл. V). Частное проявленіе этихъ положительныхъ качествъ и призывъ къ нимъ вы слышали и сейчасъ въ апостольскомъ чтеніи ¹⁾.

¹⁾ Въмѣсто причастнаго стиха читалось посланіе ап. Павла къ Ефессянамъ. Гл. IV—VI.

Поистинѣ, жалко то время, тотъ народъ, та среда, гдѣ умерли горячія стремленія къ одушевленному положительному подвигу, гдѣ пробавляются этою низкопробною отрицательною нравственностью, и поле жизни занимаютъ люди дряблые духомъ, безличныя, люди безъ огня и одушевленія, безъ убѣжденій, безъ горячихъ стремленій и порывовъ,—тѣ, которыхъ такъ часто по недоразумѣнію и по неразумію называютъ часто „хорошими“ людьми, что въ сущности значить: слабыя, безцвѣтные и безличные люди, живущіе жизнью безвреднаго животнаго и такъ похожіе на евангельскаго лукаваго и лѣниваго раба.

Васъ, юные слушатели, Церковь и школа готовятъ, конечно, не къ отрицательнымъ добродѣтелямъ. Прививая къ вамъ любовь и навыкъ къ знанію и труду; внушая вамъ мысль о необходимости жить и дѣйствовать не во имя плотскихъ и себялюбивыхъ похотей, но во имя долга и любви къ Богу и ближнимъ; воспитывая васъ въ сознаніи обязанностей, а не правъ,—Церковь и школа хотятъ видѣть въ васъ въ будущемъ дѣятелей разумныхъ, честныхъ, любящихъ, энергичныхъ. Эти свойства можно проявить во всякомъ положеніи и на какомъ угодно мѣстѣ, какъ бы оно мало ни было, хотя бы оно равнялось не одному даже таланту, а только незначительной части его.... Будьте же теперь, хотя въ узкомъ кругу вашей школьной жизни и несложныхъ обязанностей, будьте носителями добродѣтели положительной, а не отрицательной. Мало *не* лѣниться, *не* нарушать правилъ добраго поведенія, *не* быть замѣченнымъ въ предосудительныхъ проступкахъ, *не* быть безнравственнымъ: нужно горѣть любовію къ труду, одушевленіемъ къ Богу, дѣтскою и горячею преданностью Церкви; нужно искать труда и дѣла, и находить его, и мало не нарушить долга, а нужно его исполнить: тпчаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе (Римл. XII, 11), елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала, сія помышляйте (Филипп. IV, 8). Если же нѣтъ этой горячности дѣла, этихъ одушевленныхъ порываній къ подвигу и работѣ, то печальная, безцвѣтная будетъ ваша мо-

лодость, недостойная и званія молодости. Въ откровеніи св. тайнозрителя Іоанна Богослова говорится о такомъ состояніи съ особою выразительностью отъ лица Божія: „Знаю я дѣла твои: ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но такъ какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то изплеваю тя отъ устъ моихъ имамъ“ (Апокал. III, 15—16), т.-е. ты мнѣ противенъ, какъ тепловатая вода, возбуждающая рвоту. И это понятно: кто не работаетъ дѣятельно для добра, тотъ уже сторонникъ зла; кто остановился на пути нравственнаго восхожденія, тотъ неизбѣжно пошелъ назадъ. И сбываются слова притчи: „всякому имѣющему дастся и приумножится, а у неимущаго отнимется и то, что имѣеть“ (Матѣ. XXV, 29). Аминь.

Отвѣтственность за трудъ.*

По долгомъ времени приходитъ господинъ рабовъ тѣхъ и требуетъ у нихъ отчета (Матѣ. XXV, 19).

Въ то время, какъ господинъ отсутствовалъ, рабы всецѣло были предоставлены себѣ въ своей дѣятельности. Имъ была дана полная свобода поступать согласно своимъ желаніямъ и наклонностямъ. Но если подѣ господиномъ въ притчѣ разумѣется Богъ, то что же значить и какъ понимать нужно Его отсутствіе?

Да, слушатели, въ своей дѣятельности на землѣ и мы, рабы, получившіе таланты, также предоставлены себѣ на полную свободу; мы, по словамъ апостола, ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ (2 Кор. V, 7), не видимъ Бога такъ, какъ видимъ все прочее, и потому и намъ можетъ казаться, что Онъ какъ бы отсутствуетъ. Онъ не обращается среди насъ непосред-

* Въ недѣлю 21-ю по Пятидесятницѣ.

ственно; между Нимъ и нами какъ бы находятся законы природы, проявляющіеся въ пространствѣ и времени. Съ неуомимою силою и съ неизмѣннымъ постоянствомъ изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ предъ открытыми и наблюдающими очами смѣняющихся людскихъ поколѣній дѣйствуютъ эти законы; душу вѣрующую и вдумчивую они поражаютъ своею дивною гармоніей; для нея бытіе этихъ законовъ и дѣйствія осмысленны и полны значенія; за ними ей представляется и чувствуется невидимый и премудрый, вѣчный и вездѣсущій, всѣмъ управляющій Законодатель. Наоборотъ, для души мелкой, для взора близорукаго „эти законы сами становятся Богомъ“ ¹⁾, дальше ихъ она ничего не видитъ, выше ихъ ничего не признаетъ. Здѣсь тяжелое испытаніе для вѣрующихъ. Богъ какъ бы остается безмолвнымъ и отсутствующимъ: нарушенъ ли Его нравственный законъ, оскорбляютъ ли Его величіе безумнымъ богохульствомъ, торжествуетъ ли грѣшникъ, благоденствуетъ нечестивецъ: громъ не убиваетъ грѣшника, земля подъ нимъ не разверзается, попрежнему привѣтливо сіяетъ надъ нимъ солнце и даже счастье ему въ жизни часто улыбается... Молчитъ оскорбленная высшая правда, безмолвствуетъ и какъ бы отсутствуетъ Богъ... Зло, повидимому, тогда торжествуетъ надъ добромъ, смѣется надъ правдою, смѣется надъ тѣми, что живутъ во имя высшихъ нравственныхъ идеаловъ, и представляетъ ихъ жалкими глупцами, гоняющимися за вѣтромъ въ полѣ. И вотъ безумная дерзость въ кажущейся безнаказанности почерпаетъ силу, овладѣваетъ нечестивцемъ, и снова, какъ нѣкогда во дни Иліи, раздается древній вызовъ вѣрующимъ: „что же дѣлаетъ вашъ Богъ?“ Да, тяжелое это испытаніе для вѣрующихъ. И даже великая душа Давида, того Давида, который въ глубочайшей религіозности говорилъ: „предзрѣхъ Господа предо мною выну“ (я видѣлъ Господа предъ собою всегда), и его душа смущалась, терялась и тосковала при видѣ безнаказаннаго глумленія нечестивыхъ: „были мнѣ слезы хлѣбомъ день и ночь, когда говорили мнѣ на всякъ день: гдѣ есть Богъ твой?“ (Пс. XV, 8 и Пс. XLІ, 4).

¹⁾ Версѣе—вышецитов. сочин.

Да, тяжело это испытаніе; но безъ труда нѣтъ добра, безъ подвига нѣтъ заслуги, безъ борьбы малоцѣнна и самая добродѣтель и нѣтъ побѣднаго вѣнца. Здѣсь, — то и нужно поставить у сердца и разума съ непоколебимою вѣрою слова притчи: по долгомъ времени приходитъ господинъ рабовъ тѣхъ и требуетъ у нихъ отчета (Матѣ. XXV, 19)... Да, будетъ, будетъ отчетъ, какъ бы ни отдалялось его время, — будетъ отчетъ и будетъ торжество правды, ибо „новаго неба и новой земли по обѣтованію Божию ожидаемъ, гдѣ живетъ вѣчная правда“ (2 Петр. III, 13). Съ замѣчательною силою и убѣжденностью говорить объ этомъ евангеліе Господа Иисуса. Въ вѣкъ самый мрачный и смутный, когда величайшіе злодѣи возсѣдали на престолахъ, когда Тиверіи, Калигулы, Клавдіи и Нероны, эти нравственные чудовища, судили міру, какъ бы въ насмѣшку надъ всякою правдою, когда ужасающія преступленія совершались открыто и оставались безнаказанными; когда безбожіе и нечестіе въ лицѣ Нерона въ порфирѣ сидѣло на тронѣ и судило добродѣтель въ лицѣ стоящаго въ оковахъ и лохмотьяхъ апостола Павла: въ этотъ вѣкъ насилій, издѣвательствъ и жестокости раздается спокойное и твердое слово евангелія и его проповѣдниковъ-апостоловъ о томъ, что каждый человѣкъ отдаетъ отчетъ въ своихъ поступкахъ, мысляхъ и словахъ, что нѣтъ ничего тайнаго, что не открылось бы (Матѣ. X, 26), что правда восторжествуетъ вездѣ и всюду: въ міровомъ порядкѣ, въ судьбѣ всякаго отдѣльнаго человѣка и надъ каждою человѣческой совѣстью. Сколько помнитъ себя человѣкъ въ исторіи сознательной своей жизни, онъ всегда неизмѣнно, неудержимо, помимовольно стремился къ нравственному совершенству въ общеніи съ Богомъ, не разъ на этомъ пути падаль, горько оплакивалъ паденіе, опять вставалъ и опять стремился къ тому же, вѣрилъ въ добро, вѣрилъ въ высшую правду, которая никогда не погибнетъ: по словамъ псалма, она „съ неба сойдетъ“, „изъ земли возникнетъ“ (Пс. LXXXIV, 12), она, и по слову русской народной мудрости, „свѣтлѣе солнца“.

Что же, неужели въ эти 70 вѣковъ своей жизни человѣчество гонялось за вѣтромъ къ полѣ? Неужели оно представляетъ сборищемъ людей, которые въ общепризнанныхъ лучшихъ

представителяхъ своихъ являются какими-то непонятными сумасшедшими, жалкими безумцами, потому что напряженно ищутъ того, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ, и гонятся за созданными въ воображеніи призраками — за правдой и идеалами? Неужели въ то время, какъ звѣрь, и птица, и самое малое насѣкомое, повинуются врожденнымъ инстинктамъ и стремленіямъ, не ошибаются, не обманываются въ достиженіи цѣли и сохранности жизни, переплывая рѣки, улетая въ теплые края, зарываясь въ землю, ища сродной стихіи, — неужели одинъ только человекъ среди всѣхъ живыхъ существъ міра является самымъ жалкимъ сыномъ творенія, обманываясь въ своихъ духовныхъ прирожденныхъ инстинктахъ, т.-е. въ стремленіяхъ своихъ къ Безконечному, къ нравственности и совершенству? Но это противорѣчило бы и единству плана всего мірозданія; это противорѣчило бы наблюдаемой непреложности всякаго закона природы. При взглядѣ на эту природу невѣжда или полуученый можетъ видѣть въ ней беспорядокъ и случайности. Но взоръ изощренный, наблюдательный и просвѣщенный вѣрою и наукою, вездѣ открываетъ стройность и порядокъ, правильность, гармонию и цѣлесообразность, вездѣ замѣчаетъ причины, слѣдствія и цѣли и подъ кажушимся безсвязнымъ и пестрымъ беспорядкомъ, подъ этою множественностью вещей и явленій находитъ удивительное единство. Неужели же только въ нравственномъ мірѣ все идетъ иначе? Неужели только здѣсь нѣтъ связи, единства и порядка? Неужели только физическіе законы непреложны и получаютъ ежеминутное подтвержденіе, а законы нравственные, законы правды и святости брошены на произволъ судьбы и могутъ быть нарушены безнаказанно? Для чего же они и существуютъ тогда? Для чего даны они Законодателемъ? Никто не станетъ легкомысленно пренебрегать физическими законами — не ѣсть и другихъ не кормить, забавляться и шутить взрывчатыми веществами, стрѣлять для потѣхи въ себя и прохожихъ, отвѣчая смѣхомъ и полнымъ недовѣріемъ на всѣ предостереженія, что онъ можетъ повредить жизни своей или чужой. Это потому, что физическіе законы большею частью даютъ непосредственно и

немедленно чувствовать себя. Но неужели тотъ же Законодатель позволить безнаказанно преступать еще болѣе важные и высшіе законы порядка нравственнаго? Бываетъ, что мы въ своей жизни по собственной ли волѣ, или по нуждѣ, ради порока и легкомыслія, или во имя высокаго самопожертвованія нарушаемъ законы правильнаго питанія, физическаго роста и развитія; часто на первыхъ порахъ мы не замѣчаемъ особаго вреда, живемъ безопасно, обманываясь первыми ощущеніями; но придетъ время, съ неумолимою строгостью заговорятъ нарушенные законы, и чѣмъ дольше и систематичнѣе мы ихъ нарушали, тѣмъ труднѣе бороться съ неизбѣжными и роковыми послѣдствіями, и послѣ безсилія и немощей преждевременная смерть тѣла торжествуетъ побѣду физическихъ законовъ, какъ бы отмстившихъ за свое нарушение. То же, или нѣчто подобное случится, по единству плана творенія, и съ законами нравственными. По долгомъ времени, которое дается существу разумно-свободному въ полное распоряженіе добровольно избрать себѣ тотъ или другой путь жизни; по долгомъ времени, которое дается на трудъ, на исправленіе и покаяніе; по долгомъ времени придетъ Господинъ рабовъ и потребуетъ у нихъ отчета....

Отчетъ.... Страшенъ всякій, даже малый отчетъ на землѣ, гдѣ можно многое скрыть, многому придать привлекательную маску, благовидныя цѣли и побужденія; но и на землѣ въ несовершенномъ земномъ судѣ часто маску срываютъ, и правда торжествуетъ. Но есть правосудіе высшее: оно неукоснительно въ мірѣ, оно во власти Того, Кто читаетъ въ мысляхъ и сердцахъ, видитъ все, самое сокровенное, какъ говорить евангеліе: „нѣтъ ничего тайнаго, что не открылось бы“ (Матѣ. X, 26). Отчетъ предъ этимъ правосудіемъ поистинѣ страшенъ!

Такъ и природа, и здравый разумъ нашъ согласно говорятъ намъ о неизбѣжности этого отчета. Нужно ли приводить ученіе Священнаго Писанія? Оно не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія и говоритъ о будущемъ отчетѣ съ величайшею ясностью и опредѣленностью. Основныя мысли ученія Священнаго Писанія объ этомъ вы слышали сегодня въ про-

читанныхъ словахъ посланія апостола Павла къ Коринтянамъ ¹⁾: всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христово, чтобы каждому получить соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое (2 Кор. V, 10). Ибо не медлитъ Господь исполненіемъ обѣтованія, какъ нѣкоторые почитаютъ то медленіемъ, но долготерпятъ насъ, не желая, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію (2 Петра, III, 9). Мы же знаемъ, что когда земной нашъ домъ, эта хижина (тѣло) разрушится, мы имѣемъ отъ Бога уготованное жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный и вѣчный (2 Кор. V, 1 и д.). Но теперь, въ земномъ домѣ и въ этой хижинѣ тѣла, мы еще *ходимъ въ ороу, а не видѣнемъ* (2 Кор. V, 7). Аминь.

Характеръ христіанской нравственности.*

Въ прошедшій разъ, бесѣдуя здѣсь, мы остановились предъ нѣкоторыми вопросами, на которые навело насъ размышленіе о будущемъ неизбѣжномъ отчетѣ нашемъ Богу. Разсмотримъ ихъ сегодня, чтобы слово наше имѣло надлежащее освѣщеніе и полноту и чтобы оно заняло и надлежащее мѣсто въ нравственномъ поведеніи нашемъ. Припомнимъ одинъ изъ указанныхъ вопросовъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, законы физическіе даютъ себя чувствовать непосредственно, нарушеніе ихъ почти всегда болѣе или менѣе скоро и замѣтно наказуется и невольно заставляетъ признать ихъ силу и необходимость, а болѣе важныя и цѣнныя законы духовно-нравственнаго міра обходятся и нарушаются иногда дерзко, вызывающе,

¹⁾ Въместо причастнаго стиха читалось 2 Кор. IV, 16—VII гл.

* Въ недѣлю 22-ю по Пятидесятницѣ Слово это, между прочимъ, вызвано нѣкоторыми недоумѣніями, съ которыми обращались учащіеся къ автору этихъ поученій по произнесеніи предыдущей бесѣды.

и при этомъ часто безъ всякаго видимаго возмездія на землѣ? Если ужъ есть и должно быть, по закону правды, воздаяніе, то оно, кажется, болѣе всего должно бы проявляться въ случаяхъ нарушенія не мертвыхъ законовъ природы, а живыхъ, святыхъ и возвышенныхъ законовъ правды, милости, любви и справедливости. Что же отвѣтить на этотъ древній вызовъ: „что дѣлаетъ вашъ Богъ?“ Что отвѣтить на это испытаніе вѣры вѣрующихъ.

Для разрѣшенія вопроса нужно обратить вниманіе на то, что нравственное тогда только бываетъ цѣнно, тогда только достойно названія нравственнаго, когда оно совершается сознательно и свободно, безъ внѣшняго принужденія. Никому въ голову не придетъ восхвалять и награждать человѣка за то, что онъ ѣстъ, пьетъ или дышитъ; странно было бы возвеличить кого-либо за то, что онъ имѣетъ двѣ руки или одну голову. Здѣсь нѣтъ свободы, — нѣтъ и заслуги. Точно также мало заслуги было бы и въ исполненіи нравственнаго закона, если бы каждый случай нарушенія его немедленно приносилъ бы казнь и наказаніе. Правда, нравственный законъ тогда невозможно было бы нарушить, какъ невозможно прекратить дыханіе, но исполненіе его было бы принудительное, какъ принудительно человѣкъ рождается съ двумя руками, и въ такомъ случаѣ не было бы и заслуги со стороны человѣка. Мало этого. При отсутствіи выбора и свободы, не могло бы быть нравственнаго развитія, слѣдовательно, не могло бы быть и счастья, къ которому Богъ назначилъ человѣка при твореніи и которое также не можетъ быть безъ свободы и сознанія. Наконецъ, при такихъ условіяхъ самъ человѣкъ изъ личности сдѣлался бы вещь, неодушевленнымъ предметомъ природы. Съ замѣчательною ясностью и выразительностью говоритъ объ этомъ слово Божіе, — и можно сказать, что этотъ вопросъ есть краеугольный камень нравственности, разгадка всей исторіи и грѣшнаго, и спасеннаго человѣка. Моисей, изложивъ нравственный законъ предъ лицомъ Израиля, говоритъ ему отъ имени Бога: се дахъ предъ лицомъ твоимъ жизнь и смерть, благо и зло, благословеніе и клятву; избери жизнь, чтобы жить тебѣ и потомству твоему (Второз. XXX, 15—19). То же отъ лица Божія чрезъ много

вѣковъ повторялъ и пророкъ Іеремія: „сія глаголетъ Господь: се азъ даю предъ вами путь жизни, и путь смерти“ (Іерем. XXI, 8). И ветхозавѣтный мудрецъ среди множества наставленій своихъ поучаетъ: Богъ изначала сотворилъ человѣка и въ рукахъ его оставилъ свободу и желанія его. *Если хочешь, соблюдай заповѣди...* Я предложилъ тебѣ огонь и воду, на что хочешь, туда и протяни руку твою (Сир. XV, 14—16).

Такимъ образомъ, истина эта ясна и безспорна съ точки зрѣнія Откровенія. Но изъ нея въ свою очередь исходятъ нѣкоторыя возраженія и недоумѣнія. Если въ дѣлѣ нравственности такъ безусловно важны сознаніе и свобода, то зачѣмъ же, говорятъ, и ученіе о возмездіи, хотя бы въ будущемъ? Ожиданіе награды и наказанія лишаетъ нравственность безкорыстія, слѣдовательно, унижаетъ ее, дѣлаетъ ее принудительною и малоцѣнною. Жить и трудиться для добра, исполнять нравственный законъ, избѣгать зла и быть честнымъ, добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, и все это только потому, что за это награждать, а въ противномъ случаѣ накажутъ, — какая это, говорятъ, низменная нравственность въ христіанствѣ!

Братіе и дѣти! Это—неправильное обвиненіе христіанъ и христіанства. Отъ лица Христовой Церкви и мы вамъ говоримъ, и еще съ большимъ удареніемъ, со всею силою убѣжденія и настойчивости: нравственность изъ-за наградъ или изъ-за страха наказанія недостойна истинно развитого въ нравственномъ отношеніи человѣка; и мы вамъ говорили и будемъ говорить: любите добро изъ-за добра, ищите святости изъ-за нея самой! И мы васъ увѣряемъ, что наша святая вѣра совершенно чужда той мысли, чтобы будущій отчетъ и возмездіе ставить движущимъ побужденіемъ или, какъ выражаются, исключительнымъ мотивомъ нравственной дѣятельности христіанина. Въ христіанствѣ „любовь есть совокупность всѣхъ совершенствъ“ (Колос. III, 14). Я приведу вамъ слова апостола, изображающія такое величіе любви его, которое во всякомъ случаѣ никакъ нельзя считать вызваннымъ мыслью и желаніемъ будущаго возмездія. Вотъ что съ клятвою пишетъ апостолъ Павелъ о своихъ единоплеменникахъ—евреяхъ: „Истину говорю во Христѣ, не лгу; свидѣтельствуемъ мнѣ совѣсть моя

въ Духъ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: *я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа* (и, значить, на вѣкъ погибнуть) *за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т.-е. израильтянъ*“... (Римл. IX, 1—4.) А вотъ вамъ слова великаго Іоанна Златоустаго, свидѣтельствующія, какъ понимала этотъ вопросъ древняя Церковь: „Видишь ли душу твердую, умъ высокій, духъ непоколебимый, который восхищается не вѣнцами, но утѣшается подвигами; радуется не наградамъ, но восторгается и самыми трудами; веселится не отъ воздаянія, но хвалится борьбою; *прежде награды самые подвиги приносятъ ему величайшую радость*“¹⁾. Тѣ же мысли встрѣчаемъ у другихъ св. отцовъ Церкви. Св. Макарій Великій говоритъ: „Истинно любяще Бога не царствія ради небснаго избрали работать Ему, но яко Бога Того Единаго и Творца своего *возлюбивше и струюще*, положенный отъ самаго естества непремѣнный законъ сей исполняютъ“. Слова св. Григорія Богослова: „Истинно любомудрые и боголюбивые любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра, а не ради почестей, уготованныхъ здѣсь и за гробомъ, потому что это будетъ уже вторая степень правильной жизни, а третья—избѣгать зла по страху наказанія“.

Трудно послѣ этихъ словъ толковать христіанское ученіе о будущемъ возмездіи въ смыслѣ унизительномъ для нравственности. Странная судьба христіанства въ возраженіяхъ его враговъ! Древніе противники христіанства при первомъ появленіи его въ міровой исторіи серьезно упрекали его ученіе въ мрачности, безрадостности, даже въ чловѣконенавистничествѣ. Язычники говорили христіанамъ: „Мы почитаемъ боговъ съ весельемъ, пирами, пѣснями и играми, а вы избѣгаете радостей, проклинаете удовольствія“²⁾. А нынѣшніе враги христіанства предъявляютъ противъ него совершенно противоположное обвиненіе въ томъ, что оно будто бы только и живетъ ожиданіемъ радостей и удовольствій въ будущемъ возмездіи. Ужъ изъ одной полной противоположности обвиненій стано-

¹⁾ Бес. на слова ап. Павла: „не точію же, но и хвалимся въ скорбяхъ“. II. 3-й.

²⁾ Фарраръ: „Первые дни христіанства“. Стр. 636.

вится яснымъ, что оба обвиненія взаимно другъ друга уничтожаютъ, что здѣсь кроется недоразумѣнїе, что мысль о будущемъ возмездїи и отчетѣ нисколько не вредить безусловной чистотѣ христіанскаго нравоученія, такъ какъ не составляетъ движущаго, основного побужденія къ нравственной дѣятельности. Тѣхъ, кто смущается ученїемъ о возмездїи съ этой стороны, нужно только спросить: Спаситель привлекалъ ли къ Себѣ послѣдователей обѣщанїемъ награды, или, напротивъ, больше указывалъ имъ на трудность пути евангельскаго самоотверженія и евангельскаго подвига любви? Отвѣтовъ не можетъ быть двухъ для того, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ проповѣдью Господа Иисуса. Далѣе, евангельское описаніе будущей жизни такъ прикровенно и неявно, что рѣшительно не даетъ пищи человѣческому эгоизму. Это не магометовъ рай... Между тѣмъ, полное умолчаніе о возмездїи вредило бы евангельскому нравоученію, такъ какъ, что ни говори, общечеловѣческое сознаніе требуетъ единства праведности и счастья, грѣха и бѣдствїя; свидѣтели тому—и каждый изъ насъ въ своемъ собственномъ сознанїи, и многіе выдающїеся мыслители древняго и новаго міра, отмѣтившіе эту черту человѣческаго духа съ особой выразительностью ¹⁾).

Но возмездїе, повторяемъ, не побужденіе къ нравственной дѣятельности, это сама дѣйствительность. Неужели мы съ вами не совершаемъ убійства потому только, что за убійство осудятъ, накажутъ, сошлютъ? Тѣмъ не менѣе законъ, осуждающій убійство, существуетъ во всякомъ государствѣ и нисколько не унижаетъ праведной дѣятельности нравственно-развитыхъ людей. Для нѣкоторыхъ, однако,—для людей нравственно-неразвитыхъ, этотъ законъ служить сдерживающимъ началомъ жизни, и въ этомъ смыслѣ полезенъ. Такъ и будущее возмездїе въ системѣ христіанскаго нравоученія до нѣкоторой степени нужно и какъ побужденіе для несовершенныхъ христіанъ, для которыхъ непонятны и недоступны побужденія высшія, а въ болѣе совершенныхъ оно замѣняется любовью ко Христу и ближнимъ, любовью ко всему доброму и прекрас-

¹⁾ Въ древности—Сократъ, въ новое время—Кантъ.

ному. Смѣемъ думать, что и рабы умножили таланты господина по любви къ нему, а не изъ боязни наказанія; въ объясненіе своей дѣятельности они бы не сказали ему: знали мы, что ты жестокой человѣкъ... и проч. Эта любовь и есть основное правило христіанской нравственности, и она совершенно не мирится съ эгоизмомъ. Возьмите еще сравненіе, близкое къ вашему положенію. Истинные служители науки неужели преданы ей только изъ-за тѣхъ выгодъ, которыя она имъ доставляетъ? Но тогда невозможны были бы наблюдаемые нами многочисленные случаи безкорыстной любви къ наукѣ, самопожертвованія ради ея интересовъ и даже мученичества за научныя убѣжденія. Только въ возрастѣ, когда еще не раскрыты всесторонне душевныя силы, и въ людяхъ, умственно мало развитыхъ, научныя занятія вызываются внѣшне, какъ бы принудительно—соображеніями будущей пользы, или страхомъ наказанія, униженія, потери той или другой выгоды и т. под. Но для людей умственно развитыхъ, получившихъ и изощрившихъ вкусъ въ духовныхъ наслажденіяхъ познанія, блаженство и побужденія къ занятіямъ лежатъ въ самой наукѣ. И въ области нравственной будущее блаженство, въ точномъ смыслѣ слова, никоимъ образомъ не можетъ быть названо платой за добродѣтель: оно дается вѣдь не по юридическому договору съ Богомъ, а по Его милости; оно, далѣе, соединено съ нравственностью не внѣшне, а внутренно; блаженство,—я подчеркиваю эту мысль,—блаженство неразрывно съ нравственностью, однородно съ нею, оно составляетъ только ея увѣнчаніе и завершеніе. Истинная нравственность и есть блаженство, и истинное блаженство немислимо безъ нравственности.

Эту мысль мы и заканчиваемъ рядъ нашихъ бесѣдъ по содержанію притчи Господа о талантахъ. Предъ нами прошли живые образы Господина, раздавателя талантовъ, рабовъ трудящихся, раба лѣниваго и, наконецъ, Господина, требующаго отчета и дающаго возмездіе. Глубоко жизненная и поучительная притча эта навела насъ на многія размышленія относительно начала, направленія, общаго характера и основного побужденія нашей нравственной дѣятельности. Дай Богъ, чтобы приточное слово Спасителя не осталось безъ влія-

нія на васъ, мои юные возлюбленные слушатели! Дай Богъ, чтобы исполнилось сказанное апостоломъ: „Все, что написано, намъ въ наставленіе написано“ (Римл. XV, 4). Аминь.

Служеніе отечеству.*

Долгъ всякаго вѣрнопопданнаго въ государствѣ, долгъ всякаго члена великой семьи, называемой отечествомъ, возлагаетъ на насъ обязанность способствовать всѣми силами благу и процвѣтанію родины. Но среди собранія учащихся, которые находятся въ возрастѣ несовершенномъ, и большинство которыхъ и въ будущемъ предназначаются не къ служебной государственной дѣятельности, а къ тихой жизни семьи, естественно возникаетъ вопросъ: могутъ ли и они быть полезны отечеству чѣмъ-либо другимъ, кромѣ любви къ нему и молитвы за него, могутъ ли они способствовать его силѣ, его славѣ, крѣпости и благополучію? Близорукому и неглубокому взору, дѣйствительно, нерѣдко кажется, что непризванный къ должности, связанной со службой внѣшнимъ интересамъ государства, не стоящій такъ или иначе вблизи государственнаго управленія не можетъ имѣть никакого вліянія на судьбы родины. Такъ часто говоритъ естественный человѣческій разумъ, но не тому учить слово Божіе. Обращаясь къ судьбамъ царствъ и народовъ, слово Божіе ставитъ ихъ въ зависимость не отъ внѣшнихъ только условій—не отъ умѣлыхъ правителей, не отъ искусныхъ ихъ помощниковъ, не отъ внѣшней силы воинства или матеріальнаго богатства. Оно говоритъ: *праведность возвышаетъ народъ, а упадаютъ племена чрезъ грѣхи* (Притч. XVI, 34).

Изумительно могутъ этотъ законъ правды. Чѣмъ болѣе углубляемся въ тайны прошедшихъ судебъ народныхъ, чѣмъ

* Въ день востесвія на престолъ Государя Императора.

болѣе сами живемъ на свѣтѣ и вдумываемся въ окружающую жизнь, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ этой истинѣ Божественнаго Откровенія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что праведность дѣлаетъ слабые народы сильными, а грѣхъ и нечестіе могущественныхъ обращаютъ въ ничтожество. Въ Священномъ Писаніи открытъ намъ день паденія одного изъ величайшихъ царствъ древности. Съ дѣтства знакома намъ эта поразительная картина. Пиръ идетъ въ царскомъ дворцѣ: въ упоеніи могущества, славы и богатства, окруженный вельможами, среди всѣхъ видовъ ликующаго порока и безстыдства безпечно веселится царь Вавилона, того Вавилона, который за могущество и силу прозванъ былъ *молотомъ вся земли*. Вино льется рѣкой изъ драгоценныхъ сосудовъ; пьяныя уста глаголютъ непотребное,—и вотъ дошло и до кошунства надъ Господомъ-Иеговою. И вдругъ вышли персты незримой десницы человѣческой и писали на извести стѣны таинственные слова: „мене, текед, перес“, которыя, по объясненію пророка, означали: *исчислилъ, взвѣсилъ, раздѣлилъ....* И въ ту же ночь царь Вавилонскій былъ убитъ, и царство его безповоротно рухнуло (Даніил. гл. V).

Милостью Божіей, въ тысячелѣтнемъ тяжкомъ строеніи и подвигѣ, многими трудами, слезами и молитвами возросла и расширилась до необъятныхъ предѣловъ наша родная земля. Но не горделивое, не надменное и задорное сознаніе силы должно внушать намъ это величіе родины, а смиренную благодарность Богу-Міроправителю, и трепетное, опасливое чувство предъ грознымъ опредѣленіемъ слова Божія: *праведность возвышаетъ народъ, а унижаютъ племена грѣхи*. Невольно проникаетъ въ душу страхъ предъ возможностью на себѣ испытать непреложный судъ Господа, возвѣщенный нѣкогда любимому и избранному народу: *отнимется у васъ царство и дастся народу, творящему плоды его!*. (Мате. XXI, 43).

Итакъ, и вы, дѣти, и всякій членъ семьи отечественной, — всѣ мы призваны и можемъ способствовать благу родины, ея силѣ и крѣпости на самомъ вѣрномъ пути—на пути праведности и благочестія. Пусть будетъ крѣпка вѣра, пусть будетъ сильно стремленіе исполнить законъ евангелія, провести его во всѣ отношенія жизни: и будутъ дружныя семьи, честныя

граждане, самоотверженные слуги государству на всѣхъ поприщахъ жизни, и будетъ Божіе благословеніе надъ родиной нашей, успѣхъ во всѣхъ ея дѣлахъ.

Въ день восшествія на престолъ Государя Императора, когда особенно должны мы помнить о нашихъ обязанностяхъ къ Царю и отечеству, поставьте близко у сердца и сознанія эту мысль о неизмѣримо великомъ значеніи благочестія народа въ его государственной жизни. Призывая Божью милость на Царя, вознося молитвы за его правительство, молитвы о благѣ и счастья отечества, будемъ помнить, что плодъ и успѣхъ молитвы во многомъ зависитъ отъ насъ самихъ, отъ нашей вѣры и жизни, отъ нашей праведности, отъ исполненія нами закона Христова. Такъ вездѣ и во всемъ вѣрно слово св. евангелія: *ищите прежде всего царства Божіа и правды Его, и въ царствѣ земномъ все прочее само приложится вамъ* (Матѣ. VI, 33). Аминь.

Историческое призваніе Россіи.*

Сегодня святая Церковь наша празднуетъ въ честь Казанской иконы Богоматери. Но почему праздникъ, повидимому и по названію мѣстный, праздникъ извѣстнаго города, становится торжествомъ общецерковнымъ, всероссійскимъ, почему въ немъ участвуютъ и жители здѣшней мѣстности, отдаленные отъ Казани огромнымъ разстояніемъ? Нетрудно найти отвѣтъ въ словахъ св. апостола: *вы тѣло Христова, а порознь—члены. Посему страдаетъ ли одинъ членъ, — страдаютъ съ нимъ все члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются все члены* (Кор. XII, 27, 26). Поэтому, и какъ граждане общаго великаго нашего отечества, и какъ члены одного и того же церковнаго тѣла, мы, естественно, должны радоваться всему,

* Въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери; сказано въ Тифл. военномъ соборѣ.

что Господь посылаетъ благодѣтельнаго для нашей святой Церкви и для нашей родины.

Но въ исторіи явленія Казанскаго образа Богоматери и въ дальнѣйшихъ чудесныхъ дѣйствіяхъ проявляемой чрезъ него силы Божіей на благо нашего отечества есть нѣчто другое, близкое сердцу всякаго сына Россіи, особенно близкое къ нашему положенію здѣсь, какъ гражданъ и вѣрныхъ слугъ нашего отечества, на этой далекой его окраинѣ.

Когда наши предки, на зарѣ своей государственной жизни, просвѣщены были вѣрой Христовой, Западъ Европы давно былъ христіанскимъ. Въ это же время страны православнаго Востока, и въ томъ числѣ искони православная Грузія, находились уже въ тяжелой борьбѣ съ надвигающимся мракомъ изувѣрнаго мусульманства, и такимъ образомъ болѣе и болѣе теряли возможность просвѣщать другіе, окружающіе ихъ племена и народы, сѣдящіе во тьмѣ невѣдѣнія истины. Въ этотъ поздній часъ исторіи Господь возжигаетъ новый свѣтильникъ вѣры Христовой въ далекомъ и юномъ русскомъ княжествѣ, среди народа молодого и даровитаго, полного силъ и энергіи. Промыслъ Божій, призывая насъ, русскихъ славянъ средней Европы, въ лоно Церкви Христовой, тѣмъ самымъ указывалъ намъ великую задачу—нести полученное сокровище чистой и истинной вѣры къ малоизвѣстному востоку и сѣверу Европы и въ невѣдомыя, таинственныя въ то время страны сопредѣльной Азіи, бороться съ мракомъ язычества и распространяющагося мусульманства, просвѣщать дикія племена и приобщить ихъ къ участию въ царствѣ Божіемъ и въ жизни образованнаго человѣчества. Поистинѣ, это была великая, *мировая* задача, данная святой Руси, и наши предки уразумѣли ее и стали осуществлять непосредственно со временъ святого князя Владиміра. Уже при немъ христіанство начинаетъ быстро распространяться среди племенъ теперешней средней и сѣверной Россіи.

Но вотъ, когда отъ береговъ Днѣпра и Ильменя христіанство проникло уже до крайнихъ предѣловъ сѣвера и востока Европы; когда русской Церкви оставалось шагнуть съ проповѣдью евангелія въ глубины Азіи,—въ это время, въ XIII вѣ-

къ, Россію постигаетъ великое бѣдствіе, которое сковало русскую жизнь и замедлило на время великое и просвѣтительное дѣло Россіи. Этимъ бѣдствіемъ было монгольское иго,—великій міровой мученической подвигъ русскаго народа; предстояло св. Руси этимъ подвигомъ многолѣтняго страданія задержать вторженіе варваровъ въ Европу и сохранить чрезъ это для міра сокровища христіанской европейской цивилизаціи. Многихъ трудовъ стоило пережить и свергнуть это тяжкое иго, чтобы снова приступить безпрепятственно къ исполненію историческаго міроваго дѣла, указаннаго Руси Провидѣніемъ.

Но вотъ, наконецъ, болѣе чѣмъ чрезъ 200 лѣтъ послѣ нашествія монголовъ исполняется завѣтное желаніе нашихъ князей, святителей и всего народа русскаго: татарская орда, не разъ разбиваемая русскимъ воинствомъ, отодвинулась отъ предѣловъ нашихъ, ослабѣла, распалась... и Русь сдѣлалась свободною. И тотчасъ же началось движеніе наше къ Востоку съ крестомъ и евангеліемъ. На пути, какъ преграда этому движенію, лежало нѣкогда страшное и могущественное татарское Казанское царство. Съ 1-го на 2-е октября 1552 года, послѣ праздника Покрова Пресвятой Богородицы, во время службы Божественной, при возглашеніи словъ евангелія: „и будетъ едино стадо и единъ Пастырь“, пала нѣкогда грозная Казань, русскому народу открылся путь въ Азію. Было ли угодно Господу это поступательное движеніе наше на Востокъ и это ниспроверженіе царства невѣрнаго? Былъ ли народъ русскій въ этомъ дѣлѣ орудіемъ міродержавнаго Промысла? Исполнялъ ли онъ при этомъ свыше указанную ему задачу? Какъ бы въ отвѣтъ на эти возможные недоумѣнные мысли, кромѣ вышеуказанныхъ обстоятельствъ самаго завоеванія Казани, свыше дается новое знаменіе: Господь являетъ въ Казани чудесно образъ Богоматери, этотъ образъ, *данный свободной* теперь Россіи, который, такимъ образомъ, служитъ знакомъ небеснаго благословенія русскому народу въ его историческомъ просвѣтительномъ шествіи къ Востоку, въ глубь Азіи. Не разъ потому эта чудесная икона Богоматери приносила и проявляла намъ милость Божію въ години бѣдъ народныхъ, и не даромъ сдѣлалась чтимою святыней всероссійскою. Въ нынѣш-

ній день, 22 октября, воспоминается собственно не явленіе образа Богоматери, а чудесная помощь чрезъ Казанскую икону Ея царству русскому, новое освобожденіе его отъ враговъ, новое сохраненіе его цѣлости и самостоятельности и, слѣдовательно, новое подтвержденіе его историческаго призванія.

Была тяжелая пора, поистинѣ „смутное время“ на Руси, когда пресѣкъся въ ней царственный родъ Рюрика, когда поляки, овладѣвъ большею половиною нашего отечества, вторглись въ самое сердце Россіи,—заняли Москву и засѣли въ ней. Уже корона Россіи предлагалась польскому королевичу Владиславу, но отецъ его, Сигизмундъ, фанатическій слуга римскаго папы, захотѣлъ соединить Россію съ Польшею, не скрывая намѣреній ввести въ ней католичество. Чистотѣ вѣры русскаго народа, слѣдовательно, основнымъ устоямъ его національнаго и религіознаго быта и его историческому призванію грозила страшная опасность. „Мати Божія! спаси землю русскую!“—такой кличъ вырвался изъ сердець лучшихъ сыновъ нашего народа. И Матерь Божія услышала ихъ молитвы. Въ Казанской иконѣ Своей пришла Она къ плененной Москвѣ во главѣ русскаго воинства; предъ Нею изливали тогда мольбы свои доблестные Мининъ и Пожарскій, на Ея благодатную помощь надѣялись въ виду необыкновенной трудности взять силою ратною тотъ городъ, который изъ твердыни Россіи теперь обратился въ крѣпкій оплотъ его враговъ. А войско русское, нужно сказать, было и нестройно, и необучено, и немногочисленно, и къ тому же не совѣмъ согласно между собою. Но вотъ находящемуся въ плѣну у поляковъ епископу Арсенію ночью во снѣ является преподобный Сергій, молитвенникъ за землю родную святорусскую, и объявляетъ, что Господь, по ходатайству Богоматери, на слѣдующій же день низложитъ враговъ. Предсказаніе сбылось: на другой день, 22 октября 1613 года, кремль Московскій былъ взятъ, врагъ изгнанъ, Россія стала свободною и скоро общенароднымъ голосомъ избрала себѣ новый царственный родъ Романовыхъ. Съ тѣхъ поръ Казанская икона Богоматери сдѣлалась семейною святынею этого благословеннаго царскаго рода и вмѣстѣ съ тѣмъ и всего народа русскаго. Еще разъ въ тяжелое время русской исторіи, во время фран-

пузскаго погрома, эта чудотворная икона явилась въ рядахъ русскаго воинства. Такъ одѣлалась она святыней не мѣстною, Казанскою, а всероссійскою, общетимою: и понынѣ она чаще всего видится въ старинныхъ православныхъ домахъ, какъ священное наслѣдіе и благословеніе предковъ, передаваясь изъ рода въ родъ.

Намъ, здѣсь живущимъ и несущимъ знамя христіанскаго просвѣщенія на окраинѣ Россіи, въ виду сопредѣльныхъ, недавно еще страшныхъ для Рессіи странъ невѣрныхъ, въ виду многихъ и среди насъ живущихъ, коснѣющихъ во тьмѣ мусульманскаго зловѣрія или иновѣрія, намъ, православнымъ христіанамъ, всеѣмъ, безъ различія національностей, Казанская икона Богоматери вдвойнѣ близка и знаменательна: она напоминаетъ намъ о томъ, что мы здѣсь являемся наслѣдниками завѣщаннаго исторіей просвѣтительнаго шествія православной Церкви на Востокъ, что мы здѣсь исполняемъ давнее дѣло нашей родины,—и это дѣло можетъ быть прочнымъ только на основѣ чистой вѣры христіанской, которую святая Русь съ радостью нашла и здѣсь, въ Закавказьи, сохраненною и неповрежденною въ многострадальной Грузіи, удѣлѣ Божіей Матери. Какъ двѣ родныя сестры, соединились теперь общностью дѣла и общностью единого отечества и слились воедино эти Церкви Божіи —россійская и грузинская, имѣя на челѣ лучшее украшеніе: печать пережитыхъ страданій и подвиговъ за чистоту вѣры, печать многовѣковыхъ понесенныхъ трудовъ для просвѣщенія чадъ своихъ и чужихъ... Пусть же подъ знаменемъ православія, при небесномъ заступничествѣ и благословеніи Богородицы, яко Ревнительницы славы Сына Своего, пусть будетъ совершаться здѣсь служеніе наше во всеѣхъ видахъ и на всеѣхъ поприщахъ—и въ дѣлѣ Церкви, и въ распространеніи науки, и въ службѣ государству, обществу, внутреннему благоустройствію края.

И кто знаетъ?—можетъ-быть и скоро придетъ время, какъ пришло оно для другихъ областей нашей родины, когда исполнится сладостное предреченіе Господа Іисуса, звучавшее нѣкогда утѣшеніемъ и ободреніемъ героямъ Казани: *„И ны овцы имамя, яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ*

привести, и гласъ Мой услышатъ: и будетъ едино стадо и единъ Пастырь" (Іоанн. X, 16). Что изъ того, если намъ не дожидаться этого дня: но онъ будетъ, будетъ, онъ засіяетъ непременно!..

Мати Божія! Спасай землю русскую, облегчи ей трудъ свыше даннаго призванія! Будь намъ залогомъ этой вѣры въ чудотворномъ образѣ Твоемъ, который нѣкогда явился въ благословеніе тѣмъ, кто такъ же и въ то же, какъ и мы, вѣрили и уповали, и вѣра ихъ не обманула. Будь сіе, буди!.. Аминь.

Христіанство, какъ свѣтъ міру.*

Явился еси днесь вселеннѣи и свѣтъ Твой, Господи, знаменася на насъ, въ разумѣ поющихъ: пришелъ еси, явился еси, Свѣтъ неприступный! (Кондакъ праздни.)

И свѣтитъ доннѣ міру этотъ свѣтъ Христовъ, какъ солнце, иногда невидное за облаками, тѣмъ не менѣ лучезарное, теплое, живительное! И будетъ свѣтитъ міру этотъ свѣтъ Христовъ, пока не наступятъ времена *новаго неба и новой земли*, гдѣ будетъ жить и сіять одна *вѣчная правда* (2 Петр. III, 13)! И потому-то и великъ и радостенъ нынѣшній день Богоявленія, что онъ напоминаетъ намъ *простѣненіе* ¹⁾

міра и человѣчества этимъ свѣтомъ Христовымъ,—напоминаетъ намъ Іисуса Христа, въ Своемъ крещеніи полагающаго начало открытому Своему служенію въ качествѣ Учителя и Искупителя заблуждающагося человѣчества. И если когда, то именно сегодня само собой приходитъ на память наставленіе св. апостола: *припоминайте себѣ то время, когда вы были безъ Христа* (Ефес. II, 11—12). Вспомнивши, увидимъ, что такое былъ міръ до Христа, чѣмъ онъ сталъ съ Его пришествіемъ, и какимъ былъ бы безъ Христа. Правда, говоритъ объ этомъ

* Въ празднивъ Богоявленія; сказано въ Тифл. военномъ соборѣ.

¹⁾ Названіе праздника въ церк. уставѣ.

подробно и всесторонне — не достало бы времени и силъ; правда, здѣсь умѣстно заключительное слово нашихъ евангелій: „ни самому міру вмѣстити пишемыхъ книгъ“ (Іоанн. XXI, 25): но если мы возьмемъ только одну какую-либо сторону жизни, то и этого достаточно будетъ намъ въ поученіе въ настоящій праздникъ.

Неизмѣримо вліяніе христіанства въ области собственно просвѣщенія разума человѣческаго въ тѣхъ вѣковѣчныхъ вопросахъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, — въ вопросахъ, для которыхъ всегда открытъ нашъ духъ и о которыхъ самыя лучшіе мудрецы внѣ христіанства только гадали, составляя себѣ самыя смутныя понятія. Но если отъ этой возвышенной и неизмѣримой области мы спустимся въ область болѣе доступную и видную, къ отношеніямъ и складу жизни общественной, то и здѣсь увидимъ величайшую *потбду, потбдившую міръ*, святую *спру нашу* (1 Іоанн. V, 4), — увидимъ величайшія благодѣянія христіанства.

Можно сказать, христіанство внесло обновленіе въ міръ и спасло его отъ окончательной гибели и разложенія однимъ краткимъ словомъ: „Богъ — любви есть“ (1 Іоанн. IV, 16). И до Христа знали о нравственности, говорили о великодушіи, о правдѣ, о любви, но воистину только у Христа эта заповѣдь о любви является заповѣдью *новою*, утвержденною на сущности внутренней жизни Самого Божества и на примѣрѣ воплощеннаго Бога-Искупителя. Никогда еще нравственныя начала не были утверждены такъ прочно и никогда не получаютъ они основанія болѣе твердаго и устойчиваго. Изъ этой новой заповѣди о любви, новой не по имени, а по существу, по внутренней своей санкціи, по исходному началу, основанію и завершенію, — изъ этой заповѣди любви, исходящей отъ Бога-Любви, выросла и новая жизнь для человѣчества. Уже оно было на краю гибели, уже оно задыхалось въ атмосферѣ невѣрія, сомнѣнія, эгоизма и ужасающей безнравственности, уже утопало оно въ крови и слезахъ безчисленныхъ миллионовъ рабовъ, угнетенныхъ и забитыхъ народовъ, гибло въ безграничной и непроходимой пропасти, лежащей во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, сословіи, племенъ, народовъ и государствъ — и вотъ все было

соединено и спаяно небеснымъ началомъ *любви*, небеснымъ учрежденіемъ для земли—учрежденіемъ вселенской *Церкви*, этого града и царства Божія, этой носительницы и хранительницы новаго завѣта Бога съ человѣчествомъ. Христіанство открыло этимъ путь къ мирнымъ отношеніямъ народовъ; христіанство постепеннымъ смягченіемъ сердець смягчило, потомъ уничтожило рабство, эту позорную язву, разъѣдающую весь организмъ древняго міра; христіанство собственно впервые создало семью въ истинномъ смыслѣ этого слова, создало своимъ высокимъ ученіемъ о святости семейнаго союза, который долженъ бытъ *ближайшимъ* образомъ царства Божія на землѣ, первымъ питомникомъ чады Божіихъ (Ефес. VI, 4), и который поэтому долженъ утверждаться не на основѣ грубости, чувственности, принужденія и страха, а на началахъ взаимной любви и преданности; этимъ возвышено было значеніе женщины, которая изъ прихоти мужа, изъ рабыни, равной другимъ рабынямъ - женамъ, зависящей въ своемъ положеніи отъ каприза своего господина, сдѣлалась членомъ семьи, матерью, въ высшемъ и лучшемъ значеніи слова, и даже болѣе — вдохновителемъ духовной, нравственно-религіозной жизни семейства. Въмѣстѣ съ этимъ возвысилось значеніе дѣтей, какъ благословенія въ брачномъ союзѣ, этихъ будущихъ носителей царства Божія, членовъ великаго тѣла—Церкви Христовой, слѣдовательно, продолжателей того великаго нравственнаго процесса, нравственнаго оздоровленія и возвышенія человѣчества, которому начало положилъ Глава Церкви—Христосъ. И какая бодрящая вѣра въ добро, вѣра въ людей, вѣра въ свѣтлыя судьбы міра принесена Христомъ на мѣсто мрачнаго отчаянія и сомнѣнія языческаго, какое возвышенное представленіе о цѣнѣ человѣческой природы, какая свѣтлая любовь къ жизни дана на мѣсто презрѣнія къ ней, доходящаго до сознательнаго холоднаго самоубійства, возводимаго въ язычествѣ на степень добродѣтели!

Въ дальнѣйшемъ вліяніи своемъ на жизнь человѣчества христіанство, какъ религія Бога любви, спустилось туда, гдѣ всего болѣе проявлялась жестокость древняго государства и общества,—къ разнымъ несчастливцамъ, сдѣлавшимся такими

отъ природы, по собственной волѣ, или отъ стеченія неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, къ людямъ голоднымъ, нагимъ, безпріютнымъ, убогимъ, калѣкамъ, страдающимъ въ заключеніи и ссылкѣ. На нихъ древній міръ смотрѣлъ съ равнодушіемъ и нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ на людей, прогнѣвавшихъ Бога, заклеянныхъ печатью проклятія и отверженія, страдавшихъ отъ слѣпотоу неумолимаго рока, борьба съ которымъ никому не подѣ силу. Самое состраданіе къ нимъ для гордаго римлянина и благороднаго философа казалось непростительною слабостію души. Если въ христіанствѣ блаженіи нищій духомъ, кроткіе, плачущіе, милостивые, ибо ихъ есть царство небесное (Мате. V, 1—11),—то въ язычествѣ было: блаженіи сильныя, богатые, храбрыя и знатныя, ибо они, побѣдивъ и подавивъ слабыхъ, получаютъ царство земное... Христіанство явилось предъ человѣчествомъ съ особымъ усиленнымъ и настойчивымъ ходатайствомъ за всѣхъ несчастныхъ; оно научило видѣть въ нихъ дѣтей Божіихъ, равно со всѣми призываемыхъ ко Христу и часто нравственно вышшихъ, чѣмъ сильныя міра; среди нихъ христіанство видѣло Самого Христа, выросшаго въ бѣдности и неизвѣстности, незинно осужденнаго на самую позорную казнь; имъ, слѣдуя завѣту Спасителя, христіанство попреимуществу усвоило названіе меньшихъ братьевъ и милость къ нимъ отнесло къ Самому Христу (Мате. XXV, 40). И вотъ, во имя любви христіанской, стали воздвигаться въ мірѣ благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, богадѣльни, больницы, страннопріимницы, братства и союзы, пріюты и школы; свѣтъ и теплота любви христіанской стали проникать въ самыя дома заключенія преступниковъ, на мѣста ихъ наказанія и ссылки, смягчая законы, измѣняя взгляды на преступность, давая всѣмъ право защиты, отмѣняя жестокия казни и пытки; подѣ влияніемъ христіанства стали, наконецъ, возможны примѣры сотенъ и тысячъ такихъ подвижниковъ, которые во имя ближнихъ отказались отъ личныхъ радостей жизни и начали съ того, что роздали все имущество бѣднымъ (Марк. X, 21), съ того, что древній міръ назвалъ бы или глупостію, или сумасшествіемъ.

И донныѣ продолжается этотъ незримый процессъ посте-

пеннаго *измѣненія и смяченія* въ челоѳчествѣ понятій, нравовъ, взаимныхъ отношеній, самыхъ законовъ и учреждений государственныхъ. Не нужно поэтому смущаться видомъ челоѳческаго невѣжества, безнравственности и себялюбія. Правда, нѣтъ и теперь ни одного народа, ни одного общества, въ которомъ бы во всей полнотѣ и жизненности осуществилось великое начало любви христіанской; правда, и доселѣ среди христіанскихъ народовъ повторяются такія явленія и поддерживаются такія отношенія, которыя напоминаютъ собою жестокость и звѣрство древняго міра. Но евангеліе Свое Христось Спаситель сравниваетъ съ закваскою въ тѣстѣ (Мате. XIII, 33): путемъ медленнымъ, но неуклоннымъ и постояннымъ оно пройдетъ въ тѣло челоѳчества, пока не подниметъ его все. И это случится, осуществится: ручательствомъ служить то, что уже сдѣлано христіанствомъ. Христіанство еще не завершило своей миссіи въ мірѣ, не прошло до конца своего историческаго пути, и его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы внутренне очищать и возвышать жизнь челоѳчества до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться на землѣ челоѳчество. Но, смотря на то, что было до Христа и что стало послѣ Него, смотря на этотъ величайшій мирный переворотъ въ челоѳчествѣ, какъ не исполниться глубокой вѣры и любви къ Спасителю, какъ не окрылиться свѣтлою надеждою на Его окончательное торжество надъ зломъ, какъ не воспѣть съ ангелами ихъ привѣтствія въ часъ Его явленія въ мірѣ: *„слава въ вышнихъ Божу, и на земли миръ, въ челоѳцяхъ благоволеніе!“* (Лук. II, 14.)

Братіе, носящіе имя Христова, крещенные въ образъ Крестившагося ради насъ Спасителя! Слышите ли вы голосъ Небеснаго Отца въ прославленіе Сына: *„Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“*? (Мате. III, 17; Маркъ I, 11.) Слышите ли вы завѣщаніе Отца послѣдователямъ Его воплощеннаго Сына: *„Того послушайте“*? (Мате. XVII, 5.) Что благовѣститъ и что внушаетъ намъ этотъ гласъ Божій, въ слухъ народовъ возгремѣвшій надъ водами многими? Онъ возвѣщаетъ, что нѣтъ и не можетъ быть на землѣ лучшаго учителя, кромѣ возлюбленнаго Сына Божія Исуса Христа, что

нѣтъ иного имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, нѣтъ иного имени, которымъ бы надлежало намъ спастись (Дѣян. IV, 12); что Онъ, только Онъ есть нашъ *путь и истина, и жизнь* (Іоанн. XIV, 6). Пусть же всеосвѣщающій и животворящій свѣтъ Христовъ будетъ нашимъ руководителемъ на пути просвѣщенія, взаимныхъ отношеній, общественнаго строя и собственной жизни каждаго.

Станемъ твердо на сторону Христа и Его дѣла, станемъ въ числѣ Его сторонниковъ, соратниковъ и споспѣшниковъ въ великомъ царствѣ Его на землѣ—въ Церкви Христовой, въ великомъ дѣлѣ возрожденія насъ самихъ и всего человѣчества. Здѣсь наше просвѣщеніе, здѣсь спасеніе міра, здѣсь вся сила наша для правильнаго выполненія жизненныхъ задачъ, для уразумѣнія и достиженія высшихъ цѣлей жизни. *Я свѣтъ міру* (Іоанн. VIII, 12), сказалъ Христосъ; *Я—путь, истина и жизнь. Кто слѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни* (Іоанн. XIV, 6; VIII, 12). Аминь.

Свобода.*

Человѣкъ нѣкій имѣ два сына. И рече юныйи отцу своему: отче, даждь ми достойную часть имѣнія (Лук. XV, 11—12).

Это начальныя слова притчи евангельской о блудномъ сынѣ, которую вы сегодня слышали за литургіей. Велико и, можно сказать, необъятно по широтѣ примѣненія значеніе этой притчи. Въ ней живая, писаная исторія каждаго отдѣльнаго грѣшника, весь ходъ его паденія и возстанія: въ ней такая же исторія цѣлыхъ отдѣльныхъ народовъ и всего дохристіанскаго человѣчества, грѣхомъ удалившагося отъ Бога - Отца своего въ страну далекую, на жизнь веселую, но грѣховную,

* Въ недѣлю о блудномъ сынѣ; сказано въ церкви Тифл. гимназін.

потомъ дошедшаго до послѣднихъ предѣловъ униженія и страданія и, наконецъ, пришедшаго въ себя и возвратившагося къ любвеобильному отцу своему. И каждый отдѣльный моментъ притчи наводитъ на глубокія размышленія, даетъ жизненные уроки. Возьмите себѣ отсюда поученіе и вы, учащіяся, примѣнительно къ своему положенію. Не подумайте, что эта притча не можетъ относиться къ вамъ, что между вами и евангельскимъ блуднымъ сыномъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Въ крайнемъ случаѣ его печальная исторія можетъ служить для васъ если не обличеніемъ зла, уже существующаго, то во всякомъ случаѣ предупрежденіемъ зла возможнаго.

Несчастный грѣшникъ, блудный сынъ притчи, подобно вамъ, былъ *юнѣйшій*. И сей - то юнѣйшій, вмѣсто того, чтобы какъ можно тѣснѣе войти въ союзъ семьи и въ отцѣ своемъ, въ его любви и опытности, находить опору и руководство жизни, сей юнѣйшій рече отцу своему: даждь ми достойную—слѣдующую мнѣ—часть имѣнія, какъ-будто и на самомъ дѣлѣ часть его была въ томъ, что нажито трудами отца и отцу всецѣло принадлежало. Не говоримъ о кровномъ оскорбленіи отца, который, судя по дальнѣйшимъ обстоятельствамъ притчи, былъ человекомъ добрымъ и ласковымъ; не говоримъ о наглости, требующей, какъ права, того, что дается только по милости. Остановимся на вопросѣ: почему это съ требованіемъ раздѣла имуществъ выступаетъ именно сынъ *юнѣйшій*? Повидимому, и по всей справедливости, старшему сыну естественно было просить у отца раздѣла имѣнія, для приобрѣтенія и сохраненія котораго онъ, конечно, не мало успѣлъ поработать; повидимому, старшему сыну, при зрѣломъ возрастѣ, при житейской опытности, естественно же было желать и искать самостоятельности и отдѣленія отъ отца. Не такъ случилось, и не такъ случается. Чаще всего видимъ, что о полной волѣ мечтають, всякою и самою благодѣтельною зависимостью тяготятся большею частью не люди зрѣлые и опытные, а именно *юнѣйшіе*. Во имя чего раздаются ихъ жалобы, во имя чего они готовы отойти и, дѣйствительно, часто отходятъ въ страну далече? Во имя *свободы*. И воистину, свобода — это великій даръ Божій, благороднѣйшее свойство благороднѣй-

шихъ людей; но нерѣдко та же свобода, ложно понятая и должно направленная, обращается въ губительнаго идола, требующаго человѣческихъ жертвъ... И смотрите, поучаясь: вотъ вамъ въ образѣ приточнаго сына юнѣйшаго наглядный и разительный примѣръ того, къ чему приводитъ свѣтлая сила свободы, обратившаяся въ тьму, какъ бы въ исполненіе слова Христова: если свѣтъ, что въ тебѣ, становится тьмою, то какая же тьма!... (Мате. VI, 23; Лук. XI, 35.) Блудный сынъ, начавшій съ того, что тяготился зависимостью отъ любящаго отца, возставалъ противъ власти его во имя свободы и своего достоинства, кончилъ тѣмъ, что прежде всего сдѣлался *рабомъ* своихъ страстей, предавшись жизни разгульной и порочной, а потомъ обратился и буквально въ настоящаго раба — свинопаса, спустился, наконецъ, до состоянія скотоподобія, со свиньями живя и со свиньями питаясь (Лук. XV, 15—16). Итакъ, гдѣ же свобода и гдѣ человѣческое достоинство?

Не такъ ли и мы во взаимныхъ отношеніяхъ и на всѣхъ поприщахъ жизни, порываясь къ свободѣ, ищемъ произвола, тяготимся требованіями закона, предписаніями долга, повиновеніемъ волѣ и руководству власти, готовые возстать противъ всего по образу блуднаго сына? Это правда, что человѣкъ при самомъ сотвореніи своемъ получилъ изъ рукъ Творца свободу, какъ вѣнецъ, украшеніе и особое достоинство среди прочихъ тварей земныхъ; и то правда, что свобода во всей обширной области примѣненія—свобода совѣсти, свобода мыслей и чувства, свобода народная, государственная—составляла предметъ горячихъ желаній и возвышенныхъ стремленій лучшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей человѣчества. Но и то вѣрно, что нерѣдко эту свободу понимаютъ такъ, какъ понималъ ее блудный сынъ, дѣлая изъ нея, по словамъ апостола, *прикровеніе злобы* (Петр. I, 16); и то вѣрно, что свободу, это высокое отличіе человѣка отъ животнаго, обращаютъ какъ-разъ наоборотъ—въ средство приравнять его къ животному. Забываютъ, что этотъ даръ слишкомъ высокъ, и поэтому требуетъ особой осторожности въ пользованіи имъ: чѣмъ съ большей высоты упадешь, тѣмъ сильнѣе расшибешься... По словамъ одного глубокаго духовнаго мыслителя, „отъ свободы одинъ невѣр-

ный шагъ—и уже пропасть“ ¹⁾ грѣха и рабства. Свобода не въ отсутствіи закона, не въ отрѣшеніи отъ всякихъ обязанностей: свобода въ свойствахъ тѣхъ побужденій, по которымъ законъ и обязанности выполняются. Можно исполнять ихъ по страху наказанія, по силѣ принужденія въ той или другой формѣ—и тогда человѣкъ остается рабомъ; но можно исполнять ихъ по любви, по убѣжденію, изъ глубокаго и искренняго желанія достигнуть нравственнаго совершенства,—и тогда свобода только возвышается исполненіемъ закона. Слово Божіе нерѣдко говоритъ намъ объ этомъ. „Если я добровольно дѣлаю, имѣю награду“ (1 Кор. IX, 17), заявляетъ апостоль. Онъ же поучаетъ: „если можешь быть свободнымъ, больше поработи себя“ (1 Кор. VII, 21); „повинуйтесь, не какъ челоуѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, *отъ души*, и какъ свободные“ (1 Петр. II, 16). „*Все мнѣ позволено*“, говоритъ апостоль, —*все мнѣ позволено*“: это—свидѣтельство о полной и безусловной свободѣ челоуѣка; „но не все на пользу, но не все назидаетъ, но пусть мною ничто не обладаетъ“ (1 Кор. VI, 12; X, 23): это предупрежденіе отъ излишества и крайностей свободы. „Будучи свободенъ отъ всего, я самъ себя всему поработилъ“ (1 Кор. IX, 19)—вотъ замѣчательныя слова, разрѣшающія вопросъ о томъ, какъ сохранить свободу при исполненіи закона.

Учащіяся дѣти, юныя и юнѣйшія! Не помнятся ли и вамъ изъ вашей жизни и неразумныя сѣтованія на строгость требованія долга, и недовольство правилами учебной жизни, опредѣляющими ваше поведеніе, и, наконецъ, не припоминаются ли воздыханія о мнимой свободѣ, которая представляется тамъ, за стѣнами школы, въ открывающейся послѣ нея жизни съ заманчивымъ отсутствіемъ всякихъ стѣсненій, обязанностей, повиновенія? Да, и мы повторяемъ вамъ слова Писанія: „къ *свободѣ* призваны вы, братіе“ (Гал. V, 13), но повторяемъ съ прибавленіемъ словъ того же Писанія: „берегитесь, однако, чтобы эта свобода не обратилась въ прикрытіе злобы“ (1 Петр. II, 16) и не обратила бы васъ въ рабство „грѣху“ (Римл. VI, 17) и „тлѣнію“ (2 Петр. II, 19 и еще: Римл. VI, 16 19). „При-

¹⁾ Слова епископа-затворника Теофана.

званный о Господѣ рабъ свободникъ Господень есть“... (1 Кор. VII, 22.) Ибо тотъ истинно свободенъ, кто во всякое время можетъ господствовать надъ своими желаніями и склонностями, кто можетъ повелѣвать самимъ собою, кто можетъ и умѣетъ своей, грѣхъ испорченной плотской и страстной природѣ чрезъ самоотреченіе и послѣдованіе закону Христову указать путь къ небу и совершенству. А если нѣтъ этого, то внѣшне свободный становится въ духовномъ отношеніи рабомъ, и сбывается во всей силѣ надъ нами слово Священнаго Писанія: „Кто творитъ грѣхъ, тотъ рабъ грѣху“ (Іоанн. VIII, 34) и еще: „Кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ“ (2 Петр. II, 19). Такимъ образомъ, при отсутствіи *нравственной* свободы всякая другая свобода есть только путь къ гибели. Учитесь же быть свободными въ истинномъ смыслѣ, въ смыслѣ свободы отъ грѣховъ и страстей; учитесь владѣть собою, *свободно подчиняя* себя легкому пока и немногосложному долгу. Слышанная нами сегодня исторія блуднаго сына—въ первой половинѣ своей печальная, во второй—свѣтла и радостна. Но помните, не всѣ подобныя исторіи кончаются такъ же благополучно. Будемъ же осторожны! Не станемъ бросаться на призракъ свободы и въ дѣлѣ свободы истинной станемъ руководствоваться не прихотями и произволомъ, не обольстительными внушеніями разнузданности и своеволія, не соблазнительными ученіями міра, а непрогрѣшимымъ словомъ нашей святой вѣры. „А она говоритъ намъ словами апостола:“ гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода“ (2 Кор. III, 17); она говоритъ намъ словами Самого Иисуса Христа: „если пребудете въ словахъ Моихъ, во истину учениками Моими будете и познаете истину,—и истина *сдѣлаетъ васъ свободными*“ (Іоанн. VIII, 31—32). Аминь.

Благо личное и общее.*

Нынь отпущаеши раба Твоего, Владыко,
по глаголу Твоему, съ миромъ; яко видѣ-
ста очи мои спасеніе Твое (Лука II, 29—32)!

Торжествующею пѣснью возвышенной духовной радости срѣтаетъ сегодня старецъ Симеонъ Богомладенца Иисуса. Онъ радуется, а, между тѣмъ, явленіе Спасителя для него означало только одну вѣсть,—вѣсть о скорой могилѣ. Но не даромъ старецъ Симеонъ въ евангеліи названъ праведнымъ и благочестивымъ и чающимъ—ожидающимъ Утѣхи не своей, а израилевой (Лук. II, 25) и міровой; не даромъ о немъ замѣчено: „Духъ бѣ Святъ на немъ.“ Чуждый личной жизни, забываетъ онъ о близкой смерти, о своей собственной судьбѣ, и на порогѣ могилы радуется общечеловѣческой, міровою радостью. Онъ держитъ на рукахъ, въ своихъ старческихъ объятіяхъ Спасителя міра; духовнымъ взоромъ прозрѣвая черезъ мглу грядущихъ вѣковъ, видитъ онъ въ Богомладенцѣ славу родного Израиля, видитъ впереди, что на людяхъ, сидящихъ въ тѣмѣ и сѣни смертнѣй язычества, возсіяетъ свѣтъ великій сіяніе котораго будетъ простираться во всѣ концы земли (Мате. IV, 16; ср. Ис. IX, 1—2). И это наполняетъ сердце престарѣлаго праведника тихой отрадой и радостью, даетъ ему силу спокойно смотрѣть въ открытую предъ нимъ могилу.

Слово Божіе говоритъ, что все, написанное въ немъ, въ наше наученіе преднаписано (Римл. XV, 4). И образъ старца Симеона, какъ онъ выступаетъ предъ нами въ евангеліи, долженъ быть близокъ духу христіанина; образъ этотъ, дѣйствительно, гораздо жизненнѣе по своей поучительности, чѣмъ сколько можетъ показаться съ перваго взгляда. Не можетъ и не долженъ человѣкъ жить одною только личною жизнью,—вотъ чему учить насъ праведный Симеонъ своею пѣснью въ

* Въ праздникъ Срѣтенія Господня; сказано въ церкви Тифл. гимназіи.

честь и славу Спасителя. Не может человекъ жить только личною жизнью какъ потому, что въ природѣ его глубоко впечатлѣны стремленія любви къ себѣ подобнымъ, такъ и потому, что неизбѣжный конецъ жизни не можетъ не представляться даже самому безпечному изъ насъ и невольно ставить вопросъ о цѣли и смыслѣ всякой личной радости. И вотъ, когда человекъ начинаетъ ближе и глубже всматриваться въ окружающую жизнь, когда онъ, въ виду грядущей неизбѣжно смерти, желаетъ опредѣлить и уяснить себѣ смыслъ своей жизни, тогда ему становится близкою и понятною радость Симеона. Да, знать, что родился и пришелъ Спаситель для людей, знать, что благо родному народу и человечеству уже даровано явленіемъ Богочеловѣка—это можетъ дать силы и для труда жизни, и для подвига смерти. Нельзя основывать жизнь на одномъ себялюбіи. Конечно, любовь къ себѣ естественна и забота о собственномъ благѣ неизбѣжна. Но если эта забота питается на счетъ любви къ ближнимъ, то она нарушаетъ единство, связь и порядокъ міра нравственнаго, въ которомъ, какъ и въ видимой природѣ, все тѣсно связано между собою, все влияетъ и дѣйствуетъ одно на другое, и потому все можетъ быть или взаимно полезно, или взаимно вредно. Поэтому себялюбіе только вначалѣ и издали, и притомъ людямъ неглубокимъ и поверхностнымъ, можетъ казаться источникомъ блага; на самомъ дѣлѣ, оно противорѣчитъ назначенію нашему и неизбѣжно поселяетъ въ душѣ тоску, недовольство, тревогу и смуту. Тысячи міролюбцевъ и тысячи себялюбцевъ пытались устроить рай на землѣ, и не было между ними ни одного, кого бы такое счастье не обмануло. Кто знакомъ съ жизнью изъ собственныхъ наблюденій, или изъ опыта другихъ, или изъ правдивыхъ изображеній лучшихъ писателей, описывавшихъ бытъ людей, тотъ можетъ безъ труда найти и указать много подтвержденій этой истинѣ. А предъ нами и живые евангельскіе образы—наглядные тому примѣры: корыстный мытарь, вродѣ Закхея, собравъ огромное имущество, не нашель въ немъ покоя для духа и выступилъ съ заявленіемъ: „се поль-имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ и, если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу четверницею“ (Лук. XIX, 8);

женщины, служившія веселью и пороку, падали къ ногамъ Спасителя и кончали жизнь въ непримѣрныхъ подвигахъ любви къ ближнимъ (Лук. VI, 37—50); разбойники каялись и спасались (Лук. XXIII, 40—43); блудныя дѣти возвращались въ отчій домъ на разумный и честный трудъ (Лук. XV, 11—32). И всё они въ этомъ отрѣшеніи отъ личной жизни и себялюбія находили отраду, покой и счастье. А богатый юноша (Мате. XIX, 16—24), корыстный Иуда (Дѣян. I, 16—20; Мате. XXIV, 5), жестокий богачъ (Лук. XVII, 23), лѣнивый рабъ (Мате. XXV, 24—29), неправедный должникъ (Мате. XVIII, 34)—тѣ до конца шли путемъ себялюбія и гибли въ тоскѣ и отчаяніи. Такъ, вѣрно слово: не найдетъ прочнаго счастья тотъ, кто стремится къ нему, не обращая вниманія на брата своего, кто смотритъ на ближняго, какъ на орудіе для достиженія личнаго, узко понимаемаго блага, какъ на ступеньку для собственнаго своего возвышенія. Незамѣтно вредъ, принесенный другому, вернется къ намъ и отразится на насъ самихъ. Апостоль Павелъ образно представляетъ это путемъ мѣткого сравненія общества человѣческаго съ единымъ тѣломъ (1 Кор. XII). „Тѣло“, говоритъ онъ, „не изъ одного члена, а изъ многихъ. А если все тѣло—глазь, то гдѣ слухъ? а если все—слухъ, то гдѣ обоняніе? Не можетъ глазь сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе“ — и потому требуютъ особой заботы. „Но Богъ соразмѣрилъ тѣло, чтобы не было въ немъ раздѣленія, но чтобы всё члены согласно заботились другъ о другѣ. Посему страдаетъ ли одинъ членъ,—съ нимъ страдаютъ всё члены; славится ли одинъ членъ,—съ нимъ радуются всё члены“. „И вы“, заключаетъ апостоль, „я вы—тѣло Христово, а порознь—члены“.

Благо же тому, кто не празднымъ зрителемъ пройдетъ по шумно несущейся жизни, но будетъ носить въ душѣ своей и осуществлять твердую мысль содѣйствовать общему благу. Благо тому, кто не остался глухъ къ Божественному призыву на борьбу за святое дѣло счастья людскаго, общечеловѣческаго, и жилъ, и трудился съ любовью въ потѣ лица изъ всѣхъ силъ въ надеждѣ, что не онъ, такъ другіе, братья и

потомки, наслаждаются плодами трудовъ его, и восхваляютъ вѣчнаго Бога любви и истины. Ему, по слову апостола, жить—Христось, а умереть—пріобрѣтеніе (Филипп. I, 21). Такой будетъ подобенъ Симеону; онъ пройдетъ со смысломъ жизнь, безтрепетно взглянетъ въ лицо смерти, утѣшенный подобно Симеону: вѣдь и онъ видѣлъ Спасителя и носилъ Его, если не на рукахъ своихъ, то въ объятіяхъ сердца. Во вратахъ смерти, на порогѣ вѣчности спроситъ онъ свое сердце, и оно ему скажетъ, что Спаситель далъ ему миръ, отраду и радость жизни; посмотреть онъ на окружающее, на весь міръ, и здѣсь увидитъ, что тотъ же Спаситель былъ свѣтомъ и счастьемъ человѣчества въ прошломъ и остается залогомъ того же свѣта и счастья въ будущемъ. И сама собою у него, утѣшеннаго, выльется Симеонова примирительная пѣснь счастья—прощальная пѣснь жизни земной и привѣтствіе жизни вѣчной: „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“. Аминь.

Величіе человѣка.*

Свѣтлый нынѣшній праздникъ въ честь Св. Духа, сошедшаго на учениковъ Христовыхъ и вѣчно почивающаго во св. Церкви, составляетъ достойное и радостное заключеніе цѣлаго ряда великихъ торжествъ церковныхъ въ честь и славу воскресшаго изъ мертвыхъ и вознесшагося отъ земли на небо Христа Господа.

Это благословенный плодъ страданій, смерти и воскресенія воплотившагося для спасенія рода человѣческаго Сына Божія. Это вѣнецъ дѣла искупленія человѣчества и соединенія его съ Божествомъ. Итакъ, человѣческая наша природа, созданная

* Въ праздникъ Св. Духа. Представляетъ повтореніе вышенапечатаннаго слова подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ замѣненіями и дополненіями, примѣнительно къ жизни учащихся; сказано въ церкви Троицкой 1-й женской гимназіи.

Богомъ, искупленная и въ искупленіи возсозданная Сыномъ и, наконецъ, освященная зиждительнымъ и животворящимъ Духомъ, какъ бы вновь получаетъ бытіе—лучшее и совершеннѣйшее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возводится на всю доступную для нея высоту чести и славы. И сколько бы мы ни придумывали другихъ основаній, чтобы на нихъ утвердить мысль о чело-вѣческомъ достоинствѣ, мы никогда не въ состояніи будемъ поставить ее выше того положенія, въ которое природа наша приведена въ христіанствѣ: здѣсь она воспринята Сыномъ Божиимъ въ единство лица (впостаси) Богочеловѣка, вознесена съ Нимъ въ Его пречистой плоти ¹⁾ на небо и спосажена (Ефес. II, 6) одесную Отца и, наконецъ, приобщена Духу Святому (Евр. VI, 4). Величіе поистинѣ неизмѣримое!

Мысль о высокомъ достоинствѣ чело-вѣка есть основная мысль Откровенія, основная мысль нашей святой вѣры. Уже первая страница Библии дѣлаетъ ее ясною и непререкаемою рассказомъ о сотвореніи чело-вѣка по образу и подобию Бога (Быт. I, 26—27) и о дарованіи ему власти надъ природою и надъ всеѣмъ живущимъ (Быт. II, 19—20; I, 28). Въ этой мысли—объясненіе горести и глубины паденія чело-вѣка; въ ней объясненіе первоевангелія о Спасителѣ; въ ней—объясненіе всей дальнѣйшей исторіи чело-вѣчества. Проникнутый убѣжденіемъ въ высокое достоинствѣ чело-вѣка, взывалъ царь-пророкъ Давидъ въ псалмѣ: Господи, Господь нашъ, какъ чудно имя Твое по всей землѣ! Когда взираю я на небеса, дѣло рукъ Твоихъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ,—то что такое чело-вѣкъ, что Ты помнишь его, и сынъ чело-вѣчскій, что Ты посѣщаешь его! Немногимъ Ты умалилъ его предъ ангелами, славою и честью вѣнчалъ его и поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ, все положилъ подъ ноги его (Пс. VIII, 2, 4—7). Проникнутый тою же мыслью, и премудрый Соломонъ говоритъ: великая вещь чело-вѣкъ! (Прем. XX, 30.)

Если же въ Ветхомъ Завѣтѣ подавленный грѣхомъ, чувствующій отверженіе отъ Бога, только ожидающій искупленія, чело-вѣкъ такъ ясно сознавалъ свое высокое достоинство въ

¹⁾ Велич. праздн.

ряду твореній, то что же сказать о Завѣтѣ Новомъ, гдѣ грѣхъ уже снятъ, гдѣ насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сошелъ на землю и воплотился Самъ Богъ, гдѣ человѣчество сдѣлалось сыномъ Бога (Іоанн. I, 12; Римл. VIII, 14; Гал. III, 26; Евр. XII, 7), и въ лицѣ Искупителя само какъ бы обожилось, такъ что апостоль, обращаясь къ христіанамъ, прямо говоритъ имъ, что они—причастники званія небеснаго (Евр. III, 1; Кол. I, 12) и даже—причастники Божественнаго естества (Петр. I, 4).

Наконецъ, въ полнотѣ даровъ Св. Духа дается завершеніе и вѣнецъ человѣческому достоинству; отнынѣ жизнь человѣчества процвѣла и украсилась особенною силою, высшею и благодатною, и воистину началась для него благоухающая духовная весна, что зазеленѣла отъ могучей, внутренней живительной силы христіанства и украсилась цвѣтами вѣры и любви, подобно этой, всюду видимой нынѣ, весенней зеленой травѣ, зеленымъ деревьямъ и весеннимъ благоухающимъ цвѣтамъ.

Безъ сомнѣнія, мысль о достоинствѣ и величіи человѣка очень распространена и развита среди людей. Она льститъ человѣческому самолюбію, она пріятна нашему сознанию... Но бѣда, когда человѣкъ разсматриваетъ ее только съ точки зрѣнія правъ, а не со стороны налагаемыхъ ею обязанностей; бѣда, когда это самое величіе совершенно неправильно или односторонне понимается. И, прежде всего, бываетъ величіе только кажущееся, мнимое, а не дѣйствительное, и вовсе недостойное своего имени,—это величіе только внѣшнее. Будетъ ли оно состоять въ большомъ богатствѣ и сокровищахъ, или въ знатности рода и происхожденія; будетъ ли оно въ славѣ и почетѣ, въ высокомъ мѣстѣ, въ высокомъ положеніи въ обществѣ: оно является ничего не стоящимъ съ высшей и нравственной точки зрѣнія, если не опирается на другое величіе, на величіе внутреннее, которое драгоцѣнно само по себѣ, какъ драгоцѣненъ чистый и прекрасный алмазь, независимо отъ той или другой оправы.

Въ чемъ полагаемъ мы это величіе внутреннее? Мы такъ привыкли слышать на этотъ вопросъ затверженный отвѣтъ: конечно, въ человѣческомъ разумѣ... И дѣйствительно, бываютъ

умы талантливые и гениальные, одаренные необыкновенною силою и остротою мысли, обладающіе самыми разнообразными и богатыми свѣдѣніями,—умы, которые пролагаютъ новые пути въ наукѣ, дѣлаютъ въ ней открытія, распространяютъ ея предѣлы. Смотри на рѣдкаго счастливица, обладателя такихъ достоинствъ, мы говоримъ въ восхищеніи: великій мыслитель, великій ученый, великій умъ, великій человѣкъ! Новое время, какъ принято называть его въ научной исторіи, начавшееся съ успѣховъ человѣческаго разума, выразившихся въ цѣломъ рядѣ открытій и изобрѣтеній (XVI—XIX вв.), отличается характерною чертою благоговѣйнаго, чуть не богоподобнаго поклоненія этому величію ума человѣческаго. Часто дарованія ума ставятся единственнымъ мѣриломъ достоинства человѣка, и ради этихъ дарованій все прочее ему прощается, и названіе: „умный человѣкъ“, по общепринятому смыслу и какому-то тайному общему соглашенію, считается лучшею и незамѣнимою похвалою. И, безъ сомнѣнія, никогда еще это величіе ума не достигало такой высокой степени, какой достигло оно теперь. Чего этотъ умъ не измѣрилъ и не изслѣдовалъ? Чего не исчислилъ, не узналъ, чего не придумалъ, чего не покорилъ? При его помощи и изобрѣтательности человѣкъ невредимо опускается на дно морское, поднимается на воздухъ, сокращаетъ огромныя пространства, повелѣваетъ стихіями и силою мысли даетъ направленіе громаднымъ и міровымъ силамъ, заставляя ихъ служить своей пользѣ. Это уже сдѣлано, а какіе успѣхи ума ожидаютъ насъ въ будущемъ, этого мы и представить не можемъ, какъ наши предки 200 лѣтъ назадъ не могли представить себѣ пріобрѣтеній науки нашего времени. Итакъ, можемъ ли мы отрицать это умственное величіе человѣка? Нѣтъ, мы охотно признаемъ его и готовы преклониться предъ нимъ: въ этихъ обширныхъ, изумительныхъ познаніяхъ, въ этой необычайной мощи и власти ума человѣческаго мы видимъ отраженіе высочайшаго Ума, всезнающаго, бесконечно-премудраго и надъ всѣмъ владычествующаго.

Но отдавая должное человѣческому разуму, не станемъ приписывать ему сверхдолжнаго. Не въ немъ одномъ исключительно, и даже главнымъ образомъ не въ немъ истинное

величіе и достоинство человѣка. Нужно ли говорить, что при всѣхъ успѣхахъ ума, чувство безсилія является постояннымъ спутникомъ его дѣятельности, что, съ каждымъ завоеваніемъ въ области познаннаго и познаваемаго, шире и шире открывается область непознаннаго и навсегда непостижимаго—и „человѣкъ со своими знаніями стоитъ предъ неизмѣримымъ величіемъ міра, какъ жалкій нищій со своею жалкою котомкою“. Таковъ голосъ современныхъ и лучшихъ мудрецовъ ¹⁾. Наука собрала подавляющую массу фактовъ и наблюдений, но что тамъ за всѣмъ тѣмъ, что видимо, что выше чувствъ и опыта, что лежитъ въ самой основѣ явленій міра, это осталось для нея книгою, семью печатями запечатлѣнною, и разгадать тайны сущаго, объяснить тайну міра, человѣка и Бога никто не въ силахъ... И замѣчательно, въ нашъ именно вѣкъ необычайныхъ успѣховъ ума все громче и громче, чаще и чаще въ разныхъ концахъ образованной Европы, со стороны людей самыхъ различныхъ направленій и притомъ общепризнанныхъ въ качествѣ представителей и даже великановъ мысли и науки, раздаются скорбные возгласы о „крушеніи науки“, которая, говорятъ, не исполнила своихъ обѣщаній, обманула возлагавшіяся на нее надежды, не дала человѣку счастья и покоя ²⁾. Въ наше именно время можно встрѣтить явленіе, когда человѣкъ, насыщенный всею мудростью вѣка, не знаетъ, куда ему приклониться и готовъ въ отчаяніи повторять знаменитое изреченіе: „главо, главо, разуму упившись, куда ся приклониши“?!

Это потому, что въ погонѣ за одними приобрѣтеніями ума, въ одностороннемъ и рабскомъ поклоненіи ему, какъ идолу, забывалось и забывается другое величіе человѣка — величіе нравственное. Оно не такъ блестяще, не такъ ярко, не такъ бѣгетъ въ глаза, какъ величіе ума. Но безъ него умъ свѣтитъ, да не грѣшетъ, дѣлаетъ человѣка одностороннимъ, а нерѣдко

¹⁾ Дюбуа-Реймонъ: «О предѣлахъ естествознанія»—рѣчь въ Корол. Берл. Общ. Таковы же отзывы и др. выдающихся ученыхъ, напримѣръ, Гельмгольца Пастера, Тиндала, Друммонда.

²⁾ Врунетьеръ, гр. Л. Толстой; отзывы Золя и Ж. Симона въ «Моск. Вѣдом.» 1893 г. №№ 310—330.

приносить и прямой вредъ. Такъ, когда растеніе открыто дѣйствію лучей солнца, и почва, на которой оно растетъ, лишена необходимой влаги, то и солнце, обыкновенно необходимое и благотворное для растенія, на этотъ разъ засушаетъ и убиваетъ его. Подобнымъ же образомъ и душа наша, развивъ силы ума, но оставивъ въ пренебреженіи нравственное развитіе и жизнь сердца, дѣлается сухою, жестокою, себялюбивою, въ тягость себѣ, да не на радость и другимъ. Когда мы проживемъ столько, что будетъ намъ что и кого вспомнить, то, повѣрьте, изъ прошлаго будутъ воспоминаются не люди великихъ умственныхъ дарованій, не люди огромныхъ знаній; нѣтъ, съ отрадою и теплымъ чувствомъ любви и благодарности память удержитъ и вызоветъ изъ прожитаго образы тѣхъ, что много вѣрили и много любили, тѣхъ, что отличались преданностью дѣлу, вѣрностью долгу, любовью, нѣжностью и заботливостью, терпѣніемъ, кротостью, великодушіемъ, безкорыстіемъ, самоотверженіемъ, самопожертвованіемъ,—это образы нашихъ милыхъ отцовъ и добрыхъ матерей, нѣжно любящихъ братьевъ и сестеръ, заботливыхъ родныхъ, сердечныхъ, преданныхъ, безкорыстныхъ друзей... Это величіе нравственное неизмѣримо и по широтѣ вліянія. Для будущихъ поколѣній оно становится образцомъ для подражанія. Нельзя подражать таланту или уму, но подражать добрымъ свойствамъ вѣрующаго и искренняго христіанина для всѣхъ возможно ¹⁾. Такимъ образомъ, и для нравственнаго величія человѣка, какъ и для умственнаго, открыто безграничное поле дѣятельности и постояннаго, непрерывнаго развитія, но оно выше его тѣмъ, что не есть удѣлъ только нѣкоторыхъ избранныхъ счастливыхъ, одаренныхъ особыми талантами и способностями, а равно доступно для всѣхъ людей, сосредоточиваясь въ нравственной способности человѣка и въ его свободной волѣ. Къ этому величію, которое по всей справедливости можно назвать общечеловѣческимъ, призваны во Христѣ Иисусѣ всѣ мы, безъ всякаго различія и безъ исключенія. Для этого величія вознес-

¹⁾ Слова Теофилакта Волгарскаго: „Изъ тѣхъ, которые все основываютъ на умозаключеніяхъ и изслѣдованіяхъ, никто не спасъ насъ; но вывели насъ изъ заблужденія рыбаки“. Слов. Гильдебрандта, стр. 2004.

пшійся Господь Иисусъ открылъ намъ входъ на небо, куда Самъ восшелъ первый Предтечею человѣчества; для этого же величія, въ помощь нашей естественной немощи, какъ печальному наслѣдію грѣха, дарованы намъ благодатныя силы Святаго Духа,—эти *Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), а *плоды духа* это, по слову апостола: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. V, 22); ими человѣкъ, наконецъ, устроится *въ жилище Божіе Духомъ* (Ефес. II, 22).

Прибавлять ли къ сказанному нравственное наставленіе? Но оно всякому очевидно. Если до такой степени, до такого величія возвысилась наша природа, и такую возвышенную имѣетъ задачу жизнь, то, ясно, мы должны уважать свою природу и вести себя сообразно съ ея достоинствомъ, украшаясь благословенными плодами Духа Святаго, указанными св. апостоломъ. Если такъ велико наше званіе, то само собою понятенъ урокъ апостольскій: *умоляю васъ поступать достойно званія, въ которое вы призваны* (Ефес. VI, 1).

При вашихъ занятіяхъ, учащіяся дѣти, при вашихъ ежедневныхъ школьныхъ интересахъ легко вамъ придать развитію одного ума исключительное значеніе и имъ однимъ измѣрять величіе человѣка. Не станемъ же принимать части за цѣлое и будемъ помнить, что истинно великъ тотъ, кто знаетъ не только пути земли, но и дорогу къ небу, кто не только много-знающъ и уменъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благочестивъ и истинный христіанинъ по вѣрѣ и жизни. Объ этомъ величій пишетъ апостолъ Петръ современнымъ ему женщинамъ, слова его можно отнести ко всякой женщинѣ - христіанкѣ, а еще шире—ко всякому христіанину: *не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человекъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоценно предъ Богомъ. Аминь.*

Общецерковное пѣніе.*

Святой апостоль Павель въ одномъ изъ своихъ посланій христіанамъ своего времени пишетъ: „Исполняйте Духомъ, назидая самихъ себя псалмами, славословіями и пѣснопѣніями духовными, поя и воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу“ (Ефес. V, 18—19). Такой же совѣтъ не разъ встрѣчается и въ другихъ апостольскихъ посланіяхъ. (См. Іак. V, 13; Колос. III, 16; Римл. XV, 9. Ср. Апок. V, 9; XV, 3; XIX, 5.) Не удивляйтесь тому, что и мы начинаемъ сегодня поученіе вамъ этими словами апостола о духовномъ пѣніи. Когда сейчасъ за литургіей слушалъ я ваше общее пѣніе, мнѣ представлялось живо, какъ прекрасно исполнялась полная глубокаго смысла молитва Церкви къ Господу: „и даждь намъ *единими* усты и *единимъ* сердцемъ славить и воспѣвать имя Твое“. А вмѣстѣ съ тѣмъ предъ духовнымъ взоромъ проносятся трогательныя картины изъ священнаго прошлаго. Вотъ предъ нами священный поэтъ и сладкій пѣвецъ Израиля царепророкъ Давидъ. Съ какимъ воодушевленіемъ взываетъ онъ: „Славьте Господа, пойте Ему во псалтири; пойте Ему стройно съ восклицаніемъ! (Пс. 32, 2—3.) Радостно пойте Богу, твердынѣ нашей; восклицайте Богу Іакова (Пс. 80, 2). Благо есть славить Господа, и пѣть имени Твоему, Всевышній, возвѣщать утромъ милость Твою и истину въ ночи (Пс. 91, 2—4). Пойте Богу..., пойте имени Его, ибо это сладостно (Пс. 134, 3). Хвалите Господа, ибо благо пѣть Богу нашему“ (Пс. 146, 1). О себѣ же самомъ Давидъ говорить: „Воспою Господу въ жизни моей, буду пѣть

* Произнесено 26 сентября 1898 года въ присутствіи попечителя Кавказскаго учебнаго округа въ домовой церкви 1-й Тифлисской женской Великой Книгини Ольги Феодоровны гимназій. Литургію пѣли болѣе 200 ученицъ гимназій въ четырехголосной гармонизаціи, подъ управленіемъ преподавателя пѣнія, свободнаго художника С.-Петербургской Консерваторіи Д. М. Янчкова. Начальствомъ гимназій имѣлось въ виду въ недалекомъ будущемъ привлечь къ общецерковному пѣнію всѣхъ православныхъ ученицъ. Первый опытъ увѣнчался успѣхомъ: за три недѣли занятій болѣе половины ученицъ могли уже пѣть литургію.

Богу моему, пока существую“ (Пс. 145, 1—2 и Пс. 103, 33—34). И дѣйствительно, всю свою жизнь, всю богато одаренную душу свою принесъ онъ въ жертву живую, чистую, благоугодную Богу (Римл. XII, 1),—и только Богу Единому и чистымъ небесамъ всю жизнь звучала дивная арфа и возвышенная пѣснь царственнаго пророка израилева. Давидъ не считалъ низкимъ для своего царскаго достоинства съ увлеченіемъ заниматься устройствомъ и обученіемъ хора пѣвцовъ, многочисленнаго по составу ¹⁾, и далъ совершенную организацію ветхозавѣтному церковно-богослужебному пѣнію (ср. 1 Ц. гл. XXVI).

Перенеситесь ко временамъ Новаго Завѣта. Предъ нами нашъ Спаситель въ послѣдній день Своей жизни, послѣ тайной вечери, идетъ въ Геесиманскій садъ на міровой подвигъ страданія и молитвы. Что же Онъ дѣлаетъ съ учениками Своими? „И *воспѣше* изыдоша въ гору Елеонскую“ (Марк. XIV, 26), говоритъ св. евангелистъ. Въ этомъ пѣніи искала исхода молитва Господа Іисуса, искало покоя и уравниженности духа Его человѣчество предъ лицомъ грядущей смерти. Вотъ предъ нами еще картина. Апостолы-проповѣдники заключены въ темницу, забиты въ колоды... Глухая полночь... Но что это мы слышимъ? Мрачные своды темницы оглашаются звуками христіанскихъ молитвъ и пѣснопѣній: апостолы поютъ,—и тюрьма обращается въ храмъ, мѣсто скорби дѣлается мѣстомъ утѣшенія, и, внемля пѣвцамъ, задумывается стражъ темничный, внимательно слушаютъ узники-преступники; слово проповѣди льется въ сердца и приносить евангелію богатую жатву: въ ту же ночь стражъ темничный принимаетъ крещеніе со всѣми домашними своими (Дѣян. XVI, 25—34). И, конечно, опытомъ дозналъ великій апостоль всю благотворность молитвеннаго пѣнія, когда даетъ ученикамъ своимъ такое наставленіе: „слово Христово да вселяется въ васъ обильно, со всякою премудростію“, а затѣмъ: „*научайте и разумляйте друга друга псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, въ благодати воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу*“ (Колос. III, 16).

¹⁾ Около 300 человѣкъ; см. 1 Цар. XVI, 4.

Мы знаемъ, что первенствующіе христіане слушались апостола, и ихъ молитвенныя собранія сопровождалась всегда общимъ пѣніемъ, несмотря на то, что оно легко выдавало ихъ врагамъ-язычникамъ. Неисчислимы были послѣдствія этого добраго обычая для религіознаго воспитанія и воодушевленія вѣрующихъ, для подъема молитвеннаго духа и для той священной красоты, въ которую Церковь любитъ облекать свое богослуженіе. Неблагопріятныя историческія обстоятельства послѣдующихъ временъ сдѣлали то, что обычай общецерковнаго пѣнія постепенно исчезъ почти повсемѣстно въ церквахъ Востока; главная причина заключалась въ томъ, что, подъ вліяніемъ несчастій и бѣдствій государственныхъ, вслѣдствіе нашествія враговъ, разрушавшихъ города и селенія, а въ нихъ — храмы и школы, стало падать среди христіанъ просвѣщеніе. Но въ богослужебныхъ книгахъ нашихъ съ удивительнымъ постоянствомъ, наперекоръ самой дѣйствительности, какъ воспоминаніе о прошломъ и какъ живая укоризна настоящему, неизмѣнно пишется: іерей глаголетъ, *модіе*, — а не одни пѣвцы избранные, — людіе отвѣщаютъ; іерей глаголетъ, напрімѣръ, горѣ имѣемъ сердца, *народъ* же (ликъ — народъ) ¹⁾ отвѣчаетъ: имамы ко Господу. Сохраняется донынѣ въ литургіи и извѣстная вамъ молитва, которая ясно свидѣтельствуетъ о древнемъ общенародномъ пѣніи въ церкви: „и даждь намъ *единѣми усты* и *единѣмъ* сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Твое“... И слышится въ этихъ словахъ какъ бы мольба Церкви къ вѣрующимъ облечь ее вновь, какъ въ былые дни древности, въ красоту несказанную, въ красоту всенародной молитвы *единѣми усты* и *единѣмъ* сердцемъ...

Послѣ всего сказаннаго нужно ли еще доказывать вамъ всю высоту и великую важность общецерковнаго пѣнія? Но объ этомъ говоритъ сама душа человѣческая, которой сродна и люба эта всенародная молитва, возносимая всенароднымъ голосомъ, которая, по выраженію апостола, *исполняетъ насъ духомъ* (Ефес. V, 18), дѣлаетъ насъ непосредственными участ-

¹⁾ Проф. П. Свѣтловъ: „Религіозно-нравственное значеніе искусства и въ частности музыки“. См. „Странникъ“ 1894 г., № 2.

никами „литургіи“, этого, по буквальному переводу, *общаго дѣла*, дѣлаетъ сладкимъ, увлекательнымъ, неутомительнымъ время богослуженія. Да и самая причина, по которой прекратилось общее пѣніе въ церквахъ Востока,—отсутствіе просвѣщенія не имѣетъ значенія для васъ, получающихъ образованіе и просвѣщеніе въ стѣнахъ школы.

Итакъ, съ полнымъ правомъ, отъ имени Церкви, какъ вашъ пастырь духовный, отъ имени всѣхъ добрыхъ и благомыслящихъ людей привѣтствуемъ ваше доброе начинаніе, пока еще робкое, неувѣренное, и желаемъ ему процвѣтанія, успѣха и долговѣчности. Пожелаемъ вамъ, чтобы усердіе ваше не ослабѣвало; пожелаемъ, чтобы молитва Церкви *о труждающихся и поющихъ*¹⁾ низвела вамъ радость духа, благословеніе и утѣшеніе труда! Св. Давидъ всѣхъ приглашаетъ: „Пойте Богу нашему, пойте; пойте царице нашему, пойте; пойте всѣ разумно“,²⁾ назидая себя и другихъ! Въ христіанскомъ богослуженіи всѣ обязаны участвовать въ мѣру силъ и дарованій: и чтеніемъ, и пѣніемъ, и трудомъ, и молитвою, и жертвою, чтобы были мы въ храмѣ, какъ одна семья, дружная, сплоченная, любовная. Но назидать себя и другихъ пѣніемъ можно только тогда, когда мы будемъ выполнять до конца совѣтъ псалмопѣвца: *пойте Богу разумно* (Пс. 46, 7). Вникайте же въ смыслъ церковныхъ пѣсней, доводите ихъ до сознанія и сердца, молитесь ими, обращайтесь ихъ въ свое душевное достояніе. Тогда, дѣйствительно, будетъ исполнено наставленіе апостола: „*научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіями и пѣснями духовными, въ благодати воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу*“ (Колос. III, 16).

Благословеніе Господне на васъ Того благодатію и чело-
вѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

¹⁾ Прощеніе сугуб. ектеніи.

²⁾ Проким. предъ чтен. апостола гл. 3-й; заимствованъ изъ пс. 46, 7.

Свѣтлый юбилей.*

Братіе и дѣти! Въ нынѣшній день, посвященный Церковью въ честь Св. Архистратига Божія Михаила, празднуетъ свое тезоименитство Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Въѣстѣ съ тѣмъ, по волѣ Государя Императора, къ нынѣшнему же дню приурочено торжественное празднованіе пятидесятилѣтія службы Августѣйшаго Именинника Царю и отечеству. Пятьдесятъ лѣтъ жизни—не малое время; пятьдесятъ лѣтъ службы—это уже явленіе рѣдкое, а пятьдесятъ лѣтъ служенія Великаго Князя на высшихъ должностяхъ государственныхъ, при непосредственномъ и самомъ близкомъ участіи въ самыхъ выдающихся событіяхъ жизни отечества, —это цѣлая эпоха, цѣлый отдѣлъ исторіи, это жизнь, далеко не безслѣдная для родины. И дѣйствительно, при самомъ бѣгломъ обзорѣ служенія Великаго Князя мы видимъ, что Онъ пережилъ, какъ непосредственный участникъ и дѣятель, минуты, самыя важныя въ исторіи Россіи: мы видимъ Его и въ числѣ подвижниковъ вѣчно-памятной Крымской войны, подъ самыми стѣнами многострадальнаго Севастополя, и въ эпоху великихъ реформъ Императора Александра II, и въ усмиреніи Кавказа, и въ управленіи имъ, и во главѣ войскъ въ минувшую русско-турецкую войну, и, наконецъ, въ послѣднія 16 лѣтъ—во главѣ высшаго правительственнаго учрежденія Россіи—Государственнаго Совѣта, въ качествѣ направителя всей законодательной работы и внутренней жизни нашего отечества, въ качествѣ ближайшаго совѣтника Государя и ближайшаго исполнителя царскихъ предначертаній. Уже этотъ путь службы и жизни невольно привлекаетъ всеобщее внима-

* Рѣчь предъ молебствіемъ въ день тезоименитства и пятидесятилѣтняго юбилея службы Его Императорскаго Высочества Фельдмаршала и Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Великаго Князя Михаила Николаевича. Сказана 8 ноября 1898 года въ церкви 1-й Тифлисской женской Великой Княгини Ольги Теодоровны гимназіи.

не къ маститому царственному Юбиляру, старѣйшему по возрасту среди членовъ Царствующаго Дома.

Но Великій Князь Михаилъ Николаевичъ къ намъ близокъ особенно; Онъ близокъ намъ и какъ жителямъ Кавказа, и какъ учащимъ и учащимся въ нашей гимназiи.

Въ высококомъ званiи Намѣстника Кавказскаго края Онъ явился здѣсь въ пору расцвѣта своего мужества и въ моментъ чрезвычайной исторической важности. Еще не замолкли тогда военные громы въ горахъ Кавказа,—и Великому Князю-Намѣстнику первымъ дѣломъ пришлось закончить торжествомъ русскаго оружія вѣковую борьбу съ непокорными горцами Кавказа. Вслѣдъ за этимъ началась упорная, долгая, хотя и не столь примѣтная, работа проведенія въ жизнь новоприсоединеннаго края началъ просвѣщенія и истинной гражданственности. Въ край, только-что завоеванномъ, разновѣрномъ и разноплеменномъ, среди населенія, не воспитаннаго въ правилахъ порядка и законности, нерѣдко привыкшаго уже издавна жить грабежами и насиліемъ, среди населенія воинственнаго, еще недавно враждебнаго Россiи,—работа управленія, выпавшая на долю Великаго Князя, была чрезвычайно трудная, требовавшая необыкновенной вдумчивости, осторожности, рѣдкаго спокойствія и рѣдкой государственной мудрости. Нужно было полагать общія начала жизни края, нужно было во всякомъ новомъ начинанiи отвѣтствовать предъ будущимъ,— а дѣла было подавляюще много, и дѣло было сложное, какъ сложна и разнообразна сама жизнь. Нужно было твердо и вѣрною дорогою вести край къ мирному сліянiю съ Россiей, подъ скипетромъ которой богато одаренному природой Кавказу, истерзанному вѣковыми смутами и раздорами, суждено найти себѣ миръ, спокойствіе, обезпеченіе труда и всесторонняго развитія. Великому Князю подсказало эту дорогу доброе и любящее сердце.

Онъ сумѣлъ и при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ въ жизни Кавказа избѣгнуть всего жесткаго, рѣзкаго, озлобляющаго, сумѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь и уваженіе въ населенiи края и тѣмъ связать его самыми лучшими узами съ великимъ общимъ русскимъ отечествомъ. Прошло

16 лѣтъ съ того времени, какъ Великій Князь оставилъ Кавказъ, — но когда, ласковый и привѣтливый, появился Онъ здѣсь полтора мѣсяца назадъ среди жителей Тифлиса, мы всё были свидѣтелями, что этихъ шестнадцати лѣтъ какъ бы не бывало: такъ живы созданныя имъ сердечныя связи, такъ глубока оставленная имъ по себѣ добрая память, такъ незабвенны въ благодарныхъ и любящихъ сердцахъ годы Его управленія Кавказомъ.

Нужно ли говорить, съ какими чувствами ждали Его здѣсь, въ нашей гимназiи, и подъ какими свѣтлыми впечатлѣнiями остались мы всё послѣ Его пребыванiя среди насъ? Гимназiя наша обязана своимъ существованiемъ заботамъ Великаго Князя и Его незабвенной Супруги, нынѣ усопшей Великой Княгини Ольги Θεодоровны. И въ свое послѣднее посѣщенiе Тифлиса Великій Князь опять ясно выказалъ свою близость и расположенiе къ основанной Имъ нѣкогда женской гимназiи. Онъ съ радостью увидѣлъ и засвидѣтельствовалъ количественный и качественный ростъ нашего учебнаго заведенiя, вспоминалъ, какъ открывалъ его когда-то въ маломъ и тѣсномъ зданiи; съ грустью Онъ замѣтилъ, что нынѣшнее цвѣтущее состоянiе гимназiи доставило бы искреннюю радость Его усопшей Супругѣ. Все Онъ здѣсь внимательно посматрѣлъ, все узналъ, все припомнилъ, обо всемъ съ любовью разспросилъ и дорогими для насъ словами увѣрилъ, что и донынѣ ему близка наша гимназiя. Съ трогательнымъ вниманiемъ отнесся Онъ къ тѣмъ начальствующимъ и учащимъ, которые служили при гимназiи въ годы Его намѣстничества, обладалъ вновь поступившихъ работниковъ нашей школы, — и для всѣхъ нашелъ Онъ и доброе пожеланiе, и ласковую улыбку, и привѣтливое слово.

Незабвенно останется время Его пребыванiя среди ученицъ, когда нѣсколько тревожное, естественно заботливое настроенiе, въ ожиданiи Высокаго Гостя, вдругъ смѣнилось свѣтлою радостью, непринужденнымъ дѣтскимъ весельемъ, лишь только взглянули въ дѣтскiе глаза ласковыя очи Великаго Князя, лишь только явилось предъ ними дышущее привѣтомъ и добротою лицо Его. Сердце сердцу вѣсть подало..

и въ Высокомъ Гостѣ, въ маститомъ представителѣ Царствующаго Дома, въ убѣленномъ сѣдинами Предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта дѣтскія сердца сразу и безошибочно почувствовали отечески-нѣжную, добрую душу,—и не было конца изъявленіямъ дѣтской радости, любви и восторга! Какой то былъ свѣтлый день! Какія свѣтлыя воспоминанія! Какъ радостны были тогда здѣсь все отъ мала до велика, и какъ долго послѣ отъѣзда Великаго Князя не хотѣлось уходить изъ этихъ стѣнъ, гдѣ вѣяло духомъ ласки и привѣта дорогаго Гостя, гдѣ, какъ свѣтлое видѣнье, оставался неизгладимымъ Его образъ и какъ бы чувствовалось обаяніе Его посѣщенія...

Нынѣ, въ день Его радости, когда со всехъ концовъ Россіи по почину Верховнаго Вождя ея, Государя Императора, понесутся Августѣйшему Имениннику и Юбиляру горячія привѣтствія и благожеланія,—соединимъ и мы свои сердца въ молитвѣ съ общими изъявленіями Ему чувствъ любви, благодарности и сердечной преданности.

Господь, *отъ Котораго устроятся стопы мужу, да приложитъ Ему дни на дни, и лѣта на лѣта*, и да сохранитъ Его до послѣднихъ предѣловъ жизни человѣческой въ здравіи, мирѣ и радости, и въ подвигѣ бодрого, умудреннаго долгимъ опытомъ труда на пользу нашему дорогаго отечеству! Аминь.

Повиновеніе.*

„Повинуйтесь всякому человѣческому начальству Господа ради... Какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи“ (1 Петр. II, 13, 16).

Во дни церковно-гражданскихъ праздниковъ, когда молитвенно освящается союзъ подданныхъ съ Царемъ и прави-

* Слово въ царскій день.

тельствомъ, когда Церковь напоминаетъ и начальникамъ, и подвластнымъ объ ихъ обязанностяхъ, безъ сомнѣнія, умѣстно приведенное наставленіе апостола, умѣстно слово о *повиновеніи*. Но умѣстны ли мысль о повиновеніи и вмѣстѣ мысль о свободѣ, стояція у апостола рядомъ, одна подлѣ другой? Не станемъ скрывать, что такъ-называемыя анархическія стремленія, въ прежнее время прямо и явно становившіяся во враждебное отношеніе къ христіанству, въ наши дни, въ системахъ нѣкоторыхъ мыслителей, нерѣдко популярныхъ, стараются прикрыться именемъ евангелія. Не нужно доказывать, что, по размѣрамъ опасности для государствъ и народовъ, взрывы и злодѣянія заграничныхъ анархистовъ—это только игрушки сравнительно съ указанными стремленіями перевести теорію безначалія на почву религіи и тѣмъ открыть ему доступъ въ народныя массы. Только тотъ, кто не умѣетъ мыслить послѣдовательно и доводить до конца положенія мысли,—только тотъ можетъ не понимать, къ чему ведутъ эти отрицанія во имя евангелія,—отрицанія государства, власти, суда, присяги, службы, всякой политической и общественной организаціи, Церкви, труда, науки, искусства и проч. Давно съ изумительнымъ проникновеніемъ въ глубь назрѣвающихъ событій и съ необыкновенною силою слова отмѣтилъ это древній пророкъ: *„И будутъ людіе аки жрецъ, и рабъ аки господинъ, и раба аки госпожа, будетъ купуяй яко продаяй, и взаимъ емляй аки заимодавецъ, и должный аки ему же есть долженъ“*... И сейчасъ-же пророкъ указываетъ конецъ такого порядка, точнѣе—безпорядка жизни: *„тлѣніемъ истлѣтъ земля, и расхищеніемъ расхищена будетъ земля“*, разсыплется и опустошится вселенная, и расточатся живущіе на ней: *„уста бо Господня глаголаша сія“* (Ис. XXIV, 1—3). Таковъ конецъ человѣческихъ ученій, желающихъ устроить жизнь на началахъ ложно понятой и односторонней свободы, которая исключаетъ всякій долгъ, покорность и повиновеніе. Замѣчательно ученіе христіанства объ этомъ предметѣ; замѣчательно именно тѣмъ, что оно не только допускаетъ, какъ уступку, но непременно требуетъ, какъ-бы коренного условія, требуетъ со- вмѣщенія и свободы, и повиновенія. Такимъ образомъ, повино-

веніе христіанское есть *повиновение особенное*, запечатлѣнное, какъ все въ христіанствѣ, характеромъ свободы, неразлучной съ сознаниемъ, слѣдовательно *характеромъ нравственнымъ*. Всякое-ли повиновение имѣетъ эту нравственную цѣну? Вникнемъ въ глубокой смыслъ этого ученія христіанскаго и поставимъ его ближе у сердца и сознанія.

Окиньте взоромъ всю совокупность бытія, и вы увидите, какъ повсюду въ этой широкой и безграничной области, отъ величайшихъ свѣтилъ, подчиненныхъ съ изумительною точностью закону движенія и закону мірового тяготѣнія, и до мельчайшихъ, незримыхъ, предполагаемыхъ атомовъ, до послѣдней пылинки и капли воды,—все устроено числомъ, мѣрою и вѣсомъ, все повинуется установленнымъ законамъ бытія, которые въ своемъ дѣйствіи обращаютъ міръ въ стройный и прекрасный космосъ, въ отличіе отъ беспорядочнаго хаоса. Какое вездѣ удивительное повиновение! Все здѣсь необыкновенно точно, ясно, послѣдовательно и непреложно, не вмѣстѣ съ тѣмъ—и этого не нужно забывать—все здѣсь и не свободно, принудительно, безсознательно; все совершается механически и однообразно. Нѣтъ, не здѣсь образъ христіанскаго, нравственнаго повиновенія! Здѣсь только непреложное по силѣ убѣдительности средство увѣриться въ томъ, какъ необходимо вообще повиновение и какъ безъ него чрезъ одинъ моментъ весь міръ обратился бы въ беспорядочное смѣшеніе и ничтожество.

Перейдемъ въ область человѣческихъ отношеній—и здѣсь мы увидимъ, какъ то же повиновение, постепенно поднимаясь отъ механическаго и животнаго до человѣческаго и христіанскаго, заключается великими и святыми словами: „*да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*“... Начиная отъ первоосновы человѣческаго общежитія—семьи и оканчивая послѣднимъ словомъ его, сколько бы ни разнообразились формы общественной жизни, всегда и вездѣ и неизмѣнно повиновение было и будетъ основнымъ условіемъ порядка, спокойствія и счастья людей. Повторяемъ только, что оно и въ человѣческихъ обществахъ, и въ отдѣльныхъ лицахъ постепенно и понемногу очищается и возвышается подъ воздействием христіанства.

Есть повиновение изъ-за выгоды: за него хорошо платять деньгами-ли, положеніемъ-ли въ обществѣ и государствѣ, платою-ли тщеславія или самолюбія,—это все равно; во всякомъ случаѣ, это повиновение корыстолюбца. Если апостолъ говоритъ, что нужно повиноваться *Господа ради*, то здѣсь (т.-е. въ повиновеніи изъ-за выгоды) повиновение только *себя ради*. Есть въ немъ, конечно, сознание, но нѣтъ свободы и любви. Нѣтъ, и не здѣсь намъ учиться христіанскому повиновенію! Царство Божіе не для корыстолюбцевъ, и даже то повиновение, которое, оставивъ земное, водится ожиданіемъ награды небесныхъ и рассматриваетъ ихъ, какъ исключительный мотивъ для своей дѣятельности, и это повиновение не чуждо упрека въ корыстности и, слѣдовательно, въ нравственной малоцѣнности. Безъ всякаго сомнѣнія, съ христіанскою покорностью связана награда, но она служитъ только *слѣдствіемъ* Божественной милости и правды, а не побужденіемъ къ дѣятельности, по крайней мѣрѣ, не высшимъ, не совершеннѣйшимъ: для повиновенія высшій и достойнѣйшій мотивъ есть любовь, и небо есть удѣлъ любящихъ. Такъ св. апостолъ Павелъ повиновался долгу своему; онъ же указывалъ и вѣчныя радости того нерукотвореннаго и вѣчнаго дома, который унаслѣдуемъ мы по разрушеніи хижины тѣла (2 Кор. V, 1). Но любви его не удерживаетъ даже лишеніе этихъ вѣчныхъ радостей: „великая для него печаль и непрестанное мученіе сердцу его; онъ желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ своихъ, родныхъ ему по плоти, т.-е. за израильтянъ“, лишь бы видѣть ихъ увѣровавшими и спасенными (Римл. IX, 2—4). Пусть послѣ этихъ словъ кто-нибудь скажетъ, что покорность христіанина долгу есть покорность себялюбца!

Есть другое повиновение,—*повиновение раба*. Рабъ долга,—какъ многихъ восхищало это слово! Слѣпое и безусловное повиновение,—какъ многіе ставятъ это въ особую заслугу подчиненнымъ и въ образецъ для своей или чужой дѣятельности! Римская государственность и философія стойковъ завѣщали міру этотъ идеаль повиновенія, какъ единственно вѣрный. Кажется, будто оно выше животнаго повиновенія корыстолюбца.

Но нѣтъ-ли и въ немъ унижающаго человѣческой духъ элемента животности? Вѣдь рабъ есть служитель страха, управляемый бичомъ приставника. Но если, братіе мои, небо назначено для сердець любящихъ, то нужно помнить великое слово апостола: „Страхъ нѣтъ въ любви, но совершенная любовь вонъ изгоняетъ всякій страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви“ (1 Іоанн. IV, 18). Не Христосъ-ли былъ Господомъ и учителемъ Своихъ учениковъ? Но вотъ въ послѣднюю бесѣду съ ними, когда они получаютъ полномочія служить Его дѣлу и продолжать это дѣло на землѣ, Онъ Самъ называетъ ихъ *друзьями* Своими и при этомъ добавляетъ: „Я уже не называю васъ рабами, ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его“ (Іоанн. XV, 15). Слова нѣтъ: слѣпое повиновеніе легче, чѣмъ сознательное и любовное, какъ не требующее ни усилій, ни размышленія; слова нѣтъ: часто, и очень часто, это повиновеніе производило чудеса и служило значительнымъ средствомъ успѣха въ добрѣ.

Но кому видно, что это же не повиновеніе можетъ быть обращено съ такимъ же успѣхомъ и въ орудіе зла? Кому не видно, что если бы Господь нуждался въ рабахъ долга, слѣпыхъ и работающихъ не любовью, а страхомъ, то развѣ Онъ не могъ бы явить Сына Своего въ подавляющемъ величій силы и власти, развѣ не могъ бы Онъ дать Ему болѣе двѣнадцати легионовъ ангеловъ (Мѣ. XXVI, 53), которые бы огненными мечами внушили страхъ людямъ, принудительно обративъ ихъ въ рабовъ долга? Не могъ ли Онъ оградить исполненіе воли Своей страшными наказаніями, немедленно слѣдующими за грѣхомъ, и такимъ образомъ создать въ людяхъ неизмѣнное Себѣ повиновеніе? Но тогда бы человѣкъ былъ скорѣе вещью, а не свободною личностью; тогда бы и въ повиновеніи его было столько же нравственнаго элемента и столько же нравственной заслуги, сколько есть ихъ въ движеніи планетъ и въ ростѣ дерева...

Но Богъ, создавъ насъ разумными, и свободными, и любящими, желаетъ отъ насъ и повиновенія, которое было бы прокинуто не тѣми свойствами выгоды и страха, которыя общи у насъ съ животными, а тѣми истинно-человѣческими

свойствами свободы, любви и разума, которыя являются въ насъ *постоянными и существенными*, отличающими насъ отъ міра безсловеснаго и неразумнаго... Въ твореніи человѣка съ душою разумною и свободною Богъ увѣнчалъ Свое твореніе. Міръ вещественный повиновался Ему по неизбѣжному закону; по закону, родственному этой неизбѣжности, повиновался Ему и міръ животный. Тогда, какъ вѣнецъ творенія, изъ руки Создателя исходитъ человѣкъ, исходитъ существо, которое, по плану Творца, свободно и сознательно должно отвѣчать на Его любовь и свободно и сознательно исполнять Его волю. Величіе христіанина въ томъ и состоитъ, что онъ отвѣчаетъ этому намѣренію Творца своего. И здѣсь, о, братіе мои, первообразъ выспаго и нравственнаго повиновенія: „какъ свободные,—говоритъ апостоль,—не какъ употребляющіе свободу въ прикрытие зла“!.. (1 Петр. II, 16). Здѣсь повинуются „не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть“ (Римл. XIII, 5), здѣсь „не въ глазахъ только служатъ, какъ человѣкоугодники, но въ простотѣ сердца дѣлаютъ все отъ души, какъ для Господа, а не для человѣковъ“ (Кол. III, 22—23). И что главнѣе всего, и что выше всего, въ этомъ повиновеніи неизмѣнно и непрѣменно сохраняется въ полной силѣ великое изреченіе апостола: „*къ свободѣ призваны вы, братіе*“ (Гал. V, 13). Такъ и Богочеловѣкъ, будучи не только свободнымъ, но и Владыкою неба и земли, „волею смирилъ себе, послушливъ былъ даже до смерти“ (Филипп. II, 8); въ часъ тягчайшей муки, когда Онъ душу свою полагалъ, имѣя, по Его собственнымъ словамъ, „полную власть и свободу положить ю и паки пріяти ю“ (Іоанн. X, 17—18), въ часъ душевнаго боренія до кроваваго пота Онъ говорилъ Отцу Своему: *не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. XXII, 42, 44).

Только такое повиновеніе, сохраняя личность и нравственную цѣну человѣка, не унижая его, даетъ обществу и государству такихъ слугъ, которые исполняютъ долгъ и безвѣстный, и не картинный, и не кричащій, которые перенесутъ и страданіе, и мученіе, и притомъ „не предъ очима тоцію работающе, но отъ души“ (Еф. VI, 5—6), „предъ владыками не токмо благими и кроткими, но и строптивыми“ (1 Петр. II, 18);

они исполняютъ долгъ не ради выгоды, не ради чести и не изъ страха: не только тогда, когда нарушение долга несетъ за собою кару, но и тогда, когда оно можетъ пройти незамѣтно и безнаказанно. А сколько нужно такихъ тружениковъ! Сколько ихъ и теперь, разбросанныхъ въ непримѣтныхъ уголкахъ земли, въ невидной обстановкѣ, невѣдомыхъ, непримѣтныхъ, которые, однако, своимъ повиновеніемъ долгу хранятъ благо и счастье отечества! Миръ вамъ, братья! Хвала и покой совѣсти и Божіе благословеніе—труду и подвигу награда!.. Такъ мы нерѣдко пьемъ воду изъ рѣки, забывая объ ея источникахъ...

Жизнь часто сравниваютъ съ войною, не въ смыслѣ животной борьбы за существованіе, рѣзкости которой должны болѣе сглаживаться и таять *съ христіанской* культурѣ, а въ смыслѣ борьбы добра и зла, свѣта и тьмы, правды и неправды. Христіанская воинствующая на землѣ Церковь ведетъ эту борьбу; не свободно отъ нея и христіанское государство. На войнѣ требуются дисциплина неумолимая и повиновеніе самое строгое,—кто противъ этого спорить? Но вотъ въ жаркомъ и рѣшительномъ сраженіи, въ то время, какъ одни воины занимаютъ передніе ряды, славные мужествомъ и отвагою, видимо отвоевывая побѣду чудесами храбрости, цѣною жертвъ и усилій,—другіе воины стоятъ на одномъ мѣстѣ: стоятъ въ теченіе долгихъ, томительныхъ и страшныхъ часовъ; стоятъ недвижные, съ оружіемъ въ рукахъ въ то время, какъ убійственный огонь непріятеля, посядающія ядра его пушекъ уносятъ изъ ихъ рядовъ одного за другимъ; стоятъ, сгорая желаніемъ двинуться въ бой, но, вѣрные приказу, остаются на мѣстѣ, понимая значеніе своего поста, и иногда даже не смѣютъ отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы. Кончилась битва, и объявлена блестящая побѣда. Первые идутъ, увѣнчанные славой, богатыми трофеями, и далеко разносятся ихъ имена, какъ имена героевъ, и воистину, по заслугамъ. А вторые... которые не менѣе, если не болѣе, влияли на исходъ битвы? Не прославятся ихъ имена, не огласятся ихъ подвиги, и невѣдомы останутся погибшіе герои, а между тѣмъ для такого-то именно молчаливаго подвига на войнѣ избираются самые опытные, самые дисципли-

нированные войны. Только разумное, добровольное и любовное повиновение можетъ дать такихъ воиновъ: въ числѣ ихъ и въ великой жизненной войнѣ, и въ службѣ отечеству такъ или иначе, съ той или другой стороны приходится быть каждому изъ насъ. Пусть же будетъ и наше повиновение нравственно-христіанскимъ, а не животно-себялюбивымъ и рабскимъ! Пусть печатью разума, любви и свободы будетъ закрѣплено наше служеніе Царю и отечеству! И пусть на нашей родной землѣ и семья, и школа, и жизнь общественная воспитаютъ побольше такихъ слугъ Царю и отечеству, которые бы повиновались долгу званія, какъ христіане, а не какъ челоуѣкоугодники, какъ свободные и любящіе сыны, а не какъ трусливые рабы! Царство земное въ этомъ случаѣ подобно царству небесному: и оно открыто только для свободно-разумныхъ и любовію работающихъ сердець. Аминь.

Христіанство и социальный вопросъ.*

Священные книги Новаго Завѣта, рассказывающія объ основаніи и первоначальномъ устройствѣ христіанской Церкви во времена апостоловъ, передаютъ намъ не мало случаевъ самой возвышенной благотворительности, самаго трогательнаго милосердія. По словамъ книги Дѣяній Апостольскихъ, *у множества вступившихъ была душа едина и сердце едино, и не было среди нихъ никого нуждающагося* (Дѣян. IV, 32, 34). И вполнѣ понятно, что въ эту весну христіанской жизни съмена Христова ученія о любви и милосердіи росли особенно быстро и замѣтно, и сказывалось съ особенною силою слово Спасителя, указывающее характеристическія свойства Его послѣдователей: *„по тому узнаютъ въ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“* (Іоанн. XIII, 35).

* Рѣчь на первомъ засѣданіи Почетительнаго Общества о Домѣ трудолюбія въ г. Тифлисѣ.

Но и тогда, при естественномъ и вполне понятномъ воодушевленіи, свойственномъ новообращеннымъ, при строго и исключительно религіозномъ характерѣ первоначальнаго христіанскаго общества, чуждаго всякихъ заботъ государственнаго бытія, при несложности и патриархальности экономическихъ отношеній, особенно въ Палестинѣ,—и тогда, оказывается, на первыхъ же порахъ дѣло христіанской благотворительности, съ необходимостью вытекающее изъ общаго духа христіанства, потребовало упорядоченія, правильной организаціи. Изъ той же книги Дѣяній Апостольскихъ узнаемъ, что когда умножилось число вѣрующихъ въ Іерусалимѣ, тотчасъ же появились нѣкоторыя недоразумѣнія при раздачѣ пособій бѣднымъ. Тогда апостолы предложили вѣрующимъ избрать изъ среды своей семь благочестивыхъ мужей; на избранныхъ послѣ молитвы возложили руки, призывая всесильную помощь Духа Святаго, и поручили имъ заботиться о содержаніи христіанскихъ вдовъ и сиротъ (Дѣян. VI, 1—6). Этими избранными лицамъ первенствующіе христіане передавали свои посильныя жертвы на дѣло благотворенія. Когда, затѣмъ, христіанство вышло изъ предѣловъ Палестины и, какъ восходящее солнце, быстро озарило и согрѣло живительными лучами своими міръ языческой, то и здѣсь оно прежде всего вызвало къ жизни и къ проявленію въ дѣятельности чувства любви и милосердія къ бѣднымъ и несчастнымъ. И опять мы видимъ то же стремленіе дать дѣлу благотворительности порядокъ и правильность, въ соотвѣтствіи съ тогдашними условіями быта. Великій апостольскій язычникъ св. Павелъ и самъ нерѣдко бывалъ сборщикомъ и раздавателемъ пособій на нужды голодныхъ и другихъ несчастныхъ (въ Антіохіи, Галатіи, Македоніи, Коринѣ) и ученикамъ, ближайшимъ сотрудникамъ своимъ, поручалъ производить эти сборы, и даже оставилъ намъ описаніе самаго способа благотворенія, существовавшего въ его время. (Дѣян. гл. XI; 1 Кор. гл. XVI; 2 Кор. гл. VIII и др.)

Такимъ образомъ, достопочтенное собраніе, то дѣло, ради котораго мы сюда собрались и на которое испрашиваемъ теперь молитвою всесильное благословеніе Божіе, есть дѣло, по существу и направленію всецѣло соотвѣтствующее лучшимъ

завѣтамъ христіанства и въ той или другой формѣ непрерывно отъ дней Христа и апостоловъ существовавшее въ жизни христіанскихъ народовъ. Нельзя не прибавить, что дѣло благотворенія, въ видѣ созданія домовъ трудолюбія, въ настоящее время непосредственно и видимо требуется жизнью. Со времени первыхъ вѣковъ христіанства экономическія условія жизни и отношенія людскія слишкомъ измѣнились и въ нихъ появилось много такихъ темныхъ сторонъ, которыхъ не знало древнее общество и борьба съ которыми для всѣхъ, кому дорого благо и счастье человѣчества и родины, должна представляться тѣмъ обязательнѣе, чѣмъ она труднѣе... Если язвою древняго общественнаго строя служило рабство, то и новое общество стоитъ предъ другою язвою, которая едва ли менѣе опасна, чѣмъ рабство, и которая нерѣдко только не имѣетъ имени рабства, совпадая съ нимъ по внутренней сущности. Новый строй жизни слишкомъ рѣзко отдѣлилъ богатство отъ бѣдности и чрезъ господство капитала создалъ такія условія жизни, при которыхъ бѣдность разростается все шире и шире и ей приходится слишкомъ трудно отстаивать себѣ ежедневный кусокъ насущнаго хлѣба. Предъ современнымъ обществомъ и государствомъ выросъ грозный призракъ такъ-называемаго пауперизма...

Вамъ, достопочтенные слушатели, какъ людямъ хорошо образованнымъ и научно ознакомленнымъ съ современнымъ строемъ жизни въ ея основахъ и, такъ-сказать, въ движущихъ нервахъ, безъ сомнѣнія, все это извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ. Небезызвѣстно и то, какъ недобрые элементы общества пользуются происходящими изъ указанныхъ явленій жизни затрудненіями; какъ люди, которымъ терять нечего, усвоивъ себѣ злорадное правило: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, уже мечтаютъ о потрясеніи обществъ и государствъ; какъ, дѣйствительно, въ исторіи Запада не разъ уже появлялись подобныя попытки, и какъ въ наши дни онѣ особенно обостряются и на нашихъ глазахъ вырастаютъ въ грозныя страшилища будущаго, въ видѣ усиливающагося социализма... Правда, на помощь увеличивающейся бѣдности нескучно шла частная и общественная благотворительность. Но справедливость требуетъ сказать, что бѣдность сама по себѣ—не порокъ, однако, она нерѣдко вы-

ходить изъ порока, а иногда и ведетъ къ пороку... При такихъ условіяхъ самая благотворительность безъ правильной и разумной организаци нерѣдко обращается въ поощреніе тунеядства, профессиональнаго нищенства, способствуя развращенію тѣхъ, кому помогаютъ. Разрѣшеніе вопроса о средствахъ борьбы со зломъ, такимъ образомъ, еще болѣе затрудняется. Между тѣмъ, все это вопросы настолько серьезные, настолько важные для жизни общественной, что способствовать разрѣшенію ихъ въ положительномъ и нравственно-добромъ смыслѣ является уже обязанностью всякаго гражданина, всякаго сына родины, всякаго, кто желаетъ блага человѣчеству. Всѣ добрые, положительные элементы общества и государства должны сплотиться въ этомъ дѣлѣ въ дружномъ участіи. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что открывающее свои дѣйствія въ нашемъ городѣ новое благотворительное общество, имѣющее цѣлью устройство дома трудолюбія, этого лучшаго способа соединить дѣло христіанской благотворительности съ дѣломъ воспитанія бѣднаго люда въ смыслѣ приученія его къ труду, вызоветъ симпатіи и получить дѣятельную помощь отъ всѣхъ благомыслящихъ и добрыхъ людей. „*Иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствіи небесныхъ*“ (Мѡ. V, 19). И хорошо, что этотъ первый шагъ своей дѣятельности общество начинаетъ молитвою и ставитъ себя подъ покровъ христіанства. Одного внѣшняго законодательства, одной внѣшней дѣятельности государственной для достиженія полнаго успѣха въ этомъ дѣлѣ слишкомъ недостаточно. Опытъ прошлаго говоритъ, что древній міръ со всѣми своими нравственными и житейскими недугами нашелъ обновленіе и исцѣленіе въ христіанствѣ; подъ вліяніемъ его измѣнились нравы, смягчились сердца, измѣнились взгляды, исправились и упорядочились людскія отношенія,—и самое рабство, эта язва, главнымъ образомъ, разѣдавшая человѣчество и создававшая невозможныя общественно-экономическія условія,—рабство, котораго не могли исправить въ его послѣдствіяхъ никакіе законы, пало постепенно и незамѣтно, безъ рѣзкихъ переломовъ, безъ крови и потрясеній, подъ вліяніемъ духа христіанства, какъ таютъ постепенно снѣгъ и иней отъ дыханія теплаго весенняго вѣтерка, подъ лучами весенняго солнца.

И теперь дѣло нравственнаго возсозданія и воспитанія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ путемъ проведенія въ нихъ христіанскихъ началъ жизни, безъ сомнѣнія, спасетъ человѣчество отъ многихъ современныхъ язвъ его государственной и общественной жизни, и снова, и снова исполнятся, какъ безъ конца исполнялись въ прошломъ, великія слова Христовы, — слова, которыя такъ хотѣлось бы видѣть написанными надъ будущимъ тифлисскимъ домомъ трудолюбія: *„Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ“* (Мѡ. XI, 28).

Да благословитъ же Господь свыше всѣхъ васъ, почтенныя учредители и первые работники новаго добраго и святаго дѣла, да благословитъ васъ дружнымъ согласіемъ, единодушіемъ, усердіемъ и радостью полного успѣха! Да будетъ и у васъ, какъ во времена апостоловъ, — при множествѣ душа едина и сердце едино, а плодомъ дѣятельности — возможное сокращеніе нуждающихся. Жатва многа: пусть же еще и еще выйдутъ и примкнутъ къ вамъ новые и новые дѣятели на жатву, *„тщаниемъ не лѣниси, духомъ горяще, Господеву работающе“* (Римл. XII, 11). И да будетъ со всѣми вами милость Божія, любовь и сочувствіе и помощь всѣхъ добрыхъ людей. Аминь.

Благотворительность и трудъ.*

Въ прочитанномъ сейчасъ евангельскомъ сказаніи (Іоанна V, 1—4) изображается Господь нашъ Іисусъ Христосъ во дни Своей земной жизни въ трудахъ устроенія чудесами милосердія царства Божія на землѣ. Мы видимъ Его въ благотворительномъ учрежденіи древняго Іерусалима, — при такъ-называемой „овчей купальнѣ“, — по-еврейски — „Виеезда“, что значитъ „домъ милосердія“. Здѣсь, по сказанію евангелиста, лежало множе-

* Рѣчь на молебствіи при открытіи въ г. Тифлисѣ Дома трудолюбія 1-го ноября 1898 года.

ство несчастныхъ— „больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, изсохшихъ, ожидающихъ движенія воды. Ангелъ бо Господень на всяко лѣто сходяше въ купель и возмущаше воду“,—и милосердіе Божіе въ „домѣ милосердія“ человѣческаго подавало исцѣленіе болящему, погрузившемуся въ это время въ священныя воды....

Почти двѣ тысячи лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, но царство Божіе, устроенное Христомъ, не умалилось на землѣ, а растетъ и ширится съ каждымъ днемъ. Церковь Господа Іисуса,—это царство Божіе, это Визеда, воистину „домъ милосердія“ небснаго и земнаго, Божескаго и человѣческаго,—явилась предъ людьми съ особенною, съ усиленною проповѣдью, съ усиленнымъ и настойчивымъ ходатайствомъ о любви ко всѣмъ несчастнымъ. И уже не единожды только „на всяко лѣто“, не „по временамъ“ только, какъ во дни древности, а всегда и непрерывно ангелъ милосердія, духъ любви и состраданія дѣйствуетъ на землѣ среди истинныхъ сыновъ царства Божія.

И сегодня съ радостью видимъ, какъ совершается чудо благодати Божіей и человѣческой; видимъ, какъ царство Божіе празднуетъ сегодня свой праздникъ, обогащаясь новымъ учрежденіемъ, въ которомъ дѣйствуетъ духъ христіанской любви и милосердія. Дѣло, къ которому приступаетъ сегодня почтенное общество по устроенію дома трудолюбія въ г. Тифлисѣ, есть дѣло новое, и притомъ—дѣло чрезвычайной важности. Этого могутъ не сознавать только тѣ, для кого явленія жизни проходить незамѣченными, не осмысленными, внѣ связи съ причинами и нарождающимися послѣдствіями. Правда, духъ любви и милосердія никогда не умиралъ среди христіанъ; никогда не оскудѣвала имъ и наша Русь, древняя и современная. По словамъ одного ученаго историка, „древнерусское общество, подъ руководствомъ Церкви, въ продолженіе вѣковъ прилежно училось понимать и исполнять вторую изъ двухъ основныхъ заповѣдей, въ которыхъ заключаются весь законъ и пророки,—заповѣдь о любви къ ближнему¹⁾. Но въ страдную пору строенія государственнаго, при неустройствѣ общественномъ, при подавляющей массѣ правительственныхъ

¹⁾ Проф. В. О. Ключевскій: „Добрые люди древней Руси“. Публичн. лекція въ 1891 г. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

заботь, само собою случилось, что первымъ требованіемъ любви къ ближнему признавали не общественную, а личную, непосредственную благотворительность, милостыню, подаваемую изъ рукъ въ руки. Съ теченіемъ времени, съ устройствомъ государственнымъ, общество и правительство, проникнутыя духомъ христіанства, не могли не считать въ числѣ своихъ обязанностей помощь несчастнымъ, которые сдѣлались такими по своей ли винѣ, или подѣ вліяніемъ неблагопріятно сложившихся случайныхъ обстоятельствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ больше и больше выяснялось, что частная благотворительность, разрозненная, неупорядоченная, страдаетъ многими недостатками. „Обыкновенно она оказываетъ случайную и мимолетную помощь, и часто не настоящей нуждѣ. Она легко доступна злоупотребленію: вызываемая однимъ изъ самыхъ глубокихъ и самыхъ неразсчитливыхъ чувствъ, какія только есть въ нравственномъ запасѣ человѣческаго сердца, она не можетъ слѣдить за своими собственными слѣдствіями. Она чиста въ своемъ источникѣ, но легко поддается порчѣ въ своемъ теченіи. Здѣсь она противъ воли благотворителей и можетъ разойтись съ требованіями общественного блага и порядка“ (ibid). Здѣсь она вмѣсто пользы можетъ приносить вредъ, потворствуя лѣнности и праздности, питая тунеядство и своего рода ремесло нищенства (такъ - называемаго профессиональнаго). Здѣсь личная милостыня становится часто прямо неразсчитливой и неблаго-разумной, потому что, попадая въ руки недостойному лѣнтяю, минуешь дѣйствительнаго бѣдняка, и, такимъ образомъ, развращая перваго, оставляетъ безъ помощи второго. Если же и дѣйствительно она достается кому слѣдуетъ, то, во всякомъ случаѣ, доставляетъ помощь случайную, временную, мало надежную, а предоставляемая безъ труда и заслуги со стороны нуждающагося, она для людей со слабой волей является большимъ соблазномъ къ тому, чтобы вступитъ на путь попрошайничества и легкаго, неразборчиваго на средства существованія. И дѣйствительно, съ каждымъ годомъ, особенно въ людныхъ центрахъ, въ большихъ городахъ, нарождаются легіоны праздныхъ тунеядцевъ, обманщиковъ, попрошайекъ, то льстивыхъ, то дерзкихъ, увеличивая собою элементы общества

беспольные, опасные, служащія школой порока, пьянства, преступленія. Явился, какъ это ни странно, особый, новый видъ благотворительности: борьба съ дурными послѣдствіями самой благотворительности, неправильно поставленной и направленной. Усилія общества и правительства шли рука-объ-руку съ заботами Церкви, и уже съ конца XVI вѣка рядомъ съ частною выступаетъ на Руси и общественная благотворительность, видоизмѣняясь въ формахъ, смотря по обстоятельствамъ. Со времени Императора Петра Великаго мысль о „домахъ рабочихъ“ болѣе и болѣе занимаетъ русское общество ¹⁾; мысль эта возродилась вновь при Императрицѣ Екатеринѣ II, но только въ нашемъ столѣтіи, при Императорѣ Николаѣ I, явилась болѣе или менѣе прочная и успѣшная попытка осуществить ее въ дѣйствительности ²⁾. Въ нынѣшнее благополучное царствованіе Государя Императора Николая Александровича дѣло устройства домовъ трудолюбія получило, наконецъ, твердое и надежное основаніе ³⁾, единство управленія, порядка и дѣйствій по всей Россіи подъ высокимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны ⁴⁾. Августѣйшее имя Ея—съ одной стороны, и съ другой—имя чтимаго во всей Россіи пастыря о. Іоанна Кронштадтскаго, устроившаго одинъ изъ первыхъ и лучшій, прочно поставленный домъ трудолюбія, служатъ намъ ручательствомъ того, что въ новомъ направленіи общественной благотворительности не будетъ подавлено чисто - религіозное, нравственно-христіанское начало, искони присущее милосердію нашего народа. Благотворитель-

1) Ницкиъ Петръ Великій указомъ своимъ повелѣлъ „весьма усматривать и какими возможно художествамъ, и ремесламъ, и работамъ понуждать.“

2) Московскій рабочий домъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія былъ поставленъ прочно; возникавшіе при Екатеринѣ II и ея преемникахъ рабочие дома быстро закрывались. См. „Церк. Вѣст.“ 1896 г., стр. 218.

3) Въ 1896 году, по словамъ газеты „Новое Время“ (№№ за февраль), насчитывалось въ Россіи 52 дома трудолюбія; число это, безъ сомнѣнія, въ настоящее время значительно увеличилось. Особую энергію въ этомъ дѣлѣ проявилъ баронъ О. О. Вуксгевденъ, который, по порученію правительства, лично руководилъ въ провинціи устройствомъ домовъ трудолюбія; онъ же еще въ 1882 году принималъ самое живое участіе въ устройствѣ кронштадтскаго дома трудолюбія о. Іоанна Сергіева-Кронштадтскаго.

4) Высочайш. указъ 1 сентября 1895 года, утверждающій особымъ положеніемъ „Попечительства о домахъ трудолюбія“.

ность ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлена внѣ всякаго вліянія Церкви, не можетъ быть лишена религіознаго характера,—иначе она будетъ лишена и нравственнаго значенія ¹⁾. Только при такомъ направленіи учрежденіе домовъ трудолюбія возстановитъ истинное христіанское значеніе милостыни, источникъ которой—теплое сострадательное чувство, а цѣль—уничтоженіе нужды, нищеты и страданія; только при такомъ направленіи новое дѣло обратится въ орудіе нравственнаго воспитанія и благотворителей, и нуждающихся. Замѣчательно въ этомъ отношеніи возрѣніе древняго богооткровеннаго законодательства, которое также стремилось соединить вмѣстѣ и трудъ и благотвореніе: „Когда будете жать жатву на землѣ вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшагося отъ жатвы твоей не подбирай; и виноградника твоего не обирай до чиста, и попадавшихъ ягодъ въ виноградникъ не подбирай; *оставь это бѣдному и пришельцу*“ (Лев. XIX, 9—10). Такъ неимущій получалъ милостыню, но взять ее долженъ былъ собственнымъ трудомъ и усиліями. Взглядъ этотъ глубоко былъ усвоенъ Ветхимъ Заветомъ. „Каждому человѣку,—говоритъ премудрый Соломонъ,—назначенъ *трудъ* по мѣрѣ его“ (Еккл. VI, 7); „человѣкъ рождается на трудъ, какъ птица на летаніе“, сказано въ книгѣ Іова (V, 7). Христіанство, восполнившее и завершившее древній богооткровенный законъ, начинаетъ новую эпоху въ исторіи труда, въ корнѣхъ измѣнивъ отношеніе къ нему. До христіанства знали только подневольный трудъ раба и считали его презрѣннымъ, несомвѣстимымъ съ достоинствомъ человѣка. Извѣстный римскій поэтъ только повторяетъ убѣжденіе своихъ современниковъ, когда говоритъ: „Ненавижу я этотъ простонародный (чернорабочій) сбродъ и держусь отъ него какъ можно дальше“... (Ног. Od. 3, 1, 1.) Это было одною изъ главныхъ причинъ, погубившихъ древній міръ. Христіанство высоко поставило всякій честный трудъ, освятило его, объявило условіемъ нравственнаго совершенствованія, признало добродѣтелью, благословило и трудъ, и тружен-

¹⁾ Мартенсенъ: „Христіанское ученіе о нравственности“, т. II, стр. 307—313. Еп. Теофанъ: „Начертаніе христ. правоученія“, стр. 106—108.

ника и этимъ обновило и преобразило жизнь человѣчества. Самъ Иисусъ Христосъ жилъ трудами плотника; апостолы трудились, по ихъ собственнымъ словамъ, „дѣлая своими руками“ (1 Кор. IV, 12), „занимались трудомъ и работою день и ночь“ (2 Сол. III, 8, 10—11; ср. 1 Сол. IV, 10—12), и одинъ изъ нихъ оставилъ намъ вѣчно-памятную заповѣдь: „Когда мы были у васъ, то завѣщали вамъ сие: *если кто не хочетъ трудиться, тотъ не ѣшь*“ (2 Сол. III, 10. См. Еп. Теофанъ.—Толк. посл. къ Коринт. I—IV, 12). Вотъ ученіе христіанское, которое должно быть положено въ основу дѣла устройства домовъ трудолюбія. Нынѣ, вы знаете, какъ и въ дни апостоловъ, являются превратныя воззрѣнія на трудъ; разумѣемъ воззрѣнія новыхъ крайнихъ экономическихъ теорій, недалекія отъ древняго издохшаго язычества, чуждыя религіозно-нравственнаго начала и даже прямо враждебныя ему, разсматривающія трудъ не какъ условіе нравственнаго совершенствованія,—что видимъ въ приведенныхъ словахъ апостола,—не какъ *нравственную обязанность* разумнаго существа, но какъ особаго рода *право*, принудительно требуемое у общества съ дальнѣйшими и крайними выводами, приводящими въ концѣ къ тому же древнему подавленію личной свободы, хотя и во имя свободы, и къ полному разложенію общества, хотя и во имя общества ¹⁾...

Начиная дѣло молитвою и благословеніемъ Церкви, строители дома трудолюбія тѣмъ самымъ исповѣдуютъ свою вѣру въ слово Божественнаго писанія: „*аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудящася зиждующи*“ (Пс. 126, 1). Да будетъ же надъ этимъ созидаемымъ домомъ, надъ домомъ трудолюбія, благословеніе Господа! Любовь христіанская вызвала его къ существованію и устроила его; любовь же не можетъ не видѣть, что устроено далеко не все, положено только начало. Пусть растетъ и ширится, и крѣпнеть, и благоустраивается святое дѣло любви! Пусть въ общемъ трудѣ при домѣ трудолюбія истинно по-христіански соединятся и труждающіеся во имя любви къ ближнему благотворители-строители его, и тружда-

¹⁾ Известное *droit du travail* социалистическихъ мечтаній пробовали уже навязать домамъ трудолюбія. См. „Церк. Вѣстн.“ 1895 г., стр. 1238.

ющіеся работники-бѣдняки, которые здѣсь найдутъ честный заработокъ и спасеніе отъ тунеядства и нищенства,—и всѣмъ имъ, по словамъ молитвы церковной, *да благословитъ Господь ихъ входы и исходы, дѣянія, дѣла, словеса и помышленія!* Аминь.

ДѢТСТВО.*

(Чит. еванг. Мате. гл. XVIII, ст. 1—7; 10—14; 19—20).

Во святомъ евангеліи разсказывается: однажды ученики Иисуса Христа приступили къ Нему и спросили: „Кто больше въ царствѣ небесномъ? Иисусъ, призвавъ дитя, поставилъ его посреди ихъ, и сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное. *И кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ*“ (Мѡ. XVIII, 1—5).

Что прибавить къ этимъ священнымъ словамъ? И какъ, вдумываясь въ эти слова Христовы, отъ всей души не привѣтствовать „Общество попеченія о дѣтяхъ“ съ расширеніемъ его благотворительной дѣятельности въ пользу дѣтей, съ успѣхомъ и осуществленіемъ давно задуманнаго дѣла! (См. Отчетъ Правленія Общества 1898 г., стр. 21—23.) Безъ всякаго сомнѣнія, достойны полнаго сочувствія заботы о физическомъ воспитаніи дѣтей, которыя Общество поставило себѣ главной задачей. Но устройство этого дома призрѣнія дѣтей бѣдныхъ и безпріютныхъ и предполагаемая организація защиты дѣтей, находящихся въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, заслуживаютъ преимущественнаго сочувствія и особаго вниманія, какъ высокое проявленіе истинно-христіанской благотворительности. Здѣсь мы видимъ, какъ въ заботахъ Общества о дѣтяхъ воплощѣ

* Рѣчь при открытіи Тифлисскаго „Обществомъ попеченія о дѣтяхъ“ дома призрѣнія дѣтей съ бесплатной дѣтскою столовой 13-го декабря 1898 г.

сказался законъ: любовь изобрѣтательна на добрыя дѣла! Дѣйствіе этого закона впервые было объявлено и во всей широтѣ примѣнено въ христіанствѣ. Священное евангеліе Господа Іисуса, эта драгоценнѣйшая книга, это сокровище всего святѣйшаго, этотъ неисчерпаемый родникъ вѣчныхъ истинъ, на каждомъ листѣ своемъ имѣетъ начертанныя огненными буквами божественныя слова: любовь, благодать, милосердіе. Но среди безчисленныхъ проявленій любви Спасителя нашего ко всѣмъ несчастнымъ одни беззащитныя созданія удостоились Его особаго попеченія, — и это были дѣти. Съ любовью возлагалъ Онъ на нихъ руки и, обнимая, благословлялъ ихъ (Мрк. X, 16); строго запретилъ ученикамъ Своимъ, когда они не допускали дѣтей къ Нему (Лук. XVIII, 16); милостивый и благодостный всегда и ко всѣмъ, Онъ грозно предостерегалъ отъ соблазна дѣтской души (Мѣ. XVIII, 6); наконецъ, поставивъ дитя предъ Собою, далъ Онъ эту вѣчную и выразительную заповѣдь: „кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“.

Не ясно ли для нашего Общества, кто является въ немъ первымъ и святѣйшимъ представителемъ „попеченія о дѣтяхъ“? Но слово Господа Іисуса указываетъ намъ еще на другихъ—высокихъ, непремѣнныхъ и неизмѣнныхъ членовъ и покровителей нашего Общества въ свѣтломъ сонмѣ ангеловъ Божіихъ: „Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо говорю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго“ (Мѣ. XVIII, 10).

Въ этихъ трогательныхъ проявленіяхъ любви Іисуса Христа къ дѣтямъ не предносилось ли Ему и Его собственное свѣтлое дѣтство на лонѣ Пречистой Матери, въ патриархальной обстановкѣ прекрасной Галилеи и тихаго Назарета, а вмѣстѣ съ тѣмъ не предносилось ли Ему и тяжелое воспоминаніе о дняхъ перваго Своего гонимаго младенчества, которое началось въ убогихъ ясляхъ Виелеема и омрачилось звѣрскимъ убіеніемъ дѣтей рукою свирѣпаго Ирода? Не предносились ли и Его слушателямъ—евреямъ воспоминанія о томъ, какъ нѣкогда въ Египтѣ въ тяжкую годину жизни ихъ отцовъ было приказано убивать всякаго новорожденнаго, потомъ бросать въ

рѣку, и какъ самъ вождь и законодатель ихъ Моисей спасенъ былъ для народа и для великаго будущаго „вынутый изъ воды“ милосердною волею царской дочери? Не представляются ли и вамъ, братья, историческія воспоминанія о томъ, какъ эта беспощадная жестокость къ дѣтямъ была въ духѣ и нравахъ древняго міра: какъ въ непрерывныхъ войнахъ истребляли младенцевъ, разбивая ихъ о камни (Пс. 136, 9), какъ въ жертву гнуснымъ идоламъ приносимыя дѣти сожигались живыми, какъ въ міровозрѣніи образованнѣйшихъ народовъ допускалось и въ мысли и въ жизни убивать хилыхъ дѣтей, которыя не обѣщали въ будущемъ сдѣлаться сильными воинами? (См. Всеобщ. исторія Виноградова. Древній міръ. Стр. 11, 33, 91.)

И какимъ благоговѣніемъ, какою благодарностью должны мы проникнуться къ свѣтлому и чистому ученію Христа, принявшаго подъ Свое покровительство беззащитное дѣтство!

Дѣти, дѣтство... Чье сердце не трепетало при этихъ словахъ, священныхъ для всякаго, напоминающихъ намъ что-то далекое, безвозвратно минувшее, но прекрасное, свѣтлое, дорогое и радостное?! Кто изъ насъ, взрослыхъ, въ этихъ ободряющихъ и властныхъ воспоминаніяхъ дѣтства не черпалъ силъ для обновленія и подъема жизни, для освѣженія душевнаго, для вѣры въ добро и въ людей? Кто въ часъ ли тихой скорби, или въ минуту особаго задушевнаго настроенія умиленной радости среди своихъ дѣтей или въ кругу близкихъ и милыхъ не испытывалъ неодолимой потребности перенестись мысленно ко временамъ незабвенныхъ дѣтскихъ лѣтъ: льется тогда безъ конца тихое слово, и просвѣтляется душа, смягчается сердце, спадаетъ съ него кора жесткости и все, навѣянное суетой, сутолокой и условностями жизни; тогда въ воспоминаніяхъ, въ самозабвеніи горимъ мы вновь дѣтскими чувствами, — и думается, и чувствуется, и вѣрится непосредственно, какъ во дни былые... Какой поэтъ не остановился предъ своимъ дѣтствомъ въ душевномъ умиленіи? Какая литература не посвятила дѣтству самыхъ чистыхъ, возвышенныхъ и вдохновенныхъ страницъ?! Кто и самъ, смотря въ дѣтскіе чистые и невинные глазки, или лаская головку дитяти, не чувствовалъ,

какъ и въ него переходить и переливается что-то чистое и свѣтлое? О, какъ часто, какъ часто хочется быть ребенкомъ въ царствѣ Божіемъ предъ Отцомъ Небеснымъ и прильнуть къ Нему безъ расколаживающей рассудочности и въ дѣтскихъ чистыхъ восторгахъ слышать въ душѣ своей Его таинственное, незримое шествіе, и шелестъ ризъ Христовыхъ, и трепетанье крылъ ангельскихъ: священная, незабвенная поэзія дѣтства, исполненіе словъ Евангелія: „Истинно говорю вамъ, если не обратитесь, и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“! (Мѣ. XVIII, 3.)

Братіе мои! Въ этихъ свѣтлыхъ образахъ вѣры, любви, окружающаго родственнаго участія, домашней ласки, теплоты и привѣта — *лучшая и ничѣмъ незамѣнимая воспитательная среда* для ребенка, лучшіе залого будущаго развитія въ чловѣкѣ всего добраго, мягкаго, любовнаго. Но если такъ властны надъ нами дѣтскія воспоминанія, то какъ же тяжело и безотраднo положеніе тѣхъ, у кого собственно нѣтъ и не было дѣтства! Кто-то сказалъ: „О, мое дѣтство! посмотришь въ тебя, — засмѣешься радостно; еще посмотришь, — и отъ стыда и горя закроешь лицо руками“... И дѣйствительно, какъ тяжело должно быть тому, у кого вмѣстѣ съ представленіемъ о минувшихъ дняхъ отрочества возникаютъ картины нищеты и безпріютности, голода и одиночества, побоевъ и жестокости, порока чужого и собственнаго... Не здѣсь ли начало озлобленія, и жестокости сердца, и угрюмаго недоувѣрія? не здѣсь ли, въ печальной обстановкѣ дѣтства, въ прошлой исторіи чловѣчества находятъ объясненіе многіе дурные характеры, въ родѣ нашего Грознаго? не здѣсь ли и нынѣ лежатъ корнями исторіи многихъ преступленій, омрачающихъ нашу общественную жизнь? Что скрывать: бѣдность, голодь; недостатки, конечно, — не порокъ, но часто они ведутъ къ пороку, служатъ школою порока и чисто-животнаго отношенія ко всему окружающему...

Поклонъ же вамъ до земли, устроители этого дома, въ которомъ *вы даете дѣтямъ — дѣтство*, это лучшее ихъ достояніе, незамѣнимое, неоцѣнимое! И полною мѣрою да будетъ вамъ благословеніе отъ Того, Кто сказалъ всѣмъ ученикамъ Своимъ и послѣдователямъ: „кто приметъ одно такое дитя

во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ!“ Онъ здѣсь благословляющій, благодѣтельный Покровитель дѣтей; Онъ здѣсь, Онъ съ нами, по Его слову: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“ (Мф. XVIII, 20). Аминь.

1899 г.

На порогъ XX вѣка.*

СИЛЫ ОБНОВЛЕНІЯ ЖИЗНИ.

Если внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ,
то внутренній со дня на день обновляется
(2 Кор. IV, 16).

Этими словами св. апостоль Павелъ указываетъ сущность нравственной жизни христіанина, какъ человѣка возрожденнаго. Но если всегда полезно и благовременно размышлять намъ о нашемъ *непрерывномъ*, повседневному обновленіи, то, безъ сомнѣнія, сегодня, въ день Новаго года, все обращаетъ нашу мысль къ этому предмету.

Христіанство явилось завершеніемъ пламенныхъ ожиданій возрожденія и обновленія, въ которыхъ нуждался древній міръ, объятый процессомъ нравственнаго разложенія. Но причины, вызвавшія это разложеніе и заставлявшія ждать обновленной жизни, не умерли въ злой грѣховной волѣ человѣка, и въ исторіи христіанскаго міра время-отъ-времени мы замѣчаемъ періоды упадка духа, отчаянія, сомнѣнія и слабости,—періоды, когда нравственныя начала какъ бы теряютъ силу въ жизни человѣчества и лучшіе его представители начинаютъ съ тоскою озираться вокругъ, ища средствъ вдохнуть въ людей упавшую бодрость, поднять принизившееся нравственное состояніе общества.

Едва ли мы ошибемся, если назовемъ именно наше время ищущимъ этого обновленія. На порогъ XX-го столѣтія нашъ отходящій въ исторію вѣкъ стоитъ со многими вопросами, со многими язвами, требующими разрѣшенія и врачеванія. Не въ

* Слово въ день Новаго (1899) года.

наше ли время учащенные самоубійства показываютъ общее недовольство жизнью? Не наше ли время характеризуется особымъ разливомъ преступленій, иногда какихъ-то дикихъ и совершенно необъяснимыхъ, паденіемъ основъ жизни семейной, общественной, государственной? Не въ наше ли время раздалась эта проповѣдь *философіи смерти*,—это апатичное равнодушіе къ дѣятельности, это ученіе о „недѣланіи“, о „непротивленіи злу“, отрицающее и бракъ, и общество, и государство, и науку, и искусство, свидѣтельствующее тѣмъ самымъ о глубокомъ отчаяніи, къ которому пришелъ современный человѣкъ? И вмѣстѣ съ тѣмъ не въ наше ли время наблюдаются эти отчаянные поиски за смысломъ жизни, свидѣтельствующіе о томъ, что старыя позитивныя и матеріалистическія воззрѣнія принесли ихъ послѣдователямъ тяжелыя разочарованія и не дали человѣку ни радости, ни покоя?

Между тѣмъ и донынѣ, въ поискахъ за средствами исцѣленія общепризнанной язвы, фанатики вѣры въ всеисцѣляющую силу научнаго знанія и государственно-общественныхъ реформъ обращаютъ взоры человѣчества туда, гдѣ оно не разъ уже потерпѣло крушеніе. Не христіанство, конечно, и не нашу православную Церковь винить въ отрицательномъ отношеніи и къ наукѣ, и къ улучшеніямъ общественной жизни ¹⁾; это засвидѣтельствовано такими изслѣдователями, которыхъ менѣе всего можно упрекнуть въ пристрастномъ преувеличеніи заслугъ христіанства и православія ²⁾. Вѣдь не вопреки, а благодаря христіанству, христіанская Европа—въ то же время и цивилизованная Европа. Но при всемъ уваженіи къ культурѣ и образованію нельзя ожидать и требовать отъ нихъ того, чего они

¹⁾ „Конечно, вопреки одному ложному воззрѣнію, мы должны съ особеннымъ удареніемъ заявить, что культура, искусства и науки сами по себѣ не составляютъ зла, а, напротивъ, составляютъ необходимое условіе полнаго и совершеннаго бытія чловѣка; даже нужно сказать, что культура, образованіе есть одно изъ условій полнаго развитія нравственности и религіозности, которыя при варварскомъ, некультурномъ состояніи могутъ развиваться только весьма несовершенно, почему христіанство въ странахъ, гдѣ не существовало культуры, всегда само насаждало начатки ея“. (Маргенсенъ: „Христ. ученіе о нравственности“, т. I, стр. 48.)

²⁾ См., наприм., знаменитый трудъ Дрепера объ отношеніяхъ между религіей и наукой, гдѣ онъ отдаетъ полную дань уваженія восточной православной Церкви.

дать не въ состояніи; нельзя думать, что люди и міръ могутъ сдѣлаться лучшими *только* и исключительно чрезъ знаніе.

Знаніе спасетъ отъ глупости, хотя и здѣсь на всякаго мудреца довольно простоты: но не можетъ оно спасти отъ безнравственности. Кто изъ насъ не испытывалъ моментовъ искушенія ко злу, когда страсть пользуется правомъ сильнаго? Развѣ это были моменты только невѣдѣнія? Нѣтъ, здѣсь было при знаніи какое-то *бесиліе*,—та *грѣховность*, о которой учитъ Свящ. Писаніе, возводя насъ ко времени перваго грѣхопаденія; то зло, неистребимо живущее въ насъ, о которомъ говорили древніе философы и которое новый мыслитель Кантъ такъ выразительно называетъ *зломъ радикальнымъ*; это зло, по его мнѣнію, неисцѣлимо человѣческими средствами, оно требуетъ не частичнаго улучшенія или преобразованія, а „цѣлостнаго переворота въ насъ, который можно сравнить только съ *новымъ твореніемъ*“. Да, и при совершенномъ знаніи человѣкъ часто „не въ силахъ бороться въ исполинской битвѣ долга“, потому что одно знаніе не можетъ сдѣлать слабыя силы крѣпкими, нездоровыя—здоровыми. По словамъ ап. Павла, „желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать его, того не нахожу....; не понимаю, что дѣлаю: по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ Законѣ Божиёмъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (Римл. VII). И вотъ горькій житейскій опытъ развѣ не свидѣтельствуетъ, что, находясь въ средѣ образованныхъ людей, дѣятели, которымъ ввѣрена судьба обществъ и государствъ, не находятъ себѣ надежныхъ сотрудниковъ и горько жалуются: „*нѣтъ людей*“. И развѣ рѣдко люди пользуются изощренностью своего ума и обширными свѣдѣніями для совершенія или сокрытія преступленія? Несомнѣнно, что знаніе необходимо, но также несомнѣнно, что, кромѣ знанія, требуется и сила, чрезъ которую знаніе могло бы становиться дѣятельнымъ.

Эту силу и думаютъ найти въ государственно-общественныхъ преобразованіяхъ, думаютъ, что они, взятыя сами по себѣ, независимо отъ другаго какого-либо начала, независимо,

между прочимъ, и отъ какой бы то ни было религіи, способны дать вѣрную основу внутренняго благоденствія царствъ и народовъ. Было время, и теперь оно для многихъ еще не кончилось, когда глубоко вѣрили, именно *вѣрили*, въ то, что въ смѣнѣ однѣхъ реформъ на другія, болѣе плодотворныя и жизненныя, въ широкомъ развитіи и правильной постановкѣ законодательства и устройства общественной жизни можно почерпнуть силу обновленія и возрожденія. Свѣтлыя картины рисовались воображенію: улучшаются законы, предусматриваются взаимныя отношенія, подъ влияніемъ законовъ и реформъ воспитываются люди, хорошее законодательство, въ концѣ концовъ, поставитъ человѣка въ невозможность совершить преступленіе... и жизнь человѣчества потечетъ ровно и спокойно. Правда, въ воззрѣніяхъ на характеръ предполагаемыхъ преобразованій расходились до противоположности: одни требовали усиленія власти, другіе мечтали о широкой общественной инициативѣ, иные всего ждутъ отъ введенія „правового порядка“, общенія имуществъ; находятся и такіе, которые словомъ и дѣломъ хотѣли бы насильственно и во что бы ни стало уничтожить теперешній строй жизни и на его мѣсто создать другой, а лучше сказать, никакого, т.-е. анархію. Тѣмъ не менѣе, при всемъ разнообразіи стремленій и предполагаемыхъ мѣръ, остается вѣра въ то, что стоитъ только дать тотъ или другой желанный строй жизни человѣчества, и оно исцѣлѣтъ отъ своихъ язвъ.

Такъ говорятъ и мечтаютъ восторженные теоретики, но совершенно обратному учить опытъ жизни и исторіи.... Увы, лѣтописи міра громко проповѣдуютъ ту истину, что въ то время, какъ всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, въ томъ числѣ законодательство и правленіе, достигали сравнительно высокаго развитія, въ то же время и зло, живущее въ природѣ человѣка, развивалось со свойственною ему силою и обнаруживалось разложеніемъ нравовъ, потрясая и сокрушая самыя внутреннія основанія общественнаго благоденствія и счастья, — все, что было созидаемо въ теченіе вѣковъ напряженною дѣятельностью цѣлаго ряда поколѣній. Безъ сомнѣнія, подъ влияніемъ долговременнаго воздѣйствія законовъ и общественнаго

строю, силою привычки и вѣдреннаго обычая удерживалось добро, но тою же силою привычки удерживалось и зло, также дѣлаясь „второю природою“ и обращая въ органы служенія себѣ и умъ, и волю человѣка. Оттого и случалось не разъ, что эпохи высшаго научнаго и государственнаго развитія народовъ совпадали съ эпохою высшаго развращенія ихъ нравовъ и часто служили началомъ паденія государствъ. А вѣдь, повидимому, должно было случиться какъ-разъ наоборотъ. Не станемъ говорить о древнихъ царствахъ Востока—еврейскомъ, ассирійскомъ, вавилонскомъ, персидскомъ. Но вотъ два-три примѣра: Спарта, Аѣны и греческія республики послѣ расцвѣта силъ стали клониться къ упадку,—а у нихъ ли не испробованы были все способы управленія? Между тѣмъ, извѣстно свидѣтельство ученаго грека, который говоритъ, что въ его время не было среди его соотечественниковъ человѣка, которому бы можно было довѣрить хоть два обола при всѣхъ клятвахъ и распискахъ (Полибій). Царство Александра Великаго, идеаль, какъ называютъ, всего блистательнаго, могущественнаго, ученаго, было вмѣстѣ съ тѣмъ совмѣщеніемъ всего безумно-роскошнаго, сладострастнаго и едва пережило себя. Блистательный вѣкъ Людовика XIV, вѣкъ всего изящнаго, утонченнаго, вѣкъ расцвѣта поэзій и философіи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ самаго глубокаго и сильнаго развращенія и предварилъ собою ужасы революціи. Говорить ли о древнемъ Римѣ, который служить образцомъ законодательства и пережилъ разнообразныя виды управленія? Говорить ли о подкупахъ, подлогахъ, измѣнѣ, шпіонствѣ, общественной лжи, о развратѣ и преступленіяхъ, которые существуютъ и нынѣ на Западѣ при всѣхъ порядкахъ, при всемъ господствѣ „великихъ идей“, „великихъ реформъ“ и проч.?

Нѣтъ, никакое законодательство внѣшнее, если оно не опирается на законодательство внутреннее, нравственное, если оно не освящено высшимъ Божественнымъ авторитетомъ, никогда не приведетъ человѣка къ счастью, не упорядочитъ его жизни, не дастъ ему вѣры въ будущее торжество добра надъ зломъ,—а безъ этой вѣры жизнь человѣка и жалка, и бессмысленна. Есть отношенія, есть стороны жизни, гдѣ внѣшнее

законодательство бессильно. Поступки человѣка—плоды его мысли, его сердечнаго настроенія; нужно получить доступъ въ эту сокровенную область, чтобъ изъ нея, какъ изъ исходнаго пункта, управлять внѣшними дѣянiями. Но эта область закрыта для внѣшняго закона: онъ не внушитъ любви, уваженiя, повиновенiя *по совѣсти*, а не *по страху*; подъ статьи закона нельзя подвести нечистой мысли грязнаго желанiя, завистливаго намѣренiя и корня зла—себялюбiя. Внѣшнему закону всегда суждено будетъ имѣть дѣло только съ внѣшними же обнаруженiями дѣятельности человѣка. Только нравственно-религiозное, Божественное законодательство властно войти въ духъ, въ сердце, властно сказать повелительное: *не пожелай, не помысли*; только оно, вмѣсто того, чтобы сразу пересозидать общество и человѣчество, пересозидаетъ сначала каждое отдѣльное сердце, каждаго отдѣльнаго человѣка, и тѣмъ безошибочно можетъ улучшить и общество.

Человѣкъ въ своихъ нравственныхъ силахъ внутренно поврежденъ грѣхомъ, этимъ „радикальнымъ зломъ“, какъ называетъ его философiя; избавить себя отъ такого зла не можетъ самъ человѣкъ, потому что и въ наукѣ, и въ законодательствѣ не уйдетъ онъ отъ себя, не уйдетъ отъ грѣховности, своего всегдашняго спутника... Нужна сила Божественная, чрезвычайная, нужно возрожденiе грѣховнаго духа и омовенiе его въ очистительныхъ водахъ благодати,—а все это даетъ и дастъ христіанство. Нашими собственными силами мы не можемъ одѣлаться чистыми сердцемъ. Намъ нужно стоять на совершенно независимой отъ грѣховности почвѣ, внѣ нашего естественнаго я. Да позволено будетъ здѣсь въ церковномъ словѣ привести слова не церковнаго человѣка; Архимедъ сказалъ: „дайте мнѣ опорный пунктъ внѣ земли, и я поверну всю землю“. Вотъ этого-то опорнаго пункта, этого рычага для того, чтобы повернуть, измѣнить, возродить себя, человѣкъ, поврежденный грѣхомъ, не находитъ въ себѣ, но онъ находитъ его въ чистой и могучей религiи Христа, искупившаго людей и даровавшаго имъ чрезъ вѣру силы высiя, благодатныя, всѣ потребныя *силы, яже къ животу и благочестiю* (2 Петр. I, 3). По словамъ поэта, „Божество вы въ вашу воспримите волю, и оно

сойдетъ къ вамъ съ мірового трона“ (Шиллеръ). Въ христіанствѣ почерпнуло силы обновленія и возрожденія древнее человѣчество: въ христіанствѣ оно найдетъ ихъ и теперь; этихъ силъ его не изжить и не исчерпать. Оно вѣдь и теперь то же, чѣмъ было при первомъ своемъ появленіи въ мірѣ: *Христось Іисусъ вчера и днесъ той же и во вѣки* (Евр. XIII, 8); *Я съ вами, сказалъ Христось, во вѣсь дни до скончанія вѣка* (Мѣ. XXVIII, 20). Въ христіанствѣ и теперь тотъ же свѣтъ, тотъ же духъ, та же жизнь. Своимъ небеснымъ свѣтомъ оно и наукѣ поможетъ въ ея изслѣдованіяхъ и предохранитъ ее отъ опрометчивыхъ выводовъ; своимъ духомъ оно согрѣетъ и одушевитъ государственное и общественное законодательство и дастъ ему величайшее достоинство авторитетности и силу внутренней обязательности; свою жизнь оно обновитъ нашу жизнь земную, освѣтитъ и облаженствуетъ загробную.

И намъ кажется, и намъ вѣрится, что грядущій XX-й вѣкъ будетъ вѣкомъ врачеванія старыхъ ранъ, исправленія старыхъ ошибокъ и обращеніемъ къ Богу, ко Христу и къ Церкви. Вѣдь „душа по природѣ—христіанка“, сказалъ древній церковный учитель (Тертуллианъ), и рано или поздно она къ нему обратится. Слишкомъ ужъ много боролся новый Прометей противъ Божества, и слишкомъ много накопилось у него на душѣ и горечи, и разочарованія: исцѣленіе будетъ въ самой болѣзни, которая надежнѣе всего научитъ искать высшей помощи и принять ее. И только въ этой помощи, указываемой въ христіанствѣ, усталая мысль и истомленная жизнь человѣчества найдетъ возрожденіе, только при ней мы, по слову апостола, *въ обновленіи жизни ходити начнемъ* (Римл. VI, 4) и среди несовершенствъ міра будемъ почерпать силы жизни и утѣшенія въ томъ отрадномъ вѣрованіи, что, по неложному обѣщанію христіанства, мы увидимъ въ грядущемъ *новое небо и новую землю*, гдѣ будетъ жить одна только вѣчная правда!.. Аминь.

Святое дѣтство.*

Сегодня, дѣти, вашъ праздникъ, и васъ ожидаетъ школьное торжество и веселье, а какое—мнѣ не нужно говорить: что вы сами о немъ знаете, объ этомъ свидѣтельствуютъ ваши радостныя лица, ваши радостныя взоры. Не напрасно эти рождественскіе праздники посвящаются дѣтскому веселью и радости; не напрасно по всей землѣ, во всемъ христіанскомъ мірѣ Рождество Христово есть особо чтимый дѣтми праздникъ. Всѣмъ припоминается въ эти дни, что Господь Иисусъ, пришедши на землю спасти людей, былъ маленькимъ ребенкомъ, возлежалъ на груди у Пресвятой и Пречистой Матери. Бѣдностью было окружено дѣтство нашего Спасителя: вы знаете, что родился Онъ въ холодную зимнюю ночь въ уеди-

* Въ мѣстности города Тифлиса, называемой «Колочая Балка», существуетъ церковно-приходская школа. Въ недавнее еще время эта мѣстность была притономъ духановъ и ночныхъ оргій; теперь, съ устройствомъ здѣсь молитвеннаго дома во имя святителя Теодосія Черинговскаго и съ учрежденіемъ школы, жители злополучной Балки получили, наконецъ, возможность сноснаго существованія, особенно послѣ того, какъ при содѣйствіи Князя-Главнначальствующаго были закрыты адѣсь духаны. Какихъ-либо два года предъ тѣмъ нельзя было и мечтать о томъ, чтобы въ «Колочей Балкѣ», гдѣ можно было встрѣтить во множествѣ пьяныхъ, гдѣ не безопасно было проходить и днемъ, явилось возможнымъ устроить чисто-дѣтскій праздникъ,—а между тѣмъ 3-го января 1899 года жители Балки присутствовали на рѣдкомъ торжествѣ: дѣти-школьницами праздновали рождественскія святки и зажгли въ своей школѣ скромную елку. Въ празднествѣ приняли участіе не только учащіеся въ школѣ, но и всѣ дѣти, проживающія въ «Колочей Балкѣ». Въ 4 часа вечера начался звонъ въ молитвенномъ домѣ, куда собрались во множествѣ дѣти. Отрадно было видѣть одушевленные дѣтскія лица, на которыхъ написано было радостное ожиданіе. Общій подъемъ духа сказался на дѣтскомъ хорѣ, который участвовалъ въ богослуженіи: никогда ихъ голоса не звучали такъ бодро, никогда не слышалось въ нихъ столько воодушевленія и усердія. Вечерню совершалъ о. ректоръ семинаріи архимандритъ (нынѣ епископъ) Гермогенъ въ сослуженіи съ о. инспекторомъ іеромонахомъ Димитріемъ (нынѣ епископъ) и законоучителемъ одного изъ Тифлисскихъ учебныхъ заведеній свят. Іоанномъ Восторговымъ. Чинно и стройно шло богослуженіе; благоговѣнно стояли дѣти, а позади—ихъ родители, въ умиленной молитвѣ, особенно матери, многія съ грудными дѣтми на рукахъ. Въ концѣ вечерни, послѣ пѣнія тропаря, сказана была дѣтямъ помѣщаемая адѣсь рѣчь.

ненной пещерѣ, куда въ ненастную погоду пастухи загоняли свой скотъ; вмѣсто колыбельки теплой и мягкой положенъ Онъ былъ въ ясли, повить былъ убогими пеленами и первое привѣтствіе получилъ отъ бѣдныхъ пастуховъ, а потомъ — и это вамъ извѣстно изъ школьныхъ вашихъ уроковъ—Его преслѣдовалъ и хотѣлъ убить свирѣпый царь Иродъ, и Богомладенецъ Иисусъ долженъ былъ бѣжать отъ него съ Матерью и старцемъ Иосифомъ, долженъ былъ скрываться съ ними на чужбинѣ, въ Египтѣ. И вотъ, при такихъ воспоминаніяхъ добрыя сердца христіанскія на праздникъ Рождества Христова обращаются ко всеѣмъ дѣтямъ, особенно къ дѣтямъ бѣднымъ, сиротамъ, голоднымъ, безпріютнымъ, и во имя бѣднаго нѣкогда и гонимаго, безпріютнаго Божественнаго Младенца Иисуса хотятъ этимъ доставить дѣтямъ радость: устраиваютъ елки, дарятъ имъ все нужное и не такъ нужное, но дѣтямъ пріятное — игрушки и сладости. Все это свидѣтельствуешь о томъ, что васъ любятъ, дѣти, о васъ заботятся, хотятъ доставить вамъ все полезное, необходимое и даже пріятное. Счастливыи возрастъ вашъ любилъ и Господь Иисусъ. Евангеліе говоритъ намъ, что Онъ возлагалъ на дѣтей руки и, обнимая, благословлялъ ихъ; строго Онъ запретилъ ученикамъ, когда они не допускали дѣтей къ Нему; строго предупреждалъ, чтобы никто не соблазнилъ на зло дѣтскую душу. Этого мало: для взрослыхъ Онъ поставилъ дѣтей въ примѣръ для подражанія. Однажды ученики спросили Его: кто больше въ царствѣ небесномъ? Иисусъ же, поставивъ предъ ними дитя, сказалъ: „истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царствіе небесное; итакъ, кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствіи небесномъ“ (Мѣ. ХVІІІ, 3—4). Что же добраго въ вашемъ возрастѣ, дѣти? Что вамъ нужно дѣлать, какъ себя вести, чтобы въ вашемъ дѣтствѣ оставалось то, что угодно и любезно Богу, мило и пріятно людямъ и полезно вамъ самимъ? Самое лучшее для этого — обратиться къ дѣтству Иисуса Христа. Вѣдь ради Его младенчества, какъ мы уже сказали, сколько любви оказывается вашему возрасту! Тѣмъ болѣе будетъ пріятно ваше дѣтство, если въ немъ мы найдемъ что-либо похожее на дѣтство Иисуса

Христа. Немногое мы знаемъ о дѣтскихъ и отроческихъ годахъ Его, но что знаемъ, то, дѣйствительно, для васъ поучительно. Когда было Ему 12 лѣтъ отъ роду, благочестивые родители взяли Его съ собою во храмъ Господень, а тогда храмъ этотъ былъ только одинъ на всей землѣ и находился въ Иерусалимѣ. Тамъ отрокъ Иисусъ былъ съ другими богомольцами; тамъ увидѣлъ Онъ красоту дома Божія; тамъ испыталъ Онъ сладость общественной молитвы; тамъ испыталъ и узналъ, какъ радостно, какъ отрадно для чистой души быть во храмѣ и чувствовать присутствіе Божіе. Когда же родители Его возвращались домой, отрокъ Иисусъ *стремился дѣтскою душою снова въ храмъ Господень*, возвратился съ дороги, оставался въ храмѣ цѣлыхъ три дня, молился, *слушалъ бывшихъ тамъ учителей* и спрашивалъ ихъ и отвѣчалъ имъ такъ, что привелъ всѣхъ ихъ въ изумленіе. Пречистая Матерь Его и старецъ Іосифъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ нашли Его среди учителей, и когда упрекнули Его за то, что Онъ причинилъ имъ безпокойство, то получили краткій отвѣтъ: „или вы не знали, что мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему“... Потомъ, сказано въ евангелии, Онъ пошелъ съ ними и пришелъ въ Назаретъ и былъ *въ синагогѣ* у нихъ (Лук. II).

Милыя дѣти! хотите ли вы, чтобы въ васъ, кромѣ отроческихъ лѣтъ, и многое другое было похоже на отрочество Иисуса? Учитесь у Него, подражайте Ему. И прежде всего любите и вы храмъ Божій и общественную въ немъ молитву, какъ любилъ Иисусъ Христосъ. Теперь вѣдь не въ Иерусалимѣ только, какъ во дни древности, но вездѣ и всегда можно найти храмъ Божій; онъ открытъ для васъ и здѣсь, въ этомъ молитвенномъ домѣ. Приходите же сюда почаще: Богъ вашего дѣтства будетъ Богомъ — Хранителемъ вашей юности, мужества и старости, а по смерти — Покровомъ, радостью и счастьемъ нескончаемой вѣчности.

Христосъ во дни отрочества былъ среди учителей, спрашивалъ и отвѣчалъ имъ... Учитесь и вы, дѣти; спрашивайте учителей и наставниковъ вашихъ о пути спасенія, будьте въ вашей школѣ добрыми и усердными учениками. Помните, что

только подъ покровомъ Господа Иисуса школа есть великое благо, а безъ Него она такъ же можетъ вести ко злу, какъ и къ добру. Пусть же школа дастъ вамъ не только знанія, полезныя въ жизни для пріобрѣтенія хлѣба, одежды и жилища тѣлу, но и тѣ знанія, которыя нужны для угожденія Господу и спасенія души.

Иисусъ Христосъ, будучи Господомъ неба и земли, повиновался Своимъ роднымъ. Вотъ вамъ и еще урокъ изъ дѣтства Иисуса Христа. Повинуйтесь и вы вашимъ родителямъ дома, учителямъ въ школѣ, старшимъ и начальникамъ въ жизни. Безъ повиновенія жизнь людей не будетъ имѣть ни порядка, ни строя, ни общей пользы: это будетъ безпорядочная жизнь безсловесныхъ животныхъ, а не жизнь разумныхъ людей. Чрезъ родителей и старшихъ изрекается вамъ воля Божія, и чрезъ повиновеніе имъ вы будете расти такъ, какъ возрасталъ Отрокъ Иисусъ, какъ о томъ сказано въ евангеліи: преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, въ любви у Бога и людей.

Вотъ вамъ уроки изъ дѣтства Господа Иисуса Христа. Вы же, здѣсь присутствующіе взрослые, не осудите меня за то, что я, оставивъ васъ, занялся исключительно дѣтьми и имъ предложилъ всю трапезу слова. Впрочемъ, и вамъ найдется отъ трапезы этой крупица, но крупица драгоцѣнная: если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царствіе небесное... Аминь.

Вѣра и знаніе.*

„Да не будетъ, будто Богъ ненавидитъ въ насъ то, чѣмъ Самъ Онъ отличилъ насъ отъ прочихъ тварей при твореніи! Да не будетъ, говорю я, чтобы мы для самой вѣры не пользовались разумомъ или не занимались изслѣдованіемъ, такъ какъ мы не могли бы даже и вѣрить, если бы не обладали разумными душами. Дѣло разума въ томъ, чтобы онъ воспринималъ и усвоилъ свѣтъ Разума“.

Блаж. Августинъ.

Богъ христіанскій, по словамъ церковныхъ пѣсней, почи-
ваетъ на разумныхъ престолахъ ¹⁾ и называется Богомъ ра-
зумовъ ²⁾; требуя отъ христіанина, чтобы онъ возлюбилъ Его
всѣмъ сердцемъ и умомъ (Мр. XII, 30), Господь и Самъ, какъ
говоритъ апостоль, дать людямъ свѣтъ и разумъ (1 Иоанн. V,
20) и во Христѣ открылъ людямъ всѣ сокровища премудрости
и разума (Кол. II, 3). Самое нравственное перерожденіе чело-
вѣка подъ вліяніемъ христіанства не касается одного только
сердца его, но захватываетъ всѣ стороны его душевной дѣя-
тельности, и въ томъ числѣ умственную; оттого апостоль на-
ставляетъ христіанъ: обновляйтесь обновленіемъ ума вашего
(Римл. XII, 2); не будьте дѣти умомъ, на злое будьте мла-
денцы, а по уму—совершенно бывайте (1 Кор. XIV^о, 20); обле-
китесь въ новаго челоуѣка, обновляемаго въ разумѣ (Кол.
III, 10). О себѣ великій апостоль, учитель вѣры попреиму-
ществу, говоритъ, однако, что онъ желаетъ помолиться и
воспѣть Богу и умомъ (1 Кор. XIV, 5), и что онъ умомъ сво-
имъ работаетъ закону Божію (Римл. VII, 25). Наконецъ, во-
преки довольно распространенному нынѣ одностороннему воз-
зрѣнію на Иисуса Христа, какъ только и исключительно на

* Речь на молебствіи при открытіи въ г. Тифлисѣ публичныхъ лекцій по
среднеобразовательнымъ учебнымъ предметамъ, 26 января 1899 года.

1) Служба Рождества Богородицы, 1 стих. на Господи воззвахъ.

2) Канонъ Пятидесятницы.

правственного Преобразователя жизни человѣческой, мы должны указать, что Божественный Основатель святой религіи нашей предъ самой смертью Своею такими словами Самъ опредѣляетъ задачу Своего служенія: „сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, Единого Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа“ (Іоанн. XVII, 3).

Конечно, отсюда далеко до разсудочнаго усвоенія христіанства и, безъ сомнѣнія, такое усвоеніе христіанства исключительно умомъ, въ смыслѣ религіознаго развитія, далеко недостаточно и даже вредно. Но только-что приведенныя мною нарочно довольно многочисленныя ссылки на книгу завѣта христіанскаго ясно показываютъ намъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ и исканіе знаній ума, научная любознательность не могутъ стоять въ противорѣчіи съ христіанствомъ. Скажемъ и болѣе того: не избытокъ разума, а, какъ-разъ наоборотъ, его недостатокъ является врагомъ христіанства. Только при этомъ недостаткѣ, по слову Писанія, называющіе себя мудрыми могутъ оказаться, и оказываются на самомъ дѣлѣ, безумными (Римл. I, 22), и только при этомъ недостаткѣ разумъ, мало мыслившій, но много возгордившійся, вмѣсто того, чтобы прильнуть къ живительному Источнику всякой Премудрости, начинаетъ „взиматься на разумъ“ Божій (2 Кор. X, 5) и приносить неисчислимый вредъ человѣчеству.

Но это уже злоупотребленіе, которое никогда и никому не должно давать права отрицать то, чѣмъ злоупотребляютъ...

Открывая молитвою и словомъ христіанскаго поученія публичныя лекціи для взрослыхъ по предметамъ среднеобразовательнаго учебнаго курса, мы видимъ, поэтому, въ самомъ возникновеніи этихъ лекцій общественное явленіе, радостное, достойное сочувствія и содѣйствія. Мы не скрываемъ, что дѣло устройства и постановки курсовъ—дѣло трудное; мы не обманываемся первыми видимыми успѣхами: мы знаемъ, что благородныхъ и безкорыстныхъ работниковъ по учрежденію и организаціи этого дѣла, вмѣстѣ съ радостями успѣха, можетъ быть, ожидаютъ и тернія разочарованій; но при всемъ томъ мы видимъ въ этихъ первыхъ и быстрыхъ успѣхахъ фактъ чрезвычайно знаменательный.

Что собрало сюда всѣхъ васъ, людей самыхъ различныхъ возрастовъ, званій и общественныхъ положеній? Благородная и ужъ, дѣйствительно, безкорыстная жажда познанія. Вамъ не обѣщаны дипломы, не рисуются вдали привлекательно какія-либо выгодныя въ житейскомъ смыслѣ права; большинство изъ этихъ сотенъ, записавшихся на лекціи,—люди небогатые, занятые какою-либо своею обязательною работою, и отдадутъ для добровольныхъ и нелегкихъ учебныхъ занятій большую часть своего отдыха, которымъ трудовой человекъ, естественно, дорожить больше всего.

Эта безкорыстная жажда познанія вырастаетъ въ фактъ еще болѣе знаменательный, если мы хоть немного прислушаемся къ господствующимъ теченіямъ и направленіямъ мысли въ переживаемое время. Лѣтъ 30—35 тому назадъ, въ 60-хъ годахъ, русское общество было охвачено необыкновеннымъ, чисто-юношескимъ увлеченіемъ наукою,—и много было въ той порѣ чистаго, идеалистическаго, возвышеннаго. Общества, курсы, чтенія, кружки, просвѣтительныя учрежденія всякаго рода открывались во множествѣ; народное образованіе занимало всѣ помыслы; книги, журналы, газеты получили небывалое до того времени въ Россіи распространеніе. Но, очевидно, были допущены какія-то ошибки; къ свѣтлому и чистому просвѣтительному движенію примѣшалось, очевидно, что-то нечистое,—и движеніе это вдругъ какъ-то затихло. Отовсюду въ настоящее время раздаются жалобы на приниженіе идеалистическихъ стремленій къ знанію не только въ обществѣ, но даже и въ школѣ, гдѣ жажда знанія среди юношей, повидимому, должна бы быть особенно напряженною. Мало того: и на Западѣ, въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей знанія (Карпентеръ, Брюнетьеръ), и у насъ въ Россіи (въ лицѣ графа Толстого съ послѣдователями, смѣющагося „надъ барамы, работающими головой“) мы видимъ открытую проповѣдь мнѣнія о такъ-называемомъ банкротствѣ науки и даже полное ея отрицаніе ¹⁾.

¹⁾ Свидѣтельство о такомъ настроеніи можно видѣть въ рѣчи Э. Золя на банкетѣ франц. студент. въ 1893 г. (Рѣчь напечатана была почти во всѣхъ газетахъ). См. также „Русск. Мысль“ 1883 г., № 12, „Петерб. письма“.

Кратко отмѣчаемъ эти факты, чтобы показать, какъ даже при неблагоприятныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе, въ открываемыхъ публичныхъ лекціяхъ пробивается наружу врожденное человѣку стремленіе къ истинѣ и познанію, и какъ при всѣхъ даже авторитетныхъ и вліятельныхъ возраженіяхъ противъ научнаго знанія интересъ къ нему не гложетъ и не уничтожается. Христіанство, въ истинныхъ своихъ представителяхъ, всегда было чуждо обѣихъ указанныхъ крайностей. Никогда не усвоило оно одному только знанію всеспасающей силы; никогда оно и не обвиняло, не упрекало науку въ томъ, въ чемъ она неповинна. Гдѣ люди, тамъ и страсти, — а при этомъ условіи не только наука, но и сама религія, даже святѣйшая и возвышеннѣйшая, какова религія христіанская, не разъ обращалась въ средство достиженія дурныхъ цѣлей или даже общественнаго приниженія. „Главная немощь духа“, говоритъ знаменитый нашъ ученый и педагогъ Н. И. Пироговъ въ своихъ „Вопросахъ жизни“, — „главная немощь духа есть односторонность его на пути прогресса. Вездѣ, начиная отъ моды и доходя до фанатизма, мы испытываемъ ея вліяніе“.

Избѣгая этой односторонности, при всѣхъ увлеченіяхъ науки и даже при враждебномъ отношеніи ея къ религіи, которое, къ сожалѣнію, по временамъ, имѣло мѣсто въ исторіи человѣческой мысли; съ другой стороны, и при всѣхъ случаяхъ отрицательнаго отношенія къ наукѣ, которые повторялись не разъ и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ, — всегда и неизмѣнно истинное христіанство въ лучшихъ своихъ представителяхъ покровительствовало знанію и поэтому мы видимъ, что христіанскія страны доселѣ — образованнѣйшія страны. Христіанство полагало, что недостатокъ образованія и культуры обусловливаетъ несовершенное и недостаточно глубокое усвоеніе самаго христіанства, и поэтому вездѣ, куда оно являлось съ проповѣдью евангелія, оно основывало школу и церковь и полагало само начатки культуры и образованности. Оно довѣряло истинной и уважающей себя наукѣ; оно не боялось ея свѣта, напротивъ, радостно его привѣтствовало, видя въ немъ прекрасное и незамѣнимое пособіе для своихъ собственныхъ

цѣлей — для цѣлей царства Божія, Царства правды, мира и радости о Духѣ Святомъ (Римл. XIV, 17).

И оно никогда не ошибалось и не ошибется въ наукѣ, въ ея также истинныхъ представителяхъ. Было бы слишкомъ долго, хотя, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересно и поучительно, если бы я здѣсь привелъ предъ вами исполненные всвышенной религіозности слова такихъ ученыхъ, какъ Галилей, Коперникъ, Ньютонъ, Линней, Кювье, Лейбницъ, Декартъ и друг. Это голоса изъ прошлаго, хотя и не такъ далекаго. Полагаю, что для знающихъ будутъ убѣдительно слова такихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Гексли и нашего современника Спенсера,—людей, которыхъ трудно упрекнуть въ склонности обвинять науку въ банкротствѣ или безсиліи. Вотъ что говоритъ первый изъ названныхъ мыслителей: „Истинная наука и истинная религія—близнецы, и разлученіе ихъ непременно поведетъ къ смерти обѣихъ. Наука процвѣтаетъ именно пропорціонально ея религіозности, а религія процвѣтаетъ пропорціонально научной ея глубинѣ и твердости ея основъ“. А вотъ слова Спенсера: „Наука не только не противорелигіозна, какъ многіе думаютъ, но пренебреженіе наукой не религіозно, отказъ изучать окружающее насъ твореніе нерелигіозенъ... При научномъ знаніи не пустословное поклоненіе (Богу), а поклоненіе дѣйствительное; не внѣшнее уваженіе, а уваженіе, доказываемое пожертвованіемъ времени, мысли и труда. Религіозная сторона науки состоитъ въ томъ еще, между прочимъ, что она одна можетъ дать намъ вѣрное понятіе о насъ самихъ и о нашихъ отношеніяхъ къ тайнамъ существованія. Въ то время, какъ она показываетъ намъ все, что можно знать, она показываетъ и границы, за которыми ничего нельзя познать. Не догматическими положеніями учить она насъ невозможности понять конечную причину всѣхъ вещей, а ясно направляетъ насъ къ познанію этой невозможности, приводя насъ во всѣхъ направленіяхъ къ границамъ, которыхъ намъ нельзя перешагнуть. Больше, чѣмъ что-либо другое, убѣждаетъ она насъ въ незначительности человѣческаго ума въ сравненіи съ тѣмъ, что превышаетъ его. Относительно преданій и авторитетовъ людей она держитъ себя, пожалуй, гордо, но предъ непрони-

даемъ покровомъ, открывающимъ Абсолютное, она покорна: и гордость и покорность ея истинны“ ¹⁾. Итакъ, по словамъ Спенсера, гордость ума предъ Божествомъ—это признакъ его недостаточнаго развитія, но ничто такъ не смиряетъ ума, какъ настоящая наука. Въ этомъ смыслѣ знаменитый математикъ Паскаль дѣлаетъ глубокое замѣчаніе: „послѣдній шагъ разума—признать, что есть безконечное въ вещахъ, превышающее его силу,—и если онъ не доходитъ до этого познанія, то, значить, онъ очень слабъ“ ²⁾. Другой мыслитель, и именно основатель такъ-называемой эмпирической философіи, основывающейся на точномъ знаніи, Бэконъ, замѣчаетъ: „мы должны расширять свой умъ до возвышенности Божественныхъ таинствъ, а не заключать послѣднихъ въ тѣсныя предѣлы нашего разума“. Такимъ образомъ, какъ въ нравственной, такъ и въ научной области, смиреніе выше гордости и носитъ въ себѣ задатокъ будущаго, безграничнаго развитія. И наоборотъ, по словамъ мыслителя Аміеля, „гордость—ограниченіе ума“, или, какъ учить св. Іоаннъ Златоустъ: „величайшее безуміе—считать себя мудрымъ“...

И даже представители позитивизма, въ лицѣ Литтре, ученика самого Конта, вынуждены заявить: „Безпредѣльность тѣсно связана съ нашимъ знаніемъ и, однако же, недоступна для знанія. Это океанъ, волны котораго вѣчно бьютъ о наши берега, но пуститься въ который мы не можемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ ни лодки, ни паруса“.

Итакъ, напрасно въ наше время, подъ прикрытіемъ христіанской религіи, или во имя ложно понятыхъ ея нравственныхъ требованій, нѣкоторые объявляютъ войну царству науки, считая его враждебнымъ по отношенію къ царству Божію. Здѣсь или ложь, или печальнѣйшее недоразумѣніе. Мы уже видѣли, что настоящая наука не отдаляетъ человѣка отъ Бога и вѣры въ Него. Если же мы изъ этой области исповѣданія вѣры сойдемъ въ область чисто-нравственныхъ отношеній, то и здѣсь увидимъ, что истинные и всемірно-признанные пред-

¹⁾ „Вѣстн. Восп.“ 1896 г., № 7, ст. Вагнера о естествознаніи.

²⁾ „Мысли“ Паскаля.

ставители научнаго знанія всегда стояли за нравственныя начала. Мы могли бы привести здѣсь чрезвычайно глубокия, мѣткія и образныя выраженія знаменитыхъ мыслителей древняго и новаго времени, но довольно указать одного-двухъ ученыхъ представителей нашего вѣка, еще здравствующихъ, чтобъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго. „Наука, — говоритъ извѣстный химикъ Берглю, — обладаетъ двумя силами: одной — нравственной, другой — матеріальной; и та, и другая захватываютъ всѣ области человѣческихъ отношеній... Наука утверждаетъ несокрушимыя основы морали“, „правила для поведенія, опирающіяся на неумолимые законы, нарушеніе которыхъ грозитъ гибелью цѣлымъ народамъ, какъ и отдѣльнымъ лицамъ“¹⁾. Не могу не привести словъ нашего русскаго ученаго профессора Бекетова, который въ своей книгѣ „Естествознаніе и нравственность“, въ выраженіяхъ и болѣе ясныхъ, и гораздо болѣе теплыхъ и сердечныхъ, убѣжденно и горячо высказываетъ мысль о томъ, что только злоупотребленіе наукой можетъ привести людей къ безнравственнымъ воззрѣніямъ. По его мнѣнію, „основы христіанской нравственности прямо подтверждаются точною наукою. Поэтому, нормальная жизнь человѣка, и съ научной точки зрѣнія, есть нравственно-христіанская жизнь. Если, будто бы, на основаніи науки, разные публицисты готовы выводить чуть ли не законность грабежа, то вѣдь это въ исторіи человѣчества не новость. Развратники и всякіе прожигатели жизни отлично умѣютъ толковать въ свою пользу разныя отвлеченныя теоріи и тѣмъ оправдывать себя“. „Но при добросовѣстномъ знакомствѣ съ наукою они перестали бы выставять эгоизмъ высшимъ принципомъ нравственности и борьбу съ ближними взаимнѣ любви къ ближнему. Наука открываетъ тѣ пути, которыми вселенскій законъ, созданный и утвержденный Божествомъ, ведетъ человѣчество къ совершенству, насаждаетъ въ душѣ человѣка, помимо его воли, чувство справедливости, переходящее, наконецъ, въ христіанскую любовь — высшее проявленіе христіанской нравственности. Такимъ образомъ, наука самымъ дѣйствительнымъ способомъ

¹⁾ М. Берглю: „Наука и нравственность“. М. 1898 г. Стр. 42, 47, 54 и др.

укрѣпляетъ основной принципъ нравственности, провозглашенный человѣку Божественными устами Спасителя. Наукѣ,—такъ заканчиваетъ свою книгу профессоръ,—предстоитъ и въ будущемъ все съ большею и большею силою развивать въ человѣчествѣ истинное религиозно-нравственное чувство. Задача ея—помогать великимъ силамъ природы, установленнымъ Создателемъ, вести человѣка къ совершенству* 1).

Такъ говорятъ представители науки объ отношеніи ея къ христіанской нравственности. Мы видимъ, что и въ этомъ вопросѣ наука и религія идутъ рука-объ-руку, и наука ведетъ насъ къ тому же свѣту, правдѣ и добру, которые составляютъ содержаніе и конечную цѣль христіанства, какъ царства Божія на землѣ: и она, подѣ знаменемъ истины, объединяетъ людей различныхъ національностей, званій и состояній въ одну великую семью, въ царство мира и братства на землѣ; и она даетъ побужденія къ нравственному совершенствованію, къ исполненію нашего человѣческаго назначенія на землѣ.

Такимъ образомъ, ваши предстоящія занятія на открываемыхъ съ нынѣшняго дня публичныхъ лекціяхъ должны способствовать дѣлу христіанства, укрѣпить въ васъ основы нравственности и общественной и личной.

Что требуется общественною моралью? Требуется, чтобы каждый изъ насъ проявилъ любовь къ ближнему, служеніе общему благу, любовь къ отечеству и доставленіе ему наибольшей пользы всѣми находящимися въ нашемъ распоряженіи средствами. Безъ сомнѣнія, одна наука сама по себѣ бессильна создать въ человѣкѣ нравственное настроеніе, бессильна породить самую нравственную энергію. Это — дѣло религіи. Но наука снабжаетъ добрую волю и энергію человѣка свѣдѣніями и указаніями относительно источниковъ или причинъ того или иного зла, которымъ полна наша жизнь; она указываетъ средства и цѣли для нравственной энергіи и правильные пути ей.

1) Векетовъ: „Нравственность и естествознаніе“. Стр. 36, 41, 49, 53, 54. См. еще сочиненія: Оле-Ляпругъ: „Цѣнность жизни“. Друмондъ: „Эволюція и прогрессъ человѣка“. Его же: „Естеств. законъ въ духовн. мірѣ“. „Изъ дневника Амелии“ „Сѣв. Вѣстн.“ 1894 г., кн. 2, стр. 147 и кн. 3, стр. 265. Сабатье: „Бессмертіе съ точки зрѣнія эволюціи“. Его же: „Жизнь и смерть“.

Въ этомъ отношеніи нравственный человѣкъ, вооруженный знаніемъ,—неоцѣнимое сокровище для общества. Опираясь на благородную дѣятельность такихъ людей, наука уже внесла много добра въ жизнь человѣка и не перестанетъ быть благодѣтельной силою жизни и въ будущемъ. Дѣятели науки всегда будутъ находить высшее побужденіе въ служеніи ей и неизсякаемый источникъ нравственнаго удовлетворенія — въ содѣйствіи благу человѣчества, въ служеніи человѣчеству, страдающему невѣжествомъ, неправдою, бѣдностью, болѣзнями. Это останется и вышею нравственною цѣлью науки. „Вѣдь весь смыслъ жизни и все значеніе любви къ ближнему въ настоящихъ условіяхъ исчерпываются тѣмъ, что въ религіи называется искупленіемъ, а въ обычномъ языкѣ — борьбою со зломъ. Но наука какъ-разъ именно ставитъ себѣ цѣлью возможно лучшее устройство жизни личной и общественной путемъ хорошо вооруженной борьбы съ разнаго рода зломъ, какъ бѣдность, несправедливость, пороки и преступленія“ ¹⁾.

Что такое, далѣе, нравственность личная? Она состоитъ въ совершенствованіи нашего собственного духа, его способностей, въ развитіи нравственной личности. Она неизбѣжно должна исходить изъ сознанія превосходства духовной жизни предъ чувственною. Въ ней—основа и общественной нравственности: обществу нужны люди съ твердыми убѣжденіями и правилами, съ опредѣленными идеалами. Кто хочетъ принести добро людямъ, будь прежде всего самъ хорошъ. Но можно ли на этомъ пути выработки нравственной личности и нравственного закона отрицать значеніе науки и научныхъ занятій? Свободное время вы теперь будете отдавать учебнымъ занятіямъ: уже то одно, что это можетъ отвлечь васъ отъ занятій пустыхъ, легкомысленныхъ, а иногда и предосудительныхъ, одно это будетъ имѣть огромное значеніе въ смыслѣ нравственномъ. Но самое занятіе наукой есть занятіе облагораживающее, просвѣтляющее, гуманизирующее; оно развиваетъ вкусъ къ тѣмъ насажденіямъ познанія, которыя, безъ сомнѣнія, даютъ перевѣсъ духовной сторонѣ человѣка предъ чувственною; оно

¹⁾ Проф. Свѣтловъ. „Труды Киевск. Дух. Акад.“ 1897 г., № 10.

неизбѣжно способствуетъ духовному повышенію личности и открываетъ путь къ сознательному и любовному усвоенію нравственныхъ идеаловъ; оно, наконецъ, закаляетъ духъ и даетъ ему умѣнье настойчиво, твердо и успѣшно достигать высшихъ духовныхъ цѣлей существованія.

Вотъ почему мы призываемъ васъ къ нравственному отношенію къ открываемымъ публичнымъ лекціямъ. Справедливо, что новымъ часто называютъ то, что на самомъ дѣлѣ старо, только „хорошо забыто“. Но въ дѣлѣ нашемъ, съ этой стороны и новымъ и старомъ, пусть не будутъ забыты уроки прошлаго; не станемъ закрывать глаза на ошибки этого прошлаго, а онѣ, къ сожалѣнію, бывали, и онѣ-то, по нашему разумѣнію, во многомъ обусловливали, между прочимъ, быстрое охлажденіе къ широкому просвѣтительному движенію, о которомъ я выше упоминалъ. Привѣтствуя радостно оживленіе этихъ неумирающихъ ни при какихъ условіяхъ порывовъ къ знанію, мы должны твердо помнить, что если знаніе становится во враждебное отношеніе къ религіи или нравственности, къ обществу или отечеству, то оно роетъ себѣ могилу. Такое знаніе называется такъ только по недоразумѣнію; на самомъ дѣлѣ, оно служитъ вѣвѣскою умственной и нравственной недозрѣлости.

Призывая васъ къ нравственному отношенію къ открываемымъ научнымъ занятіямъ, мы открыто заявляемъ, что науку нужно брать чистыми руками, приступать къ ней нужно съ чистымъ сердцемъ. Библейскій мудрецъ говоритъ: „птицы слетаются къ подобнымъ себѣ, и истина обращается къ тѣмъ, которые упражняются въ ней“ (Сир. XXVII, 9). Этимъ самымъ мы вамъ, господа, первые слушатели лекцій, вамъ, а не иному кому, вѣвѣряемъ и поручаемъ ихъ судьбу. Отъ васъ зависитъ упрочить ихъ существованіе; отъ васъ зависитъ привлечь къ нимъ всеобщее сочувствіе; отъ васъ зависитъ разсѣять недовѣріе и сомнѣнія, съ которыми многіе относятся къ новому дѣлу. Сомнѣваются въ искренности и долговѣчности вашихъ желаній учиться; сомнѣваются въ усердіи, которое вы должны будете проявить; боятся этого смѣшенія половъ мужескаго и женскаго; боятся, какъ бы среди васъ не появилось какой-либо

дурной пропаганды; вы, а не иной кто, вы дѣломъ, а не словами, должны будете показать несостоятельность этихъ опасеній и оправдать довѣріе и надежды тѣхъ благородныхъ работниковъ-учредителей этихъ курсовъ, которые, въ глубокой вѣрѣ въ облагороживающую силу науки и въ лучшія свойства чело-вѣческой природы, находятъ рѣшимость къ своимъ трудамъ прибавить еще трудъ и упорный, и нелегкій.

Позвольте мнѣ заключить рѣчь глубоко-поучительнымъ наставленіемъ апостола: „Никто да не обольщаетъ васъ пустыми словами... Вы были нѣкогда тьма, а теперь—свѣтъ въ Господѣ: поступайте, какъ чада свѣта, потому что плодъ Духа состоитъ во всякой благодати, праведности и истинѣ. Испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте въ бесплодныхъ дѣлахъ тьмы... Смотрите, поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы. Итакъ, не будьте неразумительны, но познавайте, что есть воля Божія“ (Еф. V, 6—11, 15—17). „Все испытывайте, держитесь добраго“ (1 Фесс. V, 21).

Теперь же призываемъ васъ къ молитвѣ, а затѣмъ—къ бодрому и неустанному труду. Аминь.

Подвигъ спасанія на водахъ.*

Благословеніемъ архипастыря нашего и желаніемъ почтенныхъ представителей Общества, которое сегодня торжествуетъ праздникъ двадцатипятилѣтія своей чело-вѣколюбивой дѣятельности, призываюся я къ слову въ настоящія знаменательныя минуты, въ этой необычной обстановкѣ, прямо въ виду того мѣста, гдѣ не разъ проявлялось и исполнялось дѣло „спасанія

* Рѣчь на молебствіи по случаю исполнявшагося двадцатипятилѣтія дѣятельности Тифлискаго Окружнаго Правленія Императорскаго Россійскаго Общества спасанія на водахъ 26-го февраля 1899 года.

на водах“... ¹⁾ Когда я обдумывалъ, что сказать здѣсь по долгу служителя слова къ назиданіе однимъ, въ похвалу и благодарность другимъ, то мнѣ ясно представилось, что лучшимъ учителемъ нашимъ въ данномъ случаѣ можетъ служить многовѣковой опытъ Церкви въ связи съ живою наличною дѣйствительностью.

Перенесемъ мыслью на мгновение ко временамъ глубокой христіанской древности. Вотъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ частномъ домѣ, въ подземной катакомбѣ, или въ другомъ потаенномъ мѣстѣ собралась община христіанъ на свою святую молитву. Вотъ въ молитвѣ разгораются и пламенѣютъ сердца, и возвышенная любовь христіанская воспоминаетъ предъ Богомъ о всякой душѣ христіанской, скорбящей и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей... Съ тоскою озираясь вокругъ, богомольцы не видѣли въ своей средѣ многихъ братьевъ: одни взяты на судъ и мученіе за исповѣданіе вѣры, другіе сосланы уже въ дальніе края или захвачены въ плѣнъ врагами; тѣ остались дома ради нуждъ житейскихъ, тѣ лежатъ, прикованные къ одру болѣзни, а иные, „прежде отшедшіе“, покоятся въ сырой землѣ до общаго всемъ возстанія.. О всѣхъ болитъ сердце христіанское, за всѣхъ и вся несется молитва къ Престолу милосердія,—но какая это мольба упреждаетъ всѣ другія, и о комъ изъ бѣдствующихъ прежде всего вспоминаетъ, слѣдуя голосу любви, слово общецерковнаго „прилежнаго моленія“ (эктеніи, литіи)? *О плавающихъ, путешественующихъ... Господу помолимся!*

Да, тяжелы были тогда всякія путешествія, но тяжелѣе и опаснѣе всѣхъ—плаваніе по морю. И въ мольбѣ о плавающихъ видѣлся христіанамъ Спаситель, утишающій бурю и спасающій апостоловъ отъ смерти и кораблекрушенія, видѣлся Спаситель, подающій руку помощи тому апостолу, который взмолился къ Нему словами: „Господи, спаси меня, я утопаю“! Молитва вѣры чего сдѣлать не можетъ? Древнія сказанія переполнены повѣстями о томъ, какъ въ морѣ плывущимъ и

¹⁾ Молебеніе было совершено подъ открытымъ небомъ, на берегу р. Куры, въ самомъ опасномъ мѣстѣ ея теченія, гдѣ стоятъ спасательная станція Общества.

лютъ страждущимъ на призывъ молитвы являлась небесная помощь, и въ этотъ подвигъ человѣколюбія облечены были особо избранные святые, среди нихъ Пресвятая Богородица и святитель Христовъ Николай-Милостивецъ.

Съ того далекаго времени многое измѣнилось въ жизни. Науки и искусства далеко шагнули впередъ по части всесторонняго улучшенія человѣческаго быта, по части улучшенія и условій путешествія. Но и доселѣ, вѣрная духу и преданіямъ глубокой древности, св. Церковь хранить свое моленіе о плавающихъ и возглашаетъ его за каждой службой. Ибо какъ ни велика разница между прежними кораблями и лодками и нынѣшними огромными пароходами, все же и доннынѣ остается вѣрнымъ и мѣткимъ присловье нашего народа: „кто въ морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ, тотъ и Богу не маливался“... Слишкомъ ужъ слабъ человѣкъ предъ грозною водяною стихіей въ часъ ея гнѣва и бѣшенства: оттого жуткое чувство одиночества и безсилія охватываетъ всякаго непривычнаго при первомъ плаваніи по морю, даже тихому и спокойному; оттого съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ и болѣзненною чуткостью останавливается всякій на извѣстїи о томъ или другомъ несчастїи на рѣкѣ или на морѣ. И если вообразить себѣ всѣ ужасы гибели какого-либо судна, въ родѣ „Русалки“ 6 лѣтъ назадъ, или „Бургони“ прошлымъ лѣтомъ; если представить себѣ эти душу потрясающіе вопли о помощи погибающихъ отцовъ, матерей, малыхъ дѣтей, весь этотъ смертельный ужасъ и смятеніе и трагическую смерть; если представить себѣ оставшіяся осиротѣлыя семьи—этихъ несчастныхъ, которымъ не дано даже утѣшеніе увидѣть тѣла дорогихъ покойниковъ; если вспомнить, что число гибнущихъ на водахъ въ одной Россїи, по статистическимъ даннымъ, простирается до 8.000 человѣкъ въ годъ, то какъ не привѣтствовать благородныя сердца и любящія души, что приходятъ на помощь бѣдствующимъ? Какъ не порадоваться, что число членовъ Общества спасанія на водахъ достигаетъ почтенной десяти-тысячной цифры, что Первымъ Членомъ записанъ Государь Императоръ, а покровительство надъ Обществомъ приняла на себя Государыня Императрица! Какъ не благодарить Общество,

которое, судя по отчетамъ его, прославилось поразительными случаями истинно-самоотверженнаго спасенія погибающихъ, которое предупредило до 900 случаевъ крушенія судовъ, спасло отъ гибели болѣе 10.000 человекъ и содержитъ до 1.300 пунктовъ и учрежденій для помощи утопающимъ!

Въ районѣ дѣятельности мѣстныхъ членовъ Общества, въ Тифлисѣ и Тифлисской губерніи, нѣтъ и не можетъ быть такихъ грандіозныхъ несчастій, какія мы видимъ на моряхъ; зато на нашихъ водахъ, на этой, напримѣръ, рѣкѣ, что вы видите предъ собою, нѣтъ и плаванія на усовершенствованныхъ судахъ: опасность здѣсь непосредственно близка, и гибель плавающихъ такъ же возможна и въ такой же примитивной—въ смыслѣ предохраненія отъ опасности—обстановкѣ совершается, какъ въ дни далекой древности. Въ послѣднія 12 лѣтъ Тифлисское Окружное Правленіе Общества сосредоточиваетъ свою дѣятельность исключительно въ предѣлахъ г. Тифлиса и Тифлисской губерніи. Если принять во вниманіе, сколько помощи оказано было здѣсь, на Пескахъ, во время бывшихъ наводненій; если принять во вниманіе, что здѣсь, на этой самой рѣкѣ Курѣ, за послѣднія 12 лѣтъ утонуло 203 человека и спасено Обществомъ 450 человекъ,—то, полагаемъ, всякому ясно, что дѣятельность Общества достойна полнаго сочувствія и поддержки. О милосердіи сказано, что оно избрѣтательно на добрыя дѣла, что „различенъ милованья образъ и широка заповѣдь сія“ (Златоустъ). Дѣло спасенія утопающихъ говоритъ само за себя, оно не нуждается въ томъ, чтобъ его заносить въ нарочитые списки добродѣтелей или напоминать о немъ милосердію христіанскому. Что, если бы, братіе мои, сейчасъ здѣсь вдругъ раздались съ рѣки вопли и крики погибающаго: „Спасите, спасите, утопаю!“ Чье бы сердце не сжалось мучительно и не облилось кровью? Чья бы душа не заняла отъ горя и жалости? И вдругъ бы одинъ изъ насъ, бросившись въ воду, на нашихъ глазахъ вытаскилъ и спасъ погибающаго: сколько бы радости засіяло у всѣхъ на лицахъ, сколько бы искреннихъ похвалъ и горячней благодарности получилъ великодушный спасатель!

Братья мои! Въ нравственной оцѣнкѣ дѣятельности исче-

заютъ времена и сроки, мѣста и обстановка. Читая отчеты тифлискаго кружка дѣятелей Общества, видишь много разъ и ежегодно эти подвиги спасанія, только непримѣтные и скромные, не кричащіе и не картинные... Воздадимъ же Обществу полную мѣрою почтительной благодарности, искренняго сочувствія и дѣятельной матеріальной помощи. Человѣколюбивая дѣятельность Общества нуждается въ расширеніи и въ Тифлисѣ, и въ губерніи; вездѣ для нея требуются затраты, постоянныя и немалыя матеріальныя средства для поддержанія и расширенія существующихъ спасательныхъ учреждений, для основанія новыхъ, для содержанія рабочихъ лодокъ, спасательныхъ приборовъ и проч. Стыдно и позорно будетъ, если въ многочисленномъ и богатомъ городѣ нашемъ и во всей губерніи не найдется достаточно лицъ, сочувствующихъ не только вообще полезному и доброму, но и поистинѣ *святому* дѣлу помощи гибнущимъ на водахъ! Стыдно будетъ, если это святое дѣло, за недостаткомъ средствъ и сочувствія, по необходимости, должно будетъ сокращаться и постепенно замирать! Гдѣ же будетъ наше христіанство, гдѣ будутъ культурные успѣхи нашего времени и нашего края, гдѣ будетъ наше общественное развитіе,—все то, о чемъ мы любимъ говорить съ такимъ достоинствомъ и такъ часто? Правильное общество, развившееся на христіанскихъ началахъ, имѣетъ ту особенность, что среди него всегда находятся люди, которые умѣютъ отдать свою жизнь за жизнь другого. „*Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*“ (Іоанн. XV, 13), отъ насъ же требуется не пожертвованіе жизнью, а пожертвованіе незначительною частью матеріальнаго достатка ради бѣдствующихъ и погибающихъ. Будемъ же любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Іоанн. III, 18).

Св. Церковь, по духу любви Христовой, всегда готова сочувствовать и содѣйствовать всякому полезному предпріятію, все равно, гдѣ бы оно ни происходило, хотя бы это было въ области самыхъ простыхъ и ежедневныхъ нашихъ нуждъ; тѣмъ болѣе радостно и усердно, въ молитвенномъ предствительствѣ, призываетъ она благословеніе Человѣколюбца-Бога на святое дѣло спасанія погибающихъ на водахъ, какъ на дѣло

человѣколюбія попреимуществу. Но „всяко даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ“ (Іак. I, 17): слово апостола. Вспомнимъ и слово Господа Іисуса: „безъ Мене не можете творити ничесоже“ (Іоанн. XV, 5). Онъ первый благодѣтельный Спаситель утопавшихъ, ставшій вѣкогда на кормѣ тонувшаго корабля, ставшій вѣкогда предъ апостоломъ, утопавшимъ въ пучинѣ водной стихіи,—Онъ да станетъ нынѣ между нами и Его небесное благословеніе да будетъ на всѣхъ дѣятеляхъ и сотрудиникахъ Общества спасанія гибнущихъ на водахъ! Аминь.

Помощь голодающимъ.*

ЗАВѢТЬ ХРИСТОВЪ.

Когда дѣти соберутся ко гробу отца, когда близкіе и любящіе соберутся вмѣстѣ вспомнить дорогого покойника, то прежде всего они считаютъ своимъ долгомъ узнать его послѣднюю волю, послѣднее завѣщаніе. Эту священную волю, эту священную просьбу рѣшится нарушить развѣ только безнадежная и закоренѣлая въ пороки совѣсть, развѣ только самое зачерствѣлое сердце.

Братіе и дѣти! Во гробѣ лежитъ, въ мертвецѣхъ вмѣнися ради насъ умученный Спаситель. Во гробѣ нашъ Учитель, нашъ Другъ, нашъ Братъ и въ то же время нашъ Господь и Царь основаннаго Имъ среди насъ духовнаго царства. Послѣ всѣхъ ужасающихъ терзаній духа и тѣла спитъ Онъ сномъ мертвеннаго покоя—весь язва, весь страданіе и мука, спитъ, зане предаль духъ Свой Богу и Отцу, и зане все уже Имъ совершишася... Склонилась увѣнчанная терніемъ глава, упо-

* Слово въ Великій пятокъ предъ плащаницею при сборѣ пожертвованій въ пользу дѣтей-школьниковъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, 16-го апрѣля 1899 года. Сказано въ домовой церкви 1-й Тифлисской женской гимназіи въ присутствіи Попечителя округа, учащихся и учащихъся.

коилось окровавленное, истерзанное тѣло, смежились скорбныя очи и молчать Его уста; молчать уста, но вѣщаетъ сердце, и голосъ Его достигаетъ до нашихъ временъ и будетъ слышимымъ, и властнымъ, и громкимъ до скончанія вѣка. Оно вѣщаетъ объ Его послѣдней волѣ, которую Онъ завѣщалъ намъ въ часъ тягчайшей муки, когда на тайной вечери, въ виду скоро грядущей смерти, Онъ велъ послѣднюю, прощальную бесѣду съ учениками. И сейчасъ, когда Спаситель нашъ возлежитъ предъ нами изображенный какъ мертвецъ, на груди у Него вы видите книгу Завѣта, а въ ней эта предсмертная къ намъ просьба: *„Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга.... По тому узнаютъ естъ, что вы Мои ученики, если будете цытить любовь между собою“* (Іоанна XIII, 34—35). И заповѣдь не только дана, но и подтверждена и исполнена прежде всего въ лицѣ Самого Завѣщателя. По единой любви и благодати воплотился Онъ и пришелъ въ грѣшный и гибнущій міръ; ради единой любви и благодати жилъ Онъ среди людей, благотворя и поучая,—и ради единой и безмѣрной любви и благодати, невинный, умеръ Онъ на крестѣ въ искупительномъ подвигѣ, въ несказанныхъ мученіяхъ духа и тѣла, и нынѣ видится во гробѣ. Не для мертваго храненія въ памяти только, не для одного повторенія только въ словѣ далъ Онъ и намъ Свою заповѣдь; не для одного безплоднаго знанія завѣщалъ послѣднюю волю. Онъ говоритъ намъ: *„Образъ Я далъ вамъ, да послѣдуете стопамъ Моимъ“* (Іоанна XIII, 15; ср. 1 Петр. II, 21); *„имѣющій заповѣди Мои и соблюдающій ихъ, тотъ и любить Меня“* (Іоанна XIV, 14, 21). И смотрите, какъ скоро сказались и плоды Его завѣта: какъ только Онъ умеръ Самъ, уже около Него явились любящія сердца, и любовь учениковъ принесла Ему не однѣ горючія слезы, не одни слова глубокой любви и сожалѣнія, но и чистую плащаницу, но и пелены, и новый гробъ, и обильные ароматы.

Найдемъ и мы сегодня средство выразить Ему любовь и показать, что мы—ученики Его; найдемъ и мы сегодня средство подражать святымъ погребателямъ Христовымъ и принести Ему духовные ароматы, и обвить Его угодною Ему плащаницею и чистыми пеленами. Онъ Самъ нѣкогда указаль

раздѣльно дѣла завѣщанной Имъ любви: алчущаго напитать, жаждущаго напоить, одѣть нагого, принять бездомнаго, посѣтить больного и заключеннаго; Онъ Самъ при этомъ сказалъ, что сдѣланное этимъ меньшимъ Его братьямъ, собственно сдѣлано Ему Самому (Мѣ. XXV, 31—45).

Братіе и дѣти! Въ лицѣ меньшихъ братій и нынѣ алчеть и жаждетъ нашъ Спаситель, и къ намъ, къ Своимъ ученикамъ, искупленнымъ кровію Его, во имя заповѣданной Имъ любви, простираетъ руки и проситъ нашей помощи. Не въ одной, а во многихъ губерніяхъ Россіи теперь голодъ. Голодъ усиливается именно теперь, когда къ веснѣ истощены всѣ зимніе запасы; грядущая Пасха, свѣтлый день радости христіанской, вмѣсто радости, общаетъ голодному люду одну скорбь, одно страданіе. Несутся къ намъ оттуда вопли отчаянія и душу потрясающіе призывы. Вмѣсто моего пастырскаго слова, послушайте скорбное слово пастыря другого, живущаго непосредственно посреди ужасовъ голода и излившаго думы и скорби наболѣвшей души своей въ письмѣ, которое теперь перепечатано во многихъ газетахъ ¹⁾. „Господи, Господи, вразуми и научи, что мнѣ сдѣлать съ нуждающимися! Душа моя скорбитъ смертельно, видя толпы народа, идущія къ моему дому съ просьбою о помощи. Плачутъ, кланяются въ ноги, говорятъ: „добрый нашъ батюшка, не дай помереть! Ради Самого Создателя помощи! Вотъ, батюшка, моя семья три дня не ѣла, силы нѣтъ ходить, а ребятенки кричатъ: мама, хлѣбца! мама, ѣсть хочу!.. Родимый батюшка, дай ради Бога хотя фунтиковъ 5 муки, настряпаемъ ржаныхъ лепешекъ и душу отведемъ“. Вотъ, благотворители-христіане, вотъ что мнѣ, служителю престола Божія, приходится видѣть. Вникните, православные, въ нужду бѣдствующихъ, не ѣвшихъ по три дня! Вообразите себѣ невинныхъ дѣтей, кричащихъ съ душою потрясающимъ плачемъ: мама, хлѣбца! мама, ѣсть хочу... Но чѣмъ я и какъ окажу пособіе? Боже мой, вотъ еще сейчасъ пришла толпа, вручила списокъ голодающихъ: 49 семействъ, 281 крайне ну-

¹⁾ Письмо о. Ивановскаго въ „Волжск. Вѣстн.“, „Недѣль“, въ „Церк. Вѣстн.“ и друг., въ ЖМ за мартъ 1899 г.

ждающихся. Вразумите же, научите, что мнѣ дѣлать?! Ради Бога, ради Господа, ради Царицы Небесной, помогите, помогите, помогите скоро!“

Вотъ вамъ голосъ непосредственнаго свидѣтеля несчастья. Знаете ли вы, дѣти, что такое нужда безысходная, знаете ли вы, сколько ужаса въ этомъ словѣ: голодъ? Можете ли себѣ представить малютокъ и подростковъ, изнывающихъ отъ желанія что-нибудь поѣсть, хоть корку сухого хлѣба, котораго нѣтъ въ домѣ и на сторонѣ купить не за что? Представьте себѣ это именно теперь, когда вездѣ въ домахъ у насъ идутъ приготовленія къ наступающимъ свѣтлымъ праздничнымъ днямъ, когда у насъ всего будетъ вволю, когда наши столы будутъ ломиться отъ кушаній,—и каждый будетъ занятъ своею радостью? „И когда мы въ радости своей будемъ дѣлать съ родными и друзьями нашъ хлѣбъ пасхальный, когда будемъ тысячи разъ возвѣщать другъ другу священную вѣсть воскресенія,—въ это время гдѣ-нибудь—и не въ одномъ мѣстѣ, во мракѣ и холодѣ убогаго жилища несчастная мать вдова, томимая нуждой, прижметъ, рыдая, къ груди голодныхъ малютокъ своихъ“ ¹⁾. И до нея донесся величественный гулъ звона пасхальнаго, и ея душу освѣтилъ свѣтъ воскресенія и ея сердце вспомнило изъ далекаго безпечальнаго прошлаго великіе дни великой пасхальной радости христіанской, и она, забывшаяся на минуту въ общемъ забытій міровой радости, поцѣловала головки спящихъ малютокъ своихъ; но затѣмъ, затѣмъ..., когда проснулись они и залепетали: „мама, хлѣбца, мама, ѣсть хочу“, вспомнила она, что ничего не можетъ дать имъ, даже облитая слезами куска черстваго хлѣба. Такъ для того ли раздастся тысячекратно: Христосъ воскресъ и—во истину воскресъ?! Для того ли въ свѣтлый день Христовъ будетъ царить духовный восторгъ молитвы въ нашихъ храмахъ, гдѣ всѣ именоваться будутъ братьями, гдѣ даже ненавидящимъ и обидящимъ простится все воскресеніемъ?! Для того ли, наконецъ, этотъ предлежащій во гробѣ Божественный Мерт-

¹⁾ П. С. Мысли въ день Пасхи.

вещь оставилъ намъ Свою послѣднюю волю и далъ предсмертный завѣтъ любви взаимной?! Сюда, сюда, къ нуждѣ и голоду обратимъ мы сегодня взоры свои съ дѣятельною, сколько можемъ, помощью! Кое-что здѣсь уже сдѣлано для взрослыхъ нуждающихся ¹⁾.

Сегодня же, въ этомъ храмѣ, принадлежащемъ дѣтямъ, въ этомъ мѣстѣ молитвы дѣтской, соберемъ наши посильныя лепты въ пользу голодающихъ дѣтей-школьниковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя пострадали отъ неурожая. Отремъ каждый слезы хоть одного несчастнаго: это будетъ лучшею данью, лучшимъ поклоненіемъ и лобзаніемъ Умершему Господу, завѣщавшему намъ Свою предсмертную волю: „*sic zapovedую вамъ, да любите другъ друга*“ (Іоанн. XV, 17). Это не помѣшаетъ, не омрачитъ и нашей радости Его грядущаго Воскресенья; напротивъ, и возвыситъ ее, и восполнитъ новою радостью чистою, свѣтлою и духовною! Аминь ²⁾.

Помощь голодающимъ.*

ЗВАНІЕ ХРИСТІАНСКОЕ.

Ученики въ Антиохіи въ первый разъ стали называться христіанами. Въ тѣ дни пришли изъ Іерусалима въ Антиохію пророки и одинъ изъ нихъ предвозвѣстилъ Духомъ, что по всей вселенной будетъ великій голодъ, который и былъ при кесарѣ Клавдіи. Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать посольствѣ къ братьямъ, живущимъ въ Іудеѣ, что и сдѣлали, пославъ собранное къ пресвитерамъ чрезъ Варнаву и Савла (Дѣян. XI, 26—30).

Приведенныя слова взяты изъ нынѣшняго апостольскаго чтенія, которое вы слышали за литургіей. Эти слова, въ связи

¹⁾ Служащіе въ гимназій собрали по подпискѣ въ своей средѣ 500 рублей и отослали въ пользу голодающихъ.

²⁾ Послѣ рѣчи собрано у плащаницы въ пользу голодающихъ дѣтей-школьниковъ болѣе 200 рублей.

* Слово въ недѣлю о самарянѣхъ при сборѣ пожертвованій въ пользу голодающихъ крестьянъ Поволжскихъ губерній, 16 мая 1899 года; сказано въ церкви і Тифл. женск. гимназій.

съ прочитанными сейчасъ другими мѣстами изъ апостольскихъ посланій ¹⁾, переносятъ насъ къ тѣмъ далекимъ временамъ, которыя переживала Церковь Христова въ первые дни своего существованія, къ тѣмъ временамъ, когда, среди гоненій и преслѣдованій, первыми вѣрующими, первыми горячими и беззаветно преданными Христу учениками устраивался внутренній распорядокъ церковной жизни и на всѣ вѣка широко намѣчались тѣ пути, по которымъ должна была пойти эта жизнь въ послѣдствіи.

Нарочно я подчеркиваю послѣднюю мысль. Церковь Христова вѣчна, вѣчна не только по своему непрерывному существованію, имѣющему продолжиться, по слову апостола, дондеже Христосъ придетъ (1 Кор. XI, 12); не только по своей neodолѣнности даже вратами адовыми, по обѣтованію Христа (Мѣ. XVI, 18),—но и по тѣмъ внутреннимъ, вѣковѣчнымъ основамъ *вѣры, любовію споспѣшествуемой* (Гал. V, 6), которыя неизмѣнно развивались и развиваются въ исторической ея жизни. Отказаться отъ этихъ основъ для Церкви—это то же, что дереву оторваться отъ своего корня, или человѣческому организму совершенно отрѣшиться отъ своего пережитаго прошлаго... Это невозможно.

Такимъ образомъ, время, къ которому переносить насъ слышанное сегодня апостольское чтеніе, можетъ быть названо отдаленнымъ развѣ только въ количественномъ смыслѣ, въ смыслѣ большого числа протекшихъ лѣтъ; но по существу своему, по внутреннему духу, по качественной сторонѣ жизни христіанской оно близко, оно должно быть близко и общецерковному сознанію, и сознанію каждаго отдѣльнаго вѣрующаго. Не напрасно мы въ слышанныхъ словахъ апостольскаго чтенія находимъ краткое, но знаменательное замѣчаніе о томъ, что ученики въ Антиохіи, о жизни которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ мѣстѣ книги Дѣяній Апостольскихъ, *первые стали называться христіанами*,—именемъ, которое навѣки осталось за

¹⁾ По обычаю, установившемуся въ гимназической церкви, вмѣсто запричастнаго стиха читается Слово Возіе. Въ настоящій воскресный день читалось: 1 Кор., гл. XVI и 2 Кор., гл. VIII и IX.

вѣрующими, которое остается и за нами, безъ сомнѣнія, не какъ мертвый звукъ, а какъ живое свидѣтельство единства духа новыхъ христіанъ съ древними. Въ противномъ случаѣ, удерживать это имя было бы безсмысленно.

Въ виду этого духовнаго родства нашего и неумирающей связи съ древними христіанами, чрезвычайно важно и чрезвычайно поучительно знать, что же прежде всего замѣтно проявилось у тѣхъ, которые впервые назвались христіанами? Какія черты жизни, какія нравственныя стремленія ихъ прежде всего остановили на себѣ вниманіе Св. Луки, писателя книги Дѣяній Апостольскихъ?

Моментъ, на которомъ Св. Лука останавливаетъ наше вниманіе въ своемъ повѣствованіи объ устройствѣ первенствующей Церкви трудами апостоловъ, былъ моментомъ чрезвычайной исторической важности. Юная Церковь христіанская, вначалѣ какъ бы повитая пеленами еврейства, изумительно быстро растетъ, множится, зрѣетъ и мужаетъ, вырастаетъ, наконецъ, безконечно шире самого еврейства, обращаясь въ силу всемірную, всеобъемлющую.... Замѣчательно, что чудная, сверхъестественная быстрота этого роста совершается подъ воздѣйствіемъ гоненій и преслѣдованій. Вѣрующіе, гонимые въ Иерусалимѣ, разсѣялись по окрестнымъ странамъ, дошли до Финикіи, Дамаска и Кипра, вездѣ проповѣдуя евангеліе, *но сначала только іудеямъ*. (Дѣян. XI, 19). Наконецъ, подъ вліяніемъ этихъ проповѣдниковъ, въ Антиохіи Сирійской, въ богатомъ, людномъ, международномъ городѣ, въ центрѣ умственной и торговой жизни Востока, совершается событіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на судьбы Церкви: христіанство здѣсь приобрѣло многочисленныхъ послѣдователей изъ среды язычниковъ и, такимъ образомъ, образовало первую общину-церковь вѣрующихъ не изъ евреевъ ¹⁾. Апостолы изъ Иерусалима посылаютъ сюда для утвержденія новообращенныхъ Варнаву, который приглашаетъ къ себѣ на помощь ап. Павла, и трудами ихъ учреждается въ Антиохіи великая и славная Церковь, въ

¹⁾ Раньше были единичные случаи обращеній такого рода (Корнилій) и притомъ обращеній изъ такъ-называемыхъ прозелитовъ еврейскихъ. (См. Дѣян гл. X.)

которой и дано въ первый разъ вѣрующимъ знаменательное имя христіанъ. Это было великою побѣдою надъ іудейскою исключительностью, которая силелась заключить христіанство въ тѣсный кругъ еврейства и сдѣлать его чѣмъ-то въ родѣ іудейской секты; это было великой побѣдой надъ духомъ обособленія и раздѣленія, которыя сковывали смертельными путами жизнь древняго человѣчества; это было осуществленіемъ торжественнаго завѣта Христова: *шедше въ міръ весь, проповѣдуйте евангеліе всей твари* (Мрк. XVI, 15); *шедше научите вся языки* (Мѣ. XXVIII, 19)... *наченіе отъ Іерусалима и даже до послѣднихъ земли* (Лук. XXIV, 47 и Дѣян. 1, 8). Древній міръ былъ міръ безъ любви. Ему во многомъ можно удивляться; предъ нимъ за многое можно склониться въ почтительномъ изумленіи; онъ достигъ величайшихъ успѣховъ въ философіи, въ искусствѣ, въ государственномъ строеніи, онъ произвелъ великихъ мужей и героев; но въ этомъ мірѣ сердцу человѣческому было душно и тѣсно; въ немъ не было этой любви, все оживляющей, которую апостоль называетъ „*совокупностью всѣхъ совершенствъ*“ (Кол. III, 14), а Спаситель поставляетъ главною отличительною чертою своего ученія: по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою. (Іоан. XIII, 35). Побѣдою надъ этимъ міромъ христіанство было обязано, главнымъ образомъ, силѣ служащей и дѣятельной любви, и тѣ, которые въ Антиохіи въ первый разъ назвались христіанами, первые же и показали, что любовь, заповѣданная Христомъ, немедленно среди нихъ дала свои плоды. Наступилъ страшный голодъ,—несчастье, которое время-отъ-времени посѣщало римскую имперію. (Св. Лука, писатель кн. Дѣяній Апостольскихъ, какъ очевидецъ и современникъ, указываетъ время этого голода при Клавдіи кесарѣ. Историки относятъ это несчастье въ римской имперіи къ 41 и 42 гг. по Р. Хр.) Въ торговой и богатой Антиохіи голодъ этотъ не былъ такъ страшенъ, но для земледѣльческой Палестины, съ ея бѣднымъ и довольно густымъ населеніемъ, онъ былъ поистинѣ ужасенъ. Какъ будутъ вести себя новообращенные Антиохійскіе христіане изъ язычниковъ? Не скажется ли въ нихъ духъ старой обособленности языческой, по которой даже живущій по ту сторону рѣки — уже

врагъ? ¹⁾ Не проявится ли въ нихъ старый эгоизмъ, помышляющій только о своемъ покоѣ и о личной выгодѣ? Не скажется ли въ нихъ старое язычество, по понятіямъ котораго милосердіе считалось *не избыткомъ силы, какъ въ христіанствѣ, а признакомъ душевной слабости?* ²⁾

Наконецъ, не скажется ли въ нихъ по отношенію къ голодающимъ Палестины это давнее презрѣніе къ іудеямъ, къ народу, имя котораго въ то время на языкѣ римлянъ и грековъ было знакомъ всего низкаго и обращено было въ ругательство? ³⁾

Нѣтъ, вѣра Христова вытравила въ ихъ душахъ языческое жестокосердіе, и огнемъ воодушевленной любви расплавила тѣ ледяныя преграды, которыя въ древнемъ мірѣ лежали между отдѣльными людьми и между отдѣльными племенами. Мы видимъ, что антиохійскіе христіане, никѣмъ не побуждаемые, по движенію собственнаго сердца, вручаютъ Варнавѣ и Савлу свои пожертвованія въ пользу голодающихъ братій въ Палестинѣ. То же самое мы видимъ потомъ во время проповѣди ап. Павла въ самомъ центрѣ язычества—въ Македоніи и Греціи; и здѣсь христіане съ такимъ же усердіемъ давали пособія нуждающимся братьямъ палестинскимъ. И въ дальнѣйшей исторіи Церкви мы знаемъ такіе поразительные примѣры, что вѣрующіе, по свидѣтельству Оригена, *налагали на себя постъ, ничего не пили въ продолженіе извѣстнаго времени, и оказавшіяся такимъ путемъ сбереженія пересылали и передавали нуждающимся.*

Все, что написано, въ наше наученіе преднаписано, говорить слово Божіе (Римл. XV, 4). И о подвигѣ христіанской благотворительности мы слышимъ и читаемъ у священныхъ

¹⁾ Rivalis otis tunc, какъ думаютъ.

²⁾ Мнѣніе Сенеки, Квинтилиана. У послѣдняго есть фраза: „неужели ты такъ опустился, чтобы съ жалостью относиться къ бѣдному?“ „Человѣкъ для человѣка—волкъ“, говорятъ Плавты. Онъ же высказываетъ мнѣніе, что „если тѣлосложеніе рабочаго недостаточно крѣпко, то врачъ безъ смущенія можетъ оставить его, такъ какъ рабочій уже бесполезенъ для своего ремесла“, наконецъ, онъ прямо „не совѣтуетъ давать голодному ѣсть и пить“,—жестокая мораль! См. Фарраръ: „Первые дни христіанства“, стр. 122—123.

³⁾ Примѣры—въ сочиненіяхъ Цицерона и Горация.

писателей для того, чтобы не только умилился духомъ предъ величіемъ, простотою и щедростью прежняго даянія христіанскаго (замѣтьте, у апостола во 2 Кор., гл. VIII, среди похвалъ усердію жертвователей нѣтъ ни одного имени), но и для того, чтобы самимъ проникнуться сожалѣніемъ къ бѣдствующимъ и голодающимъ братьямъ и придти къ нимъ съ дѣятельною помощію. Вы знаете, что нѣсколько губерній внутри Россіи съ русскимъ и инородческимъ населеніемъ поражены голодомъ. Нужно ли говорить, что съ наступленіемъ весны положеніе крестьянъ этихъ губерній значительно ухудшилось? Нужно ли говорить, что послѣ того, какъ съѣденъ весь хлѣбъ, прирѣзанъ на пищу скоть и продано все, что можно продать, — вмѣсто прежняго недоѣданья, уже настоящій голодъ, смертельный голодъ постучался въ двери къ несчастнымъ? Слово церковное не нуждается въ искусственныхъ приемахъ для возбужденія чувства состраданія: оно обращается къ христіанскому чувству вѣрующихъ, которое способно представить и понять весь ужасъ несчастья. Представьте же себѣ самую простую картину. Вотъ семья; раннее утро; просыпаются дѣти, встаютъ взрослые; вчера былъ съѣденъ послѣдній скудный кусокъ хлѣба; хочется ѣсть; взрослые угрюмо молчатъ, непонимающія дѣти поднимаютъ крикъ; хлѣба и ничего съѣдобнаго нѣтъ; старшіе ушли выпросить, достать гдѣ-либо, — и возвращаются съ пустыми руками, потому что кругомъ вездѣ голодъ. Наступаетъ время обѣда; нужно накрывать столъ, — столъ стоитъ пустымъ, муки голода усиливаются въ привычный часъ принятія пищи... Что же дѣлать, что дѣлать? Вотъ до чего доходятъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ: семья затапливаетъ печь и нарочно съ угаромъ ее закрываетъ; всѣ ложатся въ избѣ, всѣ приходятъ въ состояніе безсознательности и до слѣдующаго мучительнаго дня, по крайней мѣрѣ, не чувствуютъ приступа голода. Работать? Но не всегда найдется работа, да голодавшій, обезсилившій, какой работникъ? Наконецъ, голодъ вызываетъ болѣзни. И вотъ страшныя вѣсти идутъ изъ пострадавшихъ губерній: тамъ къ бѣдствію присоединились голодный тифъ и цынга; тамъ въ жилищахъ смрадъ отъ болѣзней; тамъ смерть ежедневно уноситъ свои жертвы. На помощь пришло прави-

тельство; всѣ епископы епархій, расположенныхъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, открыли подписку въ пользу голодающихъ. Но и кромѣ этого, многіе благородные, самоотверженные труженики во имя блага народнаго находятся теперь среди бѣдствующихъ и взываютъ къ намъ о помощи: „поскорѣе дайте средствъ, поскорѣе и во-время шлите помощь!“ Только великій духомъ народъ, только великій во смиреніи, въ терпѣніи и покорности волѣ Божіей народъ не дойдетъ въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ до отчаянія, до изступленія, до преступности... Нужно спасти этотъ народъ. Неужели сытый голоднаго не понимаетъ? Но это правило не про христіанъ писано. Неужели нужно напоминать, что страдаютъ наши братья по человѣчеству, братья по Христу, братья по отечеству, родные и единовѣрные? Но это, значитъ, доказывать, что сейчасъ день, а не ночь. Неужели нужно напоминать, что если милосердіе не должно разбирать самарянина и еврея, то тѣмъ болѣе „не заботящійся о близкихъ, о родныхъ по плоти и вѣрѣ“, по слову апостола, „отъ вѣры отвергся и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. V; 8); что, по другому слову апостола, мы „дондеже время имамы, да дѣлаимъ благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ“ (Гал. VI, 10)? Но это понимали даже и не христіане.

Что можемъ, сдѣлаемъ и мы. Соберемъ наши лепты, примемъ участіе, сколько можемъ, во всенародномъ подвигѣ помощи голодающимъ, которому начало положено съ высоты Царскаго престола. Приучайтесь и вы, дѣти, гдѣ можете и сколько въ силахъ, къ благотворительности, которая всегда составляла лучшее украшеніе женщины, „чтобы вы всѣмъ богаты были на всякую щедрость“ (2 Кор. IX, 11). Пусть не умираетъ въ насъ духъ древняго христіанства, и какъ во времена апостоловъ въ первый день недѣли (1 Кор. XVI, 2), т.-е. въ воскресный, за богослуженіемъ собирались жертвы нуждающимся, такъ поступимъ и мы въ нашемъ воскресномъ молитвенномъ собраніи,—поступимъ такъ, какъ поступили антиохійскіе вѣрующіе, первые названные христіане: „тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братіямъ, что и сдѣлали, пославъ собранное къ пресвитерамъ рукою Варнавы и Савла“.

Рука просящаго протянута: да не оскудѣтъ рука дающаго! Аминь ¹⁾).

Памяти А. С. Пушкина.*

ВѢЧНОЕ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ ПОЭТА.

„Пусть поэтъ ни разу даже не назоветъ Бога, но лишь бы самъ онъ зналъ Бога, шелъ къ Богу,—онъ все равно всѣхъ и поведетъ къ Богу, о чемъ бы ни говорилъ. Если душа поэта чиста, то и мы всегда только очистимся отъ соприкосновенія съ нею и никогда не осквернимся, какіе бы нечистые, даже чудовищные образы ни представляли онъ намъ“. (Жуковский.)

„Я думаю, что Пушкинъ—серіозно вѣрующій, но онъ про это мало говорить... Жуковский сказалъ о немъ однажды: „Какъ Пушкинъ созрѣлъ, и какъ развилось его религиозное чувство! Онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я.“ (Записки А. О. Смирновой.)

Всякій разъ, когда христіане поминаютъ молитвою умершаго собрата,—будь то младенецъ, или старецъ, будь то знатный вельможа, или безвѣстный простой поселянинъ,—Церковь всегда и неизмѣнно возглашаетъ умершему *вѣчную память*. Для людей вдумчивыхъ въ этомъ обыкновеніи Церкви найдется много глубоко-поучительнаго, глубоко-отраднаго. Церковь не можетъ отказаться отъ этого обыкновенія, не отказавшись отъ одного изъ основныхъ устоевъ христіанства и всякой религіи вообще,—отъ вѣры въ безсмертіе человѣческаго духа. Человѣкъ не особъ только своего рода, не листикъ отъ дерева,

¹⁾ Послѣ рѣчи собрано въ церкви въ пользу голодающихъ около 100 руб.

* Рѣчь при поминаненіи А. С. Пушкина, въ день столѣтняго юбилея со дня его рожденія, 26 мая 1899 года. Сказана въ сокращеніи въ церкви Тифлисской 1-й женской гимназіи въ присутствіи всѣхъ учащихся и учащихся. Составлена частью по рѣчи о Пушкинѣ архіепископа Пискарева Херсонскаго.

не волна—одна изъ безчисленныхъ волнъ въ морѣ... Человѣкъ—это личность, и, какъ личность, онъ не можетъ возникнуть для того, чтобы исчезнуть безслѣдно. Отлившись въ законченный духовно-нравственный образъ, опредѣливъ себя здѣсь, въ земной жизни, оставивъ въ ней замѣтный или мало примѣтный, но все же тотъ или другой слѣдъ, онъ продолжаетъ жить и послѣ смерти и развиваться въ области иного бытія, для изображенія котораго у насъ нѣтъ ни словъ въ языкѣ, ни красокъ, ни образовъ въ воображеніи. И современники, и потомки могутъ забыть умершаго; имя его можетъ изгладиться быстро, не переживши и холмика земли на его безвѣстной могилѣ; но будетъ о немъ память предъ лицомъ Бога, для Котораго нѣтъ мертвыхъ, а всѣ живы (Лук. XX, 38); будетъ о немъ память въ молитвахъ Церкви, которая до скончанія міра содержитъ въ лонѣ материнской любви своей всякую вѣрующую душу, какъ богосозданную и богоискупленную, ни одной изъ нихъ не считаетъ ничтожною, и за каждую и за всѣхъ умоляетъ Божественное милосердіе.

Сегодня мы поминаемъ рѣдкаго человѣка-христіанина; поминаемъ человѣка, у котораго съ вѣчною памятью общаго всѣмъ безсмертія сливается вѣчная память въ своемъ народѣ и безсмертіе въ сознаніи лучшихъ представителей всего человѣчества. И потому въ настоящія молитвенныя минуты особенно знаменательно, особенно вразумительно звучитъ церковное возглашеніе ему *вѣчной памяти*.

Съ самыхъ первыхъ дней литературной дѣятельности имя Александра Сергѣевича Пушкина стало пріобрѣтать себѣ славу; шли годы, расширялась его дѣятельность, ширилась и росла его извѣстность. Смерть принесла ему не забвеніе, а еще большую славу: „Слухъ о немъ прошелъ по всей Руси великой, и нынѣ называетъ его всякъ сущій въ ней языкъ“. Въ послѣднія двадцать лѣтъ уже въ третій разъ русская земля всенародно чтитъ своего поэта ¹⁾, и каждый разъ образъ его

¹⁾ Разумѣемъ 6 іюня 1880 г.—открытіе памятника поэту въ Москвѣ; 29 января 1887 года—пятидесятилѣтіе со дня его смерти и, наконецъ, настоящій праздникъ столѣтняго юбилея со дня его рожденія.

вырисовывается все ярче и ярче, дѣятельность его понимается и цѣнится все глубже и глубже, растеть и растеть его имя, и мнится и видится, что память о немъ становится чѣмъ дальше, тѣмъ дороже, и— „любезная народу“—будеть воистину „вѣчная память“:

«Его стиховъ цѣлительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль»...

Это потому, что въ жизни и дѣятельности поминаемаго поэта, очевидно, много было несокрушимаго и вѣчнаго, было много неумирающаго, что—

«Прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжить».

Такъ исполняется и въ условіяхъ земныхъ слово апостола: „Скюцій въ плоть, отъ плоти пожнетъ тлѣніе, а скюцій въ духъ, отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную“ (Гал. VI, 8).

Что же такого вѣчнаго, несокрушимаго и неумирающаго было въ дѣятельности нашего поэта?

Знаю, что не мнѣ и не здѣсь говорить объ его литературной дѣятельности въ цѣломъ, не мнѣ давать ея всестороннюю оцѣнку послѣ того, какъ столько объ этомъ и сказано, и написано людьми, безъ сравненія болѣе меня свѣдущими и болѣе къ тому подготовленными. И въ нынѣшній день, безъ сомнѣнія, во всѣхъ концахъ великой Россіи и далеко за ея предѣлами этому предмету посвящены будутъ чтенія и рѣчи, и вы услышите сегодня оцѣнку поэта отъ специальныхъ, болѣе опытныхъ и умудренныхъ цѣнителей.

Но есть нѣчто, что и умѣстно, и должно сказать служителю Церкви, и не станемъ скрывать: это „нѣчто“ выражено прежде всего въ словахъ заупокойнаго нашего моленія, въ которомъ, кромѣ возглашенія вѣчной памяти умершему, чаще и настойчивѣе звучитъ: „*О еже проститися ему всякому согрѣшенію вольному же и невольному*“... Церковь также неизмѣнно возглашаетъ это моленіе о всѣхъ своихъ чадахъ, отъ царя до простолюдина. Пусть не покажется оно нарушающимъ согласный хоръ похвалъ и славы въ честь великаго поэта. Прямота съ искренностью, напротивъ, разъяснить дѣло, облегчить сердце.

а чрезъ это и на праздникъ нашъ не будутъ набѣгать унылыя тѣни. „*Нѣсть челоувѣкъ иже поживетъ и не согрѣшитъ*“ говоритъ Церковь въ оправданіе своего неизмѣннаго моленія. Согрѣшилъ, живя, и поминаемый писатель; согрѣшилъ и въ литературной дѣятельности, иногда какъ-будто бы и далеко уклоняясь отъ религіозно-нравственнаго идеала, отъ того, что неизблемо и вѣчно; согрѣшилъ, наконецъ, и тѣмъ, что умеръ жертвою дуэли, этого нелѣпаго и нечестиваго общественнаго предразсудка. Кто обо всемъ этомъ не знаетъ? Кто объ этомъ не думалъ, кто не говорилъ? Правду сказать, на эту отрицательную сторону жизни и дѣятельности поэта обращали больше, чѣмъ надо, вниманія, такъ что, можно сказать, и съ этой стороны „слухъ о немъ прошелъ по всей Руси великой“, и окружающее его и музу его туманное облако непониманія, недоумѣнія и клеветы не совсѣмъ еще разсѣялось и доннынѣ. Нашлись и находятся особые любители, которые съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, обходя въ поэтѣ вѣчное и достойное, а часто и не зная и не умѣя понять этого вѣчнаго, съ особеннымъ наслажденіемъ подчеркивали его слабости и недостатки, съ непонятною радостью утверждали, что поэтъ былъ и ненадежнымъ христіаниномъ, и ненадежнымъ сыномъ отечества, и приписали ему много такого, чего онъ никогда не дѣлалъ, чего никогда не говорилъ. Что сказать на это?

Не нужно забывать, что поэтъ „платить дань своему вѣку, когда творить для вѣчности“ (Карамзинъ); не нужно забывать, что въ земной дѣятельности челоувѣческой высшіе дары, небесныя,—а ими нескучно надѣлилъ Творецъ нашего поэта,—проявляются въ брѣнной челоувѣческой оболочкѣ; что задача нравственной жизни есть постепенное отрѣшеніе отъ всего, что есть въ этой оболочкѣ изменнаго, чувственнаго, себялюбиваго и жесткаго; что въ широтѣ натуры лежитъ возможность и глубокаго отклоненія отъ нравственнаго идеала, но вмѣстѣ и возможность самаго возвышеннаго ему служенія. Великіе люди, какъ люди, безъ сомнѣнія, глубоко иногда падаютъ, но зато и встаютъ, и какотся, и прошіе смываютъ, заглаживаютъ, и являются опять-таки великими въ своемъ возстаніи. Церковь, олицетворяя нравственный законъ и нравственный судъ, не

закрываетъ глазъ на эти паденія великихъ; не скрываетъ грѣха Давида, отреченія Петра, гонительства Павла, былой грѣховности Маріи Египетской или Евдокіи преподобной; но она внушаетъ намъ при воспоминаніяхъ объ усопшихъ приводить себѣ на память лишь общее представленіе о человѣческой слабости и грѣховности „съ теплою мольбою о прощеніи согрѣшеній почившаго, съ смиреннымъ признаніемъ собственной грѣховности и предстоящей всѣмъ людямъ смертной участи“.

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.
Своихъ... великихъ поминуютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣланья
Спасителя смиренно умоляютъ».

Только въ такомъ смыслѣ воспоминанія объ этой послѣдней сторонѣ жизни усопшихъ могутъ быть полезны и для усопшихъ и для живыхъ. А иное припоминаніе—съ осужденіемъ, съ тайнымъ самоулаженіемъ, со злорадствомъ, съ какимъ бы то ни было нечистымъ и страстнымъ отношеніемъ—это „кошунство, болѣе преступное, чѣмъ разрваніе могилъ и поруганіе смертныхъ останковъ“, это оскверненіе внутренняго духовнаго міра живыхъ и нарушеніе вѣчнаго покоя мертвыхъ; это, наконецъ, наглядное свидѣтельство о невысокомъ нравственномъ состояніи самихъ судей и тѣхъ, кто имъ радостно внимаешь ¹⁾. Да и полезно ли это кому-нибудь? Нѣтъ,—

«Укажутъ они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ они силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко».

Не справедливѣе ли слово поэта:

«Спящихъ въ могилѣ виновныхъ тѣней
Не разбужу я враждою моею?» ²⁾.

¹⁾ Вотъ рѣкій приговоръ этому явленію со стороны самого Пушкина: „Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки етс., потому что въ жалости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго: онъ малъ, какъ мы; онъ мерзокъ, какъ мы“ (Письмо къ кн. Вяземскому.)

²⁾ Слова Некрасова.

По мѣткому выраженію одного изъ великихъ писателей нашихъ, Пушкинъ былъ „*всечеловѣкъ*“ (Достоевскій); по словамъ современнаго Пушкину другаго великаго поэта, Пушкинъ удивительно могъ переноситься во всё вѣка, пережить, понять и художественно изобразить всё душевныя состоянія (Гоголь). Изображая жизнь во всёхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, конечно, онъ отмѣчалъ и ея отрицательныя стороны; но изобразить ихъ хотя бы и художественно—еще не значитъ имъ сочувствовать. Можетъ-быть, однако, съ этой стороны онъ былъ и виновенъ; виновенъ тѣмъ, что въ его изображеніи всякая страсть какъ бы имѣетъ право на законное существованіе, представлена не въ отталкивающемъ, а иногда какъ-будто въ привлекательномъ видѣ, не заклеяна огненнымъ обличеніемъ. Съ нравственной точки зрѣнія, это тѣневая сторона дѣятельности поэта. Но при всемъ томъ онъ былъ болѣе всего потому не только „положительной стороны русской дѣйствительности“, по выраженію извѣстнаго критика (Вѣлинскаго), но и *подътомъ положительной стороны жизни вообще*. Этимъ онъ особенно дорогъ въ нашей литературѣ, вообще не очень богатой положительными талантами, положительными стремленіями; этимъ онъ дорогъ и въ воспитаніи юношества, какъ открывающій ему источникъ чистаго, возвышеннаго, жизне-радостнаго и уравновѣшеннаго *идеализма*. И нельзя не признать, что съ теченіемъ времени это положительное выступаетъ въ творествѣ нашего поэта все сильнѣе, все ярче, входитъ въ связь съ его возвышеннымъ религіознымъ настроеніемъ и въ послѣдніе годы его недолгой жизни становится однимъ изъ основныхъ мотивовъ, если только не самымъ основнымъ его творчества:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что прелестью живыхъ стиховъ я былъ полезенъ,
 И милость къ падшимъ призывалъ».

Но Пушкинъ, какъ личность, былъ нераздѣльнымъ со своей поэзіей; это въ немъ особенно бросается въ глаза, и его глубокой искренности, необыкновенной правдивости не отрицала

никакая, даже самая пристрастная и озлобленная критика. Как натура художественная, чуткая, отзывчивая, Пушкинъ мыслить вслухъ, чувствовалъ вслухъ и, такъ-сказать, жилъ вслухъ. Его душа—это какъ бы механизмъ въ хрустальномъ футлярѣ, всёмъ видный, для всёхъ открытый. И все, что у насъ обыкновенно скрыто въ глубинѣ духа и не показывается на свѣтъ Божій, всё движенія страстей, всё грѣхи мыслей,— все это, при указанномъ свойствѣ поэтической природы Пушкина, было открыто для наблюденія, и все это у него выливалось въ словѣ. Оттого въ первыхъ раннихъ произведеніяхъ поэта мы видимъ слѣды его неправильнаго домашняго и школьнаго воспитанія, отраженія окружавшей его легкомысленной жизни, видимъ иногда нѣчто несерьезное, нѣчто нечистое, недостойное, стоящее въ противорѣчьи съ религіозно-нравственнымъ идеаломъ. По его собственному признанію,—

«Въ часы забавъ иль празднои скуки,
Бывало, лиръ онъ своей
Вѣтрялъ изиѣненные звуки
Везумства, нѣги и страстей»;

самъ онъ говорилъ о себѣ, что—

«Межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всёхъ ничтожнѣй онъ».

„Въ раннихъ его произведеніяхъ“, говоритъ о немъ одинъ глубокомысленный критикъ-философъ, „мы видимъ игру остроумія и формальнаго стихотворческаго дарованія, легкія отраженія житейскихъ и литературныхъ впечатлѣній. Но въ легкомысленномъ юнопѣ быстро выросталъ великій поэтъ, и скоро онъ сталъ тѣснить „ничтожное дитя міра“. Подъ тридцать лѣтъ рѣшительно обозначается у Пушкина—

«Смутное влеченье
Чего-то жаждущей души»,—

неудовлетворенность игрою темныхъ страстей и ея свѣтлыми отраженіями въ легкихъ образахъ и нѣжныхъ звукахъ:

«Позналъ онъ гласъ иныхъ желаній,
Позналъ онъ новую печаль!»

Онъ понялъ, что „служенье музъ не терпѣть суеты“, что „прекрасное должно быть величаво“, т.-е. что красота, прежде чѣмъ быть пріятною, должна быть достойною, что „красота есть только оцущительная форма добра и истины“¹⁾. Съ теченіемъ времени въ нашемъ поэтѣ, рядомъ съ художникомъ, не подавляя художника, усиливается и живетъ глубокой мыслитель, и плодомъ этой совокупной дѣятельности является намъ нашъ великій Пушкинъ, *этчный* Пушкинъ. Какъ послѣдній ударъ рѣзца надъ великимъ произведеніемъ, открывая міру неуывадаемую красоту души поэта, является его смерть, которая завершила и дала намъ и Пушкина-христианина.

Никто изъ судей Пушкина не осудилъ такъ безповоротно и не оплакалъ такъ сильно его паденій, какъ самъ же поэтъ: эти минуты, въ которыя лира его служила „звукамъ безумства, нѣги и страстей“, вмѣсто „звуковъ сладкихъ и молитвъ“, вызывали въ немъ глубокія сожалѣнья, тяжкія чувства. И тогда „струны лукавой невольно звукъ онъ прерывалъ, и лилъ потоки слезъ нежданныхъ и ранамъ совѣсти своей искалъ цѣлебнаго елея“. „Въ уныньи часто помышлялъ онъ о юности своей, утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ, о строгости заслуженныхъ упрековъ—и горькія кипѣли въ сердцѣ чувства“. Онъ сознавалъ, что „въ пылу восторговъ скоротечныхъ, въ безплодномъ вихрѣ суеты, о, много расточилъ сокровищъ онъ сердечныхъ за недоступныя мечты“. Онъ, выражаясь его сильнымъ языкомъ, „проклиналъ коварныя стремленья преступной юности своей, самолюбивыя мечты, утѣхи юности безумной“:

«Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный жи стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идиловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворять не устыдился?»

¹⁾ Вл. Соловьевъ: „Судьба Пушкина“ .

Въ порывѣ покаяннаго чувства поэту предносится образъ евангельскаго блуднаго сына, и онъ—

«Какъ отрокъ библии, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фιάлъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой понизъ и зарыдалъ!»

Минуты раскаянія въ прегрѣшеніяхъ юности были особенно горьки и томительны для поэта:

... «Въ то время для меня влчаты въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горять во мнѣ
Зми сердечной урызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжелыхъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ;
И съ *отращеніемъ* читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю...
Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы...
И нѣтъ отрады мнѣ,—и тихо предо мной .
Встанутъ два ангела...
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ... и истаютъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба».

И когда онъ такъ блуждалъ, „часто утомленный, раска-
янемъ горя, предчувствуя бѣды“, въ немъ назрѣвалъ посте-
пенно полный нравственный переворотъ. Бывали минуты уны-
нія, когда поэтъ съ горечью восклицалъ:

«Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ!»

Но это были только минуты. Въ общемъ, все же „въ надеждѣ славы и добра глядѣлъ впередъ онъ безъ боязни“, и все болѣе и болѣе звучали въ немъ струны того вѣчнаго, живого, высокаго, свѣтлаго, святого, что мы называемъ *религіей*. Много стихотвореній вылилось у него въ этомъ новомъ, все усилившемся настроеніи духа,—и это самыя чистыя, самыя возвышенныя созданія его поэзіи, вызывающія на глубокое раздумье. Такъ, онъ не палъ подъ бременемъ грѣха и отчаянья и, не стыдясь влукъ предъ міромъ оплакивать свои паденья, не стыдился исповѣдывать тотъ символъ вѣры, который звучалъ въ немъ все явственнѣе, все звучнѣе, все настойчивѣе. Читайте его стихотвореніе „Странникъ“. Какъ сильно изображено въ немъ его пробужденіе къ новой жизни, принятое окружающими чуть ли не за безуміе; указаніе пути къ этой жизни находить онъ у юноши, читавшаго какую-то книгу, о которой не трудно догадаться по содержанію. „Узкій путь спасенья и тѣсныя врата“, очевидно, указаны были ему въ священной книгѣ евангелія (Мате. VII, 13, 14). „Какъ отъ бѣльма врачомъ извлеченный слѣпецъ“, увидѣлъ онъ свѣтъ и въ немъ—

«Спасенья тѣсныя врата,

И къ нимъ бѣжалъ пустился въ тотъ же мигъ.
 Побѣгъ мой прозвездъ въ семьѣ моей тревогу:
 И дѣти и жена кричали мнѣ съ порогу,
 Чтобъ воротился я скорѣй. Крики ихъ
 На площадь привлекли друзей моихъ.
 Одинъ бранилъ меня, другой моею супругѣ
 Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ,
 Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
 Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ.
 Иные ужъ за мной гнались,—но я тѣмъ болѣ
 Спѣшилъ перебѣжать городское поле,
 Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
 Спасенья узкій путь и тѣсныя врата»¹⁾.

Съ наступленіемъ поры полного расцвѣта силъ, въ немъ замѣчательно ясно пробудилось и опредѣлилось религіозное

сознаніе. Такъ-называемое полуневѣріе его раннихъ лѣтъ было не глубоко, оно „было болѣе легкомысліемъ, чѣмъ убѣжденіемъ, и оно прошло вмѣстѣ съ другими легкомысленными увлеченіями“ (Вл. Соловьевъ). То, что поэтъ сказалъ о Байронѣ, приложимо вполнѣ и къ нему самому: „Вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ его скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Скептицизмъ сей былъ временнымъ своенравіемъ ума, идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“¹⁾; а у Пушкина онъ былъ и временнымъ отпечаткомъ того уродливаго въ нравственно-религіозномъ отношеніи воспитанія, которое онъ получилъ и которое онъ самъ, даже въ годы молодости, такъ беспощадно осудилъ, какъ „самое недостаточное и самое безнравственное“ (въ известной запискѣ, поданной Императору Николаю I-му въ 1826 г.)²⁾. Читайте его стихотвореніе „Безвѣріе“; оно тѣмъ болѣе поучительно, что написано въ первый періодъ его поэтической дѣятельности, когда нравственный переломъ въ немъ обозначился еще недостаточно ясно (1817 г.). Стихотвореніе можетъ быть названо подробнымъ раскрытіемъ мысли древнеязыческаго поэта Виргилія: „Блаженъ, кто вѣруетъ: ему тепло на свѣтѣ“. Нашъ поэтъ и въ раннемъ возрастѣ глубоко почувствовалъ истину этихъ словъ. Онъ проситъ взглянуть на невѣрующаго „не тамъ, гдѣ каждый день—

*Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
 Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родной,
 Въ бесѣдахъ съ дружествомъ или съ темною мечтой.
 Взгляните: бродятъ онъ съ увядшею душой,
 Своей ужасною томимый пустотой...
 Того, кто съ первыхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
 Котораго вся жизнь есть кракъ и изстуженье,—
 Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье.
 Напрасно вкругъ себя печально взоръ онъ водитъ:
 Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.*

¹⁾ Полн. собр. сочинен., изд. Ефремова. V, 107—110.

²⁾ „Ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій“, пишетъ самъ А. С. Пушкинъ, „не видно ни направленія къ безвѣрію, ни кощунства надъ религіей.“ (Письмо къ гр. Венкендорфу.)

Лишенный всёхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ,
 Ужъ видить съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
 И мощная рука въ нему съ дарами мира
 Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
 Ужасно чувствовать слезы послѣдней мучу
 И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку.
 Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
 О, вѣра, ты стоишь у двери гробовой.
 При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
 При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣннѣ,
 Тревожится его безвѣрное мученье.
 «Счастливицы», мыслить онъ, «почто не можно мнѣ,
 Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
 Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
 Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ?»
 Нѣтъ, нѣтъ, не суждено ему сей тайны знать...
*Безвѣріе одно по жизненной стези
 Во мракъ вожде умалый“...*

При чтеніи другихъ сочиненій поэта видимъ, что онъ безповоротно отказывается отъ сочувствія всякому виду вольнодумства ¹⁾, осуждаетъ Вольтера и его направленіе; библія вдохновляетъ его ²⁾, евангеліе становится его любимой книгой ³⁾; онъ призываетъ Бога, допускаетъ Его Промыслъ; восхищается псалмами, приводитъ слова Екклесіаста; въ стихи перелагаетъ молитвы, слова священнаго писанія; молится Богу, ходитъ въ церковь, посѣщаетъ монастыри, служитъ молебны; приступаетъ къ таинствамъ ⁴⁾; высказываетъ желаніе въ память своего рожденія выстроить въ своемъ селѣ церковь во имя Вознесенія ⁵⁾.

«Въ простомъ углу своемъ среди медленныхъ трудовъ
 Одной картины онъ желалъ быть вѣчный зритель;

¹⁾ По поводу одной печатной копушетвенной выходки поэтъ, негодуя, пишетъ: «Я отъ дерзости этой до сихъ поръ прийти въ себя не могу».

²⁾ Письмо къ женѣ 25 окт. 1834 г.

³⁾ См. Записки А. О. Смирновой. Цитаты изъ этихъ записокъ ниже приводятся по статьѣ Мережковского о Пушкинѣ въ книгѣ: «Философія теченія русской повѣи».

⁴⁾ Полн. собр. соч. Пушкина, т. VII, стр. 7, 180, 287, 305, 316, 343, 349.

⁵⁾ Анненковъ: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи». Изд. 1878 г., стр. 306.

Одной—чтобъ *на него* съ холста, ваеъ съ облаковъ,
 Пречистая и нашъ Божественный Спаситель,
 Она—съ величіемъ, Онъ—съ разумомъ въ очахъ,
 Взирали кроткіе во славы и въ лучахъ».

Онъ чтить, благоговѣя, возмущаясь всякимъ видомъ кощунства, чтить—

«Христа-Владыку, терніемъ вѣчннаго колючимъ,
 Христа, предавшаго послушно плоть Свою
 Вичамъ мучителей, гвоздямъ и колю,
 Того, Чья ваизъ весь родъ Адамовъ испунила».

Въ своей лирѣ поэтъ теперь находитъ чудные, чарующіе звуки возвышеннаго религіознаго строя. Оживаютъ у него „отцы - пустынники и жены непорочны“ со своею умирительною молитвою; съ великою силою утверждается значеніе нравственнаго элемента въ жизни. „У всякаго своя есть совѣсть, она проснется въ черный день“, говоритъ поэтъ даже о разбойникахъ. Возвышеннымъ вдохновеніемъ звучатъ его слова о совѣсти, влагаемая въ уста скупого рыцаря и Бориса Годунова: „Совѣсть—когтистый звѣрь, скребушій сердце, незванный гость, докучный собесѣдникъ, отъ коей меркнетъ мѣсяць и могилы смущаются и мертвыхъ высылаютъ; *она одна среди мірскихъ печалей успокоитъ, и, здравая, она восторжествуетъ надъ злобою, надъ темной клеветою. Но если въ ней единое пятно, единое случайно завелось, тогда бѣда! Какъ язвой морвою, душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ. Ужасно!.. Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!*“ Въ наставленіяхъ дѣтямъ, въ словахъ Бориса Годунова и Гринева-отца, поэтъ обнаруживаетъ глубокое, согрѣтое теплымъ сочувствіемъ и убѣжденное пониманіе основъ религіозно-нравственной жизни; выступаютъ у него въ произведеніяхъ люди истинной чести и долга („Капитанская дочка“), и поэтъ сумѣлъ найти ихъ среди непримѣтныхъ героевъ нашего смиреннаго прошлаго; рисуются у него женскіе образы непорочной чистоты: эта Татьяна, что „молитвой услаждала тоску волнуемой души“, и эта набожная, душевно - привлекательная дочь безстрашнаго и скромнаго въ подвигѣ героя-капитана. Въ своихъ произведеніяхъ, проникая

въ глубь исторіи, поэтъ входитъ въ духовное общеніе съ многовѣковой жизнью цѣлаго народа и затѣмъ съ мыслью и жизнью всего человѣчества. Здѣсь прошлое не представляется ему „мертвою скрижалю“: онъ ищетъ въ немъ смысла и той внутренней связи, по которой прошедшее является основой для будущаго; постигаетъ онъ здѣсь цѣну религіи, этой вѣковѣчной основы жизни и въ исторіи человѣчества и въ исторіи родины.

„Религія“, говоритъ онъ, „создала искусство и литературу; все, что было великаго въ самой глубокой древности, все находится въ зависимости отъ религіознаго чувства; безъ него не было бы ни философіи, ни поэзіи, ни нравственности“¹⁾. Величаво выступаетъ у него патріархъ Іовъ, какъ представитель древней русской церкви; привлекательными чертами рисуется инокъ Пименъ-лѣтописецъ. Значенію духовенства и духовному образованію приписываетъ онъ высшую государственную важность (Т. VII, стр. 45); признаетъ благодѣтельное значеніе для Россіи православія²⁾; заявляетъ, что „въ Россіи вліяніе Церкви было столь же благотворно, сколько пагубно въ земляхъ неправославныхъ; что, огражденное святыней религіи, духовенство наше было посредникомъ между народомъ и вышею властью; что монахамъ русскіе обязаны нашею исторіей и просвѣщеніемъ“ (Т. VII, стр. 61). Изучивъ глубже исторію Россіи, онъ уразумѣлъ великій подвигъ власти въ дѣлѣ строенія Русской земли, понялъ глубоко-политическій и философскій смыслъ нашего единодержавія³⁾, и признательными стихами отвѣчалъ на подвиги царей, вождей и прави-

¹⁾ Записки А. О. Смирновой.

²⁾ Забѣчательнъ отвѣтъ А. С. Пушкину извѣстному Чаадаеву по поводу его оскорбительнаго для православія „философскаго письма“, помѣщеннаго въ „Телескопѣ“ (1836 г., № 15). „Вы утверждаете“, пишетъ нашъ поэтъ, „что источникъ, откуда мы заимствовали христіанство, былъ нечистъ, что Византія достойна презрѣнія... Ахъ, Самъ Іисусъ Христосъ не былъ ли іудеемъ, и Іерусалимъ не самая ли незначительная нація? Но развѣ евангеліе вслѣдствіе этого менѣе неумительно? Мы приняли отъ грековъ евангеліе и преданія, но не приняли вмѣстѣ съ тѣмъ недуговъ Византіи. Правы Византія—не правы древняго Кіева.“

³⁾ См. Зап. Смирновой; Мережковскаго выше цит. сочин., стр. 46. Очень странное и интересное разсужденіе поэта, замѣчательно совпадающее съ выводами Ле-Вона, автора сочиненія «Психологія толпы».

телей народа, осудивъ бунты и измѣны: „Лучшія и прочтѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшения нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній“ ¹⁾). Самое рабство народа, крѣпостничество, которое поэтъ ненавидѣлъ всею душою, въ его воображеніи рисовалось „падшимъ по манію царя“, а не путемъ насильственного переворота ²⁾). По его словамъ, „тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды, или не знаютъ нашего народа, или ужь люди жестокосердые, коимъ и своя шейка—копѣйка, и чужая головушка—полушка“ ³⁾).

Теперь и жизнь не кажется ему, какъ прежде, „даромъ напраснымъ и случайнымъ“. Извѣстно, что на это унылое стихотвореніе московскій архипастырь, митроп. Филаретъ, въ свою очередь, написалъ отвѣтное стихотвореніе, глубокомысленное и истинно-христіанское: „Не напрасно, не случайно,—жизнь отъ Бога мнѣ дана“. Пушкинъ съ величіемъ покаяннаго чувства писалъ архипастырю:

... «Ранамъ совѣсти моеи
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ алей;
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь гордыя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ».

И ужь не смерть призываетъ онъ къ себѣ: душа полна замыслами твореній новыхъ, въ которыхъ скажется просвѣтленный духъ поэта, „отвергшій мракъ земныхъ суетъ“. Правда, и теперь „день каждый, каждую годину привыкъ онъ думой провожать, грядущей смерти годовщину межъ нихъ стараюсь угадать“; и теперь „минувшихъ лѣтъ угасшее веселье ему

¹⁾ «Капит. дочка».

²⁾ Стихотвореніе «Деревня».

³⁾ Собр. сочинен., т. IV, стр. 344; VII, 44 и 61.

тяжело, какъ смутное похмелье, и, какъ вино, печаль минувшихъ дней въ его душѣ была чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй; сулило ему трудъ и горе грядущаго волнуемое море“... „Но не хочу“, говоритъ онъ,—

«Не хочу, о, други, умирать!

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать»...

Это онъ писалъ, по словамъ биографовъ, какъ-разъ предъ тѣмъ, когда женитьбой полагалъ предѣлъ жизни старой и начиналъ новую, просвѣтленную. Онъ понялъ значеніе страданія, а это значитъ понять и христіанство. И слово его оказалось пророческимъ: страданіями проразумѣлъ онъ смыслъ жизни и, наконецъ, смыслъ смерти; трехдневныя страданія послѣ дуэли окончательно укрѣпили его духъ и сдѣлали его зрѣлымъ для жизни новой, вѣчной.

Но остановимся на короткое время, и отъ литературныхъ произведеній Пушкина перейдемъ къ его личности, какъ она являлась наблюдательному взору его лучшихъ и болѣе вдумчивыхъ современниковъ и послѣдующихъ цѣнителей. Здѣсь мы увидимъ опять, что поэзія Пушкина была нераздѣльна съ его личностью и, при его глубокой искренности, сливалась совершенно съ его жизнью.

Пушкинъ всегда производилъ на всѣхъ его знавшихъ впечатлѣніе огромной умственной силы. Это былъ „умъ здравый, живой, трезвый, уравновѣшенный, чуждый всякихъ болѣзненныхъ уклоненій“ (Вл. Соловьевъ). Такимъ въ годы молодости показался онъ Императору Николаю I-му, который послѣ перваго свиданія съ поэтомъ сказалъ: „Сегодня я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи.“ Такимъ онъ казался лучшимъ русскимъ людямъ, современникамъ его: Гоголь, Вяземскій, Плетневъ, Жуковскій—это все его друзья и почитатели. Иностранцы утверждаютъ то же. Французскій посолъ Барантъ называетъ его „великимъ мыслителемъ“¹⁾; Мицковичъ говоритъ о немъ: „Пушкинъ удивлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума... Рѣчь его,

¹⁾ Зап. Смирновой.

въ которой можно было замѣтить зародыши будущихъ его произведеній, становилась болѣе и болѣе серьезною. Онъ любилъ разбирать великіе *религіозные* и общественные вопросы¹⁾. Но и при такомъ постоянномъ умѣ веѣмъ бросалось въ глаза, что Пушкинъ въ послѣдніе годы какъ-то особенно выросъ. Очевидно, то, что вылилось въ его стихотвореніяхъ, его религіозно-философское настроеніе, охватило его всецѣло. „Въ послѣднее время“, говоритъ о немъ Гоголь, „набрался онъ такъ много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хотъ записывая каждое слово: оно стоило лучшихъ его стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить предъ нимъ еще больше жизнь“. Другой великій писатель, — кроткая, благочестивая и вдумчивая, чистая душа, — В. А. Жуковскій, послѣ одной бесѣды съ Пушкинымъ, оставшись въ кругу друзей, замѣтилъ о немъ: „Какъ Пушкинъ созрѣлъ, и какъ развилось его религіозное чувство! Онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я“. „Я думаю“, говоритъ А. О. Смирнова, въ запискахъ которой мы находимъ приведенные отзывы, — „я думаю, что Пушкинъ серьезно вѣрующій, но онъ про это мало говоритъ“. Глинка разсказалъ мнѣ, что онъ засталъ его однажды съ евангеліемъ въ рукахъ, причемъ Пушкинъ сказалъ ему: „Вотъ единственная книга въ мірѣ: въ ней все есть“. Вышеупомянутый Барантъ сообщаетъ Смирновой послѣ одного философскаго разговора съ Пушкинымъ: „Я и не подозрѣвалъ, что у него такой религіозный умъ, что онъ такъ много размышлялъ надъ евангеліемъ“. По словамъ кн. Вяземскаго, поэтъ нашъ находилъ неистощимое наслажденіе въ евангеліи и многіе священные тексты заучивалъ наизусть; „имѣлъ сильное религіозное чувство, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ (особенно любилъ покаянную великопостную, которую и переложилъ стихами), зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ“²⁾. А вотъ благоговѣйный отзывъ Пушкина о святыхъ: „Воля создавала, разрушала, преобразовывала... Ничто не можетъ быть

¹⁾ Сочин. В. Д. Спасовича. II, 265.

²⁾ П. Анненковъ: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для біографіи». Стр. 373—379.

интереснѣе исторіи святыхъ, этихъ людей съ чрезвычайно сильною волею... За этими людьми шли, ихъ поддерживали, но первое слово всегда было сказано ими" ¹⁾. Съ этими словами, которыя дошли до насъ въ запискахъ современницы, почитательницы Пушкина, вполне согласуются оставшіяся черновыя рукописи поэта: изъ нихъ мы видимъ, что Пушкинъ въ концѣ жизни тщательно изучалъ житія святыхъ, Четии-Миней и Прологъ, откуда дѣлалъ выписки, переложенія и проч.

Въ 1835 году онъ принимаетъ участіе и совѣтомъ и самымъ дѣломъ въ составленіи „Словаря историческаго о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви“, а въ слѣдующемъ году даетъ объ этомъ словарѣ отчетъ въ своемъ журналѣ („Современникъ“); здѣсь онъ дѣлаетъ краткій обзоръ нашей литературы этого рода и высказываетъ „удивленіе по тому поводу, что есть люди, не имѣющіе никакого понятія о жизни святого, имя котораго носятъ отъ купели до могилы“. Замѣчательнъ по глубинѣ и разумнѣю духа библейской религіозной морали отзывъ Пушкина о пророкѣ Моисеѣ. Личность Моисея всегда поражала и привлекала его: „Это пророкъ, царящій надъ всею исторіей народа Израильскаго и возвышающійся надъ всѣми людьми. Моисей великъ въ совершенно другомъ родѣ, чѣмъ греческій Прометей. Онъ не возстаетъ противъ Вѣчнаго, онъ творитъ Его волю, онъ участвуетъ въ дѣлахъ Божественнаго Промысла... Онъ видитъ Бога лицомъ къ лицу. И умираетъ онъ одинъ предъ лицомъ Всевышняго“ ²⁾. Уразумѣвъ съ этой стороны сущность и величіе библейской нравственности въ исполненіи Высшей воли, поэтъ уразумѣлъ и другую близкую истину христіанства—ученіе о глубокой поврежденности человѣческой воли, о первородномъ грѣхѣ и силѣ зла. Беѣдую однажды о философскомъ значеніи библейскаго образа духа тьмы, искушителя, Пушкинъ замѣтилъ: „Суть въ нашей душѣ, въ нашей совѣсти и въ обаяніи зла. Это обаяніе было бы необъяснимо, если бы зло не было одарено иногда прекрасной и пріятной внѣшностью“ ³⁾. Объ этой сторонѣ

¹⁾ Зап. Смирновой.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

зла и самъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ: „Сомнительный и лживый идеаль, волшебный демонъ, — лживый, но прекрасный“.

Намъ остается теперь сказать о смерти поэта, которая завершила его нравственное перерожденіе. Кто хочетъ знать объ этомъ захватывающія подробности, того мы отсылаемъ къ неподобному по глубинѣ мысли и чувства разсказу Жуковского, друга Пушкина и свидѣтеля его трехдневной предсмертной агоніи. Нельзя читать безъ глубокаго умиленія, какъ терпѣливо переносилъ поэтъ свои ужасныя страданія, о чемъ говорилъ, какъ шадилъ покой домашнихъ, какъ благословлялъ дѣтей, какъ готовился къ смертному исходу. Умирая, онъ выразилъ желаніе получить послѣднее христіанское напутствіе въ исповѣди и причащеніи, отъ чего, мы знаемъ, не отказывался онъ и раньше. „За кѣмъ прикажете послать?“ — спросили его. Онъ отвѣчалъ: „Возьмите перваго ближайшаго священника“. Между тѣмъ начались его ужасныя страданія. Боль отъ полученной раны возросла до высочайшей степени; то была настоящая пытка. Лицо страждущаго измѣнилось; взоръ его сдѣлался дикъ; казалось, глаза его готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ; чело покрылось холоднымъ потомъ; руки охолодѣли; пульса какъ не бывало. Большой испытывалъ ужасную муку, и здѣсь-то необыкновенная твердость его души раскрылась въ полной мѣрѣ. Готовый вскрикнуть, онъ удерживался, боясь обезпокоить близкихъ... Когда боли утихли, началась послѣдняя исповѣдь и предсмертное причащеніе. По словамъ кн. Вяземскаго, священникъ, совершитель таинства, „со слезами говорилъ ему о благочестіи, съ коимъ умирающій исполнилъ долгъ христіанскій“. „Трехдневный смертельный недугъ, разрывая связь его съ житейской злобою и суетою, но не лишая его ясности и живости сознанія, освободилъ его нравственныя силы и позволилъ ему внутреннимъ актомъ воли перерѣшить для себя жизненный вопросъ въ истинномъ смыслѣ. Что передъ смертью въ немъ дѣйствительно совершилось духовное возрожденіе, это сейчасъ было замѣчено близкими людьми“ ¹⁾.

¹⁾ Вл. Соловьевъ: „Судьба Пушкина“.

„Особенно замѣчательно то“, пишетъ Жуковскій, „что въ эти послѣдніе часы жизни онъ какъ будто сдѣлался иной: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу, исчезла, не оставивъ на ней слѣда; ни слова, ни воспоминанія о случившемся“. „Но это не было потерю памяти, а внутреннимъ повышеніемъ и очищеніемъ нравственнаго сознанія“. Когда его товарищъ и секундантъ (на дуэли),—разсказываетъ кн. Вяземскій,—пожелалъ узнать, въ какихъ чувствахъ къ Геккерну онъ умираетъ и не поручить ли отмстить убійцѣ, то Пушкинъ отвѣчалъ: „Требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему *и хочу умереть христіаниномъ*“.

Жуковскій такъ описываетъ первыя минуты послѣ смерти поэта: „Когда всё ушли, я сѣлъ передъ нимъ и долго смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу, не было также и выраженіе поэтическое. Нѣтъ, какая-то важная, удивительная мысль на немъ разливалась, что-то похожее на видѣніе, на какое-то *полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе*“...

Трехдневнымъ страданіемъ, трехдневнымъ этимъ крестомъ совершилось до конца его нравственное созрѣваніе и перерожденіе, какъ нѣкогда на Голгоѣ совершилось перерожденіе распятаго съ Иисусомъ послѣ покаянной молитвы. Мы видимъ здѣсь окончательное торжество духа въ немъ и его примиреніе съ Богомъ.

„Я увѣряю“, говоритъ Жуковскій, „что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ *нашего Пушкина*“.

Нашъ Пушкинъ умеръ рано; умеръ не въ ослабленіи мысли и дѣятельности, не уставшій отъ жизни, не изжившій своего

ума и энергіи; умеръ, еще будучи въ состояніи совершить гораздо болѣе того, чѣмъ сколько онъ сдѣлалъ. „Пушкинъ— выше своихъ произведеній“; „наиболѣе совершенныя его созданія не дадутъ полной мѣры его силъ“. Такова точка зрѣнія литературной критики. Но мы, поминая поэта, поминаемъ въ немъ челоуѣка-христіанина. Съ этой точки зрѣнія, жизнь челоуѣка цѣнится не количественно, а качественно, и моментъ смерти есть дѣло Божьяго Провидѣнія. „Поживъ вмагъ, исполнь лѣта долга... Отъ Господа исправляются стопы мужу“.

Поэзія, эта „религія небесной сестра земная, лѣкарство душъ, безвѣриемъ крушимыхъ“, привела Пушкина „къ нетлѣнной той завѣсѣ, которою предъ нами горній міръ задернуть“¹⁾, въ то время, когда душа его созрѣла въ христіанскомъ смыслѣ окончательно, когда путь земного очищенія имъ былъ пройденъ. Даль бы поэтъ еще намъ что-либо великое, и что именно, или ужъ не могъ дать,—это, собственно, вопросъ ненужный, бесполезный. Но то, что онъ оставилъ по себѣ, то, чѣмъ онъ самъ былъ въ своихъ воззрѣніяхъ, въ своей личности, въ своей смерти, даетъ намъ залогъ для свѣтлыхъ христіанскихъ чаяній и упованій. Онъ вѣчному служилъ. Пусть же въ памяти нашей сохранится изъ жизни и дѣятельности поэта только то, что по существу своему достойно вѣчности: не слабости, увлеченія и паденія, а то, въ чемъ выражается вѣчная нравственная природа духа. Пусть то, что сѣялъ онъ въ плоть по немощи, по грѣховности, отъ плоти пожнетъ смерть и тлѣніе и въ памяти людской пусть будетъ забыто и похоронено. А то, что сѣялъ онъ въ духъ—разумное, духовное, вѣчное—пусть оклонить къ нему милость Предвѣчнаго, пусть отъ духа пожнетъ ему жизнь вѣчную и среди людей дастъ ему *вѣчную память!*

¹⁾ Слова В. А. Жуковскаго.

Памяти А. С. Пушкина.*

ИДЕАЛИЗМЪ ВЪ ЖИЗНИ.

Святой апостоль Павелъ, останавливая вниманіе христіанъ на ихъ высококомъ призваніи, обращаетъ ихъ взоръ къ Начальнику и Совершителю нашего спасенія—Иисусу Христу, и въ виду Его славнаго Вознесенія даетъ вѣрующимъ такой завѣтъ: „*Вышнихъ ищите, идѣже Христосъ, одесную Бога сѣдя; горняя мудрствуйте, не земная*“ (Колосс. III, 1—2). Вотъ и поученіе намъ въ нынѣшній праздникъ. Оно пріобрѣтаетъ особую силу и особое значеніе въ настоящіе дни, когда вы, учащіяся дѣти, призваны чествовать великаго нашего поэта и переноситься мыслью къ его дѣятельности ¹⁾. Чѣмъ силенъ поэтъ? Чѣмъ сильна поэзія? Безъ сомнѣнія, тѣмъ, что она возноситъ душу человѣка надъ міромъ принижавшей суеты, очищаетъ и окрыляетъ ее высшими запросами, высшими интересами. Выражаясь языкомъ священнаго писателя, и поэзія учитъ насъ *вышнихъ искать, горняя мудрствовать, а не земная*. Недаромъ св. апостоль Павелъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, когда выступилъ на проповѣдь евангелія высоко-просвѣщеннымъ эллинамъ, то въ подтвержденіе своего слова ссылался не на ихъ глубокую философію, а приводилъ не разъ въ своихъ рѣчахъ стихи греческихъ поэтовъ. Недаромъ и среди величайшихъ отцовъ и учителей Церкви нашей было столько лицъ съ высокимъ поэтическимъ даромъ (наприм., Григорій Богословъ, Іоаннъ Дамаскинъ), и даже болѣе того: почти все наше величавое и умиленное богослуженіе, не

* Слово въ праздникъ Вознесенія Господня, 27 мая 1899 г. Произнесено въ церкви Тифлисской 1-й Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи въ присутствіи Попечителя округа, учащихся и учащіяся.

¹⁾ Къ этому дню пріурочены были главныя торжества въ честь А. С. Пушкина въ Тифлисской 1-й Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи: были произнесены рѣчи, читались и пѣлись стихотворенія поэта, устроены литературное утро для старшихъ классовъ гимназіи и литературный вечеръ съ живыми картинами—для младшихъ.

говоря уже о псалмахъ, есть одна возвышенная священная поэзія и на первоначальномъ языкѣ большею частью написано стихами.

Я не безъ цѣли заговорилъ объ этомъ. Наше время не безъ основанія обвиняютъ въ черствости, въ сухости и безсердечіи. Одинъ изъ нашихъ отечественныхъ мыслителей ¹⁾ считаетъ характерною чертою нашего времени „нравственную скудость при огромномъ умственномъ богатствѣ“. „Душа“, говоритъ онъ, „видимо, оскудѣваетъ въ людяхъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Быстро исчезаетъ та добродушная веселость, то радостное настроеніе, та нравственная бодрость, которыя сближаютъ людей, устанавливаютъ между ними прочныя связи, поднимаютъ общежитіе и съ которыми живетъ такъ легко даже при самыхъ трудныхъ и прискорбныхъ обстоятельствахъ“.

Такъ говоритъ нашъ отечественный мыслитель, а на дальнемъ Западѣ не такъ давно умершій всѣмъ извѣстный философъ ²⁾ характеризуетъ жизнь современности почти буквально тождественными словами: „Душа убываетъ въ людяхъ“...

Неутѣшительны послѣдствія этого явленія: недостатокъ духовности, приниженіе интересовъ, мелочность стремленій, оскудѣніе идеализма породили сухость и черствость жизни, одиночество, себялюбіе въ людяхъ и то всеобщее недовольство жизнью, которое разрѣшается въ наши дни поражающимъ числомъ самоубійствъ ³⁾. „Никогда общественная жизнь, повидимому, не была такъ развита, и никогда не чувствовалось душѣ такъ одиноко посреди этого шумнаго многолюдства“ (Кавелинъ). Скучно и тоскливо, холодно и непривѣтливо среди умныхъ людей, постигшихъ мудрость вѣка умомъ и оставившихъ сердце въ духовномъ голодѣ... Тѣмъ большую важность должны пріобрѣтать въ глазахъ нашихъ всѣ пути, ведущіе къ восстановленію идеализма въ жизни; тѣмъ драгоценнѣе должны становиться для насъ всѣ средства, содѣйствующія поддержанію и укрѣпленію идеалистическихъ чувствъ въ душев-

¹⁾ Проф. Кавелинъ въ своей книгѣ „Задачи этики“.

²⁾ Дж. С. Милль.

³⁾ По статистическимъ даннымъ, до 50.000 самоубійствъ въ годъ въ Европѣ.

номъ стрѣи челоѵѵка. Въ ряду такихъ средствъ и однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ является поэзія, художественное словесное творчество, „лѣкарство душъ, безвѣріемъ крушимыхъ, крыло могучее, подъемлющее родныя ей сердца на высоту“ ¹⁾. Въ этомъ нравственный и воспитательный смыслъ тѣхъ торжествъ, которыя теперь совершаются въ учебныхъ заведеніяхъ, совершатся сегодня и у насъ, въ гимназіи.

Но никогда не нужно, дѣти, забывать, что поэзія есть „религія небесной сестра земная“, и если она одинока и разрываетъ родственную связь съ этой сестрой, то всегда она будетъ и безсильна, и безсодержательна. Все высокое, свѣтлое и чистое получаетъ источникъ и освященіе въ религіи: безъ нея возвышенные идеалы поэзіи и спорны, и измѣнчивы, и ненадежны. Вотъ почему религіозные мотивы мы видимъ у всѣхъ сколько-нибудь выдающихся поэтовъ. Нужно сказать еще болѣе: безъ религіозности можно быть только стихотворцемъ, но не поэтомъ.

Такимъ образомъ, поэзія, которая нынѣ достойно прославляется въ лицѣ великаго А. С. Пушкина, только тогда можетъ оказать на васъ облагораживающее, возвышающее вліяніе, когда она будетъ стоять въ неразрывной связи съ религіей.

Въ день Вознесенія Господня напоминаемъ вамъ эту истину. Воспоминаемъ ли мы самое начало искупительной дѣятельности Христа Спасителя, въ день празднованія Рождества Его, намъ Церковь говоритъ: „Христосъ на земли—*возноситеся*“ ²⁾; „сего ради высокій Богъ на земли явился челоѵѵкъ, да насъ на небеса возведетъ“ ³⁾. Стоимъ ли мы у самаго конца искупительной дѣятельности Богочелоѵѵка,—въ праздникъ Его Вознесенія еще съ большимъ правомъ, еще съ большею настойчивостью поучаютъ насъ: „*Вышнихъ ищите, горняя мудрствуйте, не земная*“.

Возноситесь же ко Христу вознесшемуся; отдавайтесь молитвенному общенію съ Богомъ; проникайтесь, пламенѣйте религіозными мыслями и чувствами; не стыдитесь ложнымъ

¹⁾ Слова В. А. Жуковскаго.

²⁾ 1-я пѣснь канона Рождества Христова.

³⁾ Изъ акаѳиста Спасителю.

и преступнымъ стыдомъ отдаваться вашимъ религіознымъ порывамъ, къ которымъ такъ склонны невинное отрочество и чистая юность,—и тогда и ученье, и поэзія, и литература, и все вами изучаемое, дѣйствительно, явится для васъ воспитательною силою, созидающею и развивающею духовный міръ вашъ; иначе, все это будетъ только упражненіемъ ума и памяти, да обогащеніемъ языка красивыми словами и фразами. Но вѣдь духъ животворить, плоть же не пользуетъ нимало (Іоанн. VI, 63); но вѣдь плоть и кровь царствія Божія не наследуютъ (I Кор. XV, 50); но вѣдь помышленія плотскія суть смерть, а помышленія духовныя—жизнь и миръ (Рим. VIII, 6). Итакъ, всегда и вездѣ, и при всѣхъ обстоятельствахъ да будетъ намъ близокъ нынѣшній урокъ апостола: *„Вышнихъ ищите, идѣ же Христось, одесную Бога сѣдя; горняя мудрствуйте, не земная!“* Аминь.

Памяти А. С. Пушкина*.

ЗАВѢТЫ ПОЭТА.

Съ этого священнаго мѣста, съ котораго не разъ вы слышали слово назиданія, въ этомъ нашемъ школьномъ храмѣ, въ которомъ вы собрались сегодня на трогательную добровольную благодарственную молитву, примите теперь нашъ привѣтъ и поздравленіе съ окончаніемъ нелегкихъ трудовъ ученія, съ окончаніемъ курса гимназіи.

Въ знаменательный годъ и подъ знаменательными воспоминаніями оканчиваете вы труды своего школьнаго образованія: разумѣемъ только-что отпразднованное у насъ юбилейное торжество въ честь нашего великаго поэта. Недаромъ же учащіяся, оканчивающіе въ настоящемъ году курсъ ученія,

* Рѣчь на молебствіи, сказанная выпускнымъ воспитанницамъ (VII и IX классовъ) Тифлисской 1-ой Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи 12 іюня 1899 года.

по крайней мѣрѣ, въ нашемъ городѣ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ, безъ всякаго оффиціального указанія, даютъ себѣ названіе „пушкинскаго выпуска“. По поводу юбилейнаго празднованія вы уже слышали съ церковной кафедры и о значеніи дѣла и личности А. С. Пушкина, и о значеніи поэзіи вообще, какъ носительницы и хранительницы высокаго и чистаго идеализма, столь необходимаго юности,—того идеализма, которымъ нужно запасаться вамъ теперь, въ ваши молодые годы, чтобы не затеряться и не размѣняться въ суетѣ и мелочахъ жизни. Но и теперь, въ этой прощальной рѣчи, напоминаемъ вамъ нѣкоторые завѣты великаго поэта, на которыхъ умѣстно остановиться именно въ настоящія минуты, и которые примѣнимы къ вашему положенію.

Прежде всего пожелаемъ вамъ, при концѣ вашихъ учебныхъ занятій, горѣть чистою, возвышенною любовью къ просвѣщенію, къ самообразованію и къ просвѣщенію другихъ,—тою любовью, которую мы видимъ у нашего поэта. Помните, что въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія вашего, кто остановился на одномъ мѣстѣ, тотъ неизбежно пойдетъ назадъ; кто остановится только на томъ, что дала ему гимназія; кто не будетъ стремиться къ самоусовершенствованію, кто не будетъ стараться быть свѣтомъ для другихъ,—тотъ обнаружитъ чистовѣйшее отношеніе къ наукѣ, тотъ окажется недостойнымъ званія истинно-просвѣщеннаго человѣка, тотъ заростъ данный ему талантъ въ землю, какъ рабъ злой, лукавый и неблагодарный. Отъ всей души желаемъ вамъ, по слову нашего поэта, познать и полюбить „и тихій трудъ и жажду размышленья“; желаемъ вамъ, чтобы во дни наступающей свободы отъ обязательныхъ урочныхъ учебныхъ занятій вы, взглянувъ на изображеніе поэта на своихъ аттестатахъ, которые сейчасъ получите, могли примѣнить къ себѣ его слова:

«Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друзей умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ тѣмъ наравнѣ» ¹⁾.

¹⁾ Посланіе Чаадаеву, 1821 г.

Подобно поэту, познайте прелесть духовныхъ наслажденій, удовольствіе и сладость умственного труда, наслажденіе въ работѣ мысли, въ работѣ надъ созданіемъ внутренняго духовнаго богатства; какъ онъ, учитесь—

«Въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить»,

почаще обращаться „къ оракуламъ вѣковъ“, о которыхъ говоритъ поэтъ, что голосъ ихъ „гонитъ лѣни сонъ унылый и рождаетъ жаръ къ трудамъ“.

Въ этихъ грядущихъ трудахъ самоусовершенствованія желаемъ вамъ отъ души много, много разъ еще испытать то свѣтлое чувство удовлетворенности, которое, безъ сомнѣнія, вы переживаете въ настоящія минуты при окончаніи труда, потребовавшего отъ васъ цѣлыхъ годовъ усилій мысли и душевнаго напряженія.

Я не стану повторять вамъ того, что говорилось здѣсь въ день юбилейнаго празднества о религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ нашего поэта; на этомъ мы въ свое время остановились достаточно. Но не могу не напомнить, особенно тѣмъ изъ васъ, которыя по выходѣ изъ нашей школы прямо вступаютъ въ жизнь, не могу не напомнить остерегающаго слова поэта:

«О, люди, жалкій родъ, достойный жалости и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ливъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и удивленіе!»¹⁾

Жизнь, дѣйствительно, часто смѣшиваетъ мишуру, гнилую и дешевенькую, съ чистымъ и цѣннымъ золотомъ; жизнь, дѣйствительно, часто, поклоняясь внѣшнему успѣху, громкимъ фразамъ, моднымъ затверженнымъ мнѣніямъ, принятымъ обычаямъ, огульному большинству, налагаетъ печать рабства на свободный духъ человѣка и слѣпнитъ ему духовныя очи. Васъ учили Верховной Истинѣ, Верховному Добру. Служите же истинѣ

¹⁾ „Полководецъ“, 1835 г.

и добру, ищите не минутнаго, а вѣчнаго; цѣните людей и самихъ себя и все въ мірѣ не по внѣшнему успѣху, а по внутренней цѣнности; сумѣйте во-время разглядѣть подъ громкимъ словомъ пустоту, подъ блестящимъ и яркимъ ярлыкомъ ничтожность содержанія, а подъ простою внѣшностью, часто подъ непризнаннымъ со стороны большинства или даже гонимымъ словомъ сумѣйте, когда нужно, вскрыть и найти драгоценную внутреннюю суть.

Мѣра опредѣленія этой сущности вещей была указана вамъ въ нашей школѣ. Повторимъ ее словами поэта ¹⁾.

„Религія“, говоритъ онъ, „создала искусство и литературу; все, что было великаго въ самой глубокой древности, все находится въ зависимости отъ религіознаго чувства; безъ него не было бы ни философіи, ни поэзіи, ни нравственности“. „Вотъ книга“, говоритъ поэтъ объ евангеліи, „единственная книга. Въ ней все есть: въ ней каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и къ происшествіямъ міра; изъ нея нельзя повторить ни одного выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго. Но книга эта называется евангеліемъ,—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, прельщенные міромъ или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе“.

И сейчасъ, въ настоящія минуты, вы слышали „божественное краснорѣчіе“ этой книги, это трогательное и глубоко-назидательное повѣствованіе объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ, которые учатъ насъ благодарности ²⁾. Отдаваясь сейчасъ молитвѣ, въ концѣ успѣшныхъ трудовъ, вы показываете, что храните чувство благодарности къ Богу. Храните же это святое чувство всю жизнь, перенесите его и на то учебное заведеніе, которое васъ воспитало. Благодарная любовь къ родной

¹⁾ Зап. Смирновой.

²⁾ Евангельское чтеніе благодарственнаго молебствія: Лук. XVII, 12—19. Постъ евангелія и сказана настоящая рѣчь.

школѣ—это требованіе благороднаго сердца, это вашъ нравственный долгъ, это, наконецъ, ваша собственная польза. Тѣ, которые пренебрежительно забываютъ школу, или, легкомысленно осуждая ее, только радуются уходу изъ-подъ ея крова, сами не знаютъ, какого драгоценнаго дара они лишаются. Всякая школа, какъ учрежденіе живое, имѣетъ свой обликъ, свои преданія, свое особое, какъ бы таинственное, благотворное воздѣйствіе на учащихся; тайна этого воздѣйствія открыта любви и преданности и совершенно сокрыта отъ равнодушія и холодности. Любовь къ школѣ поможетъ вамъ усвоить съ успѣхомъ все наилучшее, чему она васъ учила, и остаться вѣрными до конца ея завѣтамъ религіозности, трудолюбія и одушевленнаго служенія ближнему; благодарная любовь къ школѣ не позволитъ вамъ растерять въ жизни лучшіе дары свои и дастъ вамъ силы удержаться отъ паденія при встрѣчѣ съ соблазнами и испытаніями; благодарная любовь и память о школѣ, наконецъ, доставитъ вамъ много отрадныхъ минутъ въ будущемъ. Пройдутъ годы и, можетъ-быть, не одинъ десятокъ лѣтъ, и вдругъ, послѣ многихъ и многихъ тревожныхъ, превратностей и испытаній, кто-либо изъ васъ, уставши отъ жизни, въ часъ унынія, въ скорби, въ одиночествѣ вдругъ встрѣтитъ свою подругу дѣтскихъ незабвенныхъ лѣтъ ученія. Какія польются тогда тихія и сладкія рѣчи; какъ, ярко оживая, возстанутъ давно отошедшіе образы; какой свѣжестью и силою весны жизни повѣетъ на душѣ,—и слезы, чистыя, святыя, живительныя слезы, оросятъ усталую душу и обновятъ, окрылятъ ее неумирающими воспоминаніями.

И во всемъ этомъ нашъ поэтъ можетъ служить вамъ примѣромъ. Чувство добраго товарищества, подъ кровомъ котораго вы прожили здѣсь много лѣтъ,—чувство товарищества, эту первооснову широкаго, разумнаго и сердечнаго человѣческаго общенія, поэтъ нашъ воспѣлъ въ звучныхъ вдохновенныхъ стихахъ. Нерѣдко вспоминалъ онъ своихъ товарищей по ученію и свою родную школу въ Царскомъ Селѣ съ горячимъ чувствомъ любви и благодарности:

«Намъ дѣлый міръ—чужбина,
Отечество намъ—Царское Село.

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
 Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
 Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадимъ ¹⁾.

Да позволено будетъ мнѣ сдѣлать здѣсь маленькое отступление. Одинъ изъ литературныхъ преемниковъ Пушкина ²⁾ въ поэтической формѣ описываетъ собраніе добродѣтелей у Верховнаго Существа. Всѣ добродѣтели были между собою близки, родственны и знакомы. Только двѣ изъ нихъ, какъ оказалось, совершенно не знали одна другую. Верховное Существо, въ изображеніи поэта, взявъ за руку одну изъ этихъ добродѣтелей, подводитъ ее къ другой и знакомитъ: „Благодѣтельность“, сказало оно, указавъ на первую. „Благодарность“, прибавило оно, указавъ на вторую. Обѣ добродѣтели несказанно удивились: съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, онѣ встрѣтились въ первый разъ.

Отъ всей души желаемъ вамъ не быть въ числѣ тѣхъ, къ которымъ примѣнимо это грустное и нелестное для чело-вѣчества поэтическое изображеніе! Отъ всей души, и не для себя, а для васъ же самихъ, желаемъ вамъ сохранить самыя добрыя чувства къ воспитавшей васъ гимназіи. Но воспоминанія о ней пусть не будутъ воспоминаніями только о стѣнахъ и вообще о внѣшней формѣ обстановки, лицъ и событій вашего учебнаго времени. Но пусть попреимуществу будутъ вамъ памятны тѣ сѣмена вѣчнаго, живого, высокаго, добраго, чистаго и святаго, что сѣялись вамъ здѣсь нескучно. И дай Богъ, чтобы вы чрезъ много лѣтъ имѣли право въ примѣненіи къ себѣ повторить слова, недавно высказанныя на юбилейномъ торжествѣ одного учебнаго заведенія отъ лица его старыхъ питомцевъ: *„Что намъ гимназія дала, то въ насъ и есть: Богъ, Церковь, родина, гуманность, совесть, честь“*. „Прочее же, братіе моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала, сія помы-

¹⁾ „19 октября 1825 г.“

²⁾ И. Тургеневъ—„Стихотворенія въ прозѣ“.

пляйте... сія творите, и Богъ мира будетъ съ вами“ (Филипп. IV, 8—9).

„Богъ же мира, возведый изъ мертвыхъ Пастыря овцамъ великаго кровію завѣта вѣчнаго, Господа нашего Иисуса Христа, да усовершитъ васъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, къ исполненію воли Его, творя въ васъ благоутодное предъ Нимъ Иисусъ Христомъ, Ему же слава во вѣки вѣковъ! Аминь“ (Евр. XIII, 20—21).

Добро ли намъ здѣ быти?*

На горѣ Преображенія три апостола, избранные изъ братій своей, видѣли блистающую славу Иисуса, моего Господа и Спасителя. И вотъ одинъ изъ нихъ, Петръ, восхищенный видѣніемъ, воззвалъ къ Тебѣ, Господи: добро намъ здѣ быти! Гдѣ нашель ты добро, св. апостоль? Гдѣ восхотѣль ты обитать, ученикъ Христовъ? Въ тѣлѣ ты былъ, или внѣ тѣла? На землѣ ты восхотѣль жить, или духомъ уже обиталь на небѣ?

Но если бы онъ говорилъ о небесномъ, а не о земномъ, то не продолжилъ бы рѣчи своей, не сказалъ бы: „сотворимъ себѣ три сѣни: Тебѣ едину, Моисею едину и едину Иліи“...

Итакъ, добро ли намъ здѣсь жити, здѣсь, на землѣ, братіе мой? Повторимъ ли и мы слово и пожеланіе апостола?

Да, возлюбленные, добро намъ и здѣ быти, добро обитать на землѣ! Добро—наше милое, невозвратное дѣтство, чуждое тяжкихъ тревогъ, изнурительныхъ трудовъ, заботъ и печалей, когда духъ веселился, тѣло цвѣло здоровьемъ, требовало игръ и забавъ, легко жилось, легко вѣрилось.

Добро—наша юность, краса жизни, свѣтлый праздникъ бытія моего! Взглянешь въ промчавшійся мигъ этой юности,—

* Въ праздникъ Преображенія.

засмѣешься радостно... Какъ легко жилось тогда, какъ легко думалось и работалось! Какъ легко открывался умъ для познания, сердце—для любви къ людямъ, воля—для труда и грядущаго подвига жизни! Какъ легко сходился съ людьми, какъ создавались завѣтныя думы, слагались стройными идеалами жизни, и ясными очами любовно, безтрепетно смотрѣль въ глаза загадочной жизни, на порогъ которой вступалъ бодро, исполненный силъ и надеждъ!

Добро и ты, мое мужество,—годы труда, годы осуществленія того, о чемъ мечталъ, исполненія того, что сложилъ въ сердцѣ для будущаго; годы создавшейся семьи, возросшей изъ любви, годы первыхъ успѣховъ въ жизни общественной, годы работы любимой, сознательной, которой отдавался весь безраздѣльно, весь безъ остатка... Крѣпко любилось, крѣпко работалось!

Добро ли и ты, грядущая старость? Но пока пришелъ я къ тебѣ, много было такого, что отравило чашу радости жизни. То правда, что какъ заглянешь въ молодость,—улыбнешься радостно, но и то правда, что какъ помотришь въ другой разъ,—такъ отъ стыда закроешься руками... Да и мужество мое сколько разъ уязвилось стрѣлою людской зависти, людского недоброжелательства, сколько разъ увидѣло себя обманутымъ, сколько разъ должно было сознаться, что раньше думалось ошибочно, а то, что затѣяно, оказалось то напраснымъ, то непосильнымъ, когда разбивалось о собственное мое непониманіе, о собственную мою неумѣлость, а то о лѣность, нерадѣніе. А сколько терялъ въ это время близкихъ, дорогихъ и любимыхъ, которые сходили въ могилу, шли въ путь всея земли, въ страну невѣдомую, назадъ своихъ жертвъ не отдающую, и какъ всякій разъ при прощаніи съ ними, при воспоминаніяхъ о нихъ приходило на мысль, что тотъ же и мой конецъ—неумолимый, неотвратимый... И какимъ холодомъ обдавало тогда все существо мое, какъ мелочно, недостойно, ничтожно казалось все, зачѣмъ гонялся, какъ за вѣтромъ въ полѣ, что считалъ своимъ счастьемъ, чего добивался съ трудомъ и изнуреніемъ: богатства, славы, людскихъ почестей! Но особенно страшно тогда становилось при воспоминаніяхъ о

томъ, что и назвать стыдно, о чемъ людямъ повѣдать совѣстно,—о грѣхахъ моей мысли, извращенныхъ чувствахъ, о похотѣннн тѣла, чувственнаго, растлѣннаго. Но, видно, и ты—добро, старость грядущая! Ибо не хочется умирать, и, говорятъ, чѣмъ больше старь, тѣмъ больше умирать не хочется... Живеть человѣкъ, хилый и немощный, прикованный часто къ одру, наполняя день вздохами и стонами, проводя ночь безсонную только въ помыслахъ о прошедшихъ дняхъ здоровья и крѣпости,—а жить все хочется...

Да, ты добро, самая жизнь моя, отъ начала до конца, вся ты добро, потому что Богомъ создана, Богомъ цѣлью осмыслена, Богомъ къ счастью предназначена. Гдѣ этотъ омысль, гдѣ путь къ этому счастью? Азь есмь путь и истина и жизнь,—слышимъ мы слово Христово въ евангеліи. Сей есть Сынъ Мой возлюбленный,—услышалъ съ неба и ты, св. апостоль, когда воззвалъ на горѣ Преображенія: добро есть намъ здѣ быти. Да, въ Немъ, во Христѣ, въ Его ученіи, въ Его жизни, въ Его искупленіи, только въ Немъ добро истинное, только съ Нимъ свѣтъ—невечерѣющій, немеркнуцій, только съ Нимъ и счастье безысходное, безконечное, ничѣмъ не омрачаемое...

Но если такъ, то зачѣмъ же гнетутъ меня скорби житейскія, болѣзни и немощи старости, зачѣмъ страшить смерть грядущая—неизбѣжная? Вѣдь тамъ-то встрѣчу я Его, Христа моего и Спасителя, встрѣчу и увижу не яко зеркаломъ въ гаданіи, но лицомъ къ лицу! Ибо и Самъ Онъ сказалъ, отходя на небо: „Возьму васъ къ Себѣ, не оставлю сирыми! Иду уготовать мѣсто вамъ, да идѣже буду Азь и вы будете. Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте, въ дому Отца Моего обители многи суть“. Итакъ, если это тѣло, сія хижина духа распадается, то мы имѣемъ уготованное отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный и вѣчный. При свѣтѣ этой мысли и самая жизнь наша есть добро только относительное, только напоминающее оное добро вѣчное, небесное. Прекрасны дѣтство, юность, мужество, но прекраснѣе безъ конца тотъ образъ бытія несказаннаго, недомыслимаго, гдѣ не будетъ уже старости и дряхлости, слабого

младенчества и вообще никакого тѣлеснаго возраста. Прекрасенъ здѣсь Божій міръ и небо голубое, высокое, и земля со всѣми тварями, море лазурное, степь широкая, лѣса дремучіе, горы, рѣки, звѣзды небесныя,—вся природа, Богомъ назначенная. Но прекраснѣе, о, какъ прекраснѣе та скинія Бога съ человѣками (Апокал. XXI), гдѣ не будетъ солнца и луны, гдѣ отречь Господь всякую слезу человѣческую въ градѣ, не имѣющемъ стѣнъ, и храмъ, гдѣ будетъ покровомъ нашимъ Самъ Агнецъ Божественный, Господь Иисусъ, гдѣ будетъ новое небо и новая земля, на которыхъ воцарится вѣчная правда...

Добро, воистину добро *тамъ* намъ быти, въ лицезрѣніи Бога, въ союзѣ любви съ нашимъ Спасителемъ, въ сообществѣ нашихъ родныхъ и присныхъ—святыхъ Божіихъ, сущу краугольну Самому Иисусу Христу!

И чѣмъ дальше живешь, чѣмъ больше умираешь для этой мишуры и обмана жизни, чѣмъ явственнѣе познаешь всю эту суету и крушеніе духа,—тѣмъ чаще возлетаешь въ эти небесныя обители и жаждешь преобразить существо свое, разрешиться и со Христомъ быти. Преобразился и весь пребыть въ свѣтѣ Господь, Начальникъ нашего спасенія,—преобразусь нѣкогда и я,—и, полный свѣта, вступлю въ царство свѣта—Христа, облеченный въ одѣяніе вѣры и добрыхъ дѣлъ. Но сіе—тогда только, если здѣсь во всѣ дни моей жизни памятовать буду слово, реченное Отцомъ о Сынѣ апостоламъ на горѣ Преображенія: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный: *Того послушайте.*

Да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный, молитвами Богородицы, Свѣтодавче, слава Тебѣ!

Просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси насъ! Аминь.

Обученіе и воспитаніе.*

Старая пословица одного изъ старѣйшихъ въ мірѣ народовъ о томъ дѣлѣ, которому мы сейчасъ полагаемъ начало молитвою, выражается такъ: *„ученье въ молодости—рѣзба на камнѣ, а въ старости—черченіе на пескѣ“*. Безъ сомнѣнія, вы хорошо понимаете, какая мысль выражена въ этихъ глубокихъ и остроумныхъ словахъ и какъ она примѣнима къ нашему настоящему положенію; безъ сомнѣнія, вы хорошо понимаете, что нужно воспользоваться временемъ весны вашей жизни и отдаться ученію всецѣло и безраздѣльно, приступить къ нему съ настроеніемъ серьезнымъ, относиться къ нему вдумчиво, приложить къ нему все стараніе.

Но, начиная сегодня дѣло ученія, мы вѣдь подразумеваемъ подъ этимъ не одно только усвоеніе тѣхъ или другихъ познаній, а весь учебно-воспитательный строй и порядокъ жизни нашего учебнаго заведенія, а сюда относится далеко не одно только обученіе въ узкомъ смыслѣ этого слова. Вѣдь понятіе о человѣкѣ образованномъ и просвѣщенномъ никто не ограничиваетъ только суммою его познаній,—и если бы школа занималась однимъ только обученіемъ и преподаваніемъ научныхъ истинъ, если бы учащіяся исключительно въ этомъ видѣли задачу, осуществленію которой должны быть отданы самые дорогіе годы юности, то, безъ сомнѣнія, дѣло школьное понято было бы крайне односторонне, и вмѣсто ожидаемой пользы могло бы принести существенный вредъ. Правду сказать, тогда бы оно было слишкомъ легкимъ, а самое учительство, это возвышенное, благородное и драгоцѣннѣйшее занятіе, могло бы свободно и безъ вреда обращаться въ простое ремесло. Но потому-то и признаютъ дѣло школьное и занятіе служителей школы чрезвычайно трудными и отвѣтственными;

* Рѣчь на молебствіи предъ началомъ ученія въ 1-й Тифлисской женской гимназій 31-го августа 1899 г.

потому-то въ настоящія минуты мы и обращаемся къ высшей Божественной помощи съ особою горячею мольбою, съ особымъ чувствомъ смиренія,—потому, что обученіе тѣмъ или другимъ истинамъ науки есть только часть, правда, важная и существенная, но далеко не единственная въ нашемъ и вашемъ дѣлѣ. Мы не должны забывать уроковъ прошлаго и настоящаго, чтобы готовить лучшее будущее. Мы должны поэтому помнить, что исторія не разъ была свидѣтельницею гибели государствъ и народовъ, въ средѣ которыхъ было много людей ученыхъ и умныхъ, но очень мало людей, созидающихъ общее благо и готовыхъ жертвовать для него собою; что и нынѣ быть умнымъ, искуснымъ и многознающимъ еще далеко не значитъ быть хорошимъ человѣкомъ и способствовать благу и счастью людей. Одни познанія, какъ бы глубоки они ни были, это—свѣтъ, который свѣтитъ, но не грѣетъ. Мало того, опытъ людей, хоть немного пожившихъ и наблюдавшихъ окружающую жизнь, ясно говоритъ намъ, что наука сама по себѣ есть мечъ обоюдо-острый и можетъ быть употреблена такъ же во благо, какъ и во зло, и что ученый злодѣй, играющій мыслью и словомъ, въ тысячу кратъ опаснѣе злодѣя неученаго. Мы должны, наконецъ, помнить, что мало для человѣка *знать* добро, а нужно еще *захотѣть его и найти въ себѣ силы* осуществить это добро, побѣдить препятствія, которыя стоятъ на этомъ пути и которыя коренятся и въ нашемъ внутреннемъ мірѣ—въ эгоизмъ и лѣности, и въ окружающей внѣшней обстановкѣ. Здѣсь-то, въ виду необходимости постоянной борьбы съ искушающимъ зломъ, и становится ясною, какъ день, необходимость въ годы воспитанія образовать твердый характеръ, закалить *волю*, которая не менѣе, если не болѣе, чѣмъ умъ, управляетъ исторіей, движетъ народами, окрашиваетъ такъ или иначе жизнь общественную. Люди сильной воли доведутъ до конца, при всѣхъ препятствіяхъ, всякое благое начинаніе; они, при знаніи и добромъ направленіи, оставляютъ вѣчный благодѣтельный слѣдъ въ исторіи чело-вѣчества. Но несчастье, несчастье имѣтъ дѣло съ людьми безвольными, неустойчивыми, колеблющимися, какъ былинка въ полѣ; несчастье довѣрить какое-либо дѣло людямъ, которые

не могут заставить себя сдѣлать то, что ихъ собственный разумъ считаетъ нужнымъ и полезнымъ, которые не сумѣютъ даже во-время явиться и приступить къ работѣ, которые сами на себя не могутъ положиться съ увѣренностью, тѣмъ болѣе—на нихъ другіе. И вотъ, на воспитаніе воли и обращены заботы школы, и это дѣло представляется особенно труднымъ, требующимъ со стороны воспитателей постоянной вдумчивости, большого опыта и умѣнія, неизмѣнной терпѣливости и глубокой вѣры въ свое дѣло.

Здѣсь-то, воспитывая и обученіемъ и всѣмъ строемъ жизни школьной, работники школы часто, по слову Писанія, „сѣютъ слезами“, и испытываютъ много, много горькихъ минутъ, которыя доставляютъ имъ неразуміе и своеволие, т. е. слабоволіе учащихся,—такихъ минутъ, когда невольно опускаются въ безсиліи руки и въ душѣ погасаетъ надежда на успѣхъ работы. Въ довершеніе всего нерѣдко и сами учащіеся, а подчасъ и взрослые, ихъ окружающіе, не понимаютъ этой стороны воспитанія и занимаются только отрицаніемъ и осужденіемъ школьныхъ порядковъ. Воля нуждается въ развитіи посредствомъ упражненія, которое, по законамъ природы, должно итти отъ легкаго къ трудному, отъ простаго къ сложному. Такъ, мускуль, напримѣръ, въ рукѣ, постепенно упражняясь, пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе крѣпости и силы; такъ, пріученное къ порядку и повиновенію войско способно совершить чудеса геройства и самоотверженія, достигнуть цѣли, побѣдить встрѣчающіяся препятствія, что совершенно недоступно беспорядочной толпѣ. Потому и семья благоразумная и благоустроенная, начиная съ легкаго, даетъ волѣ дѣтей постоянныя упражненія: здѣсь сядь, тамъ стой, тогда-то приди, тогда-то выйди, такъ-то садись за столъ, такъ-то держи себя и т. п. Потому и школа благоразумная и благоустроенная, получая отъ семьи самое дорогое ея достояніе—дѣтей, въ союзѣ съ семьей продолжаетъ дѣло укрѣпленія воли учащихся; отсюда подробныя указанія для исполненія обязанностей религиозныхъ ли то, нравственныхъ или учебныхъ, отсюда разные назначенные часы, условленные звонки, чтобы во-время явиться, во-время уйти изъ школы, во-время трудиться и отдыхать; от-

сюда задаваемые уроки, опредѣленные учебники, правила относительно одежды и внѣшности, привѣтствій, отвѣтовъ, класснаго и внѣкласснаго поведенія. Все это, развивая и укрѣпляя волю постоянными упражненіями, подготавливаетъ ребенка къ самостоятельной жизни взрослого человѣка, къ той жизни, въ которой какое бы кто мѣсто ни занималъ, на каждомъ шагѣ будетъ сталкиваться съ *долгомъ*, съ разными требованіями, правилами и предписаніями. Все это, путемъ постепеннаго перехода отъ легкаго къ трудному, отъ малаго къ великому, имѣетъ въ виду воспитать *людей долга*—высшая нравственная дѣль, къ которой стремится христіанская школа, слѣдуя заповѣди святаго апостола: „да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ“ (2 Тим. III, 17). Вѣдь только животныя неразумныя находятся внѣ всякаго свободно признаемаго долга и обязанностей...

А между тѣмъ, какъ прислушаешься, сколько обвиненій возводится на правила школьной жизни, сколько недовольства въ самихъ учащихся, сколько нареканій—скажемъ прямо—и въ самыхъ семьяхъ! Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать школѣ въ ея трудномъ дѣлѣ укрѣпленія воли дѣтей, нерѣдко окружающія ихъ лица, заодно съ неразумными дѣтьми, повторяютъ неразумныя рѣчи: „Къ чему, говорятъ, все это? Зачѣмъ эти стѣсненія и правила, эти звонки и сроки, эти правила объ одеждѣ, наружномъ поведеніи? Есть вѣдь задачи поважнѣе, а это все пустячно, ничтожно, излишне! И зачѣмъ стѣснять свободу дѣтей?“ Послушаешь учащихся: какими счастливыми представляются имъ лица, не обязанныя подчиняться разнымъ звонкамъ и школьнымъ формальностямъ! Какъ стремятся они нерѣдко приблизить хоть въ воображеніи ту кажущуюся безмѣрно счастливой минутой, когда окончится время ученія и откроется широкое поле для дѣла настоящаго, для обязанностей серьезныхъ... О, не завидуйте вышедшимъ въ жизнь и освободившимся отъ школьныхъ якобы стѣсненій! Повѣрьте намъ, дѣти, нашъ долгъ тяжелѣе въ тысячу кратъ, и школьная жизнь въ нашихъ воспоминаніяхъ представляется намъ, какъ золотое, невозвратное время, когда все было ясно указано и опредѣлено въ поведеніи и трудахъ, когда не могло быть

тягостныхъ сомнѣній, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, когда легко было быть исправнымъ и соблюсти спокойствіе духа. О, не спѣшите къ серьезнымъ обязанностямъ: настанетъ пора и для нихъ, а теперь учитесь исполнять малый долгъ, малыя обязанности! Вѣдь кто не въ силахъ поднять пяти пудовъ, какъ можетъ браться за десять или двадцать?!

Поймите же необходимость и важность всего строя школьной жизни, и въ настоящія минуты проникнитесь рѣшеніемъ относиться къ нему съ полнымъ уваженіемъ и съ полною готовностью подчиниться ему. Не принудительнаго, не вынужденнаго подчиненія хотимъ мы, а свободнаго, сознательнаго и любовнаго; не внѣшне-формальной и фарисейской праведности ждемъ отъ васъ и не предъ нашими глазами, а предъ лицомъ совѣсти и Бога. Вѣдь и животное приучаютъ къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ: но это выучка, дрессировка, принужденіе. У человѣка же, существа разумнаго и свободнаго, все поведеніе должно носить печать сознанія и свободы.

Поэтому къ вамъ, старшія наши ученицы, особое слово и особая усиленная просьба. Вы болѣе развиты умственно, вы болѣе сознательно относитесь ко всему окружающему, вы поэтому должны глубже понять сказанное нами и примѣнить къ дѣлу. Отъ васъ мы ожидаемъ большаго усердія, большей исправности и—скажемъ прямо—ожидаемъ помощи въ воспитаніи малыхъ. Имъ вы должны подавать примѣръ поведенія. Многіе изъ васъ, специалистки педагогическихъ классовъ, и сами въ будущемъ готовятся вступить въ ряды дѣятелей школы. Помните же, что кто не умѣлъ въ свое время свободно и разумно повиноваться, тотъ никогда не будетъ умѣть хорошо и разумно повелѣвать; кто самъ тяготился правилами собственнаго воспитанія и небрежно относился къ нимъ, отъ того трудно ожидать, что онъ будетъ хорошимъ воспитателемъ другихъ. Свѣчу нельзя зажечь отъ другой свѣчи—незажженной.

А всѣ вообще будемъ помнить, что кто не приобрѣлъ здѣсь въ школѣ, въ годы юности и воспитанія, религіозности, стремленія къ исполненію долга, трудолюбія, исправности, тотъ и

въ жизнь пойдетъ такимъ же нравственно убогимъ и ничтожнымъ, тотъ праздно, безцѣльно и бесполезно тунеядцемъ пройдетъ по нивѣ этой жизни. Приобрѣтайте же себѣ добрыя привычки и наклонности! Не теряйте золотого времени дѣтства и воспитанія: „въ молодости ученье—рѣзба на камнѣ“, твердая и прочная, предъ которой безсильно разрушающее влiянiе времени; „а въ старости—это черченiе на пескѣ“, гибнущее отъ дуновенiя вѣтра...

Вступимъ же бодро въ подвигъ труда и призовемъ себѣ молитвенно помощь вышнюю. Тотъ, Кто въ годы дѣтства Самъ *бы повинуюся* Родителямъ и, возрастая и укрѣпляясь духомъ, исполнялся премудрости подъ сѣнью благодати, въ любви у Бога и людей (Лук. II, 40, 51—52); Тотъ, Кто жизнь Свою послѣ лѣтъ отрочества и юности отдалъ трудамъ неустаннаго учительства,—да ниспошлетъ и намъ, ученикамъ Своимъ, благодатную помощь въ трудномъ и святомъ нашемъ дѣлѣ ученiя. Аминь.

Крестъ и храмъ.*

Присутствуемъ сегодня, братiе и дѣти, при знаменательномъ совпадении праздниковъ. Крестъ воздвигаемъ..., крестъ воздвигаемъ Господа Иисуса и радующеся возносимъ имя Его и Того величаемъ крайнее снисхождение ¹⁾; и храмъ основываемъ и полагаемъ сейчасъ начало его строенiя благословенiемъ и нарочитою молитвою. Мысль человѣческая, естественно, любитъ искать сближенiя и связи въ случайно совпадающихъ событияхъ; но если въ дѣлахъ житейскихъ эта связь часто едва уловима и даже совершенно отсутствуетъ, то въ области религиозно-нравственныхъ проявленiй нашей жизни эта связь всегда можетъ быть открыта и заключается въ томъ единствѣ, которое даетъ этимъ проявленiямъ святая Церковь. Она связуетъ

* Рѣчь при закладкѣ церкви въ 1-й Тифлисской женской Великой Княгини Ольги Θεодоровны гимназiи 14 сентября 1899 года.

¹⁾ Стих. на Господи вовавахъ праздника.

ихъ внутреннимъ родствомъ въ единствѣ цѣли: все направлять къ славѣ Бога и къ высшему благу людей.

Но нынѣшнее совпаденіе праздниковъ нашихъ, можно сказать, особенно близко и доступно душѣ христіанской. Если Церковь, основывая храмъ, водружаетъ на его мѣстѣ крестъ; если во внутреннемъ убранствѣ храма она вездѣ помѣщаетъ изображеніе креста и крестомъ же неизмѣнно украшаетъ и освящаетъ рѣшительно каждую богослужебную принадлежность; если, и закончивъ зданіе храма, она увѣнчиваетъ его опять тѣмъ же крестомъ: то не ясно ли отсюда, что здѣсь должна быть связь не временная и не случайная, а существенная и постоянная? Крестъ и храмъ—это два образа, два символа, въ которые облакается одно и то же содержаніе. Христіанская мысль привыкла не отдѣлять креста отъ Христа распятаго, а съ распятымъ Христомъ представляетъ она неизбежно все величайшее и таинственное дѣло всемірнаго искупленія чрезъ кровь Христову, изліянную за жизнь міра и доселѣ изливаемую, по вѣчной заповѣди и обѣтованію Распятаго, на алтаряхъ христіанскихъ храмовъ. Итакъ, можно сказать, храмъ раздаетъ только то, что пріобрѣтено крестомъ... и пострадавшій на крестѣ Христосъ Іисусъ—вотъ Кто, объединяющій и Единый, долженъ заполнить наши мысли и сердца въ настоящія молитвенныя минуты нашего сугубаго праздника.

Пусть же станетъ Онъ посреде насъ, и Его небесное благословеніе на дѣло наше да снидетъ!

Пусть исполнится здѣсь, на этомъ мѣстѣ, Его слово, сказанное нѣкогда о храмѣ Божіемъ: домъ Мой—домомъ молитвы наречется! (Лук. XIX, 46; ср. Іоанна II, 16, Мк. XXI, 13.)

Пусть исполнится здѣсь Его высокое обѣтованіе: гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ! (Мк. XVIII, 20.)

Пусть раздается Ему на мѣстѣ этомъ дѣтская чистая хвала и дѣтское *осанна*, которое съ любовью нѣкогда принималъ Онъ отъ дѣтей въ дни земной Своей жизни! (Мк. XXI, 15.)

О, призири же съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей (Пс. 79, 15), и утверди, и укрѣпи, и возрасти,—и плодотворнымъ сотвори до вѣка! Аминь.

Судъ земной.*

На зарѣ исторіи древняго Израиля, вышедшаго изъ рабства египетскаго и направлявшагося къ новой свободной жизни къ осуществленію своего мірового призванія, его престарѣлый и умудренный опытомъ вождь ясно провидѣль для горячо любимаго народа тяжелое, полное опасностей будущее. Что было нужно дать этому народу въ пустынь, посреди окружающихъ враговъ-кочевниковъ? Что было нужно дать народу, чтобы сдѣлать его способнымъ войти въ обѣтованную землю Ханаана, удержать тамъ посреди многоразличныхъ вліяній основы своего религіознаго быта, свою духовную фізіономію, и затѣмъ—послужить свѣтомъ міру, откровеніемъ для языковъ, въ завѣтъ родовъ и во спасеніе до послѣднихъ предѣловъ земли? (Ис. XLIX, 6; ср. XLII, 6). Изумительное по мудрости рѣшеніе предпринимаетъ богоумудренный вождь Израиля: онъ даетъ своему народу не способы матеріальнаго обогащенія, не крѣпкую военную организацію, не усовершенствованія египетскаго воинскаго искусства и, вообще, не внѣшнія блага, а даетъ ему, по указанію Божію, *законъ*. Съ тѣхъ поръ огненными, несокрушимыми буквами начертано было это слово на всей исторіи Израиля; онъ написалъ законъ въ своемъ сердцѣ, онъ повторялъ его устами, онъ воплотилъ его въ жизни; законъ былъ „ризою и повитіемъ“ его бытія; онъ любилъ его глубоко и нелицемѣрно, и нельзя безъ чувства умиленія читать восторженныя обращенія еврея къ своему закону. „Великъ миръ у любящихъ законъ Твой, Господи, и нѣтъ имъ преткновенія. Истомилась душа моя желаніемъ судовъ Твоихъ. О, какъ я люблю законъ Твой, весь день размышляю о немъ! Благъ мнѣ законъ Твой, лучше тысячъ золота и серебра, лучше меда устамъ моимъ!“ (Пс. 118, ст. 165, 20, 97, 72, 103). И не

* Рѣчь на молебствіи въ соединенномъ собраніи Тифлисской судебной палаты и Тифлискаго Окружнаго Суда по поводу объявленія Высочайшей благодарности чинамъ судебного вѣдомства 19 сентября 1896 г.

зналъ еврей большаго страха: „да не разорится законъ Моисеевъ“ (Иоан. VII, 23). Законъ былъ новымъ столпомъ облачнымъ и огненнымъ, который днемъ и ночью освѣщаль историческій путь избранному народу. Все, что было имъ оставлено міру вѣчнаго и прекраснаго,—а этими заслугами не оскудѣло избранное сѣмя Израиля,—все было сдѣлано имъ подѣ воспитательнымъ вліяніемъ закона. И все, что было привнесено имъ въ жизнь дурнаго, нежелательнаго, самое отверженіе Христа, искаженіе нравственныхъ возрѣній, служеніе тьмѣ и эгоизму,—все это было слѣдствіемъ отступленія отъ закона, ясно предвѣщавшаго времена новаго и вѣчнаго Законодателя (Второз. XVIII, 15), ибо законъ былъ пѣтуномъ,—воспитатель во Христа (Гал. III, 24). Шли годы, вѣка и тысячелѣтія; возникали и гибли блестящія цивилизаціи; въ пестрой смѣнѣ историческихъ судебъ нарождались и падали народы; рушились всемірныя монархіи; перемѣщалось много разъ русло культурной жизни человѣчества; но среди всѣхъ перемѣнъ, среди всѣхъ переворотовъ маленькій народъ, ведомый крѣпкою рукою закона, сохранилъ удивительную духовную живучесть; лишенный политической силы и вліянія, задавленный могучимъ Римомъ, презираемый въ томъ мірѣ, который цѣнилъ только внѣшнюю силу, онъ, въ свою очередь, могуче вліялъ на поработителей силою своего закона и воспитывалъ міръ для Христа и въ немъ—для новой, лучшей жизни. „Побѣжденные дали законъ побѣдителямъ“, восклицаетъ Сенека, видя усиливающееся вліяніе еврейства.

Да проститъ мнѣ достопочтенное собраніе это, можетъ-быть, длинное отступленіе; но мнѣ хотѣлось предъ лицомъ хранителей закона напомнить яркій историческій примѣръ, указывающій, какъ глубоко и благотворно значеніе закона въ жизни народовъ.

Правда, съ теченіемъ времени законъ Израиля сталъ обращаться въ мертвую и мелочную обрядность, и Израиль, выражаясь сильнымъ языкомъ Свящ. Писанія, „гоня (искавши) законъ правды, въ законъ правды не постиже“ (Римл. IX, 31); наконецъ, тотъ же законъ убилъ и Того, о Комъ законъ самъ прорекалъ и въ Комъ имѣлъ свое высшее исполненіе. Но не

нужно забывать, что дѣло закона было сдѣлано, воспитанное имъ избранное сѣмя дожило до времени Христа, дало Марію и Іосифа, дало Іоакима и Анну, дало Іоанна Крестителя, первыхъ апостоловъ; не нужно забывать, что по лицу всего міра это же сѣмя Израиля подготовило въ самомъ дряхлѣющемъ язычествѣ благопріятную почву для воспріятія христіанства.

„Когда же наступила полнота времени“ (Гал. IV, 4), когда воспитательное вліяніе закона исполнило свою задачу и „скончашася вся по закону Господню“ (Лук. II, 39),—тогда явился Предрекаемый закономъ и Желанный всѣми народами (Агг. II, 6—10). Но Онъ пришелъ не нарушить законъ, а восполнить (Мате. V, 17)! Въ Божественномъ „Совершишася“ восполненъ древній законъ; при свѣтѣ этого всемірнаго глагола стала ясною необходимостью не одной только *правды*, но и *милости*; стало ясно, что *исполненіе закона любви есть* (Римл. XIII, 10), и что весь законъ въ этомъ единомъ словеси исполняется (Гал. V, 14). Не одинъ еврейскій народъ,—весь древній міръ въ своихъ законодательствахъ убѣдился, какъ трудно сохранить одну *правду*, не обращая ее въ жесткость и жестокость, и какъ трудно сохранить и *милость*, не обращая ее въ поустительство и въ полное безразличіе добра и зла. И вотъ, у креста Искупителя исполнилось то, чего такъ жаждало чело-вѣчество и чего оно еще никогда не видѣло: по слову Писанія, *милость и истина здѣсь встрѣтились, правда и миръ облобызались* (Іс. 84, 11).

Съ тѣхъ поръ въ обновленной жизни людей, съ углубленіемъ христіанскихъ началъ и христіанскаго міровозрѣнія, болѣе и болѣе утверждался этотъ законъ Христовъ въ его вѣковѣчномъ идеалѣ—совмѣстить правду съ милостью.

Благодать не требуетъ насильственныхъ измѣненій, и царство Божіе сравнивается не съ бурнымъ теченіемъ всеокрушающаго потока, а съ закваскою, проникающею постепенно въ тѣсто (Мате. XIII, 33), и съ сѣменемъ, непримѣтно растущимъ на нивѣ (Мрк. IV, 26). Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ возможны были и временныя отклоненія въ нравственномъ ростѣ христіанскихъ народовъ, какъ бывають задержки въ ростѣ сѣмени и въ дѣйствіи закваски; но сильно

и безсмертно заложенное Христомъ новое начало жизни чело-
вѣчества, и вратамъ адовымъ никогда не видѣть побѣды
(Мф. XVI, 18).

Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій и наша родина
была нѣкогда „въ судахъ черна неправдой черной“, какъ,
можетъ-быть, слишкомъ рѣзко выразился поэтъ въ порывѣ
покаянія за прошлое нашей исторіи... Русскій народъ какъ бы
стоялъ тогда предъ своими руководителями и молилъ словами
древняго псалмопѣвца: *отверзите мнѣ врата правды!* (Пс. 117,
9.) И не находите ли вы, просвѣщенные слушатели, нѣкото-
раго подобія временамъ давно минувшимъ и въ нашемъ не-
давнемъ прошломъ: вотъ молодой и сильный народъ, носитель
великихъ надеждъ и, безъ сомнѣнія, съ великимъ міровымъ
будущимъ, исходитъ изъ своего рабства—разумѣемъ крѣпо-
стное право—и, свободный на пути новой жизни, подобно
древнему Израилю, получаетъ изъ рукъ помазанника Божія
законъ... И если въ древности, всего чрезъ 40 лѣтъ странство-
ванія въ пустынь, народъ еврейскій, едва смѣнивъ только
одно поколѣніе, успѣлъ изумительно быстро войти въ духъ
этого закона и сдѣлать его основою жизни,—то не видимъ ли
мы на нашихъ глазахъ, въ промежутокъ времени еще мень-
шій, это изумительно быстрое дѣйствіе и нашего закона въ
жизни государственной и общественной? Не мнѣ, конечно,
какъ служителю Церкви, говорить здѣсь о внѣшнихъ пре-
имуществахъ, о практической пользѣ, которую доставляетъ
правильное устройство суда членамъ общества и государства.
И эта сторона жизни, конечно, имѣетъ свое значеніе, но для
служителя Церкви, но съ высшей точки зрѣнія—интересовъ
не временныхъ, а вѣчныхъ—„важнѣе то *нравственно-воспи-
тательное вліяніе*, какое оказываетъ такой судъ на обще-
ство“. По словамъ одного ученаго юриста, „такой судъ воспи-
тываетъ какъ власть, представляющую правосудіе и служащую
для него органомъ, такъ и всѣхъ членовъ общества, прибѣ-
гающихъ къ содѣйствію правосудія и со стороны наблюдаю-
щихъ за его отправленіями. Въ этомъ отношеніи, вліяніе суда,
быть-можетъ, еще могущественнѣе, чище и нравственно выше
на послѣднюю группу простыхъ наблюдателей, въ которой оно

развиваетъ чувство законности, правды, уваженіе къ личности и интересамъ другихъ“¹⁾. Какъ бы ни смотрѣли научныя теоріи на происхожденіе закона, всегда люди будутъ видѣть въ понятіи закона, кромѣ формальнаго признака—воли и велѣнія власти, и признакъ матеріальный—*известное нравственное содержаніе*. Пусть даже законъ—только продуктъ наличнаго нравственнаго уровня общества и его созданіе: всегда возможенъ и ходъ обратнаго вліянія въ психической жизни человѣка. Вѣдь и мысль, конечно, рождаетъ слово, но кто же станетъ спорить, что и слово, въ свою очередь, возбуждаетъ и питаетъ мысль?

„Жизнь человѣка и общества,—говоритъ другой ученый (Геллинекъ),—не есть безтолковая и беспорядочная игра. Благодаря физической и психической природѣ перваго и его потребностямъ, въ ней образуется рядъ необходимыхъ отношеній къ внѣшнему міру и къ другимъ личностямъ. Поэтому юридическій порядокъ общественной жизни возвышается до общихъ абстрактныхъ правилъ“. Эти правила, прибавимъ, вступая по необходимости въ связь съ христіанствомъ, являются нравственными и, слѣдовательно, воспитательными. Такъ, дѣйствительно, законъ и судъ воспитываютъ общество, и если они согласны съ христіанствомъ, то, безъ сомнѣнія, отдѣляя правое отъ неправаго, законное отъ незаконнаго, они идутъ рука-объ-руку съ Церковью Христовой. Кто же станетъ отрицать христіанскій характеръ нашего суда, если онъ поставляетъ цѣлью своею давать „правду и милость“²⁾, если онъ напутствуемъ былъ горячею молитвою приснопамятнаго Царя, призывавшаго „благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла“³⁾.

Остановиться на этомъ важно именно теперь, когда вокругъ молодого учрежденія суда слышатся нападки и глумленія. Конечно, судъ гласный не станетъ избѣгать суда гласности и надъ самимъ собою; конечно, никто изъ дѣятелей суда не станетъ считать себя непогрѣшимымъ и, конечно, найдутся

¹⁾ Слова проф. Моск. унив. Н. К. Соколова. См. проф. Н. М. Коркунова: «Госуд. право», гл. I.

²⁾ Маниф. 19-го марта 1856 г.

³⁾ Высоч. указъ Прав. Сенату 20-го ноября 1864 г.

частные недостатки и промахи въ такомъ жизненномъ и многосложномъ дѣлѣ, какъ отправленіе правосудія. Вѣдь широка, *широка заповѣдь Господня зъло* (Пс. 118, 96), говоритъ Писаніе,—широка по самой буквѣ и еще пространнѣе по духу, и труденъ подвигъ ея хранителей. И потому не указаніе этихъ недостатковъ страшно: не ошибался тотъ, кто ничего не дѣлалъ, и напряженная работа дѣятелей суда, только-что законченная, ясно свидѣтельствуесть о зоркомъ вниманіи ихъ къ дѣлу, объ исправленіи его недостатковъ, о всестороннемъ улучшеніи. Но когда, во имя ложно понятаго христіанства, во имя сектантской предвзятой нетерпимости, отрицается за судомъ самое право на существованіе; когда судъ, наряду съ Церковью и государствомъ, объявляется зломъ и считается силою, тормозящею благо человѣчества; когда въ литературно-художественномъ произведеніи, облетѣвшемъ нынѣ весь образованный міръ, подбирается нарочно, въ позоръ, въ поруганіе и отрицаніе суда, все темное, ничтожное, и предъ всѣмъ свѣтомъ указывается, какъ типичное и постоянное,—тогда, дѣйствительно, есть опасность соблазна и смущенія. Мы разумѣемъ послѣднее произведеніе Л. Толстого—„Воскресеніе“...

Будь это направлено на учрежденіе выдохшееся, замѣнившее формою душу живу, тогда бы такое „отрицаніе ради злоупотребленія того, чѣмъ злоупотребляютъ“, несостоятельное логически и нравственно, было бы, по крайней мѣрѣ, хоть понятно. Но какая несправедливость именно къ суду нашему, къ учрежденію, которое доселѣ хранить возвышенный, благородный энтузіазмъ первыхъ дней своего существованія, въ которомъ еще не смѣнилось первое поколѣніе работниковъ, исполненныхъ самаго чистаго идеализма и глубокой вѣры въ добро и свѣтъ своего дѣла!

И вотъ въ такой моментъ объявляется Монаршая благодарность всему судебному вѣдомству, и слово Царское гласить о немъ, что оно „ревностно и честно, нерѣдко при тяжелыхъ условіяхъ, выполняесть свое призваніе стоять на-стражѣ закона“¹⁾.

¹⁾ Высочайшій рескриптъ Министру Юстиціи 1 іюля 1899 г.

Это уже второе выраженіе Царской благодарности дѣтелямъ суда ¹⁾, безъ сомнѣнія, исполнить радостью сердца служителей правосудія. Слово Божіе заповѣдуетъ намъ *радоваться съ радующимися* (Римл. XII, 15). Пусть же радость наша будетъ не горделивою и сомнительною, а чистою и плодотворною! Пусть она исполнить насъ вѣры въ то, что судъ нашъ и впредь будетъ идти свѣтлымъ путемъ исканія правды и милости, возвышенія народной нравственности и народнаго правосознанія, особенно здѣсь, на нашей окраинѣ, которая еще такъ недавно почувствовала животворное вліяніе русской гражданственности! Пусть эта радость окрылитъ нашъ судъ рѣшимостью глубже и глубже принимать къ Вѣчному Источнику правды и милости и въ Немъ почерпать силу для труда, основу для дѣятельности! Тогда *судъ его будетъ—судъ Божій* (Втор. I, 17). И пусть наша радость исполнить насъ свѣтлою надеждою на то, что силою воспитательнаго вліянія суда христіанскаго, дѣйствующаго въ дружномъ согласіи и съ Церковью, и со школою, и съ правительственною властью, будетъ всегда исполняться надъ нашимъ милымъ отечествомъ древнее священное слово:

„Во мнозѣ правдѣ крѣпость многа!“ (Притч. XV, 5.) Аминь.

Царственный Страдалецъ.*

Сегодня, дѣти, исполняется ровно три мѣсяца со дня безвременной кончины усопшаго Наслѣдника всероссійскаго престола Великаго Князя Георгія Александровича. Смерть Цесаревича послѣдовала въ то время, когда учебныя заведенія были отпущены на каникулярный отдыхъ, и вотъ учебное начальство, въ виду истекающаго всенароднаго траура по Усопшемъ,

¹⁾ Первое—по поводу 10-лѣтія суда. См. „Собр. Узакон. правит.“ 1874 г., № 100.

* Памяти усопшаго Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича, 28 сент. 1899 г.

сегодня призываетъ васъ почтить воспоминаніемъ и молитвою въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя.

Въ отечествѣ нашемъ издревле повелось, что горе и радость Царя и семьи Царской становятся горемъ и радостью народа. Но къ этой неразрывной связи жизни Царя съ народомъ, къ чувству глубокаго христіанскаго соболѣзнованія къ скорби Матери-Царицы и Царственнаго Брата Усопшаго присоединяется и искреннее уваженіе къ обаятельной нравственной личности Покойнаго. Это, дѣти, была душа набожная и боголюбивая, кроткая и любящая, около которой всеѣмъ чувствовалось такъ тепло и хорошо, около которой нарождалось столько свѣтлыхъ надеждъ на служеніе Цесаревича дорогой нашей родинѣ... Трогательная скромность Почившаго не разглашала о дѣлахъ любви и благотворенія въ нашемъ краѣ, гдѣ онъ и умеръ, но та глубокая скорбь, что охватила все окружающее насъ населеніе, безъ различія религій и народностей, тѣ горячія молитвы, которыя возносились у его гроба, показали ясно, какая свѣтлая душа отошла въ міръ горній.

И наша гимназія пользовалась милостивымъ его вниманіемъ; и въ этомъ храмѣ нашемъ не нужно забывать, что первую жертву на его устроеніе далъ именно покойный Цесаревичъ. На его же средства и его же имени стипендія имѣется въ нашей гимназіи. И вообще, міръ дѣтскій, особенно дѣти бѣдныя и обездоленные, пользовались заботами Цесаревича, и когда добрые люди и здѣсь, въ Тифлисѣ, устроили что-либо въ ихъ пользу, чтобы скрасить ихъ горькіе дни, чтобы помочь ихъ сиротству или бѣдности, въ числѣ жертвъ и пособій находились и жертвы умершаго Великаго Князя. Трогательна и незабвенна его религіозность, его любовь къ церкви, къ храмо-строительству, его заботы о возстановленіи церквей и монастырей, чѣмъ занятъ онъ былъ и въ послѣдній день своей жизни, за нѣсколько часовъ до кончины.

Да будетъ же миръ его духу и да будетъ покой тому, кто въ годы молодости, въ цвѣтущее время жизни не имѣлъ здѣсь покоя отъ тяжелаго недуга тѣлеснаго и среди всеобщей скорби и молитвъ отошелъ къ Богу Живому, предъ Которымъ все вѣчно живы!

Забота о русских переселенцах.*

Ваше высокопревосходительство! Вы приходите къ намъ въ предшествіи громкой славы государственнаго мужа, умудреннаго опытомъ въ дѣлѣ новомъ и чрезвычайно важномъ и посвятившаго много трудовъ на пользу нашего дорогого отечества. И въ настоящія минуты здѣсь, въ этомъ самомъ зданіи, наше переселенческое Общество на себѣ испытываетъ широту вашего благотворнаго вліянія. Позвольте же мнѣ, скромному служителю Церкви, отдающему часть своего досуга отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей духовному созиданію нашихъ переселенцевъ, позвольте мнѣ здѣсь, въ пріютѣ переселенцевъ, отъ лица ихъ, прежде всего, поблагодарить васъ за этотъ самый пріютъ, который мы имѣемъ благодаря вашему соизволенію. Позвольте намъ надѣяться, что дѣло наше, въ началѣ малое и робкое, при вашей мощной поддержкѣ будетъ расти, крѣпнуть и шириться и сослужитъ добрую службу и здѣшнему краю, и дѣляемъ общегосударственнымъ. Позвольте надѣяться, что ободренное вашимъ милостивымъ вниманіемъ, вашею авторитетною поддержкою, Общество переселенческое почувствуетъ теперь подъ собою твердую почву, и изъ разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія привлечетъ въ свою среду членовъ, посылно работающихъ на пользу меньшаго брата, нашего переселенца. Этотъ меньшій братъ во многомъ здѣсь нуждается; но кромѣ земли, за которою онъ сюда идетъ, ему нужна и духовная крѣпкая почва, которою всегда быть силенъ русскій человѣкъ. Только имѣя эту почву вѣры и связи съ родимую Церковью, онъ здѣсь не угаситъ духа, не затеряется и явится

* 29-го сентября 1899 г. Министръ Земледѣнія и Государственныхъ Имуществъ д. т. с. А. С. Ермоловъ въ сопровожденіи мѣстныхъ чиновниковъ подвѣдомственнаго ему Министерству посѣтилъ переселенчскій пунктъ на Верѣ. На пунктѣ Министра ожидалъ комитетъ Закавказскаго переселенческаго Общества въ полномъ составѣ, въ лицѣ предсѣдателя комитета т. с. В. Г. Бутыркина, товарища его т. с. К. П. Яновскаго и др. По прибытіи Министра на переселенчскій пунктъ священникъ І. Восторговъ привѣтствовалъ его помѣщаемому здѣсь рѣчью.

плодотворнымъ служителемъ русскаго дѣла. Наше Общество глубоко проникнуто этою мыслью и, сколько могло, работало въ этомъ направленіи. Позвольте же и въ этомъ посѣщеніи нашего приюта видѣть одобреніе ваше тѣмъ благотворительнымъ и христіанскимъ началамъ, которыя здѣсь положены въ основу жизни.

Радостные, мы ожидали васъ, какъ ближайшаго слугу царева,—и нынѣ радость наша исполнилась. Радостно привѣтствуемъ васъ, радостно и сердечно благодаримъ васъ за посѣщеніе, за привѣтъ, за ласку и, радостные, желаемъ вамъ и молимъ отъ Бога еще многихъ лѣтъ добраго и неустаннаго труда на пользу дорогого отечества въ полной мощи тѣла и духа! Господь силъ да благословитъ входы и исходы и всѣ пути жизни вашей!

Культура.*

Священная лѣтопись первыхъ временъ міра представляетъ намъ человѣка въ раю—прекрасномъ саду эдемскомъ, относительно котораго Творецъ далъ его обитателю заповѣдь: „воздѣлывать и хранить рай“ (Быт. II, 15). Никогда не можетъ быть излишнимъ напомнить ту истину, что „Библия—не есть учебникъ астрономіи или геологіи, а документъ религіи; что она и не предназначена къ тому, чтобы давать отвѣты на вопросы естествоиспытателей или предвосхищать ихъ изслѣдованія, а имѣетъ своею цѣлью удовлетвореніе религіозныхъ потребностей. Такимъ образомъ, и то, что она говоритъ о сотвореніи міра, она говоритъ не какъ естественно-научный рефератъ, а какъ религіозное назиданіе“ (Лютардъ).

Къ этому религіозному назиданію естественно обращается наша мысль въ настоящія минуты по поводу приведеннаго

* Рѣчь при открытіи выставки сельско-хозяйственнаго учебно-научнаго дѣла въ Военно-историческомъ музеѣ 12 октября 1899 г.

мною библейскаго повѣствованія о первыхъ начаткахъ жизни человѣчества. Мнѣ кажется, достопочтенное собраніе, что въ повелѣніи Бога первозданнымъ людямъ: „храните и воздѣлывайте рай“, „наполняйте землю, подчиняйте ее себѣ и господствуйте надъ нею“ (Быт. I, 28),—что здѣсь именно указана сущность того, что мы называемъ культурой, и опредѣлены навсегда культурныя задачи человѣчества. Человѣкомъ заключилось твореніе; таковъ голосъ и религіи, и науки. Но въ то время, какъ наука видитъ въ этомъ мірѣ—и, замѣтимъ, видитъ совершенно справедливо со своей опытной точки зрѣнія—великую мастерскую естественныхъ силъ и естественныхъ законовъ, религія прибавляетъ сюда свое воззрѣніе, безъ котораго не можетъ обойтись человѣкъ и безъ котораго міръ нашъ былъ бы и безсмысленъ, и жалокъ, и пустъ, и холоденъ: она объединяетъ эти силы и законы въ Единомъ Творцѣ, Божественныя свойства и планы Котораго осуществились въ мірѣ. Такимъ образомъ, и голосъ вѣры, и голосъ науки согласно говорятъ намъ, что міръ не есть что-либо чуждое для человѣка, что въ немъ выступаетъ и волнуется родственная намъ жизнь, которая предназначена для насъ. Природа—это великая и богатая образная письменность, которую дано разгадывать и читать изъ всѣхъ тварей земныхъ только одному человѣку; она опознала себя въ сознательномъ духѣ человѣка; всѣ голоса ея находятъ себѣ отзвуки въ нашей груди, и человѣкъ есть, такъ-сказать, и пророкъ, и первосвященникъ, и царь въ твореніи... На этомъ и основана культура. Подчинять себѣ міръ; господствовать надъ нимъ, по библейской заповѣди; проникать въ него духомъ; облагороживать, одухотворять окружающую природу; сдѣлать этотъ міръ нашимъ матеріальнымъ и духовнымъ достояніемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, сдѣлать его орудіемъ и мѣстомъ насажденія Царства Божія и религіозно-нравственнаго міропорядка, по указанію Божественнаго Откровенія, и въ этой дѣятельности не знать и не имѣть даже гадательно опредѣляемыхъ границъ,—вотъ воля Божія о насъ, вотъ наше призваніе, вотъ и культурная задача человѣчества. Исторія есть постепенное выполненіе этой задачи, и мы видимъ, какъ, углубляясь болѣе и болѣе въ этого рода дѣятельность, чело-

вѣкъ, если онъ не забывалъ Единой Высшей Силы, если онъ не смѣшивалъ средства съ цѣлью,—и самъ духовно совершенствовался, возрастая отъ силы въ силу. Въ противномъ случаѣ, онъ непримѣтно обращался изъ царя въ раба этого міра... Участіе, которое отдѣльные лица или племена принимали въ указанномъ призваніи, различно, въ зависимости отъ окружающихъ условій жизни, но все виды такой дѣятельности служатъ одной цѣли. Кто не знаетъ, что и та культурная работа, которая чествуется въ нынѣшнемъ торжественномъ собраніи и въ открываемой сегодня выставкѣ предстаетъ на судъ общества, имѣла огромное значеніе въ дѣлѣ духовнаго возрастанія человѣчества вообще и его главнѣйшихъ представителей—древнихъ индо-европейскихъ племенъ, въ частности? Въ настоящее время наука историческая, при помощи сравнительнаго языкознанія, начертала предъ нами образъ первоначальнаго состоянія этихъ нашихъ арійскихъ предковъ въ Средней Азій, отъ которыхъ произошли народы—носители культуры. Мы видимъ здѣсь, прежде всего, на почвѣ земледѣлія и осѣдлости пышный расцвѣтъ драгоценныхъ добродѣтелей духа, постоянства, терпѣнія, настойчивости, мира и кротости, и надъ всемъ этимъ—живыхъ и могучихъ религіозныхъ чувствъ преданности Божеству, покорности Его волѣ, вѣры и надежды на Его милосердіе.

Сказаннымъ и опредѣляется нравственное значеніе сельского хозяйства, садоводства и проч., хотя, повидимому, эти отрасли культуры занимаются только предметами вещественными и матеріальными, какъ бы удаленными отъ духа и его жизни. Сказаннымъ же опредѣляется и отношеніе Церкви къ настоящему торжеству.

Да почиетъ же Божіе споспѣшествующее благословеніе на дѣлѣ, которому начало положено Господнимъ обѣтованіемъ въ саду Эдема! Въ нашей широко раскинувшейся странѣ, въ частности на нашемъ Кавказѣ, столь богато одаренномъ природою и еще мало воздѣланномъ культурною работою человѣка,—какое широкое, какое раздольное и благотворное поле для такой дѣятельности! Какъ служителю Церкви, прикосновенный и къ дѣлу учебному, не могу умолчать и о томъ уча-

сти, которое здѣсь принимаетъ и наша юная кавказская школа въ общей культурной работѣ на пользу края.

При торжественномъ открытіи памятника одному поэту въ сосѣдней съ Россіей высоко-культурной странѣ, его собрать по дѣятельности, нынѣ знаменитый писатель (Бьёрнсонъ), сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Всѣ присутствующіе, я думаю, знаютъ о трогательномъ обычаѣ, который усвоилъ себѣ прославляемый поэтъ въ послѣдніе годы жизни. Онъ обыкновенно гулялъ съ карманами, полными древесныхъ сѣмянъ, которыя время-отъ-времени и разбрасывалъ горстями по дорогѣ; мало того, онъ и друзей своихъ приглашалъ слѣдовать его примѣру, говоря: „Кто знаетъ, сколько добраго можетъ изъ этого выйти?“ Въ этихъ простыхъ словахъ, дышащихъ такою наивною, заботливой любовью къ родинѣ, — цѣлая поэма, не уступающая, пожалуй, лучшимъ произведеніямъ нашего славнаго поэта“.

Намъ представляются и наши школы, и всѣ эти учрежденія, и отдѣльныя лица, принявшія участіе въ выставкѣ, во главѣ съ почтеннымъ и ученымъ нашимъ Обществомъ именно такими добрыми сѣятелями на нивѣ нашей родины. Самая выставка эта есть не только ознакомленіе общества съ достигнутыми результатами труда, но вмѣстѣ и *практическій урокъ народу*, — урокъ, слѣдовательно, и новое сѣмя, новое поученіе....

Да ущедритъ же Господь трудъ сѣятелей знанія богатую и благословенную жатвою! Аминь.

Пшеница и плевелы*.

Случайно совпадаетъ день открытія занятій нашихъ съ праздникомъ въ честь святыхъ ангеловъ, и случайно же предложено намъ назначенное сегодня церковнымъ уставомъ и

* Рѣчь при открытіи публичныхъ лекцій средне-учебнаго курса, 8 ноября 1899 г.

сейчасъ прочитанное евангельское чтеніе (Мате. XIII, 24—48). Но человѣкъ нерѣдко въ случайныхъ совпаденіяхъ ищетъ себѣ тѣхъ или другихъ указаній, да и священное евангеліе Іисуса Христа—это такой богатый родникъ и такихъ вѣчныхъ и жизненныхъ истинъ, что, кажется, каждая строка и страница его примѣнимы ко всякому случаю жизни. Стоить только смотрѣть въ немъ не на букву и не на чернило, но и „подъ чернило“, какъ выражались древніе отцы, толкователи евангелія. Станемъ же во свѣтъ поученія прочитанной притчи у нашего дѣла. Божественный Учитель любилъ сравнивать Себя съ сѣятелемъ, слово Свое—съ сѣменемъ, а слушателей—съ различными видами почвы, на которую падаетъ сѣмя. Не такіе мы учителя, какъ Христосъ; не таково, конечно, и слово наше, какъ слово Его: но все же мы должны по совѣсти сказать, что въ минувшее первое полугодіе занятій, со стороны самихъ дѣятелей открытыхъ въ нашемъ городѣ публичныхъ лекцій, сдѣлано было все, чтобы вести дѣло и усердно, и добросовѣстно, и въ добромъ направленіи. Помнится намъ, какъ сейчасъ, первый день открытія этихъ лекцій: такая же молитва, собраніе лекторовъ и сочувствующихъ дѣлу лицъ, и собраніе слушателей—гораздо многолюднѣе, чѣмъ это. Помнятся одушевлявшія насъ надежды, помнятся и высказанныя нами тогда въ церковно-учительномъ словѣ пожеланія. Слава Богу, этимъ пожеланіямъ дано было исполниться. Не смущаетъ насъ нынѣ это видимое уменьшеніе слушателей. И при самомъ началѣ дѣла мы не скрывали отъ себя его трудностей, не скрывали, что, по слову евангельской притчи, сѣмя наше будетъ падать и на дорогу, и на камень, и въ терніе, но вѣрили, что упадетъ и на добрую почву. И нынѣ мы молимъ, да не погибнетъ начатое дѣло, и вамъ же, слушатели, поручаемъ судьбу его. Да не ослабѣваютъ любовь къ знанію, усердіе, исправность, настойчивость и трудолюбіе. Врагъ человѣкъ да не всѣетъ плевель среди пшеницы! Будемъ храниться отъ всякаго вида плевель: дѣло, *начатое чисто, безъ всякихъ скрытыхъ цѣлей, безъ личныхъ своекорыстныхъ разчетовъ, въ всякихъ узкихъ партійныхъ стремленій, въ содружествѣ съ второю и нравственными началами, освященное молитвою, обетянное и*

согрѣтое благородными мечтами благородныхъ людей,—это дѣло должно и впродѣ оставаться чистымъ и недоступнымъ ни для какихъ плевелъ. Въ первые годы существованія всякаго учрежденія, обыкновенно, и полагаются прочныя начала и общія основы для дальнѣйшей его жизни, создается зерно неумирающаго потомъ преданія, которое и опредѣляетъ навсегда нравственный обликъ учрежденія. Отъ насъ и отъ васъ, значитъ, зависитъ не маловажное дѣло. Будемъ же серьезно трудиться, и каждый, въ мѣру силъ, будемъ стараться стяжать нашимъ будущимъ курсамъ доброе имя среди добрыхъ людей, прочное и устойчивое положеніе и залогъ свѣтлаго будущаго; будемъ стараться, чтобы наше дѣло, по словамъ другой притчи Спасителя, было подобно зерну горчичному, которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небсныя и укрываются въ вѣтвяхъ его (Мѣ. XIII, 31—32). Аминь.

Любовь Божественная въ Боговоплощеніи—призывъ къ любви человѣческой.*

За нѣсколько недѣль до праздника Рождества Христова св. Церковь начинаетъ готовить насъ къ великимъ воспоминаніямъ Боговоплощенія и всемірнаго спасенія человѣчества; своими пѣснопѣніями и молитвами, поученіемъ евангелія и уроками апостольскими она внушаетъ намъ соотвѣтствующее настроеніе духа, вводитъ насъ въ область мыслей и чувствъ, достойныхъ предстать у колыбели воплотившагося Вѣлеемскаго Богомладенца. Подъ вліяніемъ этого учительнаго воздѣйствія Церкви, и въ моей душѣ, братіе и дѣти, возникало

* Слово въ день Рождества Христова при сборѣ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Адалкаланскомъ уѣздѣ, Тифл. губ. Сказано въ церкви 1-й Тифлисской женской гимназіи.

и слагалось слово проповѣди къ вамъ въ нынѣшній свѣтлый праздникъ.

И вотъ, предъ самымъ праздникомъ горестныя извѣстія дали иное направленіе нашему слову: землетрясеніе, которое недѣлю назадъ испытали мы и которое, по милости Божіей, не унесло жертвъ изъ среды нашей, недалеко отъ насъ, въ предѣлахъ нашей губерніи, произвело страшное опустошеніе. Разрушены болѣе десяти деревень, погибли подъ развалинами сотни людей, осиротѣли дѣти, и населеніе, подавленное ужасомъ, потерявшее имущество, въ стужу и морозы остается безъ крова, безъ пищи, безъ пристанища... Что теперь испытываютъ такія вотъ, какъ вы, дѣти? Что испытываютъ малютки, у которыхъ не стало крова, погибли близкіе и родные? Какова для нихъ радость праздника? И не нашъ ли долгъ христіанскій, если не доставить имъ этой радости, то по крайней мѣрѣ помочь имъ хоть на первыхъ порахъ, пока не опредѣлятся ихъ положеніе и дальнѣйшая судьба! „Требуется широкая и скорая помощь“,— такъ гласятъ извѣстія съ мѣста несчастія. Подадимъ же эту помощь именно сегодня, въ нашъ великій праздникъ! Великъ Господь нашъ въ Своемъ Божественномъ воплощеніи,—но Онъ есть Любовь. Онъ и воплотился по неизреченной любви нашего ради спасенія: дѣлами любви поэтому достойнѣе всего читается Его величіе! Радостенъ нашъ праздникъ,—но памятью о несчастіи и благотвореніемъ не умалится его радость; напротивъ, она станетъ и чище, и свѣтлѣе, и духовнѣе. Торжествуетъ дѣтство у колыбели Христа-Богомладенца,—но лучшій даръ дѣтскихъ сердець есть умѣніе съ малыхъ лѣтъ проникаться любовью и милосердіемъ ко всему, что скорбитъ и страждетъ, и нуждается въ помощи! Велико нынѣ благоволеніе Бога къ человѣкамъ,—но величіе Его засіяетъ ярче и подтвердится наглядно жизнью христіанской и благоволеніемъ человѣка къ человѣку. Ибо что говорить Писаніе? „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдъ звенящая или кимваль звучащій. Если я имѣю даръ пророчества и знаю все тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я—ничто! И если я

раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы!" (1 Кор. XIII, 1—3).

Судьбы Божіи — бездна многа! Странаніе очищаетъ чело-
вѣка; странаніе другихъ учитъ насъ милосердію; странаніе —
для всѣхъ есть вкладъ въ душевный капиталъ и великая
нравственная школа... Что же? Странанія и гибель ближнихъ,
и, затѣмъ, возможные странанія, смерть и гибель, что висѣли
надъ нашими главами,—неужели все это пройдетъ безслѣдно
для души нашей? Невольно воспоминается вѣчно-памятное
наставленіе Спасителя: „Когда вы видите облако, поднимаю-
щееся съ запада, тотчасъ говорите: дождь будетъ, и бываетъ
такъ; и когда дуетъ южный вѣтеръ, говорите: зной будетъ, и
бываетъ. Лицемѣры! лице земли и неба распознавать умѣте,
какъ же времени сего не узнаете?“ „Въ это время пришли
нѣкоторые и рассказали Ему о галилеянахъ, которыхъ кровь
Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ. Иисусъ сказалъ имъ на
это: Думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ
галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если
не покаетесь, всѣ такъ же погибнете. Или думаете ли, что тѣ
восемнадцать челоѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская
и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ, живущихъ въ Иерусалимѣ?
Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ же погиб-
нете“ (Лук. XII, 54—56; XIII, 1—5).

Пусть эти слова Господни заставятъ насъ войти во вну-
тренняя души нашей, а сердце наше пусть любовью отвѣтитъ
на призывъ о помощи несчастнымъ.

Да не оскудѣетъ рука дающаго во имя Господне! Аминь.

Памяти Д. В. Григоровича.*

(† 22 декабря 1899 года.)

Скончался писатель Димитрій Васильевичъ Григоровичъ. Живой свидѣтель-современникъ и видный дѣятель расцвѣта новѣйшей русской литературы, освободительныхъ и просвѣтительныхъ теченій русской жизни; одинъ изъ послѣднихъ представителей славной семьи нашихъ писателей-идеалистовъ, изъ которыхъ многіе связаны были съ нимъ тѣсными и сердечными узами дружбы, единомыслія и сотрудничества; одинъ изъ преданнѣйшихъ служителей русскаго искусства, которому онъ отдалъ половину своего труда и жизни ¹⁾,—покойный писатель дорогъ для русскаго образованнаго общества, дорогъ для русскаго народа. Гдѣ же, какъ не въ школѣ, должны съ особенною теплотою вспоминать писателей,—этихъ учителей цѣлаго ряда поколѣній? Гдѣ, какъ не здѣсь, среди учащихся и учащихся, должны особенно ясно сознать, что значитъ художественное дарованіе, что значитъ творческое слово, и какое жизненное и благотворное вліяніе на окружающую среду имѣетъ чистый и благородный служитель литературы?

Извѣстный фактъ: у насъ въ Россіи, въ силу особенностей строя нашей жизни, художественная литература имѣла и имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ въ другихъ странахъ, и является огромною силою, воспитывающею общество. Вслѣдствіе этого, нравственный обликъ писателя и его дѣятельности, нравственное достоинство его идей и самый способъ ихъ проповѣди пріобрѣтаютъ особую цѣну. Д. В. Григоровичъ—это литературное имя, изъ-за котораго не возникнетъ рѣзкой борьбы партій, не поднимутся рѣвкія, противорѣчивыя сужденія. „Талантъ

* Рѣчь, сказанная на панихидѣ въ церкви 1-й Тифлисск. женской гимназіи 26 дек. 1899 г.

¹⁾ Покойный состоялъ секретаремъ, а потомъ однимъ изъ главныхъ руководителей Общества поощренія художествъ; благодаря его энергіи прекрасно поставлена при Общ. рисовальная школа, устроены худож. музей, мастерскія, бібліотека. Сотни учениковъ ежегодно получаютъ здѣсь первоначальное художественное образованіе.

симпатичный“,—такъ обычно характеризуютъ его; слово мирное, мягкое и ясное, проникающее въ душу; сердечность и отзывчивость къ нуждамъ меньшей брати, но безъ злобныхъ выходокъ и обвиненій, безъ злобныхъ и задорныхъ намековъ, призывающихъ къ мести; любовь на почвѣ любви же, а не озлобленія, — вотъ безспорныя и общепризнанныя черты въ литературной дѣятельности покойнаго. Талантъ второстепенный, по сравненію съ его современниками, крупными художниками слова, онъ не зарылъ этого таланта въ землю и оставилъ замѣтный слѣдъ въ родной литературѣ, а чрезъ это и въ жизни родного народа. Что бы ни говорили о вліяніи на него впечатлѣній европейской такъ-называемой социальнo-филантропической литературы, тѣмъ не менѣе его главныя произведенія, его „Деревня“, его „Бобыль“ и „Антонъ Горемыка“ не могутъ быть заимствованіемъ по самому существу изображаемыхъ жизненныхъ явленій, специально принадлежащихъ русской дѣйствительности. Эти произведенія, несомнѣнно, останутся явленіями *историческими* для русской жизни, и имя симпатичнаго писателя, впервые обратившаго вниманіе общества на тяжелый бытъ родного крестьянства и призывавшаго къ теплому сочувствію къ крѣпостному мужику; имя писателя, положившаго начало изображенію дѣйствительнаго русскаго крестьянина-пахаря, рыбака, фабричнаго, нищаго, переселенца, съ ихъ человѣческими правами и съ ихъ горькой судьбой,— имя этого писателя останется незабвеннымъ. Слезы, пролитыя надъ его „Антономъ Горемыкою“, это тѣ слезы лучшихъ русскихъ людей—печальниковъ народнаго блага, которые приблизили свѣтлый день освобожденія народа отъ вѣковой крѣпостной зависимости, а выведенные въ его разсказахъ характеры изъ жизни простонароднаго крестьянства, сильные и привлекательные, полные любви и кроткаго незлобія, показали, что народъ, ихъ создавшій, достоинъ свободы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ изображеніяхъ сказалась, конечно, душа и самого писателя кроткая и набожная... Бесплодная, чудная жизнь и смерть его „Онисимыча“, молитва его „Андрея“ въ „Свѣтлое Христово Воскресеніе“, дѣтская молитва мальчика, скорбный молитвенный вопль несчастнаго прохожаго,

описаніе нашего дивнаго православнаго богослуженія,—все это могло вылиться только изъ-подъ пера человѣка и проникновенно понимающаго, и сердцемъ прочувствовавшаго всю высоту святой нашей вѣры. Заключаемъ наше слово напоминаніемъ, особенно умѣстнымъ здѣсь, въ этомъ молитвенномъ собраніи учащихъ дѣтей: покойный писатель былъ *другомъ дѣтей*; изображенія ихъ часто встрѣчаются въ его сочиненіяхъ, и мы видимъ здѣсь, какъ тепло сочувствовалъ онъ дѣтскимъ радостямъ и печалямъ. Покойный писатель, далѣе, былъ и учителемъ дѣтей: его произведенія, какъ образцовыя по слогу и воспитательныя по содержанію, давно уже вошли въ составъ дѣтскихъ книгъ для чтенія и дѣтскихъ учебныхъ хрестоматій.

Когда изъ міра уходитъ художникъ слова, въ высокихъ дарованіяхъ души отмѣченный перстомъ Божьяго избранія, въ обществѣ и въ печати естественны чувства скорби и сожалѣнія объ утратѣ его, какъ писателя. Но этого мало. Въ христіанскомъ обществѣ къ естественному сожалѣнію о потерѣ писателя присоединяется любовь къ нему, какъ къ личности, и первымъ порывомъ сердца является тогда желаніе отнестись къ нему прежде всего, какъ къ человѣку-христіанину, въ общей смертной судьбѣ его и въ общемъ, неизбѣжномъ для всѣхъ, переходѣ его въ таинственную область загробнаго бытія, къ страшному престолу Господа славы...

Здѣсь любовь разрѣшается въ молитву. Помолимся же, братіе и дѣти, объ упокоеніи души усопшаго роднаго писателя! Аминь.

1900 г.

Тайна обаянія великаго полководца.*

Восхвалимъ славныхъ мужей и отцовъ нашего рода!.. Есть между ними такіе, которые оставили по себѣ имя для возвѣщенія хвалы ихъ..., мужи, которыхъ дѣла не забываются. Тѣла ихъ погребены въ мирѣ, а имена ихъ живутъ въ роды. Народы будутъ рассказывать объ ихъ мудрости, и Церковь будетъ возвѣщать ихъ хвалу. (Сир. XLIV, 1, 8—9, 13—14.)

Это слова древняго библейскаго мудреца. Съ того времени, какъ они были произнесены и записаны, прошли вѣка и тысячелѣтія, но сѣдой опытъ минувшихъ вѣковъ не умалилъ, а только подтвердилъ великое и поучительное значеніе воспоминаній историческаго прошлаго.

И сегодня предъ нами одно изъ такихъ воспоминаній нашей русской исторіи—столѣтній юбилей смерти великаго Суворова. Умѣстно ли это воспоминаніе въ день радости о Царѣ нашемъ и въ день молитвы о немъ? Но чтить память героя, беззавѣтно любившаго родину, служившаго ей вѣрой и правдой, отдавашаго ей всѣ труды своей жизни и свои геніальныя дарованія, не знавшаго ничего выше долга по отношенію къ отечеству; чтить память героя, беззавѣтно преданнаго верховной власти,—это, несомнѣнно, лучшее поученіе въ день церковно-гражданскаго праздника. Умѣстно ли, далѣе, съ церков-

* Рѣчь въ день столѣтняго юбилей со дня смерти великаго полководца А. В. Суворова (6 мая 1800 г.—6 мая 1900 г.). Сказано въ Тифлисскомъ Александро-Невскомъ военномъ соборѣ при служеніи высокопреосвященнѣйшаго Флавіана епископа Грузія, въ высокаторжественный день 6 мая 1900 г.

ной кафедры говорить о челоѣкѣ мірскомъ, о героѣ, который стяжалъ себѣ славу главнымъ образомъ подвигами брани? Но отмѣчать добро, гдѣ бы оно ни было, указывать его въ живыхъ носителяхъ, воплотившихъ добро въ безсмертныхъ подвигахъ, — это непремѣнная обязанность проповѣдника истины. А если въ воспоминаемомъ дѣятелѣ вмѣстѣ съ тѣмъ проявляются черты истинной и искренней религіозности; если онъ, будучи вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ родины, былъ въ то же время любящимъ и смиреннымъ сыномъ Церкви Божіей, — то служителю Церкви естественно остановиться на немъ съ чувствомъ отрады и естественно обратиться къ своимъ слушателямъ съ горячимъ призывомъ: „Братья - сограждане, братья - христіане! Берегите святое наслѣдство!“

Нашъ Суворовъ—это русскій великій герой, во всемъ самобытный, всегда неизмѣнно и глубоко - *народный*; имя его—непререкаемое имя; слава его—не спорная слава, и нравственный образъ его представляется удивительно яснымъ и цѣлостнымъ. На него можетъ указать съ честью и гордостью каждый сынъ нашей великой родины. И, смотря на него съ чувствомъ народной гордости, мы можемъ, дѣйствительно, и должны говорить себѣ и другимъ: „берегите его духовное наслѣдство!“ И если въ день Царскаго праздника нужно вспоминать намъ и говорить о гражданскихъ обязанностяхъ, о служеніи родинѣ, то мы съ полнымъ правомъ можемъ указать на него, какъ на достойный примѣръ для подражанія. Онъ былъ воинъ, но въ немъ совмѣстились достоинства, которыя нужны не одному воину, но и всякому служителю родины. Онъ—герой *народный* въ полномъ смыслѣ слова. Всѣмъ извѣстно, какъ любилъ онъ свой народъ,— любилъ русское мѣткое слово, русскія пѣсни и пословицы, русскіе обычаи, даже купанья; но это болѣе касается внѣшности. Главное въ немъ то, что онъ былъ какъ бы повить народнымъ нашимъ духомъ во внутреннемъ мірѣ своемъ. И прежде всего нашъ герой — сынъ и питомецъ народной религіозной вѣры. Онъ учился ей и въ родномъ домѣ отъ дней ранняго дѣтства; онъ учился ей и потомъ, проживая въ близкомъ и непосредственномъ общеніи съ солдатами въ ихъ казармахъ и исполняя вмѣстѣ съ ними, въ первые годы

своей службы, обязанности низшаго воинскаго званія. Его простая, спокойная, глубокая и прочная религіозность какъ бы перелилась въ него изъ нѣдръ духа нашего боголюбиваго народа. Всегда она въ немъ одинакова и неизмѣнна: и на полѣ битвы, и въ упоеніи славы, и въ домашней жизни, и на клиросѣ или на колокольнѣ деревенской церкви, въ которой онъ пѣлъ и читалъ, подавалъ кадило и правилъ должность пономаря, будучи въ званіи генералиссимуса. Онъ не богословствуетъ, не философствуетъ въ дѣлѣ вѣры, не стремится поправлять такъ или иначе Церковь: онъ любитъ ее простою, сердечною любовью; смиренно, по-дѣтски, безхитро, какъ хорошій, благочестивый христіанинъ, въ ней онъ видитъ опору и руководство жизни. „Солдатъ—христіанинъ, а неразбойникъ“,— вотъ его воззрѣніе на война. „Въ дома не забѣгать, безоружныхъ не убивать, съ женщинами не воевать, просящаго пощады миловать, малолѣтнихъ не трогать“,— вотъ и выводъ изъ его религіознаго воззрѣнія. „Умирай за Церковь и за Царя; останешься—честь и слава, умрешь—Церковь Бога молить“,— вотъ и истинно народное поученіе его солдатамъ. Самъ онъ построилъ прежде всего церковь въ Новой Ладогѣ, когда тамъ командовалъ войсками,—черта опять чисто-народная; здѣсь же устроилъ онъ школу, въ которой самъ училъ дѣтей солдатскихъ Закону Божію, и вообще за религіознымъ развитіемъ солдатъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ. И набожность его была чисто-народная; утромъ ежедневно, надѣвъ одинъ изъ орденовъ своихъ, молился онъ съ пѣніемъ; входя въ комнату, крестился на образа; предъ обѣдомъ всегда творилъ молитву; даже зѣвая, крестился; мимо церкви не проѣзжалъ, не помолясь; при богослуженіи самъ пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостоль, и отлично зналъ церковный нашъ обиходъ. Въ то же время онъ съ уваженіемъ относился ко всѣмъ религіямъ и требовалъ этого и отъ подчиненныхъ; и въ этомъ, несомнѣнно, сказалась въ немъ наша русская черта широкой вѣротерпимости. Не нужно забывать, что такую глубокую и простую религіозность Суворовъ сохранялъ въ вѣкъ разлива невѣрія и повальнаго увлеченія легкомысленною и вольнодумною философіей энциклопедистовъ; вѣра у него, какъ у всѣхъ великихъ

людей, уживалась съ огромнымъ умомъ, съ высокимъ и основательнымъ по тому времени образованіемъ, надъ которымъ онъ трудился цѣлую жизнь. И не дѣланною, не искусственною была въ немъ эта религіозность: чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно знать его дѣтскіе годы, въ которые онъ проявлялъ особую набожность, начитанность въ Свящ. Писаніи и любовь къ богослуженію; довольно знать его зрѣлые годы дѣятельности, въ которые религія вездѣ служила ему опорой и руководствомъ и опредѣляла его міровоззрѣніе; довольно знать объ его предсмертныхъ минутахъ, которыя провелъ онъ, какъ благочестивый христіанинъ, причастившись Тайнъ Христовыхъ и трогательно простившись со всѣми окружающими. Съ другой стороны, никогда дѣланная религіозность не привлекла бы къ нему сердца солдатъ, которые чувствовали въ немъ близкаго, родного по духу человѣка, понимали его съ полуслова. Несомнѣнно, великій полководецъ говорилъ съ нашимъ народомъ языкомъ его вѣры, не взятымъ на-прокатъ, а отъ души и сердца. Здѣсь и тайна его вліянія, тайна его всероссійской славы, его народности. Даже въ знаменитыхъ шуткахъ и странностяхъ его сказывается что-то, напоминающее старыхъ русскихъ юродивыхъ, этихъ доселѣ неразгаданныхъ и засмѣянныхъ учителей и воспитателей народнаго нашего духа.

Но когда нужно было, Суворовъ умѣлъ показать, что религія въ немъ — не одинъ обрядъ, а глубочайшій и основной фондъ его жизни. Тогда онъ возвышался до вдохновеннаго краснорѣчія и до пониманія самыхъ тонкихъ проявленій нравственнаго идеала, самыхъ тонкихъ оттѣнковъ нравственнаго чувства. „Герой, говоритъ онъ, смѣлъ безъ запальчивости, быстръ безъ торопливости, дѣятеленъ безъ опрометчивости, подчиненъ безъ изгибчивости, начальникъ безъ самонадѣянности, побѣдитель безъ тщеславія, благороденъ безъ гордости, доступенъ безъ лукавства, скромнень безъ притворства, пріятель безъ легкомыслія, обязателенъ безъ корысти, проницателенъ безъ коварства, искрененъ безъ оплошности и рѣзкости, благосклоненъ безъ изворотовъ, услужливъ безъ своекорыстія; врагъ зависти, ненависти и мщенія, онъ низлагаетъ соперниковъ добротою, управляетъ друзьями вѣрностью. Онъ власти-

тель стыдливости и воздержанія. Нравственность—его религія; онъ исполненъ откровенности и презираетъ ложь; правый по характеру, онъ отвергаетъ лживость; въ дѣлахъ своихъ онъ взвѣшиваетъ предметы, уравниваетъ мѣры и предается Божественному Провидѣнію“.

Такое представленіе о нравственно-уравновѣшенномъ человѣкѣ создалъ себѣ Суворовъ въ то время, когда подъ влияніемъ развращающей модной чувственной философіи его вѣка царили всюду распущенность нравовъ и нравственное безразличіе; такое представленіе онъ сумѣлъ и осуществить въ труднѣйшее время господства интригъ, внезапныхъ повышеній и паденій. Въ средѣ, нерѣдко пропитанной ложью и фальшью отношеній, иногда въ условіяхъ подчиненія какому-либо завистливому и капризному временщику, особенно на первыхъ порахъ своей дѣятельности, Суворовъ вездѣ сохранялъ свою прямоту, правдивость и преданность долгу, и исторія знаетъ, что онъ не запятналъ себя ничѣмъ безчестнымъ. Въ такой преданности долгу служебному и нравственному тайна и его посмертнаго обаянія. Удивительно глубоко было въ немъ это сознаніе долга. Извѣстно, что еще въ ранней молодости, въ бытность простымъ солдатомъ, изумилъ онъ Государыню исполненіемъ закона, когда, стоя на часахъ, отказался принять отъ нея подарокъ.

Сознаніе долга потомъ проходитъ самую замѣчательною чертою чрезъ всю его жизнь; на войнѣ, въ мирной гражданской дѣятельности, въ начальствованіи и подчиненіи, въ славѣ и въ тяжкихъ обстоятельствахъ опалы и гоненія, въ шумной столицѣ среди придворныхъ и въ одиночествѣ деревни, куда заточила его зависть враговъ и гдѣ онъ жилъ безропотно, безъ жалобъ и сѣтованій, покорный власти и долгу повиновенія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. „Научись повиноваться прежде, будешь повелѣвать другими; будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть хорошимъ фельдмаршаломъ“,— это слова самого Суворова. Но долгъ и повиновеніе у него—это не простая исправность, не обычная точность: эти свойства найдутся и у добросовѣстнаго наемника. Долгъ и повиновеніе перестаютъ быть неразрѣшенной загадкою и вырастаютъ въ огромную

нравственную силу, когда проникнуты любовью и осмыслены религіей. „Какія обильныя сіянія расточаетъ это средоточіе, чтобы освѣщать и преобразить нашу жизнь! Все проистекаетъ изъ этой мысли: долгъ требуетъ исполнительнои дѣятельности, и эта дѣятельность есть выраженіе вышей воли, планъ Создателя для сотвореннаго Имъ міра. Сколько есть обязанностей малозначащихъ, тягостныхъ, утомительныхъ! Сколько есть существованій однообразныхъ, безцѣльныхъ, преисполненныхъ большими и малыми трудностями! Это и останется таковымъ, пока вы будете взирать только на себя и вокругъ себя; но поднимите взоръ: вы не понимаете, почему возложено на васъ исполненіе того или другого долга; вамъ загадочно, почему вамъ назначено такое, а не другое мѣсто въ общей экономіи вселенной; это тайна Владыки міра. Но каковъ бы ни былъ долгъ, онъ предназначенъ Богомъ. При этой мысли все измѣняется въ глазахъ нашихъ: что казалось ничтожнымъ, становится многозначащимъ; что представлялось достойнымъ презрѣнія, оказывается возвышеннымъ; что было тяжело и отвратительно, является святою ношей, переносимой съ любовью. Исполнять волю Божію, довершать отчасти творенія Господа и Создателя—какая великая обязанность, какое дивное преимущество! Лучи предвѣчнаго величія все въ мірѣ освѣщаютъ. Посмотрите, что подчасъ происходитъ, когда въ природѣ все туманно, когда небо помрачено густыми парами; но темная завѣса разрывается, появляется солнце и вдругъ все блещетъ и сіяетъ! Листъ древесный, вѣтвь, только что омраченная тѣнью, водяная капля, самая пыль, попираемая и воздымаемая ногами,—все позлащено. Воля Божія, отражающаяся во всѣхъ человѣческихъ обязанностяхъ, преобразуетъ и возвышаетъ всѣ предметы. Множество человѣческихъ существъ обрѣли наслажденіе и умиротвореніе въ исполненіи наитруднѣйшихъ обязанностей, и со спокойнымъ, радостнымъ лицомъ, со взорами, блестящими упованіемъ, шли на плаху и на костеръ. Множество людей умѣли съ мыслью о Богѣ мужественно переносить жизненныя бѣдствія и самыя унижительныя обязанности общественнаго положенія. Они обрѣли въ себѣ терпѣніе, сознавая свое безсмертіе; они радовались, зная, что при ка-

ждомъ исполненіи долга они повинуются волѣ Того, Кто всемогущъ и всеблагъ" ¹⁾). Такъ говорить одинъ современный христіанскій мыслитель.

При свѣтѣ такого пониманія долга, нашъ Суворовъ истиннѣ великъ. Такихъ подвижниковъ сознательнаго и любимаго долга, какъ патріархъ Гермогенъ и Авраамій Палицынъ, какъ Мининъ или Долгорукій, какъ Суворовъ или Нахимовъ,—такихъ людей не дастъ простая точность и исправность, не дастъ самое добросовѣстное наемничество,—такихъ людей ни нанять, ни купить невозможно! Для этого нужна воспитанная на почвѣ народности, освященная религіей любовь къ родинѣ, — тотъ истинный и благородный патріотизмъ, который, не обращаясь въ узкій и нетерпимый зоологическій націонализмъ и народное себялюбивое задорное самомнѣніе, любитъ родину беззавѣтною любовью, въ простотѣ, ясности и горячности души, такъ же просто, ясно и горячо, какъ любить ребенокъ свою мать, такъ же вольно и естественно, какъ естественно и вольно течетъ ровная, спокойная и многоводная рѣка нашего сѣвера, какъ естественно сіяетъ и грѣетъ солнце, какъ естественно грудь наша дышитъ воздухомъ... И нашъ Суворовъ дышалъ такою любовью къ родинѣ и ею осмысливалъ свой долгъ, и одухотворялъ его. Нужно ли прибавлять, что такими именно людьми жива и крѣпка и вѣковѣчна всякая общественная организація? „Всякое дѣло начинать съ благословенія Божія, до издыханія быть вѣрнымъ Государю и отечеству“,—вотъ его слова, которыя можно назвать завѣтомъ грядущимъ поколѣніямъ. Какой бы величественный памятникъ ни воздвигли ему теперь изъ гранита или металла, лучшимъ и надежнѣйшимъ памятникомъ ему будетъ вѣчная память о немъ въ благодарныхъ сердцахъ и слѣдованіе его завѣтамъ.

Поминая его нынѣ въ день молитвъ о Царѣ нашемъ и объ отечествѣ, пожелаемъ отъ всей души и предъ Царемъ царей молитвенно просить будемъ, чтобы дорогая наша родина не оскудѣвала такими носителями духа, чтобы образъ Суворова,—этого великаго воина и достойнаго гражданина,—былъ у насъ

¹⁾ Э. Навиль: „Долгъ“, стр. 33—34.

не только славнымъ историческимъ воспоминаніемъ, но и повторялся, и осуществлялся и, такимъ образомъ, продолжалъ жизнь въ окружающей насъ живой дѣйствительности. Аминь.

Крестъ наперсный.*

Что могу сказать я вамъ, въ отвѣтъ на слово любви вашей? Простите, если въ эти минуты все существо мое полно смущенія и слово мое собственное связано. Скажу въ отвѣтъ, отбросивъ дѣланую скромность, чтобы притти къ скромности дѣйствительной и цѣнной.

Вы подчеркиваете мою любовь къ долгу моего званія. И въ эти минуты и предъ этимъ крестомъ не могу я отречься отъ того, что дѣйствительно люблю его больше жизни. Но не въ словахъ, а въ дѣлахъ должна явиться любовь моя,—и здѣсь я вижу, какъ мало еще сдѣлано, и какъ много остается сдѣлать.

Вы указываете на отзывчивость мою ко всякимъ вопросамъ жизни и на постоянное желаніе мое освѣтить ихъ съ точки зрѣнія высшей религіозной правды и Христова евангелія: дѣйствительно, я старался быть такимъ именно служителемъ Церкви—Церкви живой и дѣйственной; но и самое скромное служебное положеніе мое, и ограниченность знаній и способностей дѣлали кругъ моей дѣятельности узкимъ и заставляли быть только истолкователемъ и проповѣдникомъ истинъ, и прежде меня и лучше меня сказанныхъ другими служителями Царства Божія.

Вы поставяете мнѣ въ заслугу проповѣданіе истины: скажу только словами апостола: „аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы, нужда бо належитъ, горе же мнѣ, аще не благовѣствую“.

* Отвѣтная рѣчь при поднесеніи креста 21 мая 1900 г.

Вы ставите мнѣ въ заслугу, что я старался перебросить мостъ между вѣрой и знаніемъ, религіей и наукой. Да, братіе, мое задушевное убѣжденіе, дававшее мнѣ силы и бодрость дѣла,—задушевное и дорогое убѣжденіе, что Богъ есть Свѣтъ и тьмы въ Немъ нѣсть ни единыя, что просвѣщеніе человѣчества безъ Бога будетъ помраченіемъ, что и сама религія въ работѣ богодарованнаго разума найдетъ себѣ крѣпкую опору, что придетъ время полной гармоніи между этими областями. Но что я могъ сдѣлать въ этой грандіозной работѣ? Я—со скуднымъ образованіемъ, занятый ежедневной затяжной работой, на далекой окраинѣ, вдали отъ оживляющихъ и освѣжающихъ центровъ просвѣщенія? Сдѣлать очень мало, или даже—ничего!

Но вотъ любовь ваша покрыла во мнѣ, въ рядовомъ священникѣ, за одно только усердіе,—покрыла все-неможное, все недостающее и почтила такимъ знакомъ чести, такимъ дорогимъ для священника и всезахватывающимъ по знаменательности символическимъ даромъ, и въ такія минуты жизни, и послѣ такихъ испытаній.... Чѣмъ могу я воздать вамъ и какими словами выразить мою благодарность? Но не въ словахъ, а въ дѣлахъ служенія пусть будетъ прежде всего моя и благодарность.

А затѣмъ въ молитвахъ неумолкаемо да будетъ благословенно имя моего благостнаго архипастыря, разрѣшившаго и благословившаго мнѣ принять этотъ даръ вашъ.

Въ молитвахъ неумолкаемо и въ благодарномъ сердцѣ на всю жизнь памятно да будетъ дорогое для меня и отнынѣ близкое, родственное имя каждаго изъ тѣхъ, чья подпись украсила это прочтенное сейчасъ вами трогательное писаніе. Какое бы ни былъ духовный крестъ моего будущаго служенія, взглядъ на этотъ крестъ заставитъ меня вспомнить, что крестъ—премудрости книга, что въ немъ поученіе о вѣрѣ, и о надеждѣ, и о любви—о всемъ христіанствѣ. Судить ли мнѣ Богъ радость—крестъ ее да осмыслить; судить ли Богъ испытующее и воспитывающее горе—крестъ его растворить и смягчить. Память же о вашей любви не разъ сведетъ радость въ мою душу, и за эту радость, которая охватываетъ все существо мое, примите мою сердечную благодарность.

Русская идея.*

„Общество ревнителей русского историческаго просвѣщенія учреждается въ память Императора Александра III съ цѣлью умноженія и распространенія знаній по отечественной исторіи въ духѣ русскихъ началъ, проявленныхъ въ славное царствованіе въ Божѣ почившаго Государя“.

Такъ гласитъ первый пунктъ устава Общества, отдѣлъ котораго открывается въ настоящія минуты благословеніемъ церковнымъ и молитвою. Не станемъ распространяться о средствахъ, которыми Общество можетъ достигать осуществленія своей задачи, не станемъ ближе и подробнѣе опредѣлять его цѣли: объ этомъ съ достаточною ясностію говорить и уставъ Общества и его пятилѣтняя дѣятельность. Не станемъ выяснять и причинъ возникновенія Общества: онѣ краснорѣчиво и съ великою силою убѣжденія изложены въ запискѣ, которая была составлена при самомъ учрежденіи Общества, и, повернутая на возрѣніе Государя Императора, удостоилась Его одобренія¹⁾.

Въ настоящія минуты хотѣлось бы уяснить себѣ и опредѣлить значеніе русской идеи и русскихъ началъ, о которыхъ говорится въ уставѣ Общества, для нашего края, для нашихъ мѣстныхъ условій. Не покажется ли эта идея вносящею раздоръ и раздѣленіе? Не покажется ли открытое проявленіе, открытое уясненіе русскихъ началъ неумѣстнымъ среди разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія нашего края, среди множества взаимно-сталкивающихся здѣсь всякаго рода племенныхъ интересовъ, подъ впливіемъ неулегшихся еще воспоминаній о старыхъ счетахъ разнообразныхъ народностей Кавказа?

Ставимъ вопросы прямо; ставимъ прямо потому, что глу-

* Рѣчь при открытіи Тифлискаго отдѣла Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III 25 мая 1900 г.

¹⁾ Напечатана въ первой книгѣ „Извѣстій“ Общества отъ 26 февраля 1900 года; книга эта разослана Совѣтомъ Общества всѣмъ членамъ Тифлискаго отдѣла Общества.

боко увѣрены, глубоко убѣждены въ величайшей благотворности русской идеи именно здѣсь, въ нашемъ краѣ. Трудно отдѣлить идею отъ ея носителя. Русская идея, такъ ярко выраженная въ царствованіе Императора Александра III, какъ бы воплотилась, какъ бы опознала себя въ Его личности. Его дорогое имя, поэтому, сдѣлалось знаменемъ нашего Общества, Его имя—это вмѣстѣ съ тѣмъ и наша защита противъ всѣхъ возможныхъ возраженій и нападокъ на принципиальную сторону дѣятельности нашего Общества. Какое же это знамя? И какой образъ рисуется съ именемъ почившаго Государя?

На могильномъ памятникѣ одного изъ древнихъ народныхъ властителей восточный поэтъ сдѣлалъ такую цѣтистую надпись: „Война была его ремесломъ. Голубые глаза неба не видѣли ему подобнаго“. Другихъ словъ похвалы не нашлось въ устахъ поэта. На священной для насъ могилѣ Александра III не можетъ быть помѣщена такая надпись. Покойнаго Царя-Праведника весь міръ проводитъ въ могилу съ другимъ именемъ, которое было наречено ему такъ любовно и единомушно, съ именемъ: „Миротворецъ“. Какъ прекрасно, какъ глубоко-поучительно, что имя это, а не другое усвоено тому именно Царю, который поднялъ знамя русскаго самосознанія, русскихъ историческихъ государственныхъ началъ! Россія въ теченіе всей своей прошлой многовѣковой исторіи никогда не была государствомъ завоевательнымъ, никогда не жила насиліемъ и хищничествомъ, не занималась грабежомъ и воевала только поневолѣ. Оттого и идея русская, по всей справедливости, можетъ быть названа „миротворною“. Начиная отъ принятія христіанства и послѣдовавшаго послѣ этого нашего племенного и государственнаго объединенія, и до освобожденія крестьянъ уже въ нашемъ столѣтіи, все у насъ совершалось замѣчательно мирно и спокойно. Эта особенность нашей исторіи, рѣзко отличающая ее отъ исторіи западно-европейской, въ которой, на примѣръ, моменты государственнаго объединенія всегда сопровождались кровопролитіями, а процессъ роста той или другой національной идеи, или сословныхъ правъ, или религіозной свободы всегда захватывалъ вѣка кровавой и отчаянной борьбы. Напротивъ, какое-то священное, величаво-торжественное и ти-

хое настроеніе охватывало русскій народъ всегда, когда ему приходилось совершать какой-либо великій историческій подвигъ или переживать великій моментъ своей исторіи. Нашъ героизмъ не картинный, не кричащій, не бьющій напоказъ; нашъ героизмъ—это тихое, спокойное и смиренное исполненіе нашей міровой задачи, какъ предуказаннаго Провидѣніемъ долга. Таковъ былъ, по нравственному характеру, и подвигъ жизни и дѣятельности незабвеннаго Царя-Миротворца. Въ его созидательной государственной работѣ мы видимъ, какъ еще болѣе утвердились и опредѣлились мирныя задачи русской идеи. Говоримъ: яснѣе опредѣлились; говоримъ такъ потому, что русская идея не вчера явилась, не есть какая-либо неожиданность, не есть нѣчто, созданное личнымъ желаніемъ покойнаго Государя; Онъ явился величаво-прекраснымъ ея выразителемъ, а корни ея уходятъ въ глубь вѣковъ и органически связаны со всею нашей исторіей. Въ его царствованіи и въ его лицѣ, по выраженію поэта, то, что „на Руси было лишь чувствомъ и преданьемъ, какъ кованной броней закрѣплено сознаньемъ“. Старые Московскіе князья-собиратели оставили намъ государственное объединеніе; Великій Петръ объединенному и окрѣпшему послѣ смутнаго времени государству сообщилъ великія блага европейскаго просвѣщенія: русская идея въ наше время имѣетъ задачею подавить все жесткое и внѣшнее, что по необходимости допускается и допускалось въ дѣлѣ объединенія, претворить, пресуществить въ себя европейское просвѣщеніе,—и все это какъ бы христіанизировать, т.-е. всему этому дать глубочайшій нравственный смыслъ и нравственное направленіе, изъ орудія пользы обратить въ орудіе нравственнаго развитія, и изъ орудія царства человѣческаго обратить въ орудіе царства Божія. „Всякое просвѣщеніе и всякое духовное начало, не вполне еще проникнутое чело-вѣческой любовью, имѣетъ свою гордость и свою исключительность. Но русской землѣ была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не вытекающей изъ правды христіанской, или идея правды, противорѣчащей чувству любви“¹⁾.

¹⁾ Хомяковъ. Сочиненія, т. I, стр. 3,247.

Вотъ почему глубоко правдивы слова записки, составленной при учрежденіи нашего Общества и выяснявшей его цѣли и стремленія: „Претворивъ въ себѣ всѣ тѣ начала западнаго просвѣщенія, которыя были ему нужны для созданія государства, русскій народъ вступаетъ отнынѣ на поприще всемірной исторіи, въ семью другихъ народовъ, какъ равноправный ея сочленъ, во всеоружіи имѣ самимъ сознанныхъ и всѣмъ міромъ признанныхъ правъ самостоятельной и самобытной личности“.

Каково же это вступленіе, и что оно несетъ съ собою?

Въ библии есть разсказъ о томъ, какъ однажды пророкъ и судья Самуиль посѣтилъ городъ Виелеемъ. Было тревожное время. „Старѣйшины города съ трепетомъ вышли навстрѣчу ему и сказали: миръ ли входъ твой, о, прозорливче? И рече: миръ! Пожрети Господу придохъ; освятитесь и возвеселитесь днесь со мною,—идите къ жертвоприношенію“¹⁾.

Если бы русскому народу, въ моментъ вступленія его на поприще всемірной исторіи, былъ предложенъ тотъ же вопросъ: „Миръ ли приходъ твой?“; если бы русской идеѣ въ моментъ, когда она засіяла во всемъ блескѣ, сознанныя народомъ и возвѣщенная міру покойнымъ Государемъ, былъ предложенъ тотъ же вопросъ: „Миръ ли приходъ твой?“,—то съ полнымъ правомъ на эти вопросы русскій народъ, опираясь на все свое прошлое, могъ бы отвѣчать: „Миръ! Для жертвоприношенія Господу пришелъ я; освятитесь, возвеселитесь нынѣ со мною, идите къ жертвоприношенію“... Да, русская идея воистину на челѣ своемъ имѣетъ огненными словами начертанную надпись: „Слава въ вышнихъ Богу, миръ на землѣ, благоволеніе въ человѣкахъ“. Вотъ почему, чуждая національной гордыни, хищничества и насиія, не опасна, не гибельна она ни для какихъ племенъ, съ которыми она велѣніемъ историческихъ судебъ, т.-е. волею Божіею, соприкасается. Это не значитъ, конечно, что русское въ ней слилось съ нерусскимъ и, обезличившись, перестало быть самимъ собою. Напротивъ, въ лицѣ почившаго Государя мы видимъ именно торжество русскаго

¹⁾ 1 Царствъ XVI, 4—5, русскій и слав. текстъ.

самосознанія. Смиреніе народа не есть отреченіе отъ своей личности, и широкое христіанское отношеніе ко всѣмъ окружающимъ не есть потеря своей духовной фізіономіи. Безродные шатуны никогда не были и никогда не будутъ великими въ исторіи; они вездѣ — только обуза человѣчества. Поэтому русская идея, являясь широко-человѣчною, тѣмъ болѣе остается русскою, и въ нравственно-религіозной основѣ находитъ свою характеристическую черту и существенный признакъ. Съ этой именно стороны видна она въ самомъ самодержавіи нашемъ, которое подъ сѣнію вѣры православной является исключительно созданиемъ и достояніемъ русскаго народа, и которое сильно только и исключительно внутреннею нравственною силою; видна она въ миротворной дѣятельности того именно Царя, который явился ея яркимъ выразителемъ; видна она въ дѣятельности его Царственного Сына, среди бранныхъ помысловъ и бряцанія оружія напомнившаго такъ недавно о мирѣ всего міра, и во дни послѣдняго пасхальнаго паломничества въ Москвѣ приносившаго трогательную и знаменательную молитву: „да благословитъ Господь Россійскую державу, прочно покоящуюся на незыблемой истинѣ православія, *свято хранящаго вселенскую правду любви и мира*“¹⁾).

Широко-человѣческая, воистину христіанская, проникнутая возвышеннымъ нравственно-религіознымъ характеромъ, покоящаяся на вселенской правдѣ любви и мира, чуждая корыстныхъ эгоистическихъ замысловъ, русская идея, и она одна здѣсь, на Кавказѣ, принесетъ миръ, покой и благоденствіе его народамъ. Они обрѣтутъ въ ней высшее духовное единеніе между собою, порядокъ жизни внѣшней, и вмѣстѣ нравственную устойчивость и высоту интересовъ жизни внутренней, духовной. Они обрѣтутъ въ ней освобожденіе отъ принижającychъ мелочныхъ интересовъ и мелочныхъ домашнихъ, оставленныхъ въ наслѣдіе минувшей исторіей, распрей и счетовъ; они обрѣтутъ въ ней смыслъ существованія, т.-е. средство приобщенія ко всемірно-исторической жизни и средство освя-

¹⁾ Изъ пасхальнаго Рескрипта Августѣйшему Московскому генералъ-губернатору 9 апрѣля 1900 г.

шенія въ возвышенныхъ религіозно-нравственныхъ стремленіяхъ святой Руси... А „правда возвышаетъ всякій народъ“... Близится день столѣтія со дня присоединенія нашего края къ Россіи; минувшее столѣтіе—время, не особенно большое для цѣлой страны,—и, тѣмъ не менѣе, оно покажетъ воочию всю истину словъ Императора Александра I-го, которыми онъ утвердилъ окончательно присоединеніе Грузіи къ Россіи: „Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и безъ того обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи приедемъ Мы на Себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и челоуѣчество налагають на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи наше правленіе“...¹⁾

Только безнадежная слѣпота, только упорство злобы, намѣренно закрывшей глаза на истину, не видятъ этого великаго значенія для нашего края тѣхъ началъ, которыя принесены сюда русской идеей, и которымъ члены нашего Общества желаютъ служить здѣсь *„оружіемъ истиннаго знанія, трезвой мысли и твердаго слова“*.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, предстоитъ борьба, хотя и безкровная, съ этою намѣленною или ненамѣленною слѣпотою. Но не будемъ смущаться этимъ. Вѣдь все великое вступало въ міръ путемъ труда и подвига горячихъ ревнителей блага, и для утвержденія своего опять требовало и труда и усилій. Само царство Божіе, и оно „силою берется, и употребляющіе усиліе получаютъ его“ (Матѣ. XI, 12). То же и во всѣхъ областяхъ жизни, то же и въ дѣлѣ развитія и расширенія русской идеи. Московскіе князья-собиратели дали послѣдующимъ поколѣніямъ завѣтъ продолжать ихъ дѣло; Петру Великому должны были послѣдовать и послѣдовали столѣтія упорной работы продолженія его просвѣтительной дѣятельности; нашъ долгъ, какъ современниковъ Императора Александра III, и долгъ послѣдующихъ за нами поколѣній состоитъ въ томъ, чтобы продолжать освѣщать, осмысливать и путемъ безкровной борьбы, мирной и не озлобляющей, утверждать въ умахъ и

¹⁾ Манифестъ 12 сент. 1801 г.

сердцахъ, и особенно среди молодого поколѣнія, основныя начала русской идеи и русскаго самосознанія. Ибо „принадлежать народу, значить съ полною и разумною волею сознать и любить нравственный и духовный законъ, проявившійся въ его историческомъ развитіи“. Но да не будетъ это познаніе только научнымъ и теоретическимъ. „Есть другое, высшее познаніе,—познаніе жизненное, которое можетъ и должно принадлежать всякому великому народу“ (Хомяковъ).

Да растетъ же, и ширится и крѣпнеть здѣсь силами и дѣятельностью открываемый отдѣлъ Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, и да будетъ благословеніе успѣха его дѣятелямъ! Старые русскіе люди говорили: *„только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?“*¹⁾ Эти слова положены во главу угла въ дѣятельности нашего Общества. Пусть же именно „жизненнымъ познаніемъ“ исходитъ отъ него и широко распространяется здѣсь ясное и правильное пониманіе тѣхъ началъ, которымъ служить наше Общество, на пользу и нашему краю и всему великому нашему отечеству. Да будетъ присно во благословеніяхъ имя великаго душой незабвеннаго Государя Императора Александра! III-го! Да будутъ приложены дни на дни и лѣта на лѣта его Царственному Сыну, Продолжателю и Носителю его завѣтовъ! Да умножить Господь дни и лѣта Государыни Императрицы, въ день рожденія Которой—сегодня мы открываемъ нашъ отдѣлъ: избранная почившимъ Государемъ въ спутницы жизни его Первенцу-Сыну, Свидѣтельница его праведной кончины и Участница всероссійской о немъ скорби, и Она является живою связью нынѣшняго царствованія съ предыдущимъ, залогомъ благословенія почившаго Царя-Праведника Вѣнценосному Сыну и Его царству.

Да растетъ же и крѣпнеть Его Государево земское дѣло и, по старинному выраженію предковъ нашихъ, „да придетъ же русское царство все въ достоинство“.

¹⁾ Окружная грамота народа Московскаго 1611 года.

Школа у русских переселенцев.*

Подойдите сюда, братцы, поближе; хочу я сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу нынѣшняго торжества въ вашемъ поселеніи. Вотъ сегодня, въ радостный для всей Россіи день восшествія на престолъ нашего дорогого Государя Императора, вы видите здѣсь у себя въ вашемъ маломъ, скромномъ и еще недавнемъ поселеніи именитыхъ слугъ царскихъ. Среди служебныхъ занятій, среди трудовъ своихъ и сложныхъ обязанностей они нашли время, чтобы прибыть къ вамъ сюда и привезти вамъ дорогой, самый дорогой подарокъ — школу для дѣтей вашихъ. Для чего этотъ подарокъ и почему онъ такъ дорогъ? Для чего это такъ сдѣлано, что изъ всѣхъ построекъ здѣшнихъ лучшая — это школа? Для чего это такъ сдѣлано, что прежде, чѣмъ хорошенько, прочно и окончательно устроить здѣсь ваши хозяйства и весь крестьянскій обиходъ, постарались построить хорошо и прочно и съ большими заботами эту школу, при всей скудости средствъ переселенческаго общества, заботящагося о васъ, при другихъ неотложныхъ нуждахъ?

Въ поясненіе этого, послушайте, братцы, я расскажу вамъ нѣчто изъ святаго евангелія. Однажды Иисусъ Христосъ былъ въ пути со Своими учениками; изнемогъ Онъ и, усталый, сѣлъ у колодца, а ученики пошли въ городъ купить пицци. Въ это время подошла къ колодцу простая женщина за водой, и вотъ Спаситель, усталый, нуждающійся въ отдыхѣ и пищѣ, въ подкрѣпленіи Своихъ силъ, какъ бы совершенно забылъ обо всемъ этомъ и повелъ съ пришедшей женщиной продолжительную бесѣду о Богѣ, о храмѣ, о томъ, какъ нужно молиться Богу и служить Ему и волю Его исполнять. Возвратились между тѣмъ апостолы изъ города и, заботясь о своемъ Учителѣ, стали просить Его: „Учитель, ѣшь!“ Но Онъ сказалъ

* Рѣчь къ крестьянамъ и къ дѣтямъ-школьникамъ при открытіи начальной школы въ новоустроенномъ русскомъ поселеніи въ Караязахъ 21-го октября 1900 г.

имъ: „У меня есть пища, которой вы не знаете. Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его“ (Іоан. гл. IV). Такъ, братцы, и для всякаго человѣка есть высшая духовная пища, которая драгоцѣннѣе и нужнѣе обыкновенной пищи, важнѣе всякихъ земныхъ заботъ. И Спаситель про это говорилъ намъ и училъ: „Не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѡ. IV, 4). Вотъ для того, чтобы дать вамъ хлѣбъ духовный, высшую духовную пищу, которая будетъ питать ваши души, чтобы учить васъ и вашихъ дѣтей знать и исполнять волю Божію,—для этого и привезли вамъ сюда слуги царскіе и ваши радѣтели этотъ дорогой подарокъ—школу. Этимъ они хотятъ показать вамъ, какія у нихъ желанія относительно васъ, что они хотятъ видѣть въ васъ.

Дай Богъ вамъ имѣть и прекрасныя жилища, и обильные урожаи, и постоянные хорошіе заработки, и устроенныя въ порядкѣ хозяйства; во всемъ этомъ полезна, и очень полезна, вамъ будетъ грамотность и помощь школы: но все это не главное. Главное, чтобы вы имѣли въ душахъ вашихъ жилище Богу, чтобы вы изобильны и богаты были на добрыя дѣла, чтобы вы имѣли успѣхъ въ постоянной работѣ надъ своими душами, чтобы вы устроили каждый у себя внутри, въ душѣ и сердцѣ, все въ порядкѣ, хорошо, по совѣсти, по-Божьему! Пусть школа всему этому научить вашихъ дѣтей, а вы и сами прислушивайтесь, да присматривайтесь, чему учатъ въ школѣ, что говорятъ вашимъ дѣтямъ. Грамотность тогда, кромѣ пользы душевной, поможетъ вамъ устроиться и въ домѣ, и въ хозяйствѣ. Сами вы нерѣдко говорите: „Мы—народъ темный, не знаемъ того и другого“; сами, значить, чувствуете вы, какъ тяжело безъ знанія, безъ грамоты. Пусть же грамотность научить васъ и какъ спасать душу, и какъ беречь тѣло, и какъ богатѣть душою, и какъ устраивать лучше и земную жизнь нашу. Не всѣ среди васъ грамотны, и, конечно, не разъ въ жизни приходилось этимъ неграмотнымъ пожалѣть о своей темнотѣ. Постарайтесь же, братцы, чтобы дѣти ваши не терпѣли того, что вамъ приходилось терпѣть, чтобы они пришли къ свѣту ученья. Поэтому и любите, и почитайте вашу школу,

заботьтесь о ней, помогайте ей, чѣмъ можете, и постарайтесь, чтобы всѣ дѣти вашего поселенія учились въ ней.

Теперь подойдите вы ко мнѣ, дѣтки. Вотъ, вы слышали, что говорилось вашимъ роднымъ. Если они должны любить школу, то тѣмъ больше, особенно горячо должны ее любить вы, дѣти. Это *ваша* школа, ваше сокровище, ваша драгоценность; въ ней вы получите для себя много хорошаго, свѣтлаго, спасительнаго. Старайтесь же вы въ ней учиться усердно, охотно, съ любовью. Помните русскую пословицу: „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“. Школьное ученье познакомитъ васъ и съ высшимъ небеснымъ свѣтомъ и ученьемъ, которое открыто намъ въ святомъ евангеліи. Въ школѣ сами вы научитесь читать эту святую книгу и узнавать изъ нея, что хорошо, что дурно, и въ чемъ воля Божія. Узнаете то, что есть для насъ самаго священнаго, нужнаго и дорогаго: о Богѣ, объ этомъ мірѣ, о человѣкѣ, о нашей душѣ, о жизни будущей, счастливой и свѣтлой для праведниковъ, бѣдственной и тяжелой для грѣшниковъ, о путяхъ къ Богу, о жизни, и дѣлахъ, и объ ученіи нашего Спасителя. Будете тогда разумѣть молитвы и другихъ этому учить; скоро, дастъ Богъ, устроится у васъ своя церковь,—будете тогда въ ней и пѣть, и читать, яснѣе станетъ вамъ тогда церковная служба, яснѣе станетъ тогда вамъ и святая вѣра наша. Ужъ для одного этого стоитъ научиться грамотѣ. Но она сообщитъ вамъ и многое, многое другое, дастъ вамъ знаніе и о небѣ, о землѣ, о разныхъ людяхъ, о разныхъ странахъ, о своей родинѣ, научитъ васъ разумно жить на землѣ, обходиться съ людьми, разъяснитъ вамъ многое, что вы видите кругомъ себя. Знаніе, дѣти,—что ключъ къ замку, который виситъ на сундукѣ съ разнымъ добромъ: и твой сундукъ, и твое добро, да безъ ключа и не отворишь, и не возьмешь его. Такъ съ грамотою вы кругомъ себѣ легче будете брать изъ міра Божьяго все доброе и полезное. Но все же, главное то, что грамотность научитъ васъ знать и то, что вы чувствуете внутри себя. Узнаете о томъ, кто это внутри насъ какъ будто слѣдитъ за нашими поступками и мыслями и иногда говорить намъ: „остерегись, не смѣй этого дѣлать; это грѣхъ“; а иногда, напротивъ, говорить намъ: „вотъ это

сдѣлай, поспѣши, это хорошо, очень хорошо, это Богу угодно". Замѣтите, что если не послушаешься этого голоса, что-то какъ червь гложетъ сердце и укоряетъ насъ, а слушаешься—словно мать родная, ласкаетъ, хвалитъ, одобряетъ. Узнаете, что это совѣсть, голосъ Божій въ человѣкѣ... О, дѣтки милыя! научитесь, научитесь и узнавать, и слышать, и слушать этотъ голосъ и исполнять приказанія его!

Такъ мы хотимъ, чтобы вы здѣсь не только становились все умнѣе и смысленнѣе, но чтобы вы становились все болѣе и болѣе набожными, послушными, честными, работающими и добрыми. А когда выучитесь, дѣти, не думайте, что тогда можно вамъ возгордиться передъ другими, по гордости искать себѣ другого мѣста житья или службы, оставить семьи и дома и уйти куда-нибудь отъ крестьянской работы за легкимъ трудомъ... Нѣтъ, дѣти, нѣтъ! Не этого хочетъ школа, не этого хотятъ отъ насъ Государь и Его слуги. Нужно вамъ здѣсь въ своихъ семьяхъ остаться, и работать, и здѣсь служить Богу и Царю, и быть хорошими русскими людьми, чтобъ и другіе люди, которые здѣсь живутъ, не русскіе, но подданные нашего же Царя, увидя васъ хорошими, добрыми, умными, честными, умѣлыми, увидя вашу устроенную жизнь, полюбили бы и вѣру нашу, и нашу милую родину, Русь святую, и у васъ бы учились всему хорошему!

Дай же Богъ вамъ здѣсь, въ этой школѣ, учиться съ успѣхомъ и возрасти Создателю нашему на славу, родителямъ на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу! Аминь.

Молитва за Царя.*

Молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки, за Царя и за вся, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. *Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ* (1 Тим. II, 1—3).

Нынѣшній церковно-гражданскій праздникъ, посвященный молитвѣ о Государѣ и Его Царствующемъ Домѣ, въ день рожденія Августѣйшей Его Родительницы Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, застаеъ насъ среди тревогъ Ея материнскаго и нашего вѣрноподданническаго сердца. Вы догадываетесь, конечно, возлюбленные соотечественники, что мы разумѣемъ болѣзнь, постигшую нашего возлюбленнаго Царя въ послѣдніе дни, въ которые на всемъ широкомъ пространствѣ нашего отечества русскіе люди участливо и тревожно прислушиваются ко всякимъ извѣстіямъ о состояніи здоровья Государя.

Когда насъ или близкихъ намъ людей, жизнь и здоровье которыхъ намъ чрезвычайно дороги, постигаетъ болѣзнь, мы нерѣдко вдругъ начинаемъ разумѣть многое, дотогѣ намъ неясное и непонятное. Въ такихъ именно случаяхъ научаемся мы цѣнить тотъ духъ любви и участія, который повелѣваетъ христіанамъ „плакать съ плачущими“ (Римл. XII, 15) и который находитъ для себя высшее выраженіе *въ молитвѣ*. Обыкновенно, мы такъ привыкаемъ къ слову „молитва“, мы такъ, можно сказать, злоупотребляемъ этимъ словомъ, мы такъ часто относимся къ молитвѣ, какъ къ чему-то внѣшнему, иногда просто формальному, какъ къ требованію приличія, обычая, извѣстныхъ общественныхъ отношеній,—что нерѣдко за всѣмъ этимъ скрывается и гаснетъ духъ истинной молитвы и ея вдохновляющее начало. А, между тѣмъ, что такое молитва

* Слово въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Произнесено въ Тифлисскомъ Александро-Невскомъ соборѣ 14-го ноября 1900 г.

другъ за друга? Она есть, прежде всего, пламенная вѣра и любовь къ Богу и искренняя, сердечная любовь къ ближнему. Встрѣчаясь съ человѣкомъ мало знакомымъ, съ которымъ мы не чувствуемъ внутренняго сродства, мы никогда не станемъ просить этого случайнаго встрѣчнаго: „Помолитесь обо мнѣ“. Но дѣти предъ отцомъ и матерью, но друзья горячіе и задушевные, но люди, взаимно связанные крѣпкимъ союзомъ искренней любви и уваженія, знающіе внутренній міръ другъ друга и единомысленные въ вопросахъ высшаго порядка,—такіе близкіе люди въ особо важныхъ обстоятельствахъ жизни, въ минуты горячности чувствъ вдругъ въ письмѣ или въ личной бесѣдѣ просятъ одинъ другого—„Молитесь за меня“... И когда мы больны, или когда мы переживаемъ что-либо особенное въ жизни, въ эти минуты знать, что есть участливыя души, которыя за насъ молятся по влеченію добраго и любящаго сердца,—знать это составляетъ величайшую отраду и радость, а въ болѣзни видѣть у своей постели близкаго и любящаго человѣка, склонившагося въ жаркой молитвѣ за насъ,—это значитъ получить высшее утѣшеніе и самое ясное и безошибочное доказательство любви къ себѣ и преданности.

Братья-соотечественники! Нынѣ вся Россія, можно сказать, склонилась въ такой именно мольбѣ у болѣзненнаго одра нашего возлюбленнаго Государя. И вотъ высшее церковное священноначаліе, хранящее духъ христіанской участливости ко страждущимъ, дающее образъ вѣрноподданнической преданности Вѣнценосному Помазаннику, чуткое къ движеніямъ души народной, благословляетъ и призываетъ насъ вознести наши моленія объ исцѣленіи возлюбленнаго Монарха нашего отъ постигшаго его недуга. И если всегда нужно помнить наставленіе апостола „прежде всѣхъ творити моленія за Царя и за вся, иже во власти суть“, если всегда представленіе о царственныхъ заботахъ и трудахъ и постоянныхъ тревогахъ Царя обширѣйшаго въ мірѣ царства вызываетъ въ насъ участливую молитву о немъ,—то особенно это нужно сказать теперь, въ настоящія минуты, при настоящихъ обстоятельствахъ.

Да вознесется же наша горячая молитва къ Престолу Вседержителя изъ глубины любящихъ сердець. О, Господи, Царю

царствующихъ и Владыка владѣющихъ! Нашею любовью смиренно молимъ Тебя: нашей любви народной сохрани ея Сокровище!

Дни на дни приложи Царю и лѣта на лѣта! Умножи дни Его въ нерушимомъ здравіи и непремѣняемомъ благополучіи, да совершитъ въ крѣпости силъ вся во славу Твою и во благо народа Своего, да и мы тихое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Онъ дорогъ намъ, безконечно дорогъ нашъ молодой Государь, дважды спасенный рукою Промыслителя, Носитель высшихъ евангельскихъ завѣтовъ христіаннѣйшаго въ мірѣ народа, хранящій миръ всего міра, въ Своей обаятельной кротости близкій и родной русской душѣ боголюбивой и привлекающей къ Себѣ сердца народовъ далеко за предѣлами Россіи. Онъ дорогъ намъ, нашъ Государь, не знающій отдыха въ царственныхъ трудахъ и заботахъ о благѣ нашего отечества, объ его просвѣщеніи, объ его внутреннемъ и внѣшнемъ созиданіи.

Мы молимъ, мы вѣримъ, что нынѣшнія скорбныя обстоятельства — только временное испытаніе царелюбивому народу. Оно пройдетъ, это испытаніе, и „вечеръ водворится печаль, а завтра радость“; но это испытаніе да будетъ намъ въ наученіе и назиданіе: пусть больше и больше возгорится пламенемъ любовь наша къ Государю, пусть этими могучими и властно-нерасторжимыми узами соединятся души наши съ Вѣнценоснымъ Вождемъ нашего отечества. О, крѣпка, могуча сила любви! Русскій народъ всегда былъ народомъ царелюбивымъ, и это свойство является въ немъ какъ бы его природною чертою. Съ Царями народъ нашъ пережилъ и тяжелыя годы своего историческаго бытія, съ ними же и отъ нихъ видѣлъ онъ и получилъ много дней радости и могущества. На Царѣ нашъ народъ утверждаетъ свое общее жизненное благо. Царь для него—Отецъ всѣхъ членовъ русской семьи, Носитель и Представитель человѣческой правды, возможной на землѣ. Въ Царѣ онъ видитъ основаніе своей свободы, равенство въ правахъ гражданскихъ предъ всѣми соотечественниками и защиту отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Истинно-русскій съ самаго младенчества воспитываетъ въ себѣ любовь къ своему Царю,

беззавѣтную къ Нему преданность, простирающуюся до пожертвованія своею жизнью. И начиная отъ времени нестроенія въ нашей землѣ и созданія русскаго единодержавія, во всѣхъ горестяхъ и смутныхъ временахъ своей жизни и до послѣднихъ дней въ крѣпкой взаимной любви Царя и народа Россія почерпала великую нравственную мощь, ею жила и живетъ доселѣ. Вмѣстѣ съ вѣрою и любовью къ Богу, непоколебимая, вѣками утвердившаяся, благословенная и освященная Церковью любовь къ Царю служила могучимъ оплотомъ нашей народности въ историческихъ судьбахъ ея.

А вѣра и любовь разрѣшаются въ молитву: сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ. Да будетъ же горяча наша молитва о Царѣ нашемъ, вмѣстѣ съ молитвою объ Его Августѣйшей Матери, и да сохранитъ Его Господь любви нашей, любви народной на многая лѣта! Аминь.

Печатное слово.*

Да будетъ слово ваше—, слово благое къ созиданію, слово здравое, незазорное* (Ефес. IV, 29; Тит. II, 8).

Священный бытописатель первыхъ временъ міра представляетъ намъ человѣка вѣнцомъ творенія, царемъ и какъ бы священникомъ вселенной, которая въ немъ опознала себя и, впервые озарившись сознаниемъ въ немъ и чрезъ него, стала предъ Творцомъ въ великомъ предстоянніи хвалы и благодаренія. Здѣсь же Библия изображаетъ, какъ этотъ царь всей твари вводится въ свое царственное достоинство. Что же онъ дѣлаетъ при этомъ? Въ чемъ проявляетъ онъ свое высшее происхожденіе и назначеніе? Въ чемъ показываетъ свое господство надъ окружающею природою? Удивительный отвѣтъ даетъ намъ Библия. По ея изображенію, достоинство первозданнаго человѣка проявляется не въ требованіи трепета и покло-

* Рѣчь на молебствіи въ редакціи газеты „Кавказъ“ 14-го ноября 1900 г.

ненія со стороны тварей, не въ величественныхъ и поражающихъ знакахъ властительства, а только въ томъ, что онъ *называетъ имена животнымъ*. Такъ разумное слово въ устахъ человѣка явилось первымъ знакомъ и печатью его высшаго происхожденія, его царственнаго въ мѣрѣ достоинства и господства надъ тварью безсловесною.

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка и тысячелѣтія надъ человечествомъ; переживало оно времена паденія и удаленія отъ Творца своего; соединялось съ Богомъ въ союзѣ завѣтномъ; получило, наконецъ, возсозданіе и искупленіе въ лицѣ Богочеловѣка: но всегда и вездѣ слово оставалось у него, какъ высшій, неотъемлемый даръ Бога и отраженіе Его образа. Ибо и въ дѣлахъ Самого Творца „словомъ Господнимъ небеса утвердишася“ (Пс. 32, 6), *словомъ* вызванъ мѣръ изъ небытія, *словомъ* же дано падшему человѣку первоевангеліе о Спасителѣ, и *словомъ* же въ цѣломъ рядѣ вѣковъ Богъ открывалъ людямъ волю Свою, когда являлся Своимъ избранникамъ, которые, въ свою очередь, *словомъ* устнымъ и письменнымъ передавали людямъ вѣщанія Божественной истины. И было „слово Божіе живо и дѣйственно и острѣе всякаго меча обоюду остраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судить помышленія и намѣренія сердечныя“ (Евр. IV, 12). Когда же въ недовѣдомой любви Сама Истина—Самъ Богъ явился въ мѣрѣ воплощеннымъ и обиталъ съ нами, въ полнотѣ благодати и истины, Онъ благоволилъ назвать Себя Словомъ, въ неустанномъ трудѣ словомъ Онъ училъ людей, а самовидцы и служители Слова воплощеннаго потомъ прошли весь мѣръ съ благовѣстіемъ принесеннаго Имъ слова спасенія. И было властно въ мѣрѣ слово служителей Слова: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, въ концы вселенныя слово ихъ; оно побѣдило царей и царства и, пересоздавъ нравственно людей, призвало ихъ въ новое и вѣчное царство,—въ царство Божіе, въ Церковь Христову. Среди трудовъ и попеченій объ устроеніи этого всемірнаго царства Божія они уклонялись отъ всякихъ другихъ заботъ и, предоставляя ихъ особо избраннымъ лицамъ, о себѣ говорили: „мы же въ служеніи слова пребудемъ“ (Дѣян. VI, 4); среди обстоятельствъ, внушавъ

шихъ полное отчаяніе въ успѣхѣ дѣла, они слышали возбуждающій голосъ своего Спасителя, обращавшаго ихъ къ тому же вѣчному орудію слова: „Говори, Павелъ, не бойся, говори, и не умолкай“ (Дѣян. XVIII, 9); связанные и въ темницахъ, накануне мучительной смерти, они вселяли бодрость въ гонимыхъ, и мужественно говорили: „слово Божіе не вяжется“ (2 Тим. II, 9).

И что еще глаголю? Не слово ли соединило людей въ общества, создало города и царства? Не словомъ ли живутъ и пользуются знаніе, мудрость, наука, искусства, добродѣтель, законъ? Въ молитвѣ оно восходитъ къ Богу, бесѣдуетъ съ Нимъ, принимаетъ отъ Него просимое. Исторія знаетъ и міръ видѣть, какъ слово человѣческое, подкрѣпленное правдою вѣры и святостью жизни, призывало ангеловъ, прогоняло темныя силы, повелѣвало природѣ, укрощало звѣрей, исцѣляло больныхъ, воскрешало мертвыхъ, повелѣвало облакамъ, измѣняло составъ воздуха, запрещало и низводило дождь на землю. Воистину исполнялось дивное и единственное въ исторіи міра предреченіе о силѣ слова: „Иже аще речеть горѣ сей—двигнися и верзися въ море: будетъ ему, еже аще речеть!“ (Мр. XI, 23.)

Достопочтенное собраніе! Не открывая въ настоящія минуты новаго органа печатнаго слова, мы въ средѣ руководителей и работниковъ старѣйшаго въ нашемъ краѣ представителя печати все же переживаемъ сейчасъ моментъ, когда умѣстно и благо- временно напомнить себѣ и другимъ все то, что сказано нами о высокомъ значеніи человѣческаго слова. Въ области духовныхъ явленій повторяется то, что мы замѣчаемъ въ области явленій физическихъ: чѣмъ съ большей высоты упадешь, тѣмъ сильнѣе расшибешься... Въ области духа это значитъ: чѣмъ выше даръ, которымъ злоупотребляютъ, тѣмъ больше, тѣмъ глубже вредъ отъ злоупотребленія. Ни для кого не тайна, что этой участи не избѣгло и человѣческое слово: благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износить благое, а злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износить злое: отъ избытка бо сердца глаголють уста его... (Лук. VI, 45). Являясь орудіемъ зла и грѣха, слово человѣческое приноситъ

плодь по роду своему,—и нужно ли указывать, какъ извращаются въ этомъ случаѣ человѣческимъ словомъ и нравственными, и религіозными, и житейски-бытовыми понятіями и отношеніями то съ ученой каведры, то въ народной молвѣ, а чаще всего—въ ежедневной, нестрогой въ выборѣ предметовъ и сужденій и неразборчивой во вкусахъ печати? Нужно ли говорить, какъ часто здѣсь истина перемѣшивается съ ложью, прекрасное выставляется безобразнымъ, преступное выдается за естественное и честное? Нужно ли отмѣчать, какъ нерѣдко вмѣсто положительной работы „къ созиданію“ (Ефес. IV, 29) слово человѣческое служить темнымъ силамъ отрицанія и разрушенія, производя соблазнъ, смуту и шатаніе въ умахъ молодыхъ и нетвердыхъ и подготавливая въ будущемъ распадѣніе общества? Нужно ли, наконецъ, добавлять, какъ слово здѣсь является, по замѣчанію апостола, „прикрасою неправды“ (Іак. III, 6), прикрывая клевету, злобу и легковѣсное критиканство блестящими фразами о высшихъ интересахъ—о благѣ общественномъ, о правахъ человѣка, о свободѣ убѣжденій и совѣсти, о свободѣ слова, смѣшиваемой съ разнузданностью, о свободѣ чувства, смѣшиваемаго съ чувственностью, о счастіи угнетенныхъ и оскорбленныхъ и т. д. Наше время особенно страдаетъ этими недугами и наше именно время изобрѣло это лукавое, можно сказать кощунственное, печальной извѣстности, изреченіе, что языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли....

То самое Священное Писаніе, которое считаетъ слово печатью Божественнаго избранія человѣка, ясно изъ глубины минувшихъ вѣковъ предупреждаетъ насъ отъ этого извращенія Божественнаго дара. „Нечестивые,—говоритъ оно,—разставляютъ своими словами сѣти для неопытныхъ“ (Притч. XII, 6); „гортань ихъ—открытый гробъ, ядъ аспидовъ подъ устами ихъ“ (Пс. 5, 10; 139, 40); „уста ихъ полны злословія и горечи“ (Пс. 9, 28). „Ударъ бича наноситъ рубцы, которые скоро заживаютъ, но злорѣчивый языкъ причиняетъ неисцѣльные раны. Многіе пали отъ острія меча, но не столько, сколько падшихъ отъ злорѣчія“ (Сир. XXVIII). „Смерть и жизнь во власти языка“ (Притч. XVIII, 22). „Никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ“ (Еф. IV, 29); напротивъ: „слово ваше да быва-

еть всегда во благодати, солию растворено“ (Кол. IV, 6),—„слово здоровое, незазорное“ (Тит. II, 8).

Да будутъ же памятны намъ въ служеніи слову печатному эти наставленія вѣчнаго слова. Наше время, нашъ край нуждаются въ положительной работѣ разумнаго слова посреди смуты и разногласицы въ нравственныхъ, государственныхъ и общественныхъ воззрѣніяхъ. И здѣсь ему предстоитъ и великая созидательная работа, и вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, и великая борьба съ темными силами. Да будетъ же навсегда знаменемъ нашего органа и цѣлью стремленій жизнь, а не смерть; да будетъ его слово, по завѣту апостола,—слово здоровое и незазорное, не къ разрушенію и отрицанію, а „слово благое къ созиданію“. Аминь.

Праздникъ вѣры и радости.*

Одинъ изъ глубокомысленныхъ ученыхъ прошлаго вѣка, Монтескье, котораго трудно заподозрѣть и упрекнуть въ какомъ-либо религіозномъ или другомъ пристрастіи, рассуждая о христіанствѣ, высказалъ слѣдующее замѣчаніе: „Удивительное явленіе! Христіанская религія, повидимому, имѣетъ въ виду только блаженство будущей жизни человѣка, между тѣмъ основываетъ также счастье его и въ настоящей жизни“. Хочется остановиться на этихъ словахъ въ нынѣшній праздникъ вѣры и радости. Слишкомъ подавляетъ насъ ежедневная суетолока жизни, слишкомъ рѣзко бросается въ глаза зло, такъ что за этимъ печальнымъ зрѣлищемъ мы не видимъ радостной и бодрящей надежды, не видимъ залоговъ свѣтлыхъ и отрадныхъ чаяній,—и пессимизмъ все болѣе и болѣе охватываетъ современную мысль, становясь господствующимъ настроеніемъ вѣка. Великіе праздники Церкви, великія воспоминанія должны отрезвить и ободрить мысль, готовую впасть въ

* 25-го декабря 1900 г. Статья.

безнадежное уныніе, отравляющее всякую дѣятельность. Таковъ и настоящій праздникъ, таковы и нынѣшнія воспоминанія. Прошлое всегда должно быть указателемъ для настоящаго и будущаго, и въ прошломъ современность всегда найдетъ неумолкающее поученіе.

Что такое былъ міръ до Христа, и что принесло ему христіанство?

Неизмѣримо вліяніе христіанства въ области собственно просвѣщенія разума человѣческаго въ тѣхъ вѣковѣчныхъ вопросахъ, которые мѣтко указаны поэтомъ:

Въ чемъ состоитъ существо чловѣка?

Откуда пришелъ онъ? Куда онъ идетъ?

Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

Для этихъ вѣковѣчныхъ вопросовъ всегда открытъ нашъ духъ, но о нихъ самыя лучшія мудрецы внѣ христіанства только гадали, составляя себѣ смутныя понятія. Проясненіе этихъ понятій имѣетъ величайшее значеніе для жизни чловѣка, и мы сами не замѣчаемъ, какъ христіанство въ этомъ отношеніи обновило и преобразовало міръ; не замѣчаемъ и того, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда люди открыто отступаютъ отъ христіанства и создаютъ инныя начала и основы жизни, они непримѣтно для себя пользуются его благотворнымъ свѣтомъ; такъ, солнце, скрывшееся за тучами или только-что закатившееся на западѣ, все же свѣтитъ намъ хоть отраженными лучами...

Но если отъ этой возвышенной и неизмѣримой области мы спустимся въ область болѣе доступную и видную,—къ отношеніямъ и складу жизни общественной, то и здѣсь увидимъ величайшую побѣду, побѣдившую міръ и даровавшую людямъ источникъ вѣчной надежды и радости.

Можно сказать, христіанство внесло обновленіе въ міръ и спасло его отъ окончательной гибели и разложенія однимъ краткимъ словомъ: Богъ — любви есть. И до Христа знали о нравственности, говорили о доблести и добродѣтели, но правъ былъ одинъ изъ мыслителей-христіанъ, когда добродѣтелямъ древняго міра далъ остроумное опредѣленіе: *splendida vitia*—

блестящіе пороки. Воистину, только у Христа заповѣдь о любви является заповѣдью *новою*, утвержденною на сущности внутренней жизни Самого Божества, данною людямъ не въ отвлеченныхъ словахъ, не въ туманной и недоступной дали безплотныхъ идеаловъ, а на реальномъ Носителѣ любви, на примѣрѣ жизни и дѣятельности воплощеннаго Бога-Искупителя. Никогда еще нравственные начала не были утверждены такъ прочно, и никогда и въ будущемъ не получаютъ они основанія болѣе твердаго и устойчиваго. Изъ этой новой заповѣди выросла и новая жизнь человѣчества. Жизнь его прежде Христа была подобна видѣнному нѣкогда пророкомъ свитку, на которомъ вписаны были слова: рыданіе, жалость и горе... Уже оно было на краю гибели, уже оно задыхалось въ атмосферѣ невѣрія, сомнѣнія, эгоизма и ужасающей безнравственности; уже утопало оно въ крови и слезахъ безчисленныхъ рабовъ, угнетенныхъ и забытыхъ народовъ, гибло въ безграничной и непроходимой пропасти, лежащей во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, сосновій, племенъ, народовъ и государствъ. Вопль безнадежнаго отчаянія проносится надъ міромъ. „Боги желаютъ людямъ гибели“,—замѣчаетъ Тацитъ. „Patet exitus“,—говоритъ Плиній, и этотъ exitus указываетъ откровенно только въ самоубійствѣ. Но вотъ, какъ нѣкогда надъ первозданнымъ хаосомъ, раздалось творческое слово, слово Христа, и все было соединено небеснымъ началомъ любви, небеснымъ учрежденіемъ для земли—учрежденіемъ вселенской Церкви, этого града и царства Божія, этой носительницы и хранительницы новаго и вѣчнаго завѣта Бога съ человѣчествомъ. Процвѣла пустыня пышнымъ цвѣтомъ; трагическая картина разлагающагося древняго міра смѣнилась отрадными видами новаго, христіанскаго общества, выросшаго на почвѣ древняго, по выраженію одного апологета, „подобно тому, какъ бѣлая лилія вырастаетъ на гноищѣ болотной почвы“. Проповѣдью любви и искупленія христіанство внесло понятіе о религіозно-нравственномъ братствѣ и равенствѣ людей въ тотъ міръ, въ которомъ даже лучший представитель его, Сократъ, „ежедневно благодарилъ боговъ за то, что онъ грекъ, а не варваръ, мужчина, а не женщина“... Христіанство внесло и понятіе о добродѣтели туда,

гдѣ имя добродѣтели заимствовано было отъ имени военной храбрости и отождествлялось съ нею; христіанство постепеннымъ смягченіемъ сердець ослабило, потомъ уничтожило рабство, это позорную и, казалось, неисцѣльную язву, разѣдавшую весь организмъ древняго міра, который такъ свыкъся съ нею, что устами Аристотеля заявлялъ: „Въ домѣ гражданина необходимы двоякаго рода орудія—безжизненныя и живыя, первыя—неодушевленные рабы, вторыя—одушевленные, но душа раба неодинаковаго свойства съ душою господина!“ Христіанство собственно впервые создало семью въ истинномъ смыслѣ этого слова, создало своимъ высокимъ ученіемъ о святости семейнаго союза, который долженъ утверждаться не на основѣ грубости, чувственности, принужденія или страха, а на началахъ взаимной любви и преданности; этимъ возвышено было значеніе женщины, о которой древніе говорили не иначе, какъ о существѣ, назначенномъ „проводить жизнь въ скрытыхъ мѣстахъ и темнотѣ“ (Платонъ): изъ рабыни, равной другимъ рабынямъ мужа, изъ гетеры, созданной для каприза мужчины, она сдѣлалась членомъ семьи, матерью въ высшемъ и лучшемъ значеніи слова и даже болѣе—вдохновителемъ духовной, религіозно-нравственной жизни семейства. вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣти стали разсматриваться не какъ будущіе воины, на это только и пригодные, и достойные жизни или смерти въ зависимости отъ того, общаются или они быть физически крѣпкими или слабыми: въ обновленной семьѣ они явились благословеніемъ Божиимъ, будущими носителями и продолжателями того великаго нравственнаго процесса оздоровленія и возвышенія человѣчества, которому начало положилъ Христосъ.

Въ дальнѣйшемъ влияніи своемъ на жизнь человѣчества христіанство, какъ религія любви, спустилось туда, гдѣ всего болѣе проявлялась безсердечная жестокость древняго міра—къ разнымъ несчастливцамъ, сдѣлавшимся такими отъ природы, по собственной винѣ или по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, — къ людямъ голоднымъ, нагимъ, безпріютнымъ, убогимъ, калѣкамъ, осужденнымъ, ссыльнымъ... На нихъ древній міръ смотрѣлъ съ холоднымъ презрѣніемъ и самое состраданіе къ нимъ считалъ не избыткомъ жизни духа, какъ въ

христіанствѣ, а слабостью и малодушіемъ. Платонъ замѣчаетъ о нихъ: „Если они больны, не стоитъ заниматься съ ними: неспособные къ занятіямъ, бесполезны они для жизни“. Плавтъ говоритъ еще болѣе выразительно: „Что дають нищему, то теряють; подаваніемъ длится бесполезная жизнь“. Вѣроятно, поэтому и Виргилій въ числѣ достоинствъ идеальнаго мудреца указываетъ и то, что при видѣ несчастнаго онъ не унижится настолько, чтобы почувствовать къ нему жалость и протянуть ему руку помощи. Какъ далекъ теперешній міръ христіанскій отъ этихъ возрѣній, которыя, не нужно забывать, высказывались лучшими представителями древняго міра! Правда, встрѣчаются и теперь пережитки этихъ дикихъ возрѣній, въ родѣ проповѣди о сверхъ-человѣкѣ, стоящемъ по ту сторону добра и зла (Ницше): но справедливо эта проповѣдь считается признакомъ душевной болѣзни ея автора. Правда, и устами новѣйшаго романиста милосердіе объявляется потерпѣвшимъ крушеніе, и вмѣсто него объявляется основой жизни справедливость (Золя въ ром. „Парижъ“): но настолько христіанство вошло въ міросозерцаніе людей, что подобный призывъ одними остался незамѣченнымъ, на другихъ не произвелъ впечатлѣнія, а въ общемъ никого не увлекъ. Христіанство явилось предъ человѣчествомъ съ особымъ усиленнымъ и настойчивымъ ходатайствомъ за всѣхъ несчастныхъ; имъ христіанство по преимуществу усвоило названіе меньшихъ братьевъ и милость къ нимъ отнесло къ Самому Христу. И вотъ во имя ученія Христова стали воздвигаться въ мірѣ благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, богадѣльни, больницы, страннопріимницы, братства, союзы, пріюты и школы; свѣтъ и теплота любви христіанской стали проникать въ самые дома заключенія преступниковъ, на мѣста ихъ наказанія и ссылки, смягчая законы, измѣняя взгляды на преступность, давая всѣмъ право защиты, отмѣняя жестокія казни и пытки; подъ вліяніемъ христіанства стали возможны примѣры сотенъ и тысячъ такихъ подвижниковъ, которые во имя ближнихъ отказались отъ личныхъ радостей жизни и начали съ того, что роздали все имущество бѣднымъ, что древній міръ прямо называлъ бы глупостью или сумасшествіемъ. Правители народовъ стали воз-

растать и дѣйствовать въ сознаниі обязанностей, а не правъ, и само государство,— что ужъ совершенно чуждо древнему міру,— создало *святыхъ* царей, и въ числѣ первыхъ задачъ своихъ поставило заботу о нравственномъ возвышеніи и просвѣщеніи подданныхъ, возводя ихъ отъ царства человѣческаго къ царству Божію.

И донинѣ продолжается этотъ незримый процессъ постепеннаго измѣненія и смягченія въ человѣчествѣ понятій, нравовъ, взаимныхъ отношеній, самыхъ законовъ и учреждений государственныхъ. Не нужно поэтому смущаться видомъ человѣческаго невѣжества, безнравственности и себялюбія. Правда, нерѣдко мы видимъ, какъ открыто попираются начала христіанскія и отдѣльными лицами, и цѣлыми народами; правда, и донинѣ безбожныя по несправедливости войны, изъ-за алчности и себялюбія, раздирають народъ, и правые, но слабые гибнутъ подъ ударами сильныхъ,—и нѣтъ ни одного народа, ни одного общества, въ которомъ бы во всей полнотѣ и жизненности осуществилось великое начало любви христіанской. Но нравственные перевороты не могутъ быть ни механическими, ни насильственными; евангеліе Свое Христосъ Спаситель сравниваетъ съ закваскою въ тѣстѣ: путемъ медленнымъ, но неуклоннымъ и постояннымъ, оно пройдетъ въ тѣло человѣчества, пока не подниметъ его все.

Процессъ нравственнаго созрѣванія міра не можетъ остановиться, а можетъ только временами замедляться. Но это даетъ намъ основанія не для унынія и отчаянія, а для бодрой работы, потому что впереди ея—свѣтлое будущее: на новомъ небѣ и новой землѣ уже не будетъ мѣста злу, а будетъ жить правда вѣчная.

Христіанство еще не завершило своей миссіи въ мірѣ, не прошло до конца своего пути, и его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы внутренне очищать и возвышать жизнь человѣчества, пока будетъ оставаться на землѣ человѣчество. Но, смотря на то, что было до Христа, и что случилось послѣ Него, смотря на этотъ величайшій мирный переворотъ въ человѣчествѣ, мы окрыляемся вѣрою и свѣтлою надеждою на побѣду добра. Въ этотъ свѣтлый праздникъ вѣры и радости намъ близко стано-

вится старое, но вѣчное и трогательное привѣтствіе ангеловъ, воспѣтое въ часъ явленія въ міръ нашего Спасителя: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Памяти К. Д. Ушинскаго.*

Слово Божіе и церковное, провожая умершихъ „въ путь всея земли“, или поминая ихъ по смерти, неизмѣнно говоритъ намъ о всѣхъ усопшихъ: „*память ихъ въ родъ и родъ*“. Такова вѣра христіанъ въ вѣчную загробную жизнь, таково убѣжденіе въ непрестающемъ бытіи духовной личности человѣка, такова увѣренность въ томъ, что память человѣческая въ церкви и въ молитвѣ обращается *въ вѣчную память* предъ Богомъ живыхъ и мертвыхъ...

Но то же слово Божіе отмѣчаетъ особенныхъ людей, о которыхъ не въ этомъ только общемъ смыслѣ личнаго безсмертія можно сказать: „память ихъ въ родъ и родъ“. Оно говоритъ намъ выразительно: „Восхвалимъ славныхъ мужей и отцовъ рода нашего. Есть между ними такіе, которые оставили по себѣ имя для возвѣщенія хвалы ихъ, *мужи, дѣла которыхъ не забываются*. Тѣлеса ихъ въ міръ погребены быша, а имена ихъ живутъ въ роды. *Народъ будетъ рассказывать объ ихъ мудрости*, и Церковь станетъ возвѣщать ихъ хвалу“ (Сир. XLIV 1., 8—9, 13—14).

Поистинѣ таковъ поминаемый сегодня великій сынъ земли святорусской Константинъ Димитріевичъ Ушинскій. Поистинѣ *народъ нашъ* знаетъ объ его мудрости и возвѣститъ ему хвалу. И поистинѣ, память его въ родъ и родъ, изъ поколѣнія въ поколѣнія среди русскихъ дѣтей, въ русской школѣ,

* Сказано въ церкви 1-й Тифлисской женск. гимназіи въ декабрь 1900 года.

которой онъ отдалъ всю свою жизнь и все великія дарованія своего духа. Это онъ увидѣлъ въ ученикѣ „человѣка, какъ предметъ воспитанія“, и, опираясь на дорогое для него „родное слово“, далъ ребенку въ школѣ „дѣтскій міръ“, для него и поучительный, и глубоко интересный. Это онъ властно и самымъ дѣломъ разбилъ и показалъ ложь того присловья, сложившагося вѣками, что корень ученія горекъ, слишкомъ горекъ для ребенка. Это онъ напомнилъ и указалъ грядущей русской школѣ старыя и вмѣстѣ вѣчно юныя устои религіозности, безъ которыхъ она и безлична, и бесплодна, и такъ опасна для народа, что изъ орудія созиданія жизни обращается въ средство ея разрушенія... Зависть, злоба, клевета и недомысліе нерѣдко отравляли дни нашего печальника народной школы при его жизни; но и донынѣ, съ одной стороны, сознательная злонамѣренность враговъ религіи и русскаго народа, съ другой стороны, и бессознательное неразуміе, жалкій космополитизмъ и педагогическое нечестіе, которое смотритъ на школьное дѣло, какъ на ремесло и средство къ выслугѣ,—все это и доселѣ искажаетъ великое его дѣло; печальнѣе всего то, что враги школы народной и религіозной, какова она должна быть по идеѣ Ушинскаго, прикрываются именемъ покойнаго. Но не затѣнить навсегда мрачнымъ тучамъ свѣтлаго солнца; врагамъ не осилить великаго и молодого народа,—и, вѣримъ, близится день осуществленія лучшихъ завѣтовъ поминаемаго нынѣ убѣжденнаго служителя русской школы.

Оставляемъ и предоставляемъ другимъ указать на тотъ глубокой народный духъ, на тотъ горячій патріотизмъ, которыми былъ проникнутъ самъ Ушинскій и которому онъ отводилъ самое видное мѣсто въ школьномъ воспитаніи. Какъ служитель Церкви, притомъ и въ словѣ церковномъ, обращаю я ваше вниманіе на требованія, которыя предъявлялъ покойный педагогъ къ школѣ и ея руководителямъ въ смыслѣ религіозномъ.

„Современная педагогика,—говоритъ онъ,—исключительно выросла на христіанской почвѣ, и для насъ не христіанская педагогика есть вещь немыслимая—безголовый уродъ и дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденія позади и

безъ результатовъ впереди. Можно ли себѣ представить, на-примѣръ, сколько-нибудь сноснаго учителя, который бы не коснулся въ школѣ религіозныхъ истинъ, если только онъ не занимается однимъ механизмомъ обученія, убійственнымъ для дѣтской головы? Мы требуемъ, чтобы учитель русскаго языка, учитель исторіи и т. д. не только вбивали въ голову своимъ ученикамъ факты своихъ наукъ, но и развивали ихъ умственно и нравственно. Но на чемъ же можетъ опираться нравственное развитіе, какъ не на христіанствѣ? *Дѣло народнаго воспитанія должно быть освящено Церковью, и школа должна быть пред-дверіемъ Церкви*“.

Таковы воззрѣнія Ушинскаго. Золотыми бы буквами вы-бить эти слова на знамени нашей школы! Повторять бы, повторять бы ихъ безъ конца всѣмъ, посвящающимъ себя дѣлу обученія и воспитанія молодыхъ поколѣній, чтобы запомнить навѣки эти слова, увы, къ гибели нашей, нерѣдко забываемыя и пренебрегаемыя! Но, можетъ-быть, кому-либо покажется, что Ушинскій въ приведенныхъ словахъ его говорить о той, нынѣ модной, безличной и безразличной религіозности, которая не хочетъ знать Церкви и считаетъ себя выше опредѣленнаго исповѣданія и пустоту души и сердца прикрываетъ безсодержательными и туманными словами о широкихъ идеалахъ „религіи во-обще“. Нѣтъ, не нужно забывать, что, упоминая о религіи, Ушинскій при этомъ ясно и опредѣленно подразумѣваетъ наше святое православіе, говорить о нашей родной, безконечно дорогой намъ и, дѣйствительно, *народной* православной Церкви. Онъ страстно ждалъ и желалъ плодovitаго сближенія между этими двумя сторонами русской жизни — образованіемъ и Церковью. „Если,—говоритъ онъ,—этого сближенія еще не произошло, то въ этомъ никакъ не виноваты основанія православной религіи, потому что *православіе есть единственная религія*, представляющая всѣ условія для такого сближенія.“ И далѣе, послѣ этихъ словъ льется у Ушинскаго воодушевленная, исполненная горячей любви рѣчь о величайшемъ назначеніи православія. Рѣдко можно найти въ нашей литературѣ другое сочиненіе, гдѣ бы въ краткихъ, но ясныхъ и прочувствованныхъ словахъ, съ такою силою убѣжденія и искренности былъ разъясненъ этотъ

предметъ,—для русскихъ образованныхъ и религіозныхъ людей предметъ величайшей важности ¹⁾.

Спаситель, обличая фари́сеевъ, возвѣщалъ имъ „горе“ за то, что они украшали и хранили гробы тѣхъ пророковъ, которыхъ отцы ихъ избивали, и послѣдователей которыхъ избивали и преслѣдовали сами фари́сеи. И мы можемъ оказаться въ нравственномъ положеніи тѣхъ же фари́сеевъ, если, поминая великихъ покойниковъ, расточая имъ хвалы, будемъ далеки отъ ихъ завѣтовъ и, еще хуже, будемъ топтать въ грязь ихъ идеалы. Вблизикъ день, говоримъ, когда завѣты и идеалы Ушинскаго, нерѣдко искаженные до неузнаваемости тѣми, которые служили его дѣлу и прикрывались его именемъ, должны занять въ русской жизни и школѣ надлежащее мѣсто. Молодымъ поколѣніямъ учителей и учительницъ въ этомъ дѣлѣ предстоитъ важная задача: предстоитъ мужественно отстаивать въ школѣ начала религіи и народности, завѣщанныя покойнымъ авторомъ русскаго „Родного Слова“. То же предстоитъ и русской семьѣ, въ которой нынѣ все чаще и чаще мы видимъ образованную женщину. Недаромъ Ушинскій вѣрилъ въ русскую женщину, недаромъ служилъ дѣлу ея образованія и съ любовью предрекалъ ей успѣхъ въ работѣ воспитанія и обученія въ семьѣ и школѣ.

Нынѣ молитвою, а въ жизни и дѣятельности осуществленіемъ завѣтовъ покойнаго—только этимъ мы, дѣйствительно, исполнимъ отрадное и свѣтлое пожеланіе о немъ святой Церкви: „память его въ родъ и родъ“. Аминь.

¹⁾ Возвращенія Ушинскаго на данный предметъ мы изложили главнымъ образомъ по его статьѣ «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи». Краткость церковнаго слова не позволила намъ коснуться этого вопроса во всей широтѣ и освѣтить его другими сочиненіями покойнаго педагога.

Женщина - христіанка.*

Въ прошлое воскресенье, второе послѣ Пасхи, Церковь наша вспоминала святыхъ женщинъ евангельскихъ, такъ-называемыхъ мученицъ; сегодня мы слышали за богослуженіемъ повѣствованіе книги Дѣяній Апостольскихъ о воскресеніи ап. Петромъ доброй и благочестивой дѣвушки Тавифы въ Лидѣ; въ слѣдующій воскресный день назначается евангельское чтеніе о бесѣдѣ Спасителя съ самарянкою. Такимъ образомъ, мы стоимъ въ кругѣ такихъ священно-историческихъ событій и воспоминаній, въ которыхъ женщины занимаютъ особенно видное мѣсто. Въ день учебнаго праздника нашей женской школы ¹⁾,—въ день, когда мы, кромѣ того, прощаемся съ этимъ священнымъ алтаремъ и въ послѣдній разъ совершили въ немъ святѣйшую безкровную и духовную жертву²⁾,—въ этихъ совпадающихъ воспоминаніяхъ естественно искать намъ указаній и руководства для поучительныхъ размышленій.

Почтимъ же съ Церковію благодарнымъ воспоминаніемъ святыхъ женщинъ евангельскихъ. Въ земной жизни нашего Спасителя, даже въ средѣ Его ближайшихъ послѣдователей, онѣ занимаютъ видное мѣсто. Когда раздались первыя священныя слова Его проповѣди о покаяніи, когда разнеслись по лицу земли родной Его призывы къ небу, къ Богу, къ вѣчности и святости, ко спасенію и къ царству Божію, женскія души сейчасъ же чутко отозвались на святое ученіе, и на обаяніе святѣйшей личности Богочеловѣка. И, должно-быть, радостно и отрадно женскому сердцу сознавать и слышать, что среди озлобленныхъ враговъ нашего Спасителя, среди той лжи и клеветы, зависти и ненависти, которыя, соединившись вмѣстѣ,

* Слово въ Тифлисской 1-й женской гимназіи въ недѣлю о расслабленномъ въ 1900 г. Печатается, вопреки хронологическому порядку, какъ заключеніе служенія автора въ званіи законоучителя 1-й Тифлисской женской гимназіи.

¹⁾ Въ этотъ день былъ назначенъ торжественный актъ въ гимназіи.

²⁾ Въ виду устройства новой церкви въ гимназіи, алтарь старой церкви былъ предназначенъ къ упраздненію.

сплели терновый вѣнецъ Господу и вознесли Его на крестъ, среди этихъ темныхъ и злыхъ силъ мы не видимъ ни одной женщины. Женщины, да еще дѣти съ неизмѣнною любовію относились къ Нему и тогда, когда восхищенный Его учениемъ и чудными дѣлами народъ готовъ былъ возвести Его на царскій престолъ (Іоан. VI, 15), восклицалъ Ему: „осанна“, и тогда, когда тотъ же народъ, въ непонятной измѣнчивости, чрезъ нѣсколько дней вопилъ о Немъ: „возьми, возьми, распни Его“. Въ этой отзывчивости на проповѣдь Спасителя, въ этой сердечной любви къ Нему, въ этой неизмѣнной вѣрности Ему со стороны женщинъ сказалась глубочайшая религіозность женской души. И смотрите, поучаясь, какъ вся исторія минувшихъ вѣковъ громовымъ голосомъ, способнымъ разбудить и вразумить мертваго, говоритъ намъ объ этой религіозности женщины! Вотъ прародители человѣчества послѣ грѣхопаденія и первоевангелія начали свой новый жизненный путь. Какое же первое слово ихъ занесено на страницы священной библейской лѣтописи? Слово женщины, слово Евы, — и это первое слово женщины было: Богъ, она произнесла его, когда, впервые испытавъ радость материнства, воскликнула: „стяжахъ человѣка Богомъ“ (Быт. IV, 1). Слѣдите потомъ за исторіей человѣчества. Вотъ, совершенно минуя женщину, течетъ нарастающая жизнь государственная, общественная и даже семейная: женщина не законодательствуетъ, не управляетъ, не учитъ, не вліяетъ, не священнодѣйствуетъ, не носитъ меча, не занимается науками; она забыта, подавлена, унижена, какъ бы удалена изъ теченія человѣческой жизни; она — простая принадлежность дома и хозяйства, а въ нѣкоторыхъ племенахъ низведена до степени домашняго рабочаго животнаго. Но и въ этомъ глубокомъ униженіи живетъ въ ней высокое достоинство человѣчности: эта область жизни истинно человѣческой, и область самая высшая, никогда недоступная для животнаго, самая свѣтлая и вѣковѣчная, не проходитъ мимо женщины, это — область религіозная. Нѣтъ времени у насъ повѣствовать обо всѣхъ библейскихъ женщинахъ: но кому не извѣстны эти — Сарра, Ревекка, Рахиль, Руевъ, Деворра, Анна, мать Самуила, Вирсавія, Соломонія, Эсфирь, Анна, Елизавета?

Онѣ, эти глубоко набожныя женщины, какъ звѣзды, сіяютъ среди тьмы до-христіанской; онѣ — предтечи славы и величія женщины христіанской. Но величіе ихъ зависитъ отъ того, что онѣ жили въ Богѣ и для Бога. Женская душа всегда стремилась къ Богу и умѣла проникновенно любить Его. Хотите видѣть первую вдохновенную пѣснь женщины, первое ея высокое художественное произведеніе, поэтическое и музыкальное? Ее составила Маріамъ, сестра Моисея, и пропѣла съ женщинами и дѣвушками подъ звуки киваръ и тѣмпановъ. И опять эта пѣснь, какъ первое восклицаніе праматери Евы у вратъ заключеннаго рая, посвящена имени Бога: „поимъ Господеви, славно бо прославися“... (Исх. XV, 20—21). Черезъ много вѣковъ послѣ того другая Маріамъ, у вратъ уже открытаго рая послѣ возвышеннаго благовѣстія Архангела, какъ Дѣва-Матерь, открыла уста для своей вдохновенной пѣсни, и пѣснь эта, первая пѣснь новозавѣтной женщины опять гласила о Богѣ и славила Господа Спасителя: „Величить душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ, Спасѣ Моемъ“ (Лук. I, 46—47). Мы во временахъ новозавѣтныхъ. Выступаетъ Иисусъ Христосъ на дѣло общественнаго учительства: кому это впервые возвѣщаетъ Онъ самое высокое духовное ученіе о Богѣ и открываетъ сущность истиннаго духовнаго богопочитанія? Женщинѣ - самарянкѣ; женщинѣ-самарянкѣ у колодца Іакова говоритъ Онъ великія, вѣчныя слова: „Духъ есть Богъ, и ниже кланяется Ему, духомъ и истиною достойтъ кланяться“... (Іоан. IV, 24). Загѣмъ мы видимъ около Него и Марію Магдалину, и двухъ сестеръ Визанскихъ, Саломію, Сусанну, Іоанну, Марію Іосіеву, Марію Іаковлеву, и кающихся грѣшницъ, и женщину-хананеянку, и женщинъ галилейскихъ. Женщины идутъ за Нимъ, оставивъ дома и хозяйства и спокойную домашнюю жизнь; онѣ слушаютъ Его ученіе, онѣ служатъ Ему отъ имѣній своихъ, онѣ пребываютъ съ Нимъ въ Его напастяхъ; участливымъ сердцемъ, любящей душою переживаютъ онѣ съ Нимъ Его страданія. Вотъ жена язычника Пилата въ рѣшительную минуту осужденія Спасителя, какъ бы предчувствуя малодушную и себялюбивую робость мужа, шлетъ къ нему свою просьбу: „не дѣлай зла Праведнику Тому“... Вотъ жен-

щины іерусалимскія идутъ вслѣдъ за Страдальцемъ-Христомъ на Голгоу и, не боясь озлобленныхъ враговъ Исуса, открыто выражаютъ Ему сочувствіе и плачутъ и рыдаютъ о Немъ; вотъ мученицы безтрепетно у креста среди возбужденной толпы и слушаютъ ругательство воиновъ, стоны распятыхъ, проклятія рабойника, насмѣшки и неистовое злорадство важныхъ и властныхъ учителей народа; вотъ онѣ предъ гробомъ Исуса, отдають Ему, яко мертвому, послѣднюю дань плача и рыданія; вотъ во едину отъ субботъ, утру глубоку, сущей тьмѣ и во мракъ глубокаго идутъ, бѣгутъ онѣ къ дорогому гробу по темнымъ и пустыннымъ улицамъ Іерусалима, мимо домовъ распинателей Христовыхъ, мимо ужасной Голгофы, мимо окровавленныхъ крестовъ, въ темный садъ, гдѣ сокрыто ихъ Сокровище... И за любовь, за преданность, за пролитыя слезы, за скорбь великую имъ первымъ Онъ является по воскресеніи и говоритъ имъ великое слово: „радуйтесь!“ Потомъ онѣ являются апостолами для самихъ апостоловъ и имъ возвѣщаютъ о радости воскресенія. Что дальше? Вижу Марію Магдалину, которая доходитъ съ проповѣдію о Христѣ Воскресшемъ до Рима и до двора самого кесаря и здѣсь предстаетъ предъ нимъ съ привѣтствіемъ: „Христосъ воскресъ!“ Вижу Фотину, эту жену-самарянку, которая обращаетъ въ христіанство Доминику, дочь императора, и съ нею 100 рабынь ея. Вотъ апостоль Павелъ впервые переноситъ слово евангельской проповѣди въ нашу Европу,—и здѣсь вижу первую увѣровавшую, начатокъ странъ европейскихъ, женщину Лидію во Филиппахъ; вижу Димаръ, послѣ рѣчи св. Павла въ ареопагѣ Аѳинскомъ, принявшую слово благовѣстія; вижу Присхиллу, которую апостоль въ посланіяхъ привѣтствуетъ, какъ сотрудницу; вижу Фиву, діако-нису въ Кенхреяхъ, о которой св. Павелъ пишетъ: „она была помощницей многимъ и мнѣ самому“ (Римл. XVI, 1—2). Вижу потомъ Монику, почтенную мать великаго Августина, который самъ приписывалъ молитвамъ, слезамъ и любви ея искреннее обращеніе свое къ истинной вѣрѣ въ Бога и Церковь: „если я размышляю только объ истинѣ, и неустанно ищущу ее одну, если люблю ее выше всего въ мірѣ, то этимъ я обязанъ тебѣ, мать моя“,—говоритъ онъ въ своихъ письмахъ.

Вижу Анаусу, мать св. Іоанна Златоустаго, которая воспитала и сохранила намъ этотъ свѣточъ нашей Церкви; о ней великій изъ языческихъ риторовъ, врагъ христіанъ, долженъ былъ съ восхищеніемъ сказать: „о, какія женщины у этихъ христіанъ!“ Вижу свв. Василия Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и другихъ многихъ величайшихъ учителей Церкви, открыто заявлявшихъ, что всѣмъ свѣтлымъ, возвышеннымъ, чистымъ, религіознымъ и самими собою они обязаны своимъ матерямъ и сестрамъ. Вижу свв. Вѣру, Надежду, Любовь, Софію, Екатерину, Анастасію, Варвару и великій сонмъ другихъ мученицъ, слабыхъ женщинъ и дѣвушекъ, безбоязненно и безтрепетно до смерти исповѣдывавшихъ Христа. Вижу величайшихъ подвижницъ, завѣщавшихъ міру примѣръ самоотреченія и самоотверженія. Вижу и въ жизни обычной, мірской, этихъ двухъ женщинъ, о которыхъ величайшему подвижнику и пустыннику Макарію открыто было, что онъ не достигъ мѣры ихъ духовнаго возраста, и онъ пришелъ и увидѣлъ ихъ: онѣ, будучи не родными, много лѣтъ жили въ одномъ домѣ вмѣстѣ со своими мужьями въ трудахъ, въ нуждѣ, въ ежедневныхъ заботахъ о дѣтяхъ, о мужѣ и о домѣ, и за все это время не сказали другъ другу ни одного непристойнаго слова, никогда не спорили и были единодушны и мирны. Вижу знаменитую царицу Венгерскую Елизавету, невредимо выпившую воду того прокаженнаго, которому она усердно служила, чтобы показать ему, что онъ не отчужденъ отъ общества людей.

Говорить ли о тѣхъ женщинахъ, которыя отдали жизнь и труды распространенію христіанства и облагодѣтельствовали народъ, племена и царство? Вотъ благочестивая царица Елена въ греко-римскомъ мірѣ, вотъ дѣвушка Нина, святая, равноапостольная, здѣсь, въ Грузіи; вотъ Хосровидухта въ Арменіи, Клотильда во Франціи, Берта въ Англіи, Теодора въ Болгаріи, Людмила въ Богеміи, Домбровка въ Польшѣ и у насъ на Руси св. Ольга, небесная Покровительница нашего храма. А сколько ихъ осталось неизвѣстными въ родѣ той малоизвѣстной Кандиды, внучки знатнаго мандарина китайскаго, которая обратила къ христіанству мужа своего и построила въ родной области тридцать церквей! А сколько матерей, сестеръ и

женъ,—святыхъ, благоговѣйныхъ женщинъ вліяли благочестіемъ на окружающую жизнь и помогали процвѣтанію и расширенію на землѣ Царства Божія! Не устроая храмовъ рукотворенныхъ, подобно свв. Еленѣ, Нинѣ или Ольгѣ, онѣ въ нерукотворенныхъ храмахъ, въ душахъ человѣческихъ, и донныя первыя возжигаютъ свѣтильникъ вѣры, внушаютъ намъ страхъ Божій, приучаютъ насъ къ молитвѣ, къ цѣломудрію, къ справедливости и чести, развиваютъ въ насъ любовь къ ближнимъ, уваженіе къ старшимъ, милосердіе къ нищимъ, состраданіе къ несчастнымъ, укрѣпляютъ въ сердцахъ нашихъ благоговѣніе къ святынямъ, уваженіе къ пастырямъ, любовь къ отечеству и уваженіе къ власти. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорятъ одинъ европейскій ученый (Навиль), въ Англии или Америкѣ, хорошенько не помню, образовалось общество молодыхъ людей, которые рѣшились посвятить себя преимущественно благочестивымъ дѣламъ для блага человѣчества. Когда они стали разспрашивать другъ друга, кто изъ нихъ обязанъ матери за направленіе, данное ихъ сердцу и совѣсти, то оказалось, что изъ ста двадцати человѣкъ болѣе ста отъ матерей наслѣдовали все, что въ нихъ было добраго“.

Что же? Неужели всѣ эти историческіе примѣры—простая случайность? Неужели не слышны для насъ, какъ для глухихъ, голоса этого облака свидѣтелей? Неужели мертвы ихъ завѣты и ихъ посмертные уроки?! О, нѣтъ! Подобно путеводнымъ звѣздамъ на небѣ въ темную ночь, они указываютъ намъ духовный путь жизни: „взирая на звѣзды эти, позаимствуемся отъ свѣта ихъ“! Они говорятъ намъ, что если вообще религіозность глубоко заложена въ сердце человѣческое, то для женской души религіозность—это родная стихія по преимуществу,—родная стихія, внѣ которой женщина духовно и нравственно гибнетъ. Противно видѣть отсутствіе того, что естественно, необходимо и, по преимуществу, должно принадлежать тому или другому существу: противно видѣть, напримеръ, въ ребенкѣ преждевременную старость, или въ старикъ неустойчивость и легкомысліе юноши, противно видѣть въ воинѣ трусость, въ называющемъ себя ученымъ—невѣжество въ судѣ безчестность, въ священникѣ—религіозную холодность

или небрежность, въ учащемся—равнодушіе къ наукѣ и лѣность. Точно также особенно противно въ женщинѣ отсутствіе религіозности,—того, что составляетъ глубочайшую сущность и какъ бы душу души женской. Это—явленіе уродливое, отталкивающее, глубоко-возмутительное и печальное, а въ семьѣ, а въ школѣ, вообще тамъ, гдѣ приходится вліять на другихъ,—а многимъ изъ васъ, помните, несомнѣнно, придется дѣйствовать и въ семьѣ и въ школѣ,—это явленіе прямо преступное.

И вотъ вамъ урокъ изъ нынѣшнихъ воспоминаній церковныхъ о св. женщинахъ, и вотъ вамъ завѣтъ этого отходящаго отъ васъ алтаря Господня и подготовленіе къ новому и постоянному, и вотъ вамъ завѣтъ школы въ день ея праздника: будьте религіозны, дѣти, будьте набожны; любите церковь Божию всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ вашимъ и не стѣсняйтесь проявлять свою вѣру, свою религіозную любовь, напротивъ, ею заполните всю вашу жизнь! Она вамъ такъ же необходима, какъ и пища; въ ней, и только въ ней—единый и единственный путь счастья вашего и спасенія. Все прочее—науки, искусства, навыки, умѣнья, познанія и проч.,—все это и нужно, и полезно, и прекрасно; но все это освящается и получаетъ высшій смыслъ и цѣну только въ религіи. Здѣсь единое на потребу и здѣсь найдете то, что дастъ вамъ незамѣнимое и самое побѣдоносное могущество,—могущество нравственное. Ищите же прежде всего царства Божія и правды его, и все прочее приложится вамъ! Утѣшительно говорить объ этомъ именно теперь, когда, повидимому, издыхаетъ это нечестивое религіозное равнодушіе и всюду повѣяло животворнымъ дыханіемъ религіи; когда общество наше, въ лицѣ многихъ и лучшихъ представителей своихъ, проявляетъ особый интересъ къ вопросамъ вѣры и нравственности христіанской, когда представители науки громогласно зовутъ насъ къ Богу. Утѣшительно говорить объ этомъ теперь, когда ежедневная печать въ минувшіе свѣтлые пасхальные дни приносила намъ такіа свѣтлыя и отрадныя извѣстія: Царь нашъ и Царица въ первопрестольной Москвѣ, посреди завѣтныхъ святынь народныхъ, и идутъ богомольцами изъ церкви въ церковь, изъ

монастыря въ монастырь, отъ богомолья къ богомолью, являя народу на высотѣ престола примѣръ глубокой религіозности, смиренной вѣры, почтенія къ Церкви и ея пастырямъ и благоговѣнія къ святынямъ. Да посрамитъ Господь нечестивые глаголы тѣхъ безумцевъ, которые говорятъ легкомысленно о религіи или даже безумно заявляютъ о вредѣ ея и тѣмъ смущаютъ молодыя души и неутвержденные сердца! Да заградитъ Господь уста тѣхъ пошлыхъ и легкомысленныхъ развратителей, часто волковъ въ овечьихъ шкурахъ, у которыхъ самое имя мурносицъ обращено во что-то насмѣшливое.

И да будетъ Божья благодать тѣмъ чистымъ сердцамъ, которыя вѣрою и любовію подражаютъ святымъ женамъ мурносицамъ! Да осіаетъ и ихъ Воскресшій Своимъ словомъ: „радуйтесь“, и вмѣстѣ съ ними да войдетъ радость жизни и бодрости и въ государственную, и въ общественную, и въ нашу школьную жизнь, ибо всегда и вездѣ исполняется правственный вѣковѣчный законъ, указанный въ Свящ. Писаніи: „сѣмя свято—стояніе міра“, и только праведниками стоять, и крѣпнуть, и жить общества человѣческія.

Заключаемъ наше слово великими словами св. ап. Петра, которыми онъ оканчиваетъ свое прощальное посланіе къ христіанамъ: „Итакъ, вы, возлюбленные, будучи предварены о семъ, берегитесь, чтобы вамъ не увлечься заблужденіемъ беззаконниковъ и не отпасть отъ своего утвержденія. Но возрастайте въ благодати и познаніи Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и нынѣ и въ день вѣчный! Аминь“. (2 Петр. III, 17—18.)

Близость Бога: съ нами Богъ.*

Поздравляемъ васъ, дѣти, съ устройствомъ для васъ постоянного храма и съ настоящимъ торжествомъ освященія его. Въ эти торжественныя минуты много бы хотѣлось сказать вамъ по поводу нашей церковной радости, но продолжительность службы и ваша видимая усталость стѣсняють предѣлы слова.

Напомню вамъ кратко въ назиданіе вѣка минувшіе. Свойственно было всегда человѣку искать Бога, стараться приблизить Его къ себѣ, наглядно, осязательно, образно представлять Его невидимое присутствіе, и вотъ, на протяженіи всѣхъ вѣковъ, отъ первыхъ дней жизни, сколько запомнить себя человѣкъ, онъ на всемъ пространствѣ земли строилъ храмы, воздвигалъ жертвенники, приносилъ жертвы, изображалъ Бога въ произведеніяхъ искусства, готовъ былъ видѣть Его въ собственныхъ изваяніяхъ, въ мертвыхъ предметахъ окружающей природы, въ камняхъ и деревьяхъ, въ мерцаніи звѣздъ, въ дыханіи бури, въ шумѣ моря, въ животныхъ, въ изображеніяхъ подобныхъ себѣ людей.

Среди лжи этого богопоклоненія свѣтитъ и яркая искра правды, это — исканіе Бога и желаніе приблизиться къ Нему. Но и въ религіи откровенной и истинной мы тоже видимъ стремленіе внѣшнимъ образомъ выразить близость Воинства. „Приблизися къ намъ, Господи, приблизися, вездѣ Сый“, — такъ молимся мы и въ Новомъ Завѣтѣ, когда Богъ сталъ близокъ къ человѣку несказанно, принявъ плоть и кровь человѣка...

Нѣкогда Давидъ говорилъ о себѣ, что онъ не взойдетъ на ложе свое, не дастъ очамъ своимъ сна и вѣждамъ своимъ дреманія и не успокоится, пока не устроитъ храмъ имени Всевышняго; говорилъ, что ему стыдно и горько видѣть себя

* При освященіи новой церкви при 1-й Тифлисской женской гимназіи въ концѣ 1900 г.

живущимъ во дворцѣ кедровомъ, а кивотъ святыни покоящимся подъ шатромъ. Сколько усилий было потомъ употреблено благочестивымъ царемъ, избранникомъ Бога и народа, сколько приготовленій сдѣлано, чтобы устроить храмъ Господень! Но только сыну его—мудрому Соломону удалось осуществить это дѣло. А когда освящался храмъ, то былъ великій народный праздникъ во Израилѣ, во всѣхъ уголкахъ его обѣтованной земли, потому что видѣли все ошутительно и ясно, что живетъ Господь видимо среди народа Своего, видѣли ясно пребываніе Господа съ народомъ Божиимъ. Такъ, въ основѣ устройства храмовъ лежитъ вѣковѣчная, завѣтная мечта человека и человечества стать близкимъ къ Богу, въискать Его сердцемъ и какъ бы видѣть очами проявленіе Его, знать и чувствовать, что *съ нами Богъ*.

Это желаніе потомъ проходитъ въ величественныхъ предсказаніяхъ пророковъ о Томъ, Коему имя будетъ Еммануиль, еже есть сказано: *съ нами Богъ*... Это желаніе воплощается, наконецъ, въ лицѣ Богочеловѣка, съ явленіемъ Котораго во истину можно было сказать словами пророка: „*Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, яко съ нами Богъ*“.

И нынѣ, дѣти, съ освященіемъ храма и мы вправѣ воскликнуть: *Съ нами Богъ*...

Отнынѣ это мѣсто всецѣло, безраздѣльно отдано будетъ богослуженію; отнынѣ здѣсь не услышится ничего, кромѣ священныхъ молитвъ и пѣснопѣній ¹⁾; здѣсь будетъ скинія наша съ Богомъ, лѣствица между небомъ и землею, мѣсто соединенія съ Богомъ, мѣсто таинственныхъ священнодѣйствій, низводящихъ на душу очистительныя дѣйствія Пресвятаго Духа. Но, дорогія дѣти, нужно помнить, что религія есть союзъ богочеловѣческой, обоюдной; нужно не только, чтобы съ нами былъ Богъ, но чтобы и мы были съ Богомъ; нужна не только святыня, но надобно, чтобы и мы были достойны святыни. Такъ, по слову одного св. отца, *корабль, нагруженный сокро-*

¹⁾ До того времени гимназія имѣла заль-церковь, причѣмъ только алтарь оставался непосредственнымъ, а заль служила и рекреационной комнатою, и мѣстомъ публичныхъ собраній, и т. п.

вищами, долженъ имѣть и удобную пристань: иначе мы не получимъ къ нему доступа...

Да будутъ же души ваши въ освященномъ храмѣ нашемъ такимъ пристанищемъ духа Божія; да будутъ онѣ достойны этой воздвигнутой святыни, и пусть не только съ нами будетъ Богъ, но и мы да будемъ вѣчно съ Богомъ—вѣрою, любовію, молитвою, исполненіемъ Его закона и непрерывнымъ, нескончаемымъ религиозно-правственнымъ возрастаніемъ. Аминь.

Силы обновленія жизни.

Къ новому году и новому XX вѣку ¹⁾.

Христіанство не напрасно именуется *новымъ заветомъ* (2 Кор. III, 16), *новою заповѣдью* (Іоанн. XIII, 34), путемъ *новымъ* и *живымъ* (Евр. X, 19); не напрасно оно называетъ каждого своего послѣдователя *новою* тварью (2 Кор. V, 17; ср. Галат. VI, 15), *новымъ* человѣкомъ (Еф. II, 15, IV, 24; ср. Колос. III, 10); не напрасно требуетъ отъ насъ не только единичнаго, но постояннаго, непрерывнаго, повседневнаго обновленія (Римл. VI, 4; 2 Кор. IV, 16; 1 Петр. II, 9; 1 Кор. V, 7), и въ немъ полагаетъ задачу нашей правственной дѣятельности на землѣ дотолѣ, пока, въ завершеніе жизни міра, мы не увидимъ новаго неба и новой земли (2 Петр. III, 13), новаго города—скиніи Бога съ человѣками (Апок. XXI, 1—4), и пока не услышимъ вѣчнаго слова Бога, полагающаго конецъ видимому порядку вещей: *се творю все новое* (Апок. XXI, 5)... Итакъ, если всегда ко времени и всегда полезно и необходимо размышлять намъ о нашемъ непрерывномъ обновленіи, то Новолѣтіе жизни попреимуществу обращаетъ нашу мысль къ этому предмету.

Христіанство увѣнчало собою пять съ половиною тысячъ

¹⁾ Статья. Представляетъ подробное раскрытіе новогодней проповѣди.

лѣтъ пламенныхъ ожиданій возрожденія и обновленія; о немъ, какъ о новомъ завѣтѣ, лучшемъ и совершеннѣйшемъ, какъ о величайшей радости и грядущей замѣнѣ ветхаго завѣта, говорили древніе пророки еврейскому народу (Іерем. XXXI, 31—34); о немъ, какъ о новомъ порядкѣ вещей, мечтали философы и поэты древняго языческаго міра, который былъ объятъ процессомъ нравственнаго разложенія и стоялъ на краю гибели (Сократъ, Платонъ, Виргилій, Тацитъ, Сенека); о немъ же говорили и древнія языческія религіи, научившія народы Востока и Запада ожидать пришествія новаго Учителя, новаго Царя міра и Испытателя, имѣющаго сообщить людямъ волю небесъ, избавить отъ грѣховъ и дать основы новой, блаженной жизни. Но причины, вызвавшія грѣхъ и заблужденіе въ древнемъ мірѣ и заставлявшія человѣчество ждать обновленной жизни, не умерли въ злой и грѣховной волгѣ человѣка, и въ исторіи христіанскаго міра время-отъ-времени мы замѣчаемъ періоды упадка духа, отчаянія, сомнѣнія и слабости,—періоды, когда нравственныя начала какъ бы теряютъ силу въ жизни человѣчества, и лучшие его представители начинаютъ съ тоскою озираться вокругъ, ища средствъ вдохнуть въ людей упавшую бодрость, поднять принизившееся нравственное состояніе общества.

Едва ли мы ошибемся, если назовемъ и наше время ищущимъ этого обновленія: оно стоитъ предъ многими вопросами, предъ многими язвами, требующими разрѣшенія и врачеванія. Не въ наше ли время учащенные случаи самоубійства показываютъ общее недовольство жизнью и даже какое-то притупившееся чувство жизни? Не наше ли время характеризуется особымъ разливомъ преступленій, иногда дикихъ и совершенно необъяснимыхъ, паденіемъ основъ жизни семейной, общественной, государственной? Не въ наше ли время раздалась эта проповѣдь философіи смерти,—это апатичное отношеніе къ дѣятельности, это ученіе о „недѣланіи“, о „непротивленіи злу“, отрицающее и бракъ, и общество, и государство, и науку, и искусство, и свидѣтельствующее тѣмъ самымъ о глубокомъ отчаяніи, къ которому пришелъ современный человѣкъ? И, вмѣстѣ съ тѣмъ, не въ наше ли время наблюдаются эти

отчаянные поиски за смысломъ жизни, свидѣтельствующіе о томъ, что старыя позитивныя и матеріалистическія воззрѣнія, и основанныя на нихъ и вѣра въ силу и спасительность „правового строя“, и социалистическія попытки заново передѣлать жизнь людей въ ея глубочайшихъ основахъ, и пропумѣвшее увлеченіе реформами и „обновленнымъ строемъ“,— все это принесло только тяжелыя разочарованія и не дало человѣку ни радости, ни покоя? Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть вспомнитъ облетѣвшія весь міръ и повторенныя во всѣхъ литературахъ воззрѣнія на науку Карпенстера, Брюнетьера или нашего Толстого, пусть прислушается къ откровеннымъ признаніямъ государственныхъ людей Европы и Америки, къ пессимистическимъ выводамъ современной философской мысли, къ невольнымъ вздохамъ руководителей социализма. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ социаль-демократическая „Народная Газета“, предъ праздникомъ Рождества Христова, завидуя вѣрѣ вѣрующихъ, ихъ радости и полнотѣ жизни, съ рѣдкой добросовѣстностью сдѣлала характерное признаніе: „Нѣтъ загробной жизни, нѣтъ воскресенія, нѣтъ никакой сверхъестественной божественной силы... Какой же смыслъ жить и мучиться?!“

Но, можетъ-быть, скажутъ, что это люди крайностей. Пусть такъ; но вотъ авторитеты, неоспоримые въ наукѣ: Бунге, Дюбуа-Реймонъ, фонъ-Беръ, Вирховъ, Вольфъ, Гельмгольцъ и Пастеръ... Одинъ изъ нихъ, Дюбуа-Реймонъ, выразительно сравниваетъ современнаго человѣка, гордаго научными приобрѣтеніями, съ жалкимъ нищимъ, стоящимъ предъ неизмѣримымъ полемъ мірозданія со своею котомкою знаній; этотъ нищій о многомъ долженъ сказать *ignotum*, а о многомъ—*ignotissimum*... Литре, извѣстнѣйшій позитивистъ, наперникъ и преемникъ Конта, несмотря на все свое преклоненіе предъ силою знанія, говоритъ: „Безпредѣльность тѣсно связана съ нашимъ знаніемъ, и, однако же, недоступна для знанія. Это океанъ, волны котораго вѣчно бьютъ о наши берега, но пуститься въ который мы не можемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ для этого ни лодки, ни паруса“...

Между тѣмъ, и донинѣ, въ поискахъ за средствами исцѣ-

ленія общепризнанной язвы, фанатики вѣры во всеисцѣляющую силу научнаго знанія и основанныхъ на немъ государственно-общественныхъ реформъ обращаютъ взоры человѣчества гуда, гдѣ оно не разъ уже потерпѣло крушеніе. Не христіанство, конечно, и не нашу православную Церковь винить въ отрицательномъ отношеніи къ наукѣ и къ улучшеніямъ общественной жизни. „Вопреки этому ложному воззрѣнію, мы, — говоритъ извѣстный ученый датскій богословъ Мартенсенъ, — должны съ особеннымъ удареніемъ заявить, что культура, искусства и науки сами по себѣ не составляютъ зла, а, напротивъ, составляютъ неизбѣжное условіе полнаго и совершеннаго бытія человѣка; даже нужно сказать, что культура, образованіе есть одно изъ условій для полнаго развитія нравственности и религіозности, которыя при варварскомъ, некультурномъ состояніи могутъ развиваться только весьма несовершенно, почему христіанство въ странахъ, гдѣ не существовало культуры, всегда само насаждало начатки ея“. Вѣдь не вопреки, а благодаря христіанству, христіанская Европа—въ то же время и цивилизованная Европа.

Что касается, въ частности, православной нашей Церкви, то даже такой изслѣдователь, какъ Дрәперъ, котораго меньше всего можно заподозрѣть въ пристрастномъ преувеличеніи заслугъ христіанства или православія, въ своемъ извѣстномъ трудѣ объ отношеніяхъ между религіей (собственно—католицизмомъ) и наукой, отдаетъ полную дань уваженія и благодарности восточной православной Церкви и ея образъ дѣйствій въ этой области признаетъ выше похвалъ. Но при всемъ уваженіи къ культурѣ и образованію нельзя ожидать и требовать отъ нихъ того, чего они дать не въ состояніи; нельзя думать, что люди и міръ могутъ сдѣлаться лучшими только и исключительно чрезъ знаніе и прогрессивную культуру. Есть культура—и культура; если подъ нею не лежитъ здоровой духовной основы, если знаніе наклоняетъ человѣка только къ жизненнымъ удобствамъ, а не ведетъ его къ истинѣ, Верховной Истинѣ—Богу, то это еще мало говоритъ о человѣческой, въ истинномъ смыслѣ слова, сторонѣ жизни; здѣсь, примѣняясь къ выраженіямъ Священнаго Писанія, человѣкъ душевный, а

не духовный, здѣсь только усовершенствованная жизнь животнаго. Прекрасно говоритъ древній пророкъ о такомъ знаніи: „мудрость твоя и знанія твои—они сбили тебя съ пути, и ты говорилъ въ сердцѣ своемъ: я и никто, кромѣ меня“ (Ис. XLVII, 10).

Но если знаніе обращено и къ вопросамъ нравственнымъ, и тогда еще не въ немъ одномъ спасеніе. Какъ наивно и горячо вѣрили и вѣрятъ, что простое знаніе добра есть надлежащее и вѣрное средство сдѣлаться добродѣтельнымъ, что борьба, неизбѣжный спутникъ нашъ въ нравственномъ восхожденіи, есть только борьба противъ заблужденій и предразсудковъ! Знаніе, можетъ-быть, спасетъ отъ глупости, хотя и здѣсь на всякаго мудреца довольно простоты, но не можетъ оно спасти отъ безнравственности. Кто изъ насъ не испытывалъ моментовъ искушенія ко злу, когда страсть пользуется правомъ сильнаго, когда грѣхъ манитъ обѣщаніемъ наслажденія и счастья, обѣщаетъ уплатить наличною монетою—непосредственнымъ и немедленнымъ удовлетвореніемъ нашего ли гнѣва, гордости или чувственности, и мы, тысячи разъ обманутые, снова и снова легкомысленно вѣрили обѣщанію? Неужели здѣсь были моменты только невѣдѣнія? Нѣтъ, здѣсь было при знаніи какое-то безсиліе,—та грѣховность, о которой учитъ насъ Священное Писаніе, возводя насъ ко временамъ перваго грѣхонпаденія и къ глубокомысленному міровому ученію о грѣхѣ первородномъ, то зло, „неистребимо живущее въ насъ“, о которомъ говорили древніе философы отъ Гераклита до Сократа и Платона, и которое новый философъ Кантъ такъ выразительно называетъ зломъ радикальнымъ. По мнѣнію Канта, въ своемъ умозрѣніи проникшаго необыкновенно глубоко, стоявшаго у вратъ христіанства и совпадающаго въ этомъ пунктѣ съ классическимъ мѣстомъ VII-й главы посланія апостола Павла къ Римлянамъ, это зло радикальное „требуется не частичнаго улучшенія или преобразованія, а цѣлостнаго переворота въ насъ, который можно сравнить только съ новымъ твореніемъ“. Здѣсь и припоминаются слова апостола Павла, что христіанинъ—„новая тварь“ (2 Кор. V, 17; Гал. VI, 15). Такимъ образомъ, въ виду этой грѣховности, и при совершенномъ зна-

ни человекъ часто „не въ силахъ бороться въ исполинской битвѣ долга“, потому что одно знаніе не можетъ сдѣлать слабыя силы крѣпкими, нездоровыя — здоровыми. Стоитъ прочитатъ знаменитую „Исповѣдь“ блаженнаго Августина, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. По словамъ апостола Павла, „законъ святъ, и заповѣдь свята, и праведна, и добра..., а я плотянь, проданъ грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, что не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ. А потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, т.-е. въ плоти моей, доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу... Итакъ, я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствіе въ законъ Божиємъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (Римл. VII, 12, 14—18, 21—24).

И вотъ, тяжкій житейскій опытъ развѣ не свидѣтельствуеть, что, находясь въ средѣ образованныхъ людей, дѣятели, которымъ ввѣрена судьба обществъ и государствъ, не находятъ себѣ надежныхъ въ смыслѣ нравственномъ сотрудниковъ, и развѣ не раздаются ихъ горькія жалобы: „нѣтъ людей“?.. И развѣ рѣдко люди пользуются изощренностью своего ума и обширными свѣдѣніями для совершенія и сокрытія преступленія? Всегда ли многоученость ведетъ за собою съ необходимостью честность и любовь? „Даже въ самыхъ интеллигентныхъ средахъ нерѣдко обнаруживаются со всей отталкивающей насъ силою крайнее своекорыстіе, грубая заносчивость, безпокойная зависть, черная неблагодарность, даже открытое издѣвательство надъ правами и заслугою ближняго, адская мстительность, интриганство, способность къ самой гнусной лжи и клеветѣ изъ-за эгоистическихъ цѣлей и тому подобныя отвратительныя пороки. Обращаясь къ народной средѣ, подвергающейся вліянію научнаго знанія, не близорукіе и честныя

люди не могли же не замѣчать аналогичныхъ указаннымъ явленій. Крайнее себялюбіе, безсердечное отношеніе къ ближнему, страсть къ неразборчивой на средства наживѣ, половая распущенность, пренебрежительное отношеніе къ родителямъ и вообще старшимъ, склонность къ обману и плутовству, способность къ вопіющимъ злодѣяніямъ и вообще нравственная уродливость нерѣдко отмѣчаютъ собою преимущественно тѣхъ лицъ изъ народа, которыя получили сравнительно выдающуюся умственную дрессировку и нахватились тѣхъ или другихъ знаній¹⁾. Посмотримъ на древній міръ въ лучшихъ его представителяхъ, въ мыслителяхъ, честно говорившихъ и мыслившихъ, и услышимъ то же разочарованіе въ силѣ знанія. Какимъ восторгомъ звучитъ рѣчь Цицерона о философіи: „О, философія, руководительница жизни и открывательница добродѣтели и гонительница пороковъ! Мы находимъ убѣжище въ тебѣ, отъ тебя мы ожидаемъ помощи. Мы предаемся тебѣ всѣмъ нашимъ сердцемъ, всецѣло! Къ чьей помощи скорѣе обратиться мнѣ, какъ не къ твоей?!“ Послушаемъ, однако, тѣхъ, кого считаютъ образцами этой философской праведности. Маркъ Аврелій въ своемъ сочиненіи „Къ самому себѣ“ говоритъ: „О, душа моя! можешь ли ты когда-либо сдѣлаться настолько доброй, правдивой, неизмѣнной, чтобы хватило у тебя смѣлости показаться нагою (т. - е. безъ притворства и маски)?“. „Ты скоро умрешь“,—говоритъ онъ дальше себѣ самому,—„и доселѣ ты не сдѣлался ни праведнымъ, ни свободнымъ отъ безпокойствъ и опасенія, чтобы тебѣ не повредило то, что стоитъ внѣ тебя.“ Этотъ разладъ между тѣмъ, что есть и что должно быть, у другого извѣстнаго стоика—Эпиктета вызываетъ горькую жалобу: „Ахъ, покажите мнѣ стоика! Клянусь богами, я жажду видѣть его! Но вѣдь совершенно внѣ вашей власти показать мнѣ человѣка, который бы дѣйствительно былъ отчужденъ (т.-е. законченъ). Покажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, человѣка, который лежитъ въ плавильнѣ, чтобы быть вылитымъ и отчужденнымъ. Окажите мнѣ хотя эту милость. Не откажите же въ этомъ благорасположеніи къ старцу—показать

¹⁾ Проф. Гусевъ: „Религіозность, какъ опора нравственности“.

миѣ зрѣлице, котораго я еще не видѣлъ доселѣ“¹⁾. Впрочемъ, довольно здѣсь сказать одно: вѣдь Сенека, а не иной кто, мудрый и благородный Сенека воспитатель Нерона... Къ этому стоитъ присоединить слова Гете, этого оптимиста, „счастливица и избранника судьбы“, какъ его называли, этого поэта гармоніи. „Стоитъ,—говоритъ онъ,—вдуматься въ угнетенное состояніе, въ бѣдственность нашего времени, и иному часто можетъ представиться, насколько міръ мало-по-малу готовится къ страшному суду. И зло это все болѣе накапливается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Мало того, что мы должны страдать за грѣхи нашихъ отцовъ, мы и сами передаемъ эти унаслѣдованныя прегрѣшенія потомкамъ, подкрѣпляя ихъ своими собственными. Человѣчество, конечно, становится умнѣе и проищательнѣе, но отнюдь не лучше, не счастливѣе и не дѣятельнѣе, или если и становится таковымъ, то только на время. Я предвижу наступленіе времени, когда Богъ болѣе уже не будетъ имѣть никакой радости отъ человѣческаго рода и все твореніе разобьетъ въ прахъ, чтобы всецѣло возобновить его“. Таковы выводы и заключенія тѣхъ, кого идолопоклонники знанія, въ всякомъ случаѣ, не могутъ признать ни невѣждами, ни гонителями просвѣщенія. Все это показываетъ, что, кромѣ знанія, которое, несомнѣнно, необходимо, несомнѣнно же требуется и другая сила, чрезъ которую знаніе могло бы становиться дѣятельнымъ.

Эту силу и думаютъ найти въ государственно-общественныхъ преобразованіяхъ; думаютъ, что они, взятыя сами по себѣ, независимо отъ другой какой-либо силы, независимо, между прочимъ, и отъ какой бы то ни было религіи, способны дать вѣрную основу внутренняго бладенствія царствъ и народовъ. Еще и доселѣ глубоко вѣрятъ въ то, что въ смѣнѣ однихъ реформъ на другія, болѣе жизненныя и плодотворныя, въ широкомъ развитіи и правильной постановкѣ законодательства и устройства общественной жизни можно почерпнуть силу обновленія и возрожденія и спасенія человѣчества. Мы знаемъ въ прошломъ много энтузіастовъ этой вѣры. Свѣт-

1) Мартенсенъ, II, 31, 37.

лья картины рисовались воображенію такихъ вѣрующихъ: улучшаются законы, предусматриваются взаимныя отношенія; подъ вліяніемъ законовъ и реформъ воспитываются люди; хорошее законодательство, въ концѣ концовъ, поставитъ человѣка въ невозможность быть худымъ и порочнымъ, въ невозможность совершить преступленіе... Соціологія дастъ для этого помощь; изучена будетъ психологія массъ и управленіе людьми; урегулированіе ихъ жизни станетъ просто механическимъ, отъ того легкимъ и въ то же время вѣрнымъ и достигающимъ цѣли. Какъ химикъ, зная сродство веществъ и ихъ взаимное вліяніе другъ на друга, можетъ достигнуть путемъ соединенія ихъ того или другого желаемого результата, такъ правитель народовъ, блюститель законовъ, а лучше сказать—само человѣчество будетъ безошибочно управлять своею внутреннею жизнью по тѣмъ или другимъ найденнымъ и подмѣченнымъ законамъ... Преступленій не станетъ, взаимныя отношенія урегулируются, жизнь человѣчества потечетъ ровно и спокойно... Правда, при ближайшемъ разсмотрѣніи предполагаемыхъ мѣръ, въ воззрѣніяхъ на характеръ и сущность нужныхъ преобразованій расходились и расходятся до полной противоположности: одни мечтаютъ объ усиленіи власти, другіе о широкой общественной инициативѣ, считая власть только стѣсненіемъ личности и свободы; иные всѣ упованія возлагаютъ и всѣхъ благъ ждутъ отъ введенія, такъ-называемаго, „правового“ порядка, или общенія имуществъ, господства или ниспроверженія „капитализма“; находятъ и такіе, которые словомъ и дѣломъ хотѣли бы насильственно и вообще во что бы то ни стало уничтожить теперешній строй жизни, какъ зло, и на мѣсто его создать другой, а то и никакого—анархію; при этомъ и анархія одна—въ воззрѣніяхъ западно-европейскихъ, до убійства „такъ себѣ“ никому не мѣшавшей и жившей благотворительностью престарѣлой императрицы, другая—въ воззрѣніяхъ русской толстовщины и т. п. Тѣмъ не менѣе, при всемъ этомъ разнообразіи стремленій и предполагаемыхъ мѣръ, остается вѣра въ то, что стоитъ только дать тотъ или другой желанный строй жизни человѣчеству, и оно исцѣлится отъ своихъ язвъ и заживетъ счастливою жизнью.

Такъ говорили и говорятъ восторженные теоретики и мечтатели, но совершенно обратному учить жизнь и исторія всякаго, имѣющаго глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать.

Увы, лѣтописи міра громко проповѣдуютъ ту истину, что въ то время, какъ всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, въ томъ числѣ законодательство и правленіе, достигли высшаго развитія, въ то же время и зло, живущее въ природѣ человѣка, развивалось со свойственной ему силою и обнаруживалось разложеніемъ нравовъ, потрясая и сокрушая самыя внутреннія основанія общественнаго благоденствія и счастья, — все, что было созидаемо въ теченіе вѣковъ напряженною дѣятельностью дѣлаго ряда поколѣній. Положеніе Сократа: „знаніе есть добродѣтель“, какъ извѣстно, Аристотель дополнилъ тѣмъ, что къ силѣ знанія считалъ нужнымъ прибавить и силу привычки, которая удерживала бы въ людяхъ какъ бы накопившееся добро. Вслѣдъ за этимъ мнѣніемъ древности то же повторяли многочисленные голоса и новаго времени. Опытъ, однако, показываетъ иное. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ долговременнаго воздѣйствія законовъ и общественнаго строя силою привычки и внѣдреннаго обычая удерживалось добро; но тою же силою привычки удерживалось и зло, также дѣлаясь „второю природою“ и обращая въ органы служенія себѣ и умъ, и волю человѣка. Оттого и случалось не разъ, что эпохи высшаго научнаго и государственнаго развитія народовъ совпадали съ эпохою высшаго развращенія ихъ нравовъ и часто служили началомъ ихъ гибели и паденія. А вѣдь, повидимому, должно было случиться какъ-разъ наоборотъ... Между тѣмъ, вотъ факты. Царство Соломона, блиставшее славою, мудростью и богатствомъ, вслѣдствіе нравственнаго разложенія, привело народъ къ раздѣленію, потомъ къ гибели. Вавилонъ, этотъ млатъ всея земли, по выраженію пророка (Іерем. L, 22), погибъ въ грубой чувственности и порокахъ непосредственно послѣ всемірнаго могущества. Та же судьба постигла въ свое время и Египетъ и Ассирію. Древняя Персія, достигши міроваго господства, измѣнила вошедшей въ свое время въ пословицу чистотѣ своихъ нравовъ—и пала. Спарта, Аѣины и древне-греческія республики послѣ расцвѣта силъ

стали клониться къ упадку,—а у нихъ ли не испробованы были всё способы управленія? Между тѣмъ, извѣстенъ жалкій конецъ развратившейся и продажной Спарты, нѣкогда неподкупной, славной своими нравами, извѣстно свидѣтельство ученаго грека Полибія о томъ, что въ его время не было среди его соотечественниковъ чловѣка, которому бы при всѣхъ клятвахъ и распискахъ можно было повѣрить хоть два обола... Царствованіе Александра Македонскаго, это совмѣщеніе всего блистательнаго, могущественнаго, ученаго, было вмѣстѣ съ тѣмъ совмѣщеніемъ всего безумно-роскошнаго, сладострастнаго, грубо-деспотическаго, и едва пережило себя. Блистательный вѣкъ Людовика XIV, вѣкъ всего изящнаго, утонченнаго, вѣкъ расцвѣта поэзіи и философіи, какъ извѣстно, были вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ самаго глубокаго и сильнаго развращенія, заражавшаго всю Европу, и предварилъ ужасы революціи ¹⁾. Древній Римъ, безъ сомнѣнія, по словамъ своего національнаго поэта, отличался особымъ умѣньемъ „править народами“ (Виргилій); Римъ служилъ и доселѣ служитъ образцомъ законодательства, онъ и самъ пережилъ самые разнообразныя виды управленія. Однако, тяжело смотрѣть на картину его нравовъ, которую рисуетъ не Гораций, Ювеналь или Персій, способные, быть-можетъ, сгущать краски въ своихъ сатирахъ, а трезвый Сенека: „Все полно разврата и преступленія, ежедневно теряется стыдъ, порокъ не скрывается болѣе, а явно выступаетъ предъ глазами всѣхъ. Развратъ сдѣлался до того открытымъ и такъ исполнилъ сердца всѣхъ, что невинность не только рѣдка, но ея совсѣмъ нѣтъ“. Брутъ съ восклицаніемъ: „добродѣтель, я думалъ, что ты значишь что-нибудь, но теперь вижу, что ты—одна тѣнь“, бросился на свой мечъ и убилъ себя. Тацитъ говоритъ, наконецъ, что въ Римѣ „добродѣтель стала порокомъ“. По словамъ Марка Аврелія, „вѣрность и честность, справедливость и истина отлетѣли на небо“. Эти женщины, считавшія мужей по консуламъ; эти знатныя матроны, во избѣжаніе наказанія, налагаемаго за прелюбодѣяніе, записывавшіяся въ оффиціальныя списки падшихъ жен-

¹⁾ Пятницкій: „Нравственное богословіе“, стр. 37.

щинъ, которымъ развратъ былъ позволенъ; эти времена, при которыхъ возможны были Тиверіи, Калигулы, Клавдіи, Агриппины, Мессалины, Нероны, „изобрѣтатели преступленій“,—все это составляетъ яркую иллюстрацію къ огненно-обличительнымъ словамъ апостола Павла, рисующаго картину древняго міра въ посланіи къ Римлянамъ. И все это было при славномъ законодательствѣ... Тяжело, значить, жилось, когда философы восклицаютъ: „лучшее счастье—никогда не родиться“; когда Плиній говоритъ: „прекраснѣйшій исходъ изъ жизни—лишить себя жизни“; когда Сенека, первый министръ, славный именемъ, обладатель состоянія въ 16 милліоновъ рублей на наши деньги, поучаетъ: „цѣль всякой философіи—научить презирать жизнь“. „Видишь ли ты, говоритъ онъ, тѣ крутыя высоты? Оттуда внизъ—дорога къ свободѣ... Видишь ли ты то море, ту рѣку, тотъ колодезь? Тамъ, въ ихъ глубинѣ, живетъ свобода. Видишь ли ты то низкое сухое дерево? Тамъ, на немъ виситъ свобода. Видишь ли ты свое горло, свое сердце? Это мѣсто для кинжала, мѣсто спасенія противъ рабства“. У Плутарха читаемъ: „Приди, смерть, приди, смерть, вѣрный врачъ нашихъ золъ; ты—пристань всѣхъ людей отъ бури страданій“. Оттуда, изъ Рима, перенеситесь въ современность: говорить ли о подкупахъ, подлогахъ, измѣнахъ, шпіонствѣ, о страшной путаницѣ нравственныхъ понятій, о полной невозможности, за множествомъ лжи и взаимныхъ извѣтовъ, узнать праваго и виноватаго, что мы нынѣ видимъ въ Европѣ и у себя дома при всѣхъ „правовыхъ“ порядкахъ, при всемъ господствѣ „великихъ идей“, „великихъ реформъ“ и т. д. Такъ, при самомъ лучшемъ, гуманнѣйшемъ и справедливѣйшемъ законодательствѣ всегда найдутся люди, которые, пользуясь этимъ же законодательствомъ, дѣлаютъ его средствомъ нечистой наживы, оправданія преступленія въ судахъ, и чрезъ это—орудіемъ народнаго развращенія. Это, кажется, такъ понятно и такъ бросается въ глаза, что излишне называть и явленія жизни и учрежденія законодательныя... Всякій, кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ за жизнью, знаетъ, что такія слова, какъ: законъ, любовь, милость, правда, свобода, братство, гуманность, великодушіе и т. п.,—все, за что человѣчество полагало душу, нерѣдко обращается въ прикры-

тѣ зла, опошляется въ устахъ людей и не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ красиваго слова и весьма некрасиваго намѣренія...

Нѣтъ, никакое законодательство внѣшнее, если оно не опирается на законодательство внутреннее, нравственное, если оно не освящено высшимъ Божественнымъ авторитетомъ, никогда не приведетъ человѣка къ счастью, не упорядочитъ его жизни, не дастъ ему вѣры въ будущее торжество добра надъ зломъ,—а безъ этой вѣры жизнь человѣка и жалка, и бессмысленна... Есть отношенія, есть стороны жизни, гдѣ внѣшнее законодательство бессильно. Поступки человѣка—плодъ его мысли, его сердечнаго настроенія и направленія; праведность, къ которой мы стремимся, не есть только праведность дѣйствія, но и чувства, которое является душою всего внѣшняго разнообразія дѣйствій. Нужно получить доступъ въ эту сокровенную внутреннюю область, чтобы изъ нея, какъ изъ исходнаго пункта, управлять внѣшними дѣянїями. Но эта область закрыта для внѣшняго закона. Юридически нельзя упорядочить отношеній мужа и жены, отцовъ и дѣтей, братьевъ и сестеръ, старшихъ и младшихъ въ семьѣ и въ жизни; внѣшнимъ закономъ нельзя внушить любви, уваженія и повиновенія по совѣсти, а не по страху; подъ статью закона нельзя подвести нечистой мысли, грязнаго желанія, завистливаго намѣренія, зложелательства и корня зла—себялюбія. Внѣшнему закону всегда суждено будетъ имѣть дѣло только съ внѣшними же обнаруженїями дѣятельности человѣка. Только нравственно-религіозное Божественное законодательство имѣетъ полноту власти войти въ духъ, въ сердце, оно властно сказать повелительное „не помысли“, „не пожелай“; оно уполномочено потребовать: „сынъ мой,—дай мнѣ твое сердце, и всякимъ храненїемъ храни свое сердце, ибо въ немъ исходище жизни“... Только оно, вмѣсто того, чтобы сразу пересозидать общество и человѣчество, пересозидаетъ сначала каждое отдѣльное сердце каждаго отдѣльнаго человѣка, и тѣмъ безошибочно можетъ улучшить и общество. Это законодательство, дѣйствительно, можетъ уничтожить не одни листья дурныхъ растений, но самый ихъ корень: и это потому, что въ своей созидательной дѣятельности оно поль-

зуются не одними только человѣческими, ненадежными средствами.

Человѣкъ внутренно поврежденъ грѣхомъ, этимъ „радикальнымъ зломъ“, какъ называетъ его философія; такимъ образомъ, причина зла лежитъ глубоко въ самомъ человѣкѣ, и причина не внѣшняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая внутренняя, заключающаяся въ ненормальномъ состояніи самой нашей природы. Зло дѣйствуетъ уже въ ребенкѣ.... Очевидно, самъ человѣкъ избавить себя отъ такого зла не можетъ, потому что и въ наукѣ и въ законодательствѣ не уйдетъ онъ отъ себя, не уйдетъ отъ грѣховности, своего постоянного спутника. Нужна сила Божественная, чрезвычайная, нужно возрожденіе грѣховнаго духа и омовеніе его въ очистительныхъ водахъ благодати,—а все это даетъ и даетъ христіанство. Въ естественномъ своемъ состояніи и въ отдѣльности отъ религіи христіанской человѣчество никогда не достигнетъ прочнаго и твердаго нравственнаго улучшенія, сколько бы ни напрягало къ тому естественныхъ силъ ума и искусства; таковъ выводъ всей исторіи древняго міра, голосъ всего дохристіанскаго человѣчества. „Нужно, говорилъ Сократъ, ожидать того, кто,—Богъ ли онъ, или одушевленный Богомъ человѣкъ,—научить насъ религіознымъ обязанностямъ, взаимнымъ добрымъ отношеніямъ и прогнать мракъ отъ очей нашихъ“. По словамъ Платона, „не быть на землѣ порядку, развѣ придетъ Богъ подъ образомъ человѣка и разъяснить намъ наши отношенія къ Нему и наши взаимныя обязанности“ ¹⁾. Даже индѣйцы вѣровали, что въ концѣ грѣховнаго вѣка Богъ явится на землѣ во плоти, растерзаетъ великаго змія, врага людей, устроитъ великое царство, истребитъ все зло на землѣ и возстановитъ то счастливое время, которое было на землѣ, когда люди еще не согрѣшали ²⁾. Въ Римѣ поэтъ Виргилій воспѣвалъ имѣющаго родиться Младенца: „Онъ будетъ жить жизнью безсмертныхъ, Онъ будетъ вселенною править; миръ вѣчный устроитъ Божественный Отрокъ“. „Подъ

¹⁾ Шикоппъ: „Апологет. бесѣды“, стр. 46.

²⁾ Геттингеръ: „Аполог. Христова“, I, 236

твоимъ покровомъ,—обращается къ Нему поэтъ,—изгладится всякій слѣдъ нашего преступленія, и земля освободится отъ вѣчныхъ тревогъ“¹⁾.

Такъ общечеловѣческое сознание говорило, что своими собственными силами люди не могутъ сдѣлаться чистыми сердцемъ. Человѣчество ждало искупленія. Для достиженія нравственнаго совершенства намъ нужно стоять на совершенно независимой отъ врожденной грѣховности почвѣ, внѣ нашего естественнаго я. Архимедъ сказалъ: „дайте мнѣ опорный пунктъ внѣ земли, и я поверну всю землю“. Вотъ этого-то опорнаго пункта, этого рычага для того, чтобы повернуть, измѣнить, возродить себя, человѣкъ, поврежденный глубоко и внутренне грѣхомъ, не находитъ въ себѣ, но находитъ его въ чистой и могучей религіи Христа, искупившаго людей и даровавшаго имъ чрезъ вѣру силы высія, благодатныя,— всѣ потребныя Божественныя силы, яже къ животу и благочестію (2 Петр. I, 3). По словамъ поэта (Шиллера),

«Божество вы въ вашу воспрямите волю,
И оно сойдегъ къ вамъ съ міроваго трона».

И когда Оно было воспринято, совершилось то, чего не могъ сдѣлать древній міръ со своею философіей и государственною жизнью: человѣчество процвѣло великимъ сонмомъ праведныхъ, преподобныхъ, самоотверженныхъ, чистыхъ и святыхъ... Воистину, *новая* сила сошла къ людямъ и во всѣхъ возрастахъ, полахъ, званіяхъ и состояніяхъ дала величайшихъ представителей и героевъ нравственности. Въ христіанствѣ почерпнуло силы обновленія и возрожденія древнее человечество: въ христіанствѣ же оно найдетъ ихъ и теперь; этихъ силъ не изжить, не исчерпать. Оно вѣдъ и теперь то же, чѣмъ было при первомъ своемъ появленіи въ мірѣ: „Христось Исусъ вчера и днесъ, той же и во вѣки (Евр. XIII, 8); Я съ вами, сказалъ Христось, во всѣ дни до скончанія вѣка“ (Мф. XXVIII 20).

Не въ углу (Дѣян. XXVI, 26), не въ скрытомъ мѣстѣ совершилось спасеніе міра: его видѣли и испытали всѣ народы.

¹⁾ Рождественскій; „Апологетика“, II, 374.

Не на небѣ, не за моремъ это слово спасенія: оно „въ устахъ нашихъ, оно въ сердцѣ нашемъ, чтобы исполнить его“ (Второз. XXX, 11—14). Даже древній язычникъ Софокль въ своей „Антигонѣ“ говоритъ о какомъ-то „неписанномъ и неразрушимомъ“ законѣ религіи и нравственности: „онъ ни отъ сегодня, онъ ни вчера, онъ живетъ во вѣки, и никто не знаетъ, откуда онъ“. Выразительнѣе же всѣхъ объ этомъ сказалъ древній христіанскій учитель—Тертуллианъ: „душа—по природѣ христіанка“, и рано или поздно она къ нему обратится, какъ блудный сынъ къ отцу послѣ скитаній по распутіямъ міра. Блаженный Августинъ, опытно познавшій и грѣхъ, и благодать возрожденія, обращается къ Богу съ такою молитвою: „Ты сотворилъ насъ для Тебя Самого: посемя и мятется наше сердце, пока не обрѣтетъ Тебя“. Святитель Василій Великій говоритъ, что любовь и стремленіе къ Богу такъ глубоко вкоренены въ насъ, что отказаться отъ нихъ даже при всемъ желаніи человѣчество не можетъ, ибо „вмѣстѣ съ устроеніемъ живого существа, разумѣю человѣка, вложено въ насъ природенное стремленіе, въ себѣ самомъ заключающее побужденіе къ общенію съ Богомъ“.

И если современное образованное человѣчество желаетъ свой вѣкъ сдѣлать вѣкомъ врачеванія старыхъ ранъ и исправленія старыхъ ошибокъ, то залогомъ исправленія старыхъ немощей и залогомъ будущаго обновленія жизни оно должно избрать обращеніе къ Богу, ко Христу и къ Церкви. И снова повторится тогда великое чудо исцѣленія разслабленнаго... Ибо въ христіанствѣ и теперь тотъ же духъ, та же жизнь, что дарована ему на вѣчные вѣки. Своимъ небеснымъ свѣтомъ оно и наукѣ поможетъ въ ея изслѣдованіяхъ и предохранитъ ее отъ опрометчивыхъ выводовъ; своимъ духомъ оно согрѣетъ и воодушевитъ государственное и общественное законодательство и дастъ ему величайшее достоинство авторитетности и силу внутренней обязательности; свою жизнью оно обновитъ нашу жизнь земную, освѣтитъ и облаженствуетъ загробную. Слишкомъ ужъ много боролся новый Прометей противъ Божества, и слишкомъ много накопилось у него и горечи, и разочарованія: исцѣленіе будетъ въ самой болѣзни, которая надежнѣе

всего научить смиренію, научить искать вышей помощи и принять ее не духомъ гордыни и отрицанія, свойственнымъ научному самомнѣнію или сектантскому христіанству, а духомъ любви и смиренія, свойственнымъ истинной Христовой Церкви. И только въ этой помощи, предлагаемой въ христіанствѣ, усталая мысль и истомленная жизнь человѣчества найдетъ возрожденіе; только при ней мы, по словамъ апостола, „въ обновленіи жизни ходити начнемъ“ (Римл. VI, 4), и среди несовершенствъ міра будемъ почерпать силы жизни и утѣшенія въ томъ отрадномъ вѣрованіи, что, по неложному обѣтованію христіанства, мы увидимъ въ грядущемъ новое небо и новую землю (2 Петр. III, 13), гдѣ будетъ жить вѣчная правда. Истина—въ Иисусѣ, говоритъ апостоль (Ефес. IV, 2). Во Христвѣ „сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія“ (Кол. II, 3). Онъ и доннынѣ стоитъ предъ міромъ и глаголетъ: „Я есмь путь и истина и жизнь“ (Іоан. XIV, 6); „Приидите ко Мнѣ всѣ“ (Мѣ. XI, 28).

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Въ этотъ томъ вошли поученія мои, сказанныя за время служенія съ 1889 г. по 1900 г., въ званіи приходскаго священника и законоучителя гимназіи. Этотъ періодъ моеѣ службы былъ наиболѣе обилень проповѣдническими трудами, ибо я говорилъ поученія, буквально не опуская ни одного воскреснаго и праздничнаго дня. Но именно въ этотъ періодъ я очень мало печаталъ свои поученія въ журналахъ. Вся масса сохранившася въ рукописяхъ матеріала, накопившагося за это время, еще ждетъ изданія въ будущемъ. Предполагаю сдѣлать это въ дополнительныхъ томахъ.

Протоіерей *І. Восторговъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-го тома.

Стр.

Предисловіе

1889 г.

1. Пастырь и пасомые. (При первомъ служеніи въ приходѣ поселка Кирпильскаго, Кубанской обл., 20 авг.) 1

1890 г.

2. Пастырскіе завѣты. (При прощаніи съ приходомъ пос. Кирпильскаго, Кубанской обл., 6 октября) 5
3. Евангельскія блаженства. (Въ день св. Николая 6 дек. въ церкви Ставропольской муж. гимназіи)..... 8
4. Боговдохновенность св. евангелія. (На актѣ Ставропольской дух. семинаріи) 14

1891 г.

5. Христось въ христіанинѣ. (Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы) 31
6. Жажда духа. (Въ день коронаціи и въ пради. Преполовенія 15 мая) 35

1892 г.

7. Уроки стараго и новаго года. (На Новый годъ въ Ставроп. кафедр. соборѣ по случаю голода въ 30 губерніяхъ) 39
8. Безсмертіе. (Въ день Срѣтенія Господня) 44
9. У гроба добраго отроиа. (При погребеніи Бориса Чаленко, уч. III кл. гимназіи)..... 47

1893 г.

10. Усердіе труда. (Предъ началомъ ученія на молебнѣ 20 августа) 50
11. Хорошій ученикъ. (Въ день годовщины открытія Ставроп. муж. гимназіи 18 октября) 53

1894 г.

12. Значеніе семьи. (При вѣнчаніи преподавателя Н. Е. К. и Н. Г. К. въ гимназ. церкви 23 января) 59
13. Миръ душевный. (Въ день Срѣтенія Господня) 62
14. Подражаніе святымъ. (Въ день великомуч. Паптегенмона въ ст. Крымской, Кубанской обл., 27 іюля) 64
15. Великое призваніе Русскаго народа. (Въ пради. Казанской иконы Богоматери въ ст. Крымской 8 іюля) 69
16. Чудеса вѣры православной. (Въ день св. Владимира въ ст. Крымской 15 іюля) 73
17. Причина болѣзаней. (Въ нед. 6-ю—17 іюля въ ст. Крымской) 78
18. Храмъ—жилище Господа. (Въ день Смоленской иконы Богоматери 28 іюля въ ст. Крымской) 82

	Стр.
19. Храмъ. (Въ праздникъ Покрова Богоматери)	85
20. Почитаніе Богоматери. (Въ праздни. Казанской иконы Богоматери 22 окт. въ Ставроп. кафедр. соборѣ)	87
21. Привѣтъ прощальный. (При прощаніи съ учениками Ставроп. муж. гимназіи 6 ноября)	92
22. Благодарный привѣтъ. (На привѣтствіе ктиторъ храма и сослуживцевъ Ставроп. гимн., послѣ поднесенія образа Спасителя)	95
23. Къ новой юной паствѣ. (При первомъ служеніи въ Елисаветпольской гимн. 14 ноября)	96

1895 г.

24. Христіанство жизненное. (Въ день св. кн. Владиміра казакамъ въ ст. Крымской)	99
25. Трудъ учителя. (Памяти усопшаго 25 окт. сослуж. В. І. Борковскаго, предъ панях. въ кругу сослуживцевъ)	103

1896 г.

26. „Хорошій человекъ“. (На погребеніи инспектора нар. учил. Елисаветп. губ., пр.-доц. Новоросс. унив. М. А. Шульгина, 8 янв.)	107
27. Памяти Царя-Миротворца. (Предъ панях. 20 окт. въ Елисаветп. гимн.) ..	112

1897 г.

28. Посѣщеніе храма. (Въ нед. 8-ю въ ст. Ново-Александровской, Куб. обл.) ..	117
29. Трудъ земледѣльца. (Въ нед. 10-ю въ ст. Ново-Александр. 10 авг.)	121

1898 г.

30. Величіе человека. (Въ праздни. Св. Духа и день рожд. Госуд. Импер. Александры Феодоровны 25 мая въ Тифл. военн. соборѣ)	125
31. Усердіе труда. (Предъ началомъ ученія въ 1-й Тифл. женской Вел. Книжки Ольги Феодоровны гимн.)	131
32. Поминанъ Господа Іисуса. (Въ день Воздвиженія Креста Господня, въ 1-й Тифл. гимн.)	135
33. Христіанское равенство. (Въ нед. 16-ю по Пятидесятницѣ)	140
34. Трудъ. (Въ нед. 17-ю по Пятидесятницѣ)	145
35. Трудъ христіанскій. (Въ нед. 18-ю по Пятидесятницѣ)	149
36. Лукавство лѣности. (Въ нед. 19-ю по Пятидесятницѣ)	154
37. Отрицательная нравственность. (Въ нед. 20-ю по Пятидесятницѣ)	159
38. Отвѣтственность за трудъ. (Въ нед. 21-ю по Пятидесятницѣ)	162
39. Характеръ христіанской нравственности. (Въ нед. 22-ю по Пятидесятницѣ) ..	167
40. Служеніе отечеству. (Въ день восшествія на прест. Государа Императора) ..	173
41. Историческое призваніе Россіи. (Въ день Казанской иконы Богоматери въ Тифл. военн. соборѣ)	175
42. Христіанство, манъ свѣтъ міру. (Въ праздни. Богоявленія въ Тифл. военн. соборѣ)	180

	Стр.
43. Свобода. (Въ под. о блудн. смѣтѣ въ Тифл. гимн.)	185
44. Благо личное и общее. (Въ праздн. Срѣтенія въ Тифл. гимн.)	190
45. Величіе человѣка. (Въ праздн. Св. Духа въ Тифл. 1-я женск. гимн.)	193
46. Общецерковное пѣніе. (28 сент. въ Тифл. 1-я женск. гимназія)	200
47. Свѣтлый юбилей. (Въ день тезоим. и 50-лѣтн. юбилея Предс. Госуд. Сов. Вел. Кн. Михаила Николаевича 8 ноября въ Тифл. гимн.)	204
48. Повиновеніе. (Слово въ царскій день)	207
49. Христіанство и социальный вопросъ. (На перв. засѣданія Попечит. Общества о Домѣ трудолюбія въ Тифлисѣ)	214
50. Благотворительность и трудъ. (При открытіи Дома трудолюбія въ Тифлисѣ 1 ноября)	218
51. Дѣтство. (При откр. Тифл. „Об-вомъ попеченія о дѣтяхъ“ Дома прваріи дѣтей 13 дек.)	224

1899 г.

52. На порогѣ XX вѣка. Силы обновленія жизни. (Въ день Нового года) ...	229
53. Святое дѣтство. (Дѣтямъ-школьникамъ за вечерней, передъ алкой, на „Колычей Балкѣ“ въ Тифлисѣ 8 янв.)	236
54. Вѣра и знаніе. (При откр. въ Тифлисѣ публ. лекцій по общобраз предм. 26 янв.)	240
55. Подвигъ спасенія на водахъ. (На молебствіи по случаю 25-лѣтія Тифл. окр. Правл. Импер. Россійск. Об-ва спасенія на водахъ 28 февр.)	250
56. Помощь голодающимъ. <i>Завѣтъ Христовъ</i> . (Въ Великій Пятокъ, предъ сборомъ пожертв. въ пользу дѣтей-школьн., въ Тифл. 1-я женск. гимн. 16 апр.)	255
57. Помощь голодающимъ. <i>Званіе христіанское</i> . (Въ нед. о самаряниѣ, при сборѣ пожертв., въ Тифл. 1-я женск. гимн. 16 мая)	259
58. Памяти А. С. Пушкина. <i>Вѣчное въ творчествѣ поэта</i> . (При поминов. А. С. Пушкина въ день 100-лѣтія со дня его рожд. въ Тифл. 1-я женск. гимн. 26 мая)	266
59. Памяти А. С. Пушкина. <i>Идеализмъ въ жизни</i> . (Въ праздн. Вознесенія въ Тифл. 1-я женск. гимн. 27 мая)	287
60. Памяти А. С. Пушкина. <i>Завѣты поэта</i> . (На мол. выпускн. воспит. Тифл. 1-я женской гимн. 12 іюня)	290
61. Добро ли намъ здѣ быти? (Въ праздн. Преображенія)	296
62. Обученіе и воспитаніе. (Предъ началомъ ученія въ Тифл. 1-я женской гимн. 31 авг.)	300
63. Кресть и храмъ. (При закладкѣ церкви въ Тифл. 1-я женск. гимн. 14 сент.)	305
64. Судъ земной. (На молебствіи въ собраніи Тифл. суд. палаты и окр. суда по новоду объявл. Высоч. благодар. чин. суд. вѣд. 19 сент.)	307
65. Царственный Страдалецъ. (Памяти усопшаго Наслѣдника Цесаревича и Вел. Кн. Георгія Александровича 28 сент.)	313
66. Забота о русскихъ переселенцахъ. (Привѣтствіе мин. землед. А. С. Кривонову на пересел. пунктѣ Верѣ 29 сент.)	315
67. Культура. (При откр. выст. сел.-хоз. учебно-научн. дѣла въ Военно-истор. музей 12 окт.)	316

68. Пшеница и плевелы. (При откр. публ. лекцій средне-учебн. курса 8 ноября)	319
69. Любовь Божественная въ Боговоплощеніи—призывъ къ любви человѣческой. (Въ праздн. Рождества Хр., при сборѣ пожертв., въ Тифл. 1-й женской гимн.)	321
70. Памяти Д. В. Григоровича. († 22 декабря 1899 г.). (На панн. въ Тифл. 1-й женск. гимн. 26 дек.)	324

1900 г.

71. Тайна обаянія великаго полководца. (Въ день 100-лѣтія смерти А. В. Суворова 6 мая въ Тифл. военн. соборѣ)	327
72. Крестъ наперсный. (Отвѣтная рѣчь при поднесеніи креста 21 мая)	334
73. Русская идея. (При откр. Тифл. отд. Об-ва ревнит. русск. истор. просв. въ память Импер. Александра III 25 мая)	336
74. Школа у русскихъ переселенцевъ. (Крестьянамъ и школьн. при откр. нач. школы въ русск. посам. въ Каразазахъ 21 окт.)	343
75. Молитва за Царя. (Въ день рожд. Госуд. Импер. Маріи Феодоровны въ Тифл. Александро-Невск. соборѣ 14 ноября)	347
76. Печатное слово. (На молебствіи въ ред. газ. „Кавказъ“ 14 ноября)	350
77. Праздникъ вѣры и радости. (Рождественская статья. 25 декабря)	354
78. Памяти К. Д. Ушинскаго. (Въ церкви Тифл. 1-й женской гимназіи)	360
79. Женщина-христіанка. (Въ пед. о разслабленномъ, по поводу послѣдняго служенія въ церкви Тифл. 1-й женск. гимн.)	364
80. Близость Бога: съ нами Богъ. (При освящ. новой церкви при Тифл. 1-й женск. гимн.)	372
81. Силы обновленія жизни. Къ новому году и новому XX вѣку. (Статья, представляющая подробное раскрытіе новогодней проповѣди)	374
82. Послѣсловіе.	391

Полное собраніе сочиненій протоіерея Иоанна Восторгова

Том 1

Репринтное изданіе

Художникъ Никитин Ю. Я.

Подписано к печати 02.03.95. Формат 60 x 90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25. Тираж 10000 экз.
Заказ 12.

Издательство "Царское Дѣло".

193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

Изд. лицензія ЛР № 063816 от 05.01.95 г.

АО "Санкт-Петербургская типографія № 6".
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.